

М. Горькій.

Несвоевременныя мысли.

Замѣтки о революціи и культурѣ.

„КУЛЬТУРА и СВОБОДА“

Просвѣтительное О-во въ память 27-го февраля 1917 года
Петроградъ, Лиговская ул., 3

Москва Советский писатель 1990

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Отд. № 10 в Петербург и пров. 25 К
у гоним. и в Косах

НОВАЯ ОДОВЖА

РЕДАКЦИЯ

Шпалерная, 26. — Телеф. 23

СЕКРЕТАРЬ при изд., кроме праздн. отъ 4-5 ч.

Принимает корреспонденцию и не по почте посылки
по адресу: Шпалерная, 26, редакция газеты

ГЛАВНАЯ КОНТОРА

Новский пр., 64. — Телеф. 683

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ

Тверская ул., Телеф. — Славян. № 1-2. со. со.
Телефон № 1-45-07.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

2 нѣд. — 1 руб. 75 коп. 1 нѣд. — 4 р.

Всѣмъ адресъ 75 коп.

Всѣмъ подпискамъ только съ 1 и 1 ч.

ТАРИФЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ:

1-я стр. — 2 р. послѣд. стр. — 1 р. 25 к. кит.

об. по (всѣмъ) — 1 р. на 1 стр. предъ тр.

40 н. стр. предъ об. не больше 6 стр. — 75 к.

Телефонъ № 113-63.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА открыта отъ 10 до 4 ч.

Отд. № 10 открыта на Воззалахъ № 1, Д. 30

ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

№ 185 (179).

Воскресенье, 19 ноября (2 декабря) 1917 года.

№ 185 (179).

Перспективы мира.

Одни начинают переговоры
съ центральными державами о
тѣхъ перемирія и выработки
мирнаго договора.

Но чѣмъ вѣроятнѣе, что перемиріе
итальянское будетъ заключено и для
открытій «мирнаго періода»,
какая страна, разъ прекративъ
бѣдственную войну, никакой сп-
будетъ кончить вновь на бой.

Въ Россіи нѣтъ сейчасъ войска, кото-
рое хотѣло бы и могло сражаться,
нѣтъ солдатъ, которымъ были бы ясны
и близки цѣли войны.

Скорѣйшій миръ — вотъ въ чемъ спа-
сенье страны и революція. Ради него
всѣ социалистическія партіи должны
активно поддержать всѣ дѣйствія, на-
правленные къ заключенію перемирія
и открытію мирныхъ переговоровъ.
Активное участіе социалистическихъ
партій въ немедленной ликвидаціи вой-
ны внесетъ необходимый элементъ кон-

Несвоевременныя мысли.

Въ „Правдѣ“ напечатано:
„Горькій заговорилъ языкомъ враговъ
рабочаго класса“.

Это — не правда. Обращаясь къ
наиболѣе сознательнымъ представите-
лямъ рабочаго класса я говорю:

Фанатики и легкомысленные фанта-
зеры возбуждаютъ въ рабочей массѣ на-
дежды неосуществимыя при данныхъ
историческихъ условіяхъ. Успокоить

естественное ликование въ Смоль-
«сферахъ» и наполняетъ гордостью
чальствонныхъ сердца. Но всякого
лонѣе, не видя въ ошленившаго сво-
разной атмосферой Смольнаго, ни
эта скороналитальная предупреди-
ность австро-германскихъ властей
водить въ очень невеселымъ ра-
шления.

Вуракуныя газеты уже вопятъ
томъ, что между Германіей и Союзомъ
Народовъ Комиссаровъ гарантіе
стоялось логическое, что народнымъ

М. Торькій.

Несвоевременныя мысли.

Замѣтки о революціи и культурѣ.

КУЛЬТУРА И СВОБОДА“

Складъ изданій: Петроградъ. Лиговская ул. № 3.

Москва • Советский писатель • 1990

Вступительная статья, публикация,
подготовка текста и комментарии

И. ВАЙНБЕРГА

*На фронтисписе фото М. Горького 1917—18 года
работы М. Наппельбаума*

*На первом форзаце воспроизведена часть газеты
«Новая жизнь» со статьей М. Горького*

*На втором форзаце даны фотографии приезда
Горького в СССР из Италии и встреча на
Белорусском вокзале*

Художник
В.А. МЕДВЕДЕВ

Г $\frac{4603020101-352}{083(02)-90}$ КБ —13—34—90

ISBN 5—265—02154—X

© Издательство
«Советский писатель», 1990

ГОРЬКИЙ, ЗНАКОМЫЙ И НЕЗНАКОМЫЙ

Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри.

А. И. Герцен

Что правда для человека, как лица, то пусть останется правдой и для всей нации.

Ф. М. Достоевский

Надобно смотреть прямо в глаза суровой правде,— только знание этой правды может восстановить нашу волю к жизни...

А всякая правда должна быть сказана вслух на поучение наше.

М. Горький

Жернова истории мелют медленно, но верно: время ставит все на свое место. Восстанавливается полная правда о прошлом. Возвращаются читателю из трагического долголетнего забвения имена общественных и государственных деятелей, историков и философов, прозаиков и поэтов...

К сожалению, немало «белых пятен» осталось в творческих биографиях известных художников, классиков со-

ветской литературы, чьи произведения вошли в сокровищницу мировой культуры. Не является исключением в этом отношении и наследие А. М. Горького.

Со школьной скамьи мы приобщаемся к творчеству Горького — буреви́стника революции, певца гордых и сильных героев-борцов, первооткрывателя образа революционера-пролетария, глубокого исследователя тайн человеческой души, создателя ярких и своеобразных народных характеров, обличителя мира насилия и психологии мещанства, великого гуманиста, просветителя-подвижника. Горький разносторонен и многогранен. Вероятно, именно по этой причине на протяжении многих лет читателей — друзей Горького — не покидало ощущение неполноты знания о писателе, о реальном объеме его литературного наследия и сложности пройденного им творческого пути. И это несмотря на то, что произведения Горького постоянно издаются огромными тиражами, выходят многотомные собрания его сочинений (вместе с вариантами и черновиками), опубликована значительная часть огромного эпистолярного наследия писателя, в театрах ставятся его пьесы, инсценируются и экранизируются романы, повести, рассказы... Однако, несмотря на все попытки шире и глубже представить место Горького в отечественной духовной культуре, творческий путь его в атмосфере догматизма и общественного застоя неизбежно выпрямлялся, а образ — канонизировался. С годами утверждался поверхностный, односторонний взгляд на проблемы творчества Горького, особенно на его сложные и противоречивые произведения. (Оборотной стороной медали является нынешнее — все более заявляющее о себе — модное поветрие: в попытке освободиться от иконописного лика, представляют Горького лишь в неприглядно-негативном облике. И то и другое — верхоглядство и неправда, в неверном свете представляющие многогранный образ великого художника и человека.)

Чтобы в корне изменить это положение, необходимо прежде всего представить творчество Горького в полном объеме, во всем многообразии идейно-художественных и этических исканий писателя, без лакировки, «белых пятен», искажающих историческую правду, нашу духовную историю. Достаточно сказать, что даже горьковский мемуарный очерк о В. И. Ленине до сих пор выходит с искажающими смысл купюрами и не соответствует подлинному авторскому тексту; не научно печатается финал

«прощального» романа «Жизнь Клима Самгина», как известно, не оконченного автором (все три его варианта — три итога жизненного пути героя — следует включить в основной корпус произведения); вряд ли найдется хоть один том писем издания «Архива А. М. Горького» с полными текстами, без купюр — больших или малых.

Ныне создаются все предпосылки для предельно полного обнародования и объективного изучения художественного, эпистолярного и публицистического наследия Горького. Чтобы ничего не было выпрямлено, скрыто, утаено.

И поистине знамение времени является публикация оставшейся более семи десятилетий за семью печатями книги М. Горького «Несвоевременные мысли», вобравшей его «заметки о революции и культуре» 1917—1918 годов.

Эта книга необыкновенной искренности и мужества, отражающая мучительные поиски писателя-революционера, патриота и гуманиста, наконец стала достоянием читателя. При всей своей драматической противоречивости «Несвоевременные мысли» — книга необычайно современная, во многом провидческая. Ее значение в нашей перестройке, развитии гласности, демократизации общества, в восстановлении исторической правды о прошлом, помогающей понять трагизм революции, гражданской войны и последующей тирании сталинщины, как и ее роль в литературной и жизненной судьбе самого Горького, в полной мере еще не оценены.

Писатель-гражданин, деятельный участник общественных и литературных движений эпохи, Горький на протяжении всего своего творческого пути активно работал в различных жанрах, живо откликаясь на коренные проблемы жизни, актуальные вопросы современности. Его наследие в этой области огромно: до сих пор оно еще до конца не собрано.

Большой интенсивностью отличалась публицистическая деятельность Горького в годы первой мировой войны, в период свержения самодержавия, подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Множество статей, очерков, фельетонов, открытых писем, речей писателя появилось тогда в различных периодических изданиях.

Особое место в работе Горького-публициста занима-

ют его статьи, печатавшиеся в газете «Новая жизнь». Газета выходила в Петрограде с апреля 1917 по июль 1918 года под редакцией Горького, при ближайшем участии А. Н. Тихонова, Н. Н. Суханова, В. А. Базарова, В. А. Десницкого и являлась органом группы социал-демократов, так называемых «интернационалистов», объединявшей часть меньшевиков — сторонников Мартова и отдельных интеллигентов полубольшевистской ориентации. Основанная в знаменательные дни победы над самодержавием, газета с первого же номера объявила своей программой борьбу против империалистической войны, противоречащей интересам как русского, так и международного пролетариата, объединение всех революционных и демократических сил для удержания социальных и политических завоеваний Февральской революции, развитие культуры, просвещения, науки на пути дальнейшего осуществления социалистических преобразований в стране во главе с Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов под руководством социал-демократической партии.

С этих позиций «Новая жизнь» и Горький — редактор и главный публицист газеты — вели борьбу за новую, демократическую Россию, за упрочение социальных прав восставшего народа. Но едва ли не с самого начала положение газеты оказалось сложным, а позиция — противоречивой. Разоблачая империалистический характер войны, она колебалась между последовательным интернационализмом и «революционным оборончеством»; выступая против реакционных сил, буржуазных и либерально-буржуазных партий, контрреволюционных акций Временного правительства, она очень скоро вступила в полемику с большевиками, поставившими на повестку дня вопрос о вооруженном восстании, социалистической революции. После победы Октября оппозиционная «Новая жизнь» стала оппонентом новой власти, выступая с критикой «издержек» революции, ее «теневых сторон», форм и методов осуществления социальных преобразований в стране, одновременно она отстаивала гуманистические идеалы социализма, демократизацию общества, права и свободу личности.

В ходе политической борьбы тех дней газета пережила ряд трудных моментов, постоянно подвергалась острой критике и сама решительно вела на менее острую полемику, защищаясь от наветов, отстаивая свою правду и

честь. Дважды издание приостанавливалось: впервые — в феврале 1918 года (на восемь дней) из-за статьи Н. Суханова «Капитуляция», направленной против кабального Брестского мира. В начале марта Горький писал Е. П. Пешковой: «Нас закрыли и — кажется — в воскресенье будут судить «за призыв к ниспровержению Советской власти». Привлечены к суду Десницкий и Суханов, но на скамью подсудимых сядет вся редакция: и Базаров, и я и все прочие. Таково наше желание. Будет нечто изумительное по нелепости» (Архив А. М. Горького). На несколько дней газета закрывалась и в июне того же года.

Примерно в это же время (возможно, несколько раньше) Горький признавался Е. П. Пешковой: «Собираюсь работать с большевиками, на автономных началах. Надоела мне бессильная, академическая оппозиция «Н(овой) ж(изни)». Погибать, так там, где жарче, в самой «глубине» революции» (Архив А. М. Горького, т. IX. М., 1966, с. 207—208).

Часть апреля и весь май Горький болел («отчаянная подагра, суставной ревматизм, да легкое болело», как он сообщал корреспондентам), редакцию вряд ли посещал. Последние его статьи из цикла «Несвоевременные мысли» были напечатаны в петроградском издании «Новой жизни» 11 июня (29 мая, № 113), в московском — 15(2) июня (№ 12). В обеих статьях, при всем критическом отношении к анархическим инстинктам народа, «издержкам» революции, писатель отмечал, что «революция, все-таки, доросла до своей победы», и выражал уверенность, что революционный вихрь, потрясший «до самых глубин Русь», «излечит нас, оздоровит, возродит к труду и творчеству». Тем не менее нападки на позицию «Новой жизни» не прекращались. 2 июля (19 июня) 1918 года появился его ответ «Правде» и другим большевистским изданиям в связи с помещенными там сообщениями относительно политической зависимости «Новой жизни» от капиталистов (якобы она состоит «на содержании банкиров»). Горьковский ответ сопровождался резкой заметкой «от редакции», обвинявшей сотрудников этих изданий в клевете и распространении злостных сплетен. Независимая позиция, которую занимала «Новая жизнь», еще больше осложнила ее положение в обострившейся политической обстановке середины лета 1918 года (мятеж правых эсеров, усиление гражданской войны, слившейся с интервенцией, тяжелое экономическое положение).

Судьба газеты (как, впрочем, и остальных оппозиционных изданий) была предрешена. Только для «Новой жизни» развязка наступила даже раньше кадетской «Речи»: именно она сообщила, что 16(3) июля 1918 года комиссариатом по делам печати Петрокоммуны «Новая жизнь» (с 1 по 22 июня и с 2 по 6 июля выходило также ее московское издание) была закрыта. На этот раз — навсегда.

Горький подписал протест редакции и тотчас же апеллировал к Ленину, справедливо полагая, что без его ведома или согласия на эту акцию никто не решился бы. «Дорогой Владимир Ильич! — писал Горький. — Вопрос о «Новой Жизни» принял очень острую форму, рабочие и служащие требуют определенного ответа: будет «Н. Ж.» или нет? <...>

Очень прошу Вас — ответьте — по возможности скорее — разрешите Вы газету или нет? <...>

Записку эту передаст Вам мой сын.

Убедительно прошу сказать — да или нет?» («В. И. Ленин и А. М. Горький». М., 1969, с. 133).

Как вспоминает Б. Малкин, работавший в то время в Центропечати, «за окончательным решением этого вопроса» обратились к Ленину, который, «отбросив всякие личные симпатии и привязанности», сказал:

«Конечно, «Новую жизнь» нужно закрыть. При теперешних условиях, когда нужно поднять всю страну на защиту революции, всякий интеллигентский пессимизм крайне вреден. А Горький — наш человек <...> Он безусловно к нам вернется» (там же, с. 423).

Ровно через три месяца «Правда» в статье «Птичья ориентация» привела слова Горького: «Ежели бы закрыли «Новую жизнь» на полгода раньше — и для меня и для революции было бы лучше» («Правда», 1918, № 223, 16(3) октября).

И это Горький говорит буквально в те же дни, когда новожизненные статьи его выходят отдельным изданием, когда однодневные газетные заметки писателя приобретают значение обобщающего литературного и общественно-политического документа эпохи, воссоздающего специфический характер и своеобразие развития русской революции.

Нет сомнений, что Горький видел здесь и более широкий контекст: от «русского своеобразия» к всеобщим особенностям борьбы за построение социализма. На это наталкивает, например, композиция, которую он избрал

для своей книги. В «Несвоевременных мыслях» писатель отказывается от обычного (для публицистического сборника статей) хронологического расположения материала, группируя его большей частью по темам и проблемам. При этом совмещаются и перемежаются реалии и факты действительности до- и послеоктябрьской: статья, напечатанная, к примеру, 23 мая (н. ст.) 1918 года, идет рядом со статьей от 31 октября 1917-го, или статья от 1 июля 1917 года — подряд со статьей от 2 июня 1918-го и т. д.

Таким образом, становится очевидным замысел автора: проблемам революции и культуры придается всеобщее, планетарное значение. Своеобразие исторического развития России и русской революции со всеми ее противоречиями, трагедиями и героизмом только ярче высветили эти проблемы.

Перелом во взглядах Горького, наметившийся к лету 1918 года («надоела мне оппозиция "Н. Ж."») и особенно после покушения на Ленина, проходил трудно. Долго еще он не мог освободиться от своих тревог за судьбу революции и культуры, примириться с продолжавшимися насилием и террором, преодолеть свои сомнения и противоречивое отношение к действительности (сомнения и противоречия вообще-то были ему присущи постоянно).

В 1919 году он вновь хотел открыть газету. В конце этого же года он пишет Е. П. Пешковой о себе и сыне: «Максим крепко верит, что жизнь может и должна быть перестроена в том духе, теми приемами, как действует Сов. власть. Я не верю в это, ты знаешь, но я не считаю себя вправе разрушать прекрасные иллюзии юноши. Он верит — с оговорками, я с оговорками не верю» (Архив А. М. Горького, т. IX, с. 209). И далее писатель вновь высказывает свое недоверие к деревне, крестьянству, чуждому интересам рабочего класса, идеям социализма и городской культуре. Выражением этой вражды является «движение колчаковцев». «Кроме большевиков — нет сил, которые бы могли противостоять этому движению, — пишет он. — Революция выродилась в борьбу деревни с городом <...> Задача момента — объединение интеллигенции и представителей крупной промышленности с большевиками, несмотря на все прегрешения и ошибки последних».

(От недоверия к крестьянству Горький, пожалуй, не освободился до конца жизни. В этом нетерпении увидеть

деревню на «социалистических рельсах», в частности, одно из объяснений его трагически противоречивого положения в общественно-политическом процессе конца 20-х — начала 30-х годов, слишком позднего прозрения в отношении сталинской кампании ускоренной насильственной коллективизации, таких же методов социалистической индустриализации и развязанного в стране массового террора. Однако это уже другая тема: величие гуманизма и забвение великих традиций, ясность взгляда и пелена слепоты, глубина художественных открытий и примитивный схематизм — все это в те годы драматически противоречиво переплелось в жизни и литературно-общественной деятельности Горького и ждет еще своего обстоятельного, всестороннего и беспристрастного освещения).

Работа Горького-публициста в «Новой жизни» длилась немногим больше года. Помимо нового цикла «Русских сказок», рассказов, очерков, набросков, он опубликовал здесь около 80 статей, 58 из них в серии «Несвоевременные мысли», самым названием подчеркивая их острую актуальность и полемическую направленность.

Большинство этих новожизненных статей (с незначительными повторениями) составили две дополняющие друг друга книги — «Революция и культура. Статьи за 1917 г.» и «Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре». Первая (включающая 33 статьи) вышла в 1918 году на русском языке в Берлине, издание т-ва И. П. Ладыжникова (с 1905 года по заданию большевистской партии Ладыжников издавал там произведения Горького и других русских писателей для пополнения денежных средств на нужды революционного движения). Вторая (состоящая из 48 статей) была издана осенью 1918 года в Петрограде просветительским обществом «Культура и свобода». Здесь необходимо отметить следующий важный факт: в 1919—1920 или 1922—1923 годах Горький намерен был переиздать «Несвоевременные мысли» (в 22—23 гг., возможно, для одного из томов собрания сочинений в берлинском изд-ве «Kniga»), для чего дополнил книгу шестнадцатью статьями из сборника «Революция и культура», обозначил каждую статью порядковым номером и дал им общую пагинацию. Соединив обе книги и разрушив хронологическую последовательность ладыжниковского издания, он придал «Несвоевременным мыслям» — в новом составе и новой компози-

ции — еще более фундаментальный, обобщающий смысл. Издание осуществлено не было. Подготовленный автором экземпляр хранится в Архиве А. М. Горького.

С тех пор вот уже семьдесят лет эти книги в СССР не издавались и неизвестны не только широкому кругу читателей, но и большинству людей, занимающихся литературой, знакомы понаслышке. В то же время за рубежом обе книги (часто вместе или в виде сборника статей из «Новой жизни» под общим названием «Несвоевременные мысли») неоднократно издавались и переиздавались, в том числе и на русском языке. Трактовались они часто односторонне, в лучшем случае — поверхностно (исключением является, например, издание американского слависта проф. Г. Ермолаева).

Нельзя сказать, чтобы новожизненские статьи Горького у нас совершенно замалчивались. В ряде работ они так или иначе упоминались, в некоторых трудах о них шла речь несколько подробнее, однако прежде всего в плане выявления их «ошибочных тенденций». Не говоря уж о том, что они не стали предметом специального исследования, как того требовали научная добросовестность и память о писателе, никто никогда не пытался рассмотреть их в общей связи с идейно-художественными поисками Горького предшествующих и последующих десятилетий. Они представлялись случайным фактом, «недоразумением», минутной слабостью на якобы прямом и героическом литературном и жизненном пути писателя. В результате драматическое положение Горького, оказавшегося в оппозиции к Октябрьскому перевороту, сложная и многотрудная деятельность в «Новой жизни», искренняя и мучительная тревога за судьбу революции и культуры, глубоко гуманистическая направленность и противоречивое содержание его публицистики, отражавшее острые противоречия бурной величественной эпохи и духовные искания автора — писателя-революционера и патриота, — оставались нераскрытыми.

И только в самое последнее время появились первые попытки объективного и плодотворного подхода к книге «Несвоевременные мысли» во всей сложности и драматической реальности ее противоречий. Наконец достоянием читателя становятся сами тексты горьковских статей. Но подлинное значение этой книги нам еще предстоит осознать.

27 февраля 1917 года судьба ненавистной романовской династии была решена. Петроградский пролетариат и солдатско-крестьянские массы одержали историческую победу: самодержавный режим в столице был свергнут. Горький восторженно встретил победу восставшего народа, в которую и он внес свою лепту как писатель и революционер. «Я поздравляю Вас, Ромен Роллан, от всей души поздравляю,— писал он в первые дни революции французскому другу.— Россия перестала быть одним из оплотов европейской реакции, наш народ обвенчался со Свободой <...> от этого союза он родит много талантливых людей для славы человечества!» (Архив А. М. Горького). Таких заявлений и в письмах и в печати у него множество. «Русский народ обвенчался со Свободой»,— писал он в своем журнале «Летопись», основанном еще в декабре 1916 года. В разгар империалистической войны журнал занял антимилитаристские, интернационалистские позиции, выступая за объединение радикально-демократических сил, против «бездарной власти», «мировой бойни». «Никогда я не чувствовал себя таким нужным русской жизни»,— признавался он одному из своих корреспондентов, сосланному большевику С. В. Малышеву (29, 337)*.

После Февральской революции литературно-общественная и культурная деятельность Горького получила еще более широкий размах. Главным для него в это время становится защита завоеваний революции, забота о подъеме экономики страны, борьба за развитие культуры, просвещения, науки. Для Горького эти проблемы теснейшим образом взаимосвязаны, всегда современны и ориентированы на будущее. На первом месте здесь вопросы культуры. Недаром с такой тревогой говорит академик Д. С. Лихачев о том, что без культуры общество не может быть нравственным. «Без элементарной нравственности не действуют социальные и экономические законы». Без культуры и нравственности нельзя «реформировать экономику, науку, общественную жизнь» («Правда», 1989, 31 мая). То есть народ, теряющий свои духовные ценности, теряет и историческую перспективу.

* М. Горький. Собр. соч. в 30 т. М., 1949—1955. Ссылки на это издание даются в тексте: первая цифра — том, вторая — страница. При ссылках на Полн. собр. соч. писателя в 25 т. (М., 1968—1976) дополнительно указывается: ПСС.

В первом же номере «Новой жизни» (18 апреля 1917 г.) в статье «Революция и культура» Горький писал:

«Старая власть была бездарна, но инстинкт самосохранения правильно подсказывал ей, что самым опасным врагом ее является человеческий мозг, и вот, всеми доступными ей средствами, она старалась затруднить или исказить рост интеллектуальных сил страны». Результаты этого невежественного и длительного «угашения духа», отмечает писатель, «обнаружила с ужасающей очевидностью война»: перед лицом сильного и прекрасно организованного врага Россия оказалась «немошной и безоружной». «В стране, щедро одаренной естественными богатствами и дарованиями,— пишет он,— обнаружилась, как следствие ее духовной нищеты, полная анархия во всех областях культуры. Промышленность, техника — в зачаточном состоянии и вне прочной связи с наукой; наука — где-то на задворках, в темноте и под враждебным надзором чиновника; искусство, ограниченное, искаженное цензурой, оторвалось от общественной жизни...»

Таково безрадостное, ужасное наследство, оставленное революции монархией. «И как бы горячо ни хотелось сказать слово доброго утешения,— подчеркивает писатель,— правда суровой действительности не позволяет утешать, и нужно сказать со всею откровенностью: монархическая власть в своем стремлении духовно обезглавить Русь добилась почти полного успеха».

Но вот революция победила. Самодержавный режим низвергнут. Однако, предупреждает Горький, не следует думать, что революция сама по себе «духовно излечила или обогатила Россию». Лишь теперь, с победой революции, только начинается «процесс интеллектуального обогащения страны — процесс крайне медленный». Поэтому «революция, в лице ее руководящих сил, должна сейчас же, немедленно, взять на себя обязанность создания таких условий, учреждений, организаций, которые упорно и безотлагательно занялись бы развитием интеллектуальных сил страны. Интеллектуальная сила — это первейшая, по качеству, производительная сила, и забота о скорейшем росте ее должна быть пламенной заботой всех классов».

Можно по-разному относиться к этой программе Горького. Ровно две недели тому назад Ленин обнародовал свои «Апрельские тезисы», нацелившие партию на борьбу

за социалистическую революцию. Горький пишет так, словно не знает, не слышал об этом. Но мы не можем отказать писателю в его гражданском патриотическом пафосе, не видеть, как остросовременно звучит в заключение этой же статьи его призыв к действию, труду, перестройке всей жизни: «Мы должны дружно взяться за работу всестороннего развития культуры,— революция разрушила преграды на путях к свободному творчеству и теперь в нашей воле показать самим себе и миру наши дарования, таланты, наш гений. Наше спасение — в труде, да найдем мы и наслаждение в труде. «Мир создан не словом, а деянием»,— это прекрасно сказано, и это неоспоримая истина».

И Горький стремится эту истину подтвердить «деянием». По свидетельству современников, его квартира в феврале — марте 1917 года «напоминала штаб», где собирались политические и общественные деятели, рабочие, литераторы, художники, артисты... Горький является инициатором ряда общественно-культурных начинаний, принимает непосредственное участие в организации общества «Культура и свобода», уделяет большое внимание делу охраны памятников культуры и искусства, возглавив «Особое совещание по делам искусства». Уже 12 марта он выступил с речью на митинге в Михайловском театре, в которой сообщил о мерах по охране памятников духовной культуры, искусства — бесценного народного достояния; воззвание, написанное им на эту тему, публикуется от имени Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов.

Трудно перечислить обязанности, входившие в круг культурно-общественной деятельности Горького той поры. Он участвует в учреждении «Общества памяти декабристов», в создании «Дома-музея борцов за свободу», «Лиги социального воспитания», в организации Дома ученых, общества «Культура и свобода», входит в комиссию по руководству Народным домом в Петрограде и т. д. «Здоровье — пошатывается, а дела — все растут, купно с неприятностями,— писал он в апреле 1918 года Е. П. Пешковой.— Дошел до того, что «заседал» лежа — смешно, а — что поделаешь?

Меня все в председатели избирают, и теперь я уже трижды или четырежды председатель» (то есть председатель президиума общества «Культура и свобода», председатель президиума Исполнительного комитета Союза

деятелей искусств, товарищ председателя совета «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук». — См.: Архив А. М. Горького, т. IX, с. 206).

Центральным вопросом для Горького в это время (и в последующие несколько лет) стало развитие науки, популяризация и распространение знаний среди трудящихся, всемерное внедрение культуры. Культуру прежде всего, считал он, необходимо привить народу, веками воспитанному в рабстве, надо дать пролетариату, широким массам систематические знания, ясное понимание своей всемирно-исторической миссии, своих прав и обязанностей, научить демократии.

Одним из важнейших научно-просветительских начинаний Горького в эти дни было создание «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук». В организационный комитет ее вошли крупнейшие ученые, члены Российской Академии наук и общественные деятели. После первого организационного собрания ассоциации (в марте) Горький трижды — в апреле и мае — выступил в Петрограде и Москве на публичных собраниях ассоциации с речами, в которых горячо и образно говорил о значении науки для свободного развития человека. По убеждению Горького, «без науки и демократии нет будущего», «сильный человек — это разумный человек», а потому необходимо «вооружиться точными знаниями», «привить уважение к разуму, развить в себе любовь к нему, почувствовать его универсальную силу» («Наука и демократия». — «Летопись», 1917, № 5—6, с. 223—228). «В эти дни, — убеждает он, — когда над печальной, измученной нашей страной так пламенно вспыхнула заря новой жизни, когда русский народ почувствовал радость свободы — в эти счастливые, долгожданные дни люди разума, люди науки не должны стоять в стороне от великих событий. История зовет их на место, по праву принадлежащее им, — в первые ряды творцов новой жизни. Это они должны возглавить страну (...). Источником наших несчастий — наша малограмотность. Чтобы хорошо жить, надо хорошо работать, чтобы крепко стоять на ногах, надо много знать. Нам необходимо учиться жить, учиться работать, учиться любить труд».

В воззвании, опубликованном в «Новой жизни», Горький обращается «к рабочим, крестьянам, промышленникам, интеллигенции, — ко всем русским людям, предла-

гая им помочь великому делу организации научных сил страны, организации научного творчества». И далее писатель рисует целую программу научного развития страны «по всем линиям интересов человека, общества — народа, человечества». И первейшим из этих интересов является борьба за жизнь, здоровье людей, «оздоровление городского и сельского населения». Он выдвигает целый ряд проектов: создание «Института биологии», «Института прикладной механики», «Института химии» и т. п. «Наша страна велика, обильна естественными богатствами,— пишет Горький,— но мы живем грязно и несчастно, как нищие (...) Промышленно-культурные страны смотрят на Россию, как на Африку, на колонию, куда можно дорого сбывать всякий товар и откуда дешево можно вывозить сырые продукты, которые мы, по невежеству и лени нашей, не умеем обрабатывать сами. Вот почему в глазах Европы мы — дикари, бестолковые люди, грабить которых, так же как негров, не считается зазорным».

Со второго номера «Новой жизни» (20 апреля) появляется первая из статей Горького, печатавшихся в газете под общим названием «Несвоевременные мысли». За два дня до этого писатель призывал «дружно взяться за работу» по возрождению страны, ее «интеллектуальных сил», по «всестороннему развитию культуры». Теперь он намечает перспективу этой работы: «Новый строй политической жизни требует от нас и нового строя души. Разумеется, в два месяца не переродишься, однако, чем скорее мы позаботимся очистить себя от пыли и грязи прошлого, тем крепче будет наше духовное здоровье, тем продуктивнее работа по созданию новых форм социального бытия».

И здесь обнаруживается уже хотя и не прямая, но явная полемика с линией большевиков-ленинцев, считавших важнейшей задачей революционной социал-демократии борьбу против буржуазного Временного правительства, за переход власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства в лице «Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»: «не парламентарная республика, а республика Советов». Горький же пишет: «Мы живем в буре политических эмоций, в хаосе борьбы за власть, эта борьба возбуждает рядом с хорошими чувствами весьма темные инстинкты». Поэтому перво-степенная задача партий и классов — отказ от полити-

ческой борьбы, ибо политика — это именно та почва, на которой «быстро и обильно разрастается чертополох ядовитой вражды, злых подозрений, бесстыдной лжи, клеветы, болезненных честолюбий, неуважения к личности». Все эти чувства враждебны людям, ибо сеют вражду между ними, в то время как «лучшие наши чувства, величайшие наши идеи направлены именно к уничтожению в мире социальной вражды». Этот новый строй души писатель называет «социальным идеализмом»; благотворная сила его позволит обществу «преодолевать мерзости жизни и неустанно, упрямо стремиться к справедливости, красоте жизни, к свободе».

Наряду с «отказом от политической борьбы» в новых условиях победы революции и падения самодержавия, отмечает Горький, «наиболее успешно и могуче» будит в душе человека ее добрые начала сила искусства: «Как наука является разумом мира, так искусство — сердце его». Если политика и религия разъединяют людей на отдельные группы, «искусство, открывая в человеке общечеловеческое, соединяет нас»: «Ничто не выпрямляет душу человека так мягко и быстро, как влияние искусства, науки».

Конечно, Горький не забывает о непримиримости классовых интересов трудящихся и буржуазно-помещичьей власти. Однако с падением самодержавия и победой революции, когда пролетариат установил в стране «свой мыслящий и действующий орган „Совет рабочих и солдатских депутатов“», открылись новые возможности демократического развития России на пути к социальной революции. «Право пролетариата на вражду с другими классами всесторонне и глубоко обосновано,— пишет Горький.— Но — в то же время именно пролетариат вносит в жизнь великую и благостную идею новой культуры, идею всемирного братства».

Для успешного развития революции и удержания ее завоеваний Россия нуждалась в мире. Как известно, в годы империалистической войны Горький решительно выступил против «мировой бойни», «культурного одичания», шовинистического угара, пропаганды национальной и расовой ненависти. Антивоенные выступления Горького, особенно его статьи в журнале «Летопись», сопровождались травлей. «Патриоты» в буржуазной прессе обвиняли

Горького в «измене родине», «шпионаже». Шовинистическую кампанию клеветы, травли и преследования писателя возглавил В. Л. Бурцев, о котором мы еще вспомним.

Департамент полиции и цензурные органы, внимательно следившие за деятельностью Горького и политическим направлением «Летописи», отмечали, что «журнал имеет резко оппозиционное направление с социал-демократической ориентацией» и что «в отношении к переживаемой Россией великой отечественной войне» журнал «следует отнести к числу пораженческих изданий» («Летопись», 1917, № 2—4, с. 425—427). Наступившая Февральская революция помешала закрыть журнал.

После падения самодержавия Горький продолжает свои антивоенные выступления на страницах «Новой жизни», в «Несвоевременных мыслях». Вслед за Лениным он утверждает, что революция не изменила характера войны, которая по-прежнему является империалистической, ведущейся в угоду российским и мировым хищникам, а потому борьба против нее является важнейшей задачей демократии. 1(14) марта 1917 года он сообщал Е. П. Пешковой: «Происходят события внешне грандиозные, порою даже трогательные, но — смысл их не так глубок и величественен, как это кажется всем. Я исполнен скептицизма, хотя меня тоже до слез волнуют солдаты, идущие к Г<осударственной> думе с музыкой. В революционную армию — не верю: думаю, что многие принимают за революционность отсутствие дисциплины и организации. Все войска Петерб. перешли на сторону Думы, это так, части, приходящие из Ораниенб<аума>, Павловска и Царского — тоже. Но, разумеется, офицерство пойдет — до известного предела — с Родзянкой и Милюковым, и только фантазеры могут ожидать, что армия встанет рядом с Советом раб<очих> депут<атов> <...>

Много нелепого, больше, чем грандиозного. Начались грабежи. Что будет? Не знаю. Но ясно вижу, что кадеты и октябристы делают из революции военный переворот. Сделают ли? Кажется, уже сделали.

Назад мы не воротимся, но вперед уйдем не далеко <...> И, конечно, будет пролито много крови, небывало много» (Архив А. М. Горького, т. IX, с. 194).

Вместе с тем в этих «новых условиях» он проявляет

непоследовательность, разделяя идеи «революционного оборончества». «Положение очень сложно и опасно,— пишет он в эти же мартовские дни Е. П. Пешковой.— Лозунг «долой войну» — идиотский лозунг в новых условиях. Победа немцев — победа реакции» (Архив А. М. Горького). И 10(23) марта 1917 года о том же — сыну: «Теперь Россия — свободная страна, и немецкое нашествие угрожает ее свободе. Ибо победа Вильгельма — это будет реставрацией Романовых» (там же).

Поэтому, выступая против навязанной народу мировой бойни, он полагал, что вместе с оборонительной позицией следует одновременно оказывать давление на Временное правительство, требуя немедленного заключения демократического мира. Ленин подверг критике эти надежды Горького. Он указывал, что только «рабочие и беднейшие крестьяне», взяв в свои руки государственную власть, могут добиться «действительно демократического, действительно почетного мира». А «правительство Гучковых и Милюковых есть помещичье и капиталистическое правительство, которое вынуждено продолжать и хочет продолжать именно такую самую войну. Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир — все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 52, 49).

Однако, к чести Горького, в новожиизненской публицистике ни надежды на Временное правительство, ни его «оборонческие» позиции не нашли отражения. Она сильна и ценна как раз своей антимилитаристской направленностью, разоблачительным антивоенным пафосом. Писатель бичует «бессмысленную бойню», «проклятую войну, начатую жадностью командующих классов», и верит, что война будет прекращена «силою здравого смысла солдат, т. е. демократии»: «Если это будет — это будет нечто небывалое, великое, почти чудесное, и это даст человеку право гордиться собою,— воля его победила самое отвратительное и кровавое чудовище — чудовище войны». Он приветствует братание немецких солдат с русскими на фронте, обнажает политику бужуазного правительства с его стремлением довести войну до победного конца, возмущается генеральскими призывами к беспощадной борьбе с противником. «Этому от-

вратительному самоистреблению нет оправдания,— отмечает писатель в день трехлетия со дня начала империалистической бойни.— Сколько бы ни лгали лицемеры о «великих» целях войны, их ложь не скроет страшной и позорной правды: войну родил Барыш, единственный из богов, которому верят и молятся «реальные политики», убийцы, торгующие жизнью народа».

Горький отмечает не только империалистический характер европейской бойни, трагизм бессмысленного истребления человеческих жизней («Сколько здорового, прекрасно мыслящего мозга выплеснуто на грязную землю»), материальный урон, который наносит эта хищническая война, опустошая природу, уничтожая упорный труд народов («разрушаются тысячи деревень, десятки городов, уничтожен вековой труд множества поколений»); война — незабываемое преступление против культуры — причиняет огромный моральный ущерб, убивая в человеке человеческое. «Десятки тысяч изуродованных солдат,— пишет он,— долго, до самой смерти не забудут о своих врагах. В рассказах о войне они передадут свою ненависть детям, воспитанным впечатлениями трехлетнего ежедневного ужаса. За эти годы много посеяно на земле вражды, пышные всходы дает этот посев!»

Горький ополчается не только на Временное правительство, обещающее вести войну до победного конца и заверяющее союзников в своей верности, но и клеймит защитников буржуазного правительства, действующих методами самодержавия; это люди, «отравленные ядами гнилого старого режима. «Светлые крылья юной нашей свободы обрызганы невинной кровью»,— возмущается он в связи с расстрелом 21 апреля рабочих, демонстрировавших против Временного правительства. Горький надеется на мирное развитие революции. «До тех пор пока вы, гг. капиталисты,— писал в то же время Ленин,— вы, в руках которых командный состав армии, не начали насилия», мирный исход революции возможен, «сознательные рабочие должны завоевывать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти». Независимо от того, разделял ли Горький курс большевиков на установление единовластия Советов, его выступления против насилия правительства имели боль-

шое значение, ибо соответствовали курсу партии на мирное развитие революции. Горький пишет: «Преступно и гнусно убивать друг друга теперь, когда все мы имеем прекрасное право честно спорить, честно не соглашаться друг с другом. Те, кто думает иначе, неспособны чувствовать и сознавать себя свободными людьми. Убийство и насилие — аргументы деспотизма, это подлые аргументы — и бессильные, ибо изнасиловать чужую волю, убить человека не значит, никогда не значит убить идею, доказать неправоту мысли, ошибочность мнения».

Восприняв победу Февраля как осуществление вековых надежд поработленного народа на свободную, счастливую жизнь, как воплощение титанических усилий многих поколений самоотверженных борцов освободительного движения, революционеров, героев, великомучеников, не жалевших сил и жизни в борьбе с деспотизмом, томившихся в тюрьмах и шедших на каторгу во имя свободы, Горький призывает, убеждает, возмущается:

«Великое счастье свободы не должно быть омрачено преступлениями против личности, иначе — мы убьем свободу своими же руками.

Надо же понять, пора понять, что самый страшный враг свободы и права — внутри нас; это наша глупость, наша жестокость и весь тот хаос темных, анархических чувств, который воспитан в душе нашей бесстыдным гнетом монархии, ее циничной жестокостью.

Способны ли мы понять это? <...>

Это не риторический вопрос, это вопрос о глубине, о искренности нашего понимания новых условий политической жизни, новой оценки значения человека и его роли в мире.

Пора воспитать в самих себе чувство безгливости к убийству, чувство отвращения к нему».

«Да, я не забываю,— предупреждает, оговаривается писатель,— что, может быть, нам еще не однажды придется защищать свободу и право наше оружием, может быть!» Но расстрел рабочих своими же братьями-солдатами после свержения самодержавия — это победа над революцией темных инстинктов «подлого прошлого нашего»: «освобождаясь от рабства внешне,— внутренне мы продолжаем жить чувствами рабов». «Неужели память

о подлом прошлом нашем, память о том, как нас сотнями и тысячами расстреливали на улицах, привила и нам спокойное отношение палачей к насильственной смерти человека?» — спрашивает он, гневно обвиняя провокаторов, «которые пытаются доказать что-то пулей, штыком, ударом кулака по лицу».

Горький видит угрозу демократическим завоеваниям революции не только в деятельности буржуазного Временного правительства, министров-кадетов, выражающих интересы старых, господствующих классов, но и в поведении крестьянских масс с их «темными инстинктами». В одной из майских статей он с тревогой приводит выдержки из письма своего деревенского корреспондента, «романтика революции», которому «страшно становится» оттого, что «великое, святое знамя социализма захватывают грязные руки, карманные интересы». Корреспондент этот боится, что «крестьянство, жадное до собственности, получит землю и отвернется», изорвав на ошмочки «знамя революции». И солдаты, как ему кажется, «тянутся к миру не во имя идеи интернациональной демократии, а во имя своих шкурных интересов: сохранения жизни, ожидаемого личного благополучия». И задачей своей, как и всей социалистической прессы, Горький считает борьбу с этими «темными инстинктами»: жестокостью, жадностью, анархией. И он пишет о «тревожных и опасных» симптомах — «погромах в Самаре, в Минске, Юрьеве, диких выходках солдат на станциях железных дорог и целом ряде других фактов распушенности, обалдения, хамства».

Поэтому так важна сейчас забота о развитии культуры, просвещения и образования, опытных и гуманитарных наук, технически мощной промышленности, свободного искусства. «Одной из первых задач момента должно бы явиться возбуждение в народе — рядом с возбужденными в нем эмоциями политическими — эмоций этических и эстетических», — пишет он в «Несвоевременных мыслях». Вслед за Достоевским Горький «уверен, что победоносное вторжение красоты» в душу народа «умиротворило бы его тревоги, усмирило буйство некоторых не очень похвальных чувств», благотворно сказалось бы на ходе развития жизни, помогло бы людям «сделаться человечнее».

Не закрывая глаза на подымающуюся волну анархии и не преуменьшая ее опасности для демократического

развития страны, Горький, в отличие от буржуазных публицистов, например сотрудников кадетской «Речи», не склонен преувеличивать ее разрушительную силу. На страницах «Речи» из номера в номер под рубрикой «Анархия» печатались заметки о грабежах, разрушениях, самосудах. Всевозможными сообщениями о растущем насилии и беззаконии были полны страницы и других газет. «Анархия, анархия! — кричат «здравомыслящие» люди, усиливая и распространяя панику...» — пишет Горький в то время, как в наши дни «всем мало-мальски трудоспособным людям необходимо взяться за черную, будничную работу строительства новой жизни, когда для каждого обязательно встать на защиту великих ценностей старой культуры».

Этим и отличается демократическая позиция Горького от деятельности напуганных революцией либералов и кадетских политиков, которые «снова, как после 5-го года, на русскую демократию, на весь русский народ изливают потоки чернильного гнева, трусливой злости», «гейзеры грязных обвинений». В то время как буржуазная печать считала все отрицательные явления действительности следствием революции, Горький, со свойственным ему историзмом мышления, считал «склонность» народа «к анархизму», «его дикость и невежество» результатом «условий, среди которых жил» народ: они «не могли воспитать в нем ни уважения к личности, ни сознания прав гражданина, ни чувства справедливости,— это были условия полного бесправия, угнетения человека, бесстыдной лжи и зверской жестокости. И надо удивляться, что при всех этих условиях народ все-таки сохранил в себе немало человеческих чувств...».

Писатель вскрывает политику «вождей цензовых классов», стремящихся «изолировать демократию, свалить на ее голову все ошибки прошлого, все грехи, поставить ее в условия, которые неизбежно заставили бы демократию еще более увеличить ошибки и грехи...». «Это ловко задумано и не плохо выполняется», — говорит Горький, ссылаясь на практику буржуазной печати с ее устрашающими и клеветническими корреспонденциями.

Клеветнические измышления, которыми полна реакционная пресса, с одной стороны, запугивают обывателя, с другой — подогревают темные инстинкты шовинистов и черносотенцев, стремившихся все беды России

представить как происки инородцев. Горький ссылается на одно из полученных им писем: такой вот «патриот», ошалелый от крушения монархии в феврале, поучает писателя, что «разрушение России» вызвано «свободой и революцией», давшей равноправие народам, в том числе евреям: «Радуются евреи, которые получили равноправие; они погубили и погубят русский народ. Надо для спасения страны самодержавие».

С тревогой Горький отмечает, что «антисемитизм жив и снова поднимает свою гнусную голову, шипит, клеветает, брызжет ядовитой слюной». Но писатель не хочет верить в успех «клеветнической пропаганды антисемитизма». Стыд и тревогу снова начинает чувствовать «честный и здоровый русский человек», — «мучительный стыд за Русь, за русского головотяпа, который в трудный день жизни непременно ищет врага своего где-то вне себя, а не в бездне своей глупости». В статье «О евреях», напечатанной спустя несколько лет, Горький так объяснил этот национальный феномен: «Когда русскому человеку плохо живется, он обвиняет в этом жену, соседа, погоду, бога, — всех, кроме себя. Такова русская природа, — чтобы оправдать нашу глупость, лень, неумение жить и работать» («Дальне-Восточная Республика», 1920, № 3, 4 мая). Что же касается идеологов национализма, то в их пропаганде «образа врага» Горький видит прежде всего стремление замаскировать свою контрреволюционную сущность. Он подчеркивает бессмысленность этих негодных попыток реакции представить освободительное движение, борьбу революционеров-большевиков за политическую свободу как «разрушающую деятельность» целого народа — «иудейской скверны». «В чем дело? — пишет он. — А в том, видите ли, что среди анархически настроенных большевиков оказалось два еврея. Кажется, даже три. Некоторые насчитывают семерых и убеждены, что эти семеро Сампсонов разрушат вдребезги 170-миллионную храмину России».

Вот, оказывается, откуда еще идет этот синдром «еврейской арифметики», как называют сегодня зоологические инстинкты раздраженных националистов, скрупулезно подсчитывающих, сколько евреев было среди соратников Ленина и подручных Сталина. Высмеивая абсурдность подобных «очень дрянных обобщений», Горький резюмирует: «Это было бы очень смешно и глупо, если б не было подло...» «Идиотизм — болезнь,

которую нельзя излечить внушением. Для больного этой неизлечимой болезнью ясно: так как среди евреев оказалось семь с половиной большевиков, значит — во всем виноват еврейский народ».

Для Горького кондовый шовинизм и злобный антисемитизм — две стороны одной медали. Он хорошо знал этот тип воинствующего охотнорядца. После одной из своих статей он получил от такого «патриота» красноречивое подтверждение этому. Назвавшись «разделяющим направление» «Новой жизни», этот радетель за Россию пишет «глубокоуважаемому» Горькому: «Прочитав «Несвоевременные мысли» в газете Н. Ж. № 106 и присоединяясь к протесту против погромов евреев, не могу не высказать, что так или иначе не место евреям в лице хотя бы вождей революции во главе Российской Республики <...> Ведь не раз и Вы подчеркивали, что: мы, русские,— зверье <...> Против этого мы боремся... и неопровержимый жизненный факт, что только истинные Русские вожди — Русское крестьянство, Русская демократия может спасти свое Российское хозяйство. Вот почему, как ни противен, гадок и нечеловечен призыв «Бей жидов», в нашей современной России он должен звучать» (Архив А. М. Горького).

В «Несвоевременных мыслях», как и в десятках статей, написанных до и после революции и до сих пор у нас еще не собранных, малоизвестных, Горький не раз обращается к «еврейскому вопросу», обнажая антисемитские спекуляции реакционеров, не брезгающих провокационными юдофобскими прокламациями, фальшивками от имени несуществующего «Всемирного Израильского союза» и т. п. мифических тайных организаций «жидомасонов», которыми и сегодня нас страшат «патриоты». За всем этим, кроме всего, указывает писатель, «гаденькая злоба» к «работникам — людям инициативы, влюбленным в труд». И вместо того, чтобы ценить таких людей, «господа антисемиты», страдающие комплексом неполноценности, «дико орут»: «Бей их — потому что они лучше нас». И Горький не однажды гневно вспоминает, как «их» били. Он пишет о погромах в Кишиневе и Одессе, Самаре и Минске, Киеве, Белостоке, Юрьеве...

Разбросанные по книге мысли и оценки Горького спустя двадцать лет, вслед за ним, подытожил в своей работе «Христианство и антисемитизм» подлинный рус-

ский интеллигент — религиозный философ Н. Бердяев: «Ненависть к евреям часто бывает исканием козла отпущения. Когда люди чувствуют себя несчастными и связывают свои личные несчастья с несчастьями историческими, то они ищут виновника, на которого можно было бы все несчастья свалить <...> Нет ничего легче, как убедить людей низкого уровня сознательности, что во всем виноваты евреи. Эмоциональная почва всегда готова для создания мифа о мировом еврейском заговоре, о тайных силах «жидомасонства» и пр. <...> Есть что-то унижительное в том, что в страхе и ненависти к евреям их считают очень сильными, себя же — очень слабыми <...> Еврейский погром не только греховен и бесчеловечен, но он есть показатель страшной слабости и неспособности. В основе антисемитизма лежит бездарность. Когда изъявляют претензию на то, что Эйнштейн <...> еврей, что еврей Фрейд, еврей Бергсон, то это есть претензии бездарности. В этом есть что-то жалкое <...> Бороться с преобладанием евреев в культуре можно только собственным творчеством культуры. Это область свободы. Свобода есть испытание силы. И унижительно думать, что свобода всегда оказывается благоприятной для евреев и неблагоприятной для неевреев» («Дружба народов», 1989, № 10, с. 208).

Раздумывая о взаимоотношениях народов Российской империи, Горький с болью отмечает каждое явление национализма, национальной розни как разрушительный фактор культуры, попрание морали, нравственности. Скорбно и гневно пишет он по поводу кровавых кавказских событий, вспоминает разбои в Тифлисе, армяно-татарскую резню в Баку, организованную царским правительством в феврале 1905 года, зверский немецкий погром в Москве в мае 1915 года, спровоцированный охотниками под воздействием русского поражения в Галиции, и др.

Осуждая любые проявления национализма — шовинизм и антисемитизм, Горький, убежденный интернационалист, предупреждал, что «нигде не требуется столько такта и морального чутья, как в отношении русского к еврею», к всякому представителю многочисленных народов России и этих народов «к явлениям русской жизни». Предупреждал, что «нигде не требуется» столько здравого смысла, гуманности, терпимости, лояльности. И кончается статья Горького и вся его книга страстным призы-

вом: «Хозяева страны — мы, мы завоевали ей свободу, не скрывая своих лиц, и мы не допустим каких-то темных людей управлять нашим разумом, нашей волей».

Горький верит в разум русского народа, в его совесть, искренность его стремления к свободе. И, обращаясь к прессе, так плохо пользующейся «свободным словом», писатель напоминает: «Но именно теперь, в эти трагически запутанные дни, ей следовало бы помнить о том, как слабо развито в русском народе чувство личной ответственности и как привыкли мы карать за свои грехи наших соседей... Мы употребляем «свободное слово» только в бешеном споре на тему о том, кто виноват в разрухе России. А тут и спора нет, ибо — все виноваты... и никто ничего не делает, чтоб противопоставить буре эмоций силу разума, силу доброй воли».

Эта «свободная» буржуазная пресса (реакционно-монархическая вообще не в счет), «занятая желчной и злобной грызней», отмечает Горький, оставляет без внимания острейшие проблемы жизни десятков миллионов людей, у которых «проснулось стремление к строительству новых форм быта», труда, культуры. Печать занимается тем, что «с какой-то странной, бесстрастной яростью» пугает обывателя анархией — и тем усиливает ее. Она раздувает и смакует «темное невежество». Если верить влиятельным газетам, сокрушается писатель, то необходимо признать, что на «святой Руси» совершенно нет честных и умных людей, а «революция величайшее несчастье наше, она и развратила всех нас, и свела с ума». Он не верит в искренность этих «газетных воплей»: «Это не крики сердца, а возгласы тактики». Спасти нас может только культура, а она в огромной опасности, и эту «опасность надо искренно почувствовать, с нею необходимо мужественно бороться».

Для характеристики позиции, занятой Горьким в период подготовки Октября, характерна оценка, данная писателем событиям Июльских дней 1917 года в Петрограде, когда, после расстрела 4 июля контрреволюционными войсками мирной демонстрации солдат, рабочих и балтийских моряков, их арестов и разоружения, кончилось двоевластие, установилось единовластие контрреволюционной буржуазии, ознаменовавшее конец мир-

ного развития революции. Излишне говорить, что Горький, как и большевики и все прогрессивные силы страны, был возмущен злодеяниями контрреволюционной буржуазии.

Но в отношении к июльским выступлениям масс отчетливо обнаружились расхождения писателя с большевиками в оценке движущих сил революции и перспектив ее дальнейшего развития.

Большевики считали выступление революционного народа в эти дни неподготовленным, преждевременным. Но когда 3 июля начались стихийные демонстрации солдат, рабочих и балтийских моряков против Временного правительства под лозунгом «Вся власть Советам», Петербургский комитет большевиков решил возглавить выступления, придав им мирный характер. К чести Горького, он отвергал версию, согласно которой большевики, «ленинцы» были инициаторами трагически закончившегося выступления. Тем не менее он увидел в нем «ужасающий выезд социальной революции». Он тоже считает эти выступления «наспех» и «необдуманно» затеянными, но для него они еще и бессмысленны и не нужны по самой сути развивающейся Февральской демократической революции.

В заключение своей статьи в «Несвоевременных мыслях» (от 14 июля) Горький подчеркивает: «Однако главным возбудителем драмы я считаю не «ленинцев», не немцев, не провокаторов и темных контрреволюционеров, а — более злого, более сильного врага — тяжкую российскую глупость».

Писатель убежден: «Этот народ должен много потрудиться для того, чтобы приобрести сознание своей личности, своего человеческого достоинства, этот народ должен быть прокален и очищен от рабства, вскормленного в нем, медленным огнем культуры». «Опять культура? — вопрошает он, внутренне полемизируя с большевиками, считая основной задачей свершившейся Февральской революции установление демократической республики, воспитание в народе культуры, развитие политического сознания, после чего только и можно будет приступить к социалистическим преобразованиям. — Да, снова культура. Я не знаю ничего иного, что может спасти нашу страну от гибели... Если революция не способна тотчас же развить в стране напряженное культурное строительство, — тогда, с моей точки зрения, рево-

люция бесплодна, не имеет смысла, а мы — народ, неспособный к жизни».

С этих позиций Горький и встретил Октябрь. Но пока еще шел июль.

Буржуазная и реакционная печать, либералы, меньшевики и эсеры, не говоря уж о Временном правительстве, обвиняли в июльских событиях большевиков, ленинцев, хотя они, как известно, не участвовали в их подготовке и заплатились больше всех — их газеты были закрыты, многие были арестованы, партия вынуждена была перейти на нелегальное положение.

Июльские события — второй политический кризис в России после Февраля, положивший конец двоевластию. Мирное развитие революции кончилось. И Горький ополчается на черносотенцев и реакционеров всех мастей, контрреволюционные силы Временного правительства, открывших поход против демократии. Писатель приводит слова присяжного поверенного, одного из тех, кто при старом режиме, рискуя личной свободой, не думая о карьере, мужественно выступал защитником в политических процессах; человек этот, «прекрасно знающий глубину бесправия и цинизма монархии», рассказывает: «Так же, как при Николае Романове, я выступаю защитником в наскоро сделанном политическом процессе; так же, как тогда, ко мне приходят плакать и жаловаться матери, жены, сестры заключенных; как прежде — аресты совершаются «по щучьему велению», арестованных держат в отвратительных условиях, чиновники «нового строя» относятся к подсудимому так же бюрократически-бессердечно, как относились прежде. Мне кажется, что в моей области нет изменений к лучшему». «А я думаю, что в этой области следует ожидать всех возможных изменений к худшему», — заключает Горький.

Характеризуя июльские события, Ленин писал 10(23) июля 1917 года: «Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно. Объективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 2).

Как мы видели, и Горький не питал иллюзий относительно «новой власти» — установившегося в стране единовластия контрреволюционной буржуазии. И тем не менее за неделю до Октябрьского вооруженного восстания, 18 октября 1917 года, в «Новой жизни» появилась

его статья «Нельзя молчать!», где он с тревогой пишет о предстоящем «выступлении большевиков» и возможном повторении июльской драмы: «Вспыхнут и начнут чадить, отравляя злобой, ненавистью, местью, все темные инстинкты толпы, раздраженной разрухою жизни, ложью и грязью политики — люди будут убивать друг друга, не умея уничтожить своей звериной глупости».

Кошмарным видением писатель представляет себе, как «на улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут „творить историю русской революции“». Опасаясь повторения «отвратительных сцен 3—5 июля», «кровавой, бессмысленной бои» тех дней, «которую мы уже видели и которая подорвала во всей стране моральное значение революции, пошатнула ее культурный смысл», он считает весьма вероятным, «что на сей раз события примут еще более кровавый и погромный характер, нанесут еще более тяжкий удар революции». «Кому и для чего нужно все это?» — в отчаянии спрашивает Горький, убежденный в малочисленности и раздробленности петроградского пролетариата, передовая часть которого находилась на фронте, в слабости большевистской партии, не готовой и не способной повести за собой массы, обуздать разгул анархии и одержать победу над силами контрреволюции. Да и в самом ЦК, как известно, план Ленина на немедленное вооруженное восстание не нашел единодушной поддержки. Об этом же, приведя множество высказываний и важных свидетельств большевистских лидеров, писал, в частности, и Л. Троцкий, — сам непосредственный участник событий. Несмотря на настойчивые требования Ленина, его резкие письма, бесконечные напоминания о необходимости решительных действий, отмечает он, «все члены ЦК, хотя и по разным мотивам, отклонили предложение: одни противились восстанию вообще, другие считали, что момент (...) наименее пригоден из всех; третьи просто колебались и выжидали» (Л. Троцкий. История русской революции, т. II, ч. вторая. Берлин, изд-во «Гранит», 1933, с. 148).

Так что отношение Горького к немедленному захвату власти мало чем отличалось от мнения верхушки большевиков. Его настроение и взгляды после Февральской революции хорошо иллюстрирует письмо к сыну. «Имей в виду, — пишет он, — что революция только что началась,

она будет продолжаться годы, возможна контрреволюция, неизбежно возникновение реакционных идей и настроений <...> Мы совершили политическую революцию и должны укрепить за собою наши завоевания — вот смысл события и вот задача момента. Я — социал-демократ, но я говорю и буду говорить, что для социалистических реформ — не наступило время. Новая власть получила в свои руки не государство, а развалины государства; она должна, до поры, до времени, — пользоваться доверием и помощью всех сил страны. Вот в чем дело <...> Только прочно укрепив за собою завоеванное, мы можем уверенно рассчитывать на успех дальнейших завоеваний» (Архив А. М. Горького, т. XIII, с. 163—164).

Отчетливая, однозначная позиция, которую писатель будет отстаивать на протяжении всего периода подготовки и проведения Октябрьской революции. Между тем весь сентябрь, затем октябрь Ленин разрабатывает все новые планы восстания, требует систематической пропаганды на заводах, в массах и армии, обращается к партийным комитетам и Советам. «Всеми средствами, какими можно было располагать в изолированности подполья, — пишет Троцкий, — Ленин стремился заставить кадры партии почувствовать остроту обстановки и силу напора масс. Он вызывал в свое убежище отдельных большевиков, устраивал допросы с пристрастием, проверял слова и дела руководителей, пускал обходными путями свои лозунги в партию, вниз, вглубь, чтобы поставить ЦК перед необходимостью действовать и дойти до конца» (Л. Троцкий, ук. соч., с. 149—150). Энергичная деятельность Ленина, его убежденность возымели свое действие. В октябре немедленное выступление начинает осознаваться партией как задача ближайших дней. Нельзя ждать, откладывать, торопит Ленин, надо брать власть немедленно, не дожидаться съезда Советов, да и состоится ли он неизвестно, — в любой момент может произойти военный переворот. На заседаниях ЦК РСДРП(б) 10 октября рассматривался вопрос о вооруженном восстании, где победу одержала ленинская программа решительных действий. 16 октября девятнадцатью голосами против двух, Зиновьева и Каменева, при четырех воздержавшихся была вновь подтверждена резолюция о немедленном выступлении. Горький не мог об этом не знать. В том же номере «Новой жизни» (со статьей «Нельзя молчать!») было помещено заявление Л. Каменева, который от себя

и от имени Г. Зиновьева (не ссылаясь на решение ЦК) выступил против немедленного вооруженного восстания, считая его преждевременным, гибельным для партии и революции: «Ставить все<...> на карту выступления в ближайшие дни — значило бы совершить шаг отчаянья».

Солидарный с ними, Горький дипломатически пишет: «Центральный Комитет с.-д. большевиков, очевидно, не принимает участия в предполагаемой аванюре, ибо до сего дня он ничем не подтвердил слухов о предстоящем выступлении, хотя и не опровергает их». Возмущенный, он считает «уместным спросить»: «...неужели есть авантюристы, которые, видя упадок революционной энергии сознательной части пролетариата, думают возбудить эту энергию путем обильного кровопускания? Или эти авантюристы желают ускорить удар контрреволюции и ради этой цели стремятся дезорганизовать с трудом организуемые силы?»

В связи с этим Горький призывает Центральный Комитет большевиков «опровергнуть слухи о выступлении 20-го» (в этот день предполагалось открытие съезда Советов): ЦК должен «сделать это, если он действительно является сильным и свободно действующим политическим органом, способным управлять массами, а не безвольной игрушкой настроений одичавшей толпы, не орудием в руках бесстыднейших авантюристов или безумевших фанатиков».

Следует подчеркнуть еще раз, что в вопросе о преждевременности восстания Горький не был одинок, его взгляды разделяли многие деятели большевистского руководства, помимо Каменева и Зиновьева. «Не говоря о том, что и голосующие за восстание нередко склонны были отодвинуть его в неопределенное будущее, открытые противники переворота, Зиновьев и Каменев, не были изолированы даже в составе ЦК, — отмечает Троцкий, — на их точке зрения стояли полностью Рыков и Ногин, отсутствовавшие в заседании 10-го, к ним приближался Милютин. «В верхах партии заметны шатания, как бы боязнь борьбы за власть», — таково свидетельство самого Ленина. По словам Антонова-Саратовского, Милютин, прибывший после 10-го в Саратов, «рассказывал<...> о колебаниях в ЦК, первоначальном «провале» предложения Ленина, о его негодовании и, наконец, о том, что все же курс взят на восстание». Большевик Садовский писал

позже об «известной неуверенности и неопределенности, которые в это время царили <...> были трения, столкновения, как начать и начинать ли» <...> 16-го октября Крыленко докладывал: «Большая часть Бюро (Военной организации) полагает, что не нужно заострять вопрос практически, но меньшинство думает, что можно взять на себя инициативу». 18-го другой видный участник Военной организации, Лашевич, говорил: «Не надо ли брать власть сейчас? Я думаю, что нельзя форсировать событий... Нет гарантии, что нам удастся удержать власть <...> Антонов-Овсеенко рассказывает о свидании главных военных работников с Лениным: «Подвойский выражал сомнение, Невский то вторил ему, то впадал в уверенный тон Ильича <...> Решительно выступал против восстания Чудновский. Скептический Мануильский предостерегающе твердил, что «фронт не с нами». Против восстания был Томский, Володарский поддерживал Зиновьева и Каменева. Далеко не все противники переворота выступили открыто. На заседании Петроградского комитета 15-го Калинин говорил: «Резолюция ЦК — это одна из лучших резолюций, которую когда-либо ЦК выносил... Мы практически подошли к вооруженному восстанию. Но когда это будет возможно — может быть, через год — неизвестно». Такого рода «согласие» с ЦК, как нельзя более характерное для Калинина, было свойственно, однако, не только ему» (там же, с. 166—167).

Примеры эти можно было бы продолжить. Но привели мы их отнюдь не для того, чтобы «авторитетом» этих большевиков, активных деятелей Октябрьской революции, не чуждых сомнениям и колебаниям, «обелить» Горького, подкрепить его якобы сходную позицию. Напротив, у Горького с ними мало общего.

В вопросе о вооруженном восстании и захвате власти в Октябре 1917 года позицию Горького нельзя отождествлять как с позицией правого крыла большевиков, в частности Каменева и Зиновьева, так и меньшевиков во главе с Плехановым или меньшевиков-интернационалистов, вроде Мартова и его сторонников — сотрудников «Новой жизни» Н. Суханова, В. Базарова, Б. Авилова и др. Первые, не отрицая возможности и необходимости социалистической революции, расходились с Лениным только в вопросах тактики: своевременности и несвоевременности восстания. Они считали, что «взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном

соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов — было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом» («Новая жизнь», 1917, № 156, 18(31) октября).

«Перед историей, перед международным пролетариатом, перед русской революцией и российским рабочим классом,— писали Зиновьев и Каменев в своем обращении к членам партии,— мы не имеем права ставить теперь на карту вооруженного восстания все будущее». Они надеялись на дальнейший рост пролетариата, непрерывное развитие большевистской партии, идеями которой овладеют массы. В то время как лейтмотивом ленинских выступлений того времени было: «Успех русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы», Зиновьев и Каменев писали: «Глубокой исторической неправдой будет такая постановка вопроса о переходе власти в руки пролетарской партии: или сейчас, или никогда. Нет. Партия пролетариата будет расти, ее программа будет выясняться все более широким массам».

Меньшевики всех течений и направлений, придерживаясь догмы марксизма, были против вооруженного восстания в принципе, считая, что Россия не созрела для социалистической революции, что она исторически не подготовлена и вообще невозможна в отсталой, капиталистически не развитой стране. С их точки зрения, основная задача социал-демократии и других социалистических партий в настоящий момент — не завоевание власти, а защита революционных завоеваний Февраля, борьба за дальнейшее развитие принципов буржуазно-демократической республики. Для этого надо бороться за большинство в Учредительном собрании, чтобы в качестве оппозиции буржуазным партиям оказывать влияние на правительство.

Горький — не профессиональный политик, и позиция его не исчерпывается политикой, как у первых и вторых. В отличие от них (в том числе и всех большевиков), видевших в революции прежде всего социально-политический переворот, для Горького революция в первую очередь связана с развитием культуры, это — явление духовное, ведущее к возрождению и очищению человека. Для него демократическая, социалистическая, культурная революция — неразделимый процесс, единое целое. Начавшись Февралем, революция не прерывается

в Октябре (об этом говорит, в частности, композиция отдельного издания «Несвоевременных мыслей»). Поэтому его оппозиция Октябрю объясняется, уж конечно, не приверженностью теоретическим догмам и не просто страхом поражения восстания, а опасением за судьбу самой Революции, — уже свершившейся, развивающейся, тревогой за судьбу культуры. («Где слишком много политики, там нет места культуре».)

«Несвоевременные мысли» и аналогичные — под другими названиями — статьи Горького в «Новой жизни» говорят о том, что отношение его к Октябрьской социалистической революции не было политически последовательным и однозначным. Художническое, эмоционально-чувственное отношение к действительности преобладало у него над социально-аналитическим. Как писатель он подходил к Октябрю прежде всего с морально-нравственных позиций, страшая темной крестьянской стихии, «зоологических инстинктов» народа, неоправданного кровопролития, разгула анархии, насилия, жестокости террора и гибели культуры. Революция была его родным детищем, кровным делом, которому он посвятил всю жизнь и творчество и к которому мужественно шел через все испытания. Поэтому он так остро чувствует безмерную ответственность за ее судьбу. Именно поэтому марксист и социал-демократ, бунтовщик революции и пролетарский писатель Горький оказался на первых порах не с партией рабочего класса, а символист и далекий от революционного движения великий поэт Александр Блок сразу принял революцию, считая ее справедливым «возмездием» ненавистному старому строю, всему своему классу. Он не очень задумывается о судьбе революции; романтик, он приветствует ее как ветер, вихрь, как бурю, все сметающую на своем пути, — чем больше от старого мира будет разрушено в ее огне, тем справедливее будет «возмездие» этому пошлому буржуазному обществу.

Сам Горький, объясняя впоследствии свою позицию в период подготовки и свершения Октябрьского восстания, писал: «В 1917 году я ошибался, искренно боясь, что диктатура пролетариата поведет к распылению и гибели политически воспитанных рабочих-большевиков, единственной действительно революционной силы, и что гибель их надолго затемнит самую идею социальной революции» (24, 302).

Горький говорит о главном, не вдаваясь в оттенки своих настроений, не взрыхляя почву, питавшую его взгляды; он говорит только о следствии, к которому могло привести «преждевременное выступление». «Известно, что Октября я не понял,— писал он 15 октября 1927 года И. И. Скворцову-Степанову.— (...) Теперь мне кажется, что этому пониманию мешала моя тревога за судьбу организованного в партию большевиков пролетариата (...) Повторяю: так мне кажется теперь, а так ли было тогда — не могу утверждать» («В. И. Ленин и А. М. Горький». М., 1969, с. 344).

«Тогда» и взгляды Горького были сложнее и положение драматичнее. И требовались огромное мужество и большая убежденность в своей правоте: ведь Горький выступил против своих друзей, революционеров-единомышленников, с которыми прошел трудный путь борьбы с самодержавием. Писатель считал, что Ленин, большевики приносят «всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политическую воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству. Эта единственная в России активная сила будет брошена, как горсть соли, в пресное болото деревни и бесследно растворится, рассосется в ней, ничего не изменив в духе, быте, в истории русского народа» (ПСС, 20, 27—28).

Все это говорит о том, что оппозиция Горького Октябрю не была случайной «ошибкой», неожиданным отступлением на его якобы прямом пути революционера, как это представляется в нашей литературе. Сам Горький отметил «случайность» своих «колебаний», когда писал: «В 17—18 годах мои отношения с Лениным были далеко не такими, какими я хотел бы их видеть, но они не могли быть иными (подчеркнуто мною.— И. В.). Он — политик. Он в совершенстве обладал тою четко выработанной прямолинейностью взгляда, которая необходима рулевому столь огромного, тяжелого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия» (там же).

Обобщая опыт первой русской революции, Горький создал не только такие произведения, как «Мать» и «Враги», с их яркими образами революционеров, сознательных пролетариев, рабочих и интеллигентов большевистской закалки, мужественных борцов за политическую свободу (хотя здесь же изобразил и косную среду, противостоящую им), но и ряд произведений, центральной

темой которых была политическая неразвитость и пассивность народа, исследовалась дикая окуровская глушь, анархизм и темнота деревни («Лето», «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина», «Русские сказки» и др.). Эти противоречия в жизни, быте и психологии русского человека писатель публицистически сформулировал в статье «Две души», написанной еще в конце 1914 года, но напечатанной в декабрьской книге журнала «Летопись» за 1915 год, а затем подтвердил в статье «Письма к читателю» («Летопись», 1916, март, № 3). В этих статьях Горький противопоставляет две культуры, два миропонимания: «активный Запад», верящую в разум Европу — «пассивному Востоку» с его мистицизмом и мечтательностью. У русского человека, по его мнению, сосуществуют две души: одна — азиатски пассивная, душа мечтателя, фаталиста, рабски покорного обстоятельствам, «убежденного в том, что «Судьба — всем делам судья», «Ты на земле, а судьба — на тебе», «Против судьбы не пойдешь», а рядом с «этой бессильной душой живет душа славянина», активная и героическая, она способна вспыхнуть ярко и красиво, но ненадолго, в решительный момент, и тут же погаснет, мало способная «к защите от ядов, привитых ей, отравляющих ее силы».

Выдвинутая писателем теория «двух душ» вызвала негодование и резкую критику как реакционеров, так и либерально-буржуазных философов, обидевшихся за русский народ. Особенно ополчились на писателя «патриоты», черносотенцы, националисты, развивавшие шовинистическую пропаганду идеи мессианизма и самобытности русского народа, именно благодаря необыкновенным свойствам этой его «восточной», «мистической», «религиозной» души, обвиняли писателя, говоря «модным» словечком новоявленных «патриотов», «почвенников», в «русофобии» — во всех преступлениях против народа. Сын своего народа, Горький был бесконечно далек от подобных мыслей, каких-либо наветов. Напомнив о «двух душах» в «Несвоевременных мыслях», Горький спрашивает своих «бумажных врагов»: когда они были более искренни — когда ругали его за «нелестное мнение о русском народе» или теперь, когда они «ругают русский народ его же словами»? В том-то и дело, что, когда писатель говорит о склонности народа к анархизму, отмечая, что «он пассивен, но — жесток, когда в его руки попадает власть», что «прославленная доброта

его души — карамазовский сентиментализм», что он пассивен и «невосприимчив к внушениям культуры», — главной его мыслью является стремление объяснить: иным он, народ, не мог быть. «Условия, среди которых он жил, не могли воспитать в нем ни уважения к личности, ни сознания прав гражданина» — это были «условия полного бесправия, угнетения человека, бесстыднейшей лжи и зверской жестокости. И надо удивляться, что в этих условиях народ все-таки сохранил в себе немало человеческих чувств...».

В отличие от своих критиков, которые только и знают, что истошно кричат о развивающейся анархии, разрушениях и грабежах, повсеместной дикости и жестокости, Горький считает необходимым сейчас же, после Февраля, начать немедленно «культурную работу, в самом широком смысле слова». Он призывает «отдать таланты, умы и сердца наши российскому народу для воодушевления его к разумному творчеству новых форм жизни». Об этом же он писал полтора года назад, анализируя особенности русского национального характера и видя свою задачу в том, чтобы возродить народ, побудить его «изменить к лучшему нашу трудную, обидную жизнь». Преодоление «азиатского влияния», «восточной пассивности» — это и есть освобождение от тех преград и начал, которые стоят на пути русской демократии в ее борьбе за социальную революцию.

И всей своей литературной и общественной деятельностью дооктябрьского десятилетия Горький стремился возбудить революционную энергию народа, активность человека в противовес мечтательному фатализму, обывательской, мещанской «окуровщине». Поэтому в борьбе за новую Россию главной задачей является развитие науки и культуры, просвещения и образования в широких народных массах, объединение всех демократических сил, союз научно-технической и социалистической интеллигенции с политически грамотной, передовой частью рабочего класса, способной повести за собой все слои трудящихся, в том числе лишенную «социальных эмоций» деревню, — вот те условия, без которых никакая социальная революция в стране невозможна.

В очерке «В. И. Ленин», осмысливая свою позицию, вспоминая свои мысли и думы, владевшие им накануне и тотчас после Февральской революции 1917 года, Горький писал: «Научная, техническая — вообще квалифици-

рованная интеллигенция, с моей точки зрения, революционна по существу своему, и вместе с рабочей, социалистической интеллигенцией для меня была самой драгоценной силой, накопленной Россией,— иной силы, способной взять власть и организовать деревню, я — в России 17 года не видел. Но эти силы, количественно незначительные и раздробленные противоречиями, могли бы выполнить свою роль только при условии прочнейшего внутреннего единения. Пред ними стояла грандиозная работа: овладеть анархизмом деревни, культивировать волю мужика, научить его разумно работать <...> Первейшей задачей революции я считал создание таких условий, которые бы содействовали росту культурных сил страны» (ПСС, 20, 28).

Таким образом, выступление Горького (впервые открыто 18 октября 1917 года со статьей «Нельзя молчать!» в «Новой жизни») против большевистского курса на немедленное вооруженное восстание, как видно, было вполне осознанным, основанным на его понимании движущих сил революции, опыте исторического развития страны и русского освободительного движения, оценке текущего момента и главное — на отношении романтика к революции прежде всего как к процессу духовного возрождения и очищения человека, только начатого Февралем. Писатель-гражданин, он считает своим революционным долгом, главной своей задачей — предупредить, остановить партию большевиков от «преждевременного выступления», с его точки зрения обреченного на поражение и чреватого трагическими последствиями для страны, народа, партии и самой революции.

И в этих своих опасениях Горький не был одинок и впоследствии об этом неоднократно напоминал. Выше отмечалось, что подобную позицию — хотя в основе ее были иные, чем у Горького, чисто политические мотивы — отстаивала часть большевистского центра, а также лидеры других социал-демократических и социалистических партий, меньшевистско-эсеровское большинство Петроградского Совета и других организаций. Мы уже приводили заявление Л. Каменева и Г. Зиновьева, за их резолюцию на заседании большевистского центра 16 октября голосовало шесть членов ЦК. 17 октября со статьей «Марксист-

ское отношение к восстанию» в «Новой жизни» выступил В. Базаров, который писал, что «неизбежность провала становится с каждым днем все очевиднее». А посему большевики, «возглавляющие выступление», ставят «на карту его успеха или неуспеха судьбу крупнейшей рабочей партии в России,— даже больше — судьбу рабочего движения, социализма, революции вообще, ибо нет сомнения, что в случае провала реакционные силы под флагом борьбы с «большевизмом» постараются задавить пролетариат, отнять у него все завоевания, обескровить революцию». Об этом же писали эсеровское «Знамя труда» (см. «Новая жизнь», 1917, № 155, 17(30) октября), газета меньшевиков-интернационалистов «Искра» (там же), не говоря уж о плехановском «Единстве». В эти же дни появилось, например, «Заявление Центрофлота», в котором указывалось, что «предполагаемое выступление с оружием на улицах» в данный момент «есть преступление перед страной, ибо поведет к столкновению двух лагерей революционной демократии, а плодами воспользуется только контрреволюция» (см. там же).

На следующий день после обращения Горького (в статье «Нельзя молчать!») «опровергнуть слухи» о готовящемся выступлении большевиков «Новая жизнь» опубликовала заявление Троцкого, сделанное им 18 октября на заседании Петроградского Совета и вряд ли успокоившее писателя. Оно содержало замаскированный призыв к мобилизации революционных сил и одновременно служило тактическим маневром, чтобы дезавуировать заявление Каменева и Зиновьева и по мере возможности предотвратить и предупредить ответный удар и сопротивление реакции. По собственным его словам, он «оборонительной по внешности формулой юридически прикрывал наступательную политику», отрицал установление определенной даты восстания, но выразил уверенность, что, «когда Петроградский Совет Р. и С. Д. найдет необходимым назначить это выступление, под его революционными знаменами пойдет весь рабочий класс, весь революционный гарнизон» («Новая жизнь», 1917, 19 октября (1 ноября), № 157).

В эти напряженные дни острой идейной и политической борьбы позиция Горького неизбежно должна была вызвать критику и отпор со стороны большевиков. Газета «Рабочий путь» (новое название закрытой правительством «Правды») обвинило писателя в том, что он «рас-

писал петроградских рабочих и солдат теми же красками, которыми буржуазная реакция неизменно расписывала восстающий пролетариат» в 1848 г. и в период Парижской коммуны 1871 г. Тревожное предупреждение Горького вызвало резкую, даже для тех условий, грубую отповедь Сталина. В своей неподписанной статье Сталин причислил писателя к ренегатствующим интеллигентам, дезертирующим «из рядов революции в черную рать Бурцевых — Сувориных». Он предрекал Горькому участь духовного «мертвеца»: прозябание в «архиве» истории, если не порвет с «перепуганными неврастениками» из «Новой жизни»: «Русская революция ниспровергла немало авторитетов. Ее мощь выражается, между прочим, в том, что она не склонялась перед «громкими именами», брала их на службу либо отбрасывала их в небытие, если они не хотели учиться у нее (...) Плеханов, Кропоткин, Брешковская, Засулич (...) Мы боимся, что лавры этих «столпов» не дадут спать Горькому. Мы боимся, что Горького «смертельно» потянуло к ним, в архив.

Что же, вольному воля. Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов...» («Рабочий путь», 1917, 20 октября (2 ноября), № 41).

(Этот неуважительный окрик тем более поражает, что сам Сталин, вопреки создававшейся вокруг него в течение многих лет легенде, уже и тогда не был «верным ленинцем». Например, после Февральской революции он выступал за «оборончество», за условную поддержку Временного правительства, за слияние с партией Церетели и т. п. «Эту ошибочную позицию,— признавался он в 1924 году,— я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина». Сталин, между прочим, поддержал Каменева и Зиновьева в самый критический момент подготовки к восстанию. 20 октября он в качестве редактора единолично напечатал в центральном органе письмо Зиновьева, заявившего о том, что, мол, его взгляды «очень далеки от тех, которые оспаривает Ленин» (который, как известно, назвал действия Зиновьева и Каменева «штрейкбрехерством»). Это письмо Сталин сопроводил редакционным примечанием, в котором вопрос признавался «исчерпанным»: «Резкость тона статьи Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками». Сталин голосовал против принятия отставки Каменева и не поддержал

решения, воспрещающего Каменеву и Зиновьеву вести борьбу против линии ЦК. Оставшись в меньшинстве, он заявил о выходе из редакции. Но ЦК отставку Сталина отклонил. Все это вполне отвечает характеру «вождя народов», объясняет его подозрительность и осторожность, тактику выжидания: за четыре дня до восстания — каков еще будет его результат — он не считал возможным отрезать бесповоротно путь к отступлению.)

В разные годы Ленин неоднократно подвергал критике Горького, но всегда уважительно, по-дружески, стремясь понять заблуждения писателя. А в те дни он вообще ни разу не выступил лично против Горького. Единственная его полемическая статья, направленная против позиции «Новой жизни», где имя Горького и не названо, при всей ее принципиальной решительности и резкости, — не окрик, а идейно-теоретический, политический спор с оппонентами. Так, в конце сентября (с продолжением 1 октября) он писал: «В чем согласны все направления, от «Речи» до «Новой жизни» включительно, от кадетов-корниловцев до полубольшевиков, все за исключением большевиков? В том, что большевики одни либо никогда не решатся взять всю государственную власть в свои руки, либо, если решатся и возьмут, не смогут удержать ее даже в течение самого короткого времени».

Уличая «Новую жизнь» в «чудовищной теоретической ошибке и политической слепоте», Ленин подчеркивает, что «если «Новая жизнь» боится диктатуры пролетариата и отказывается от нее из-за возможного будто бы поражения пролетарской власти буржуазией, то это равносильно возвращению тайком на позицию соглашательства с капиталистами!!! Ясно как день, что, кто боится сопротивления<...> кто учит народ: «бойтесь сопротивления капиталистов, вам не сладить с ним», тот тем самым призывает опять к соглашательству с капиталистами».

Уже закончив статью, Ленин прочитал передовую «Новой жизни» от 1 октября и вновь возмутился ее позицией, «тем более опасной, что она прячется под флагом сочувствия к большевикам и под покровом премудрого филистерского рассуждения: «не дать себя провоцировать»...». В заключение Ленин обращается к «новожизненцам»: «На грозные вопросы гражданской войны вы отвечаете растерянными фразами и жалкими конституционными иллюзиями. Вот почему я говорю, что если

бы большевики поддались таким настроениям, они погубили бы и свою партию, и свою революцию» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 290, 328, 334, 339).

Ленинское большинство в партии не «поддалось таким настроениям» и пошло на захват власти. К началу вооруженного восстания большевики не успели завоевать большинство в Советах, и центральный орган ЦИК и Петросовета «Известия» 25 октября (7 ноября) выступили с редакционной статьей, само название которой говорило о позиции газеты — «Безумная авантюра». Аналогично, теми же словами, оценивает выступление большевиков и Горький. В тот же день в «Новой жизни» появилась его статья «К демократии», проникнутая искренней тревогой за будущее революции и демократическое развитие страны: «Слепые фанатики и бессовестные авантюристы, сломя голову, мчатся якобы по пути к «социальной революции» — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции». По мнению Горького, Ленин сам «не верит в возможность победы пролетариата в России при данных условиях», «надеется на чудо», но «чудес в действительности не бывает», и рабочий класс «ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею — не менее кровавая и мрачная реакция».

Через несколько дней после Октябрьского переворота Горький публикует новую статью, обвиняя большевиков-ленинцев в «догматизме», «нечаевщине», оправдании «деспотизма власти», в «разрушении России», — «русский народ заплатит за это озерами крови». И вновь и вновь говорит о «жестоком опыте» над русским народом, «заранее обреченном на неудачу», о «безжалостном опыте, который уничтожит лучшие силы рабочих и надолго остановит нормальное развитие русской революции». «Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы, — пишет Горький, — двадцать пять лет он стоял в первых рядах борцов за торжество социализма, он является одною из наиболее крупных и ярких фигур международной социал-демократии; человек талантливый, он обладает всеми свойствами „вождя“». А каждому вождю, сокрушается писатель, присуще «также и необходимое для этой роли отсутствие морали и чисто барское отношение к жизни народных масс».

Примечательная деталь: постоянно боровшийся с «реакционными» идеями Достоевского, «достоевщиной»

(между прочим, всю жизнь стремясь освободиться от влияния «злого гения»), всего четыре года назад начавший бурную кампанию против инсценировки в МХТе «Бесов» («проповеди со сцены болезненных идей Достоевского»), Горький в этих чрезвычайных обстоятельствах, выступая против действий большевиков, сам обвиняет их в «бесовщине», уподобляя героям-заговорщикам «контрреволюционного», «клеветнического», по его же словам, романа Достоевского.

«Владимир Ленин вводит в России социалистический строй по методу Нечаева — «на всех парах через болото», — пишет Горький. Так это же из «Бесов», это ж вещает принятый за «заграничного эмиссара, имеющего полномочия», Петр Верховенский: «...не тридцать же лет опять болтать, как болтали до сих пор тридцать лет... А потому прошу всю почтенную компанию... прямо и просто заявить, что вам веселее: черепаший ли ход в болоте или на всех парах через болото?» Горький пишет далее: «И Ленин, и Троцкий, и все другие, кто сопровождает их к гибели... убеждены, что «правом на бесчестие всего легче русского человека за собой увлечь можно», и вот они хладнокровно бесчестят революцию... заставляя... устраивать кровавые бойни...» И это тоже из «Бесов» — «откровение» Кармазинова, по поводу которого Николай Ставрогин ликующе «вскричал»: «Превосходные слова! Золотые слова!.. Прямо в точку попал! Право на бесчестие — за это все к нам прибегут...»

Итак, «кровь» и «мораль», насилие и нравственность, «цель» и «средство» — эти коренные вопросы жизни и революции, занимавшие великие умы всех времен, мучительно решавшиеся классиками мировой и русской литературы и особенно болезненно ближайшими предшественниками Горького — Достоевским и Л. Н. Толстым, еще больше обострившиеся в связи с революционной практикой современности, как видим, не обходятся, но затуманиваются автором «Несвоевременных мыслей». Они определяют центральную проблематику новожизненных статей писателя, красной нитью проходят через «Несвоевременные мысли». Преломленные сквозь призму реальных событий, жизненных ситуаций и конфликтов, они воссоздают характерную, глубоко драматичную, сложную и необыкновенно противоречивую картину первого этапа развития нашей революции. «Несвоевременные мысли» запечатлели именно картины революцион-

ного времени — его атмосферу, а не «летопись» — пусть даже и «своеобразную», как пытались это представить. При всей своей публицистической открытой полемичности это — книга раздумий, лирико-политическое эссе с мучительными и драматическими социальными и философскими исканиями, в основе которых — проблемы революции и культуры.

«Озера крови» видятся Горькому как результат насилия над историческим развитием России, как следствие «аморального», «безжалостного отношения к жизни народных масс». Но так ли уж боялся и страшился Горький крови? Каково вообще его отношение к насилию, к революционному насилию в частности? Считал ли он действительно возможным избежать кровопролития в классовых битвах пролетариата?

На разных этапах революционного развития писатель отвечал на эти вопросы неоднозначно.

На протяжении всей своей общественной и литературной деятельности Горький неизменно выступал против ненавистной ему рабской покорности, унижающего человека непротивленчества, за активное отношение к жизни и ее «свинцовым мерзостям». «Человека создает его сопротивление окружающей среде», — убежден писатель. Поэтому он так непримиримо относился, в частности, к пассивистской проповеди смирения и терпения в учениях и творчестве Л. Толстого и Достоевского. В разгар первой русской революции он даже объявил их идеи выражением мироощущения и идеологии мещанства. В начале 1917 года, готовя ко второму изданию свою книгу «Статьи 1905—1916 гг.» и объясняя в предисловии, почему исключены из публикуемых в ней «Заметок о мещанстве» резкие суждения о Достоевском и Толстом, Горький подчеркивал, что «по существу» его «отношение к социальной педагогике» гениальных писателей «не изменилось и не может измениться». «Смысл двадцатилетней общественной работы моей, как я понимаю ее, — писал он, — сводится к страстному моему желанию возбудить в людях действенное отношение к жизни» (Ук. изд. Пг., «Парус», 1918, с. 5).

И Горький прекрасно понимал, что в борьбе за коренное социальное переустройство жизни насилия не избежать, — он признавал это еще в споре с Толстым на заре века. Он никогда не считал, говоря блоковскими словами, «революцию идиллией», никогда не заблуждался на

сей счет В день расстрела мирной демонстрации в Петербурге, 9 января 1905 года, Горький писал Е. П. Пешковой: «Итак — началась русская революция, мой друг, с чем тебя искренно и серьезно поздравляю. Убитые — да не смущают — история перекрашивается в новые цвета только кровью» (28, 348).

Бескомпромиссно ясная, однозначная позиция. Через два года в романе «Мать», учитывая опыт первой русской революции, тема насилия уже широко вводится Горьким в художественную ткань произведения и разрабатывается многосторонне, глубоко, во всей своей сложности. Роман был написан быстро, но в течение ряда лет, от издания к изданию, существенно перерабатывался, возникали новые редакции его и варианты. Для интересующей нас темы большое значение имеет работа автора над эпизодом, связанным с убийством шпиона и доносчика, предававшего рабочих. Если в первой редакции его убивает Андрей Находка, то в последующих — этот акт совершает анархически настроенный рабочий Драгунов; Находка же, догадываясь о предстоящей расправе над доносчиком, однако, убийства не предотвращает.

В «Матери» Горький проявляет необычайную озабоченность нравственной стороной деятельности своих героев-революционеров. На протяжении всей книги они выступают как люди высоких помыслов, душевной красоты, неколебимой нравственной стойкости, сердечного бескорыстия и доброты. Поэтому и дело народное — революционная борьба за новую, социалистическую Россию, которую ведут Павел Власов и его товарищи, — является высоконравственным, гуманистическим. И то, что такой впечатлительный, поддающийся чувству и настроению, душевный человек, как Андрей Находка, не препятствуя убийству, тем самым как бы оправдывает акт насилия, очень важно в романе. Писатель признает, что в борьбе пролетариата за свободу, за свои политические и гражданские права, при ожесточенном сопротивлении власть имущих, невозможно избежать кровопролития.

Но подлинному гуманисту, каким, без сомнения, является Горький, примириться с этой неизбежностью тоже невозможно. Где же выход из «этого круга»? Что ответить Толстому, который в том споре тоже по-своему прав: «А ведь насилие — главное зло. Как же вы выйдете из этого противоречия, сочинитель?»

Автор «Матери» понимает всю сложность вопроса. От эпизода с убийством шпиона расходятся широкие круги, помогающие понять мысли и чувства действующих лиц и возможный ответ «сочинителя». Всем развитием сюжета Горький говорит читателю: жестокость и насилие ничем, даже самыми высокими целями, оправдано быть не может. Вместе с тем в определенных условиях, во время революционных массовых народных движений, насилие часто приобретает значение решающего фактора в борьбе противоборствующих сил. Тогда оно становится неизбежным (как необходимость), однако только как вынужденное средство самозащиты.

Так приходит писатель к выводу: путь борьбы за социализм противоречив, сложен, труден, часто трагичен. Этим мучается Находка: «Половина сердца — любит, половина ненавидит, разве ж это сердце, а?» «Двоится человек, — терзается он. — Ты бы только любить хотел, а как это можно?»

Вопрос этот отражает драматизм пролетарской революции, противоречия «реального гуманизма», как его называл Маркс, «социального идеализма», как его именует Горький. Вспоминается печальное признание В. И. Ленина (в горьковском очерке), когда, слушая сонаты Бетховена в исполнении И. Добровейна, он с грустью сказал: «Ничего не знаю лучше «Appassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка [...] Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми» (ПСС, 20, 42).

Так же рассуждают в горьковском очерке и рабочие, «которым приходилось и приходится, крепко сжав зубы, «держат душу за крылья» — насиловать органический «социальный идеализм» свой ради торжества дела, которому они служат» (там же, с. 41).

Так же рассуждают в горьковской «Матери» героиреволюционеры, с душевной болью признавая, как Егор Иванович, что «человек невольно должен быть жестоким». Переживания Андрея Находки после убийства шпиона завершаются его выводом, что «по дороге вперед и против самого себя идти приходится».

И в то же время Горький предупреждает о необходимости святое дело революции вести без ожесточения, без анархической страсти к беспощадному разрушению во имя лишь разрушения. Накопленная веками ненависть к поработителям легко может вылиться в «бунт бессмысленный и беспощадный». С особенной силой эту ненависть несет в себе крестьянин Рыбин, которому противостоят сознательные рабочие-революционеры. «Тут Рыбин был,— рассказывает Павел Власов Находке,— таких паров нагнал,— опрокинул меня, задавил! Я ему и возражать не мог. Сколько в нем недоверия к людям и как он их дешево ценит! Верно говорит мать — страшную силу несет в себе этот человек!<...>

— Это я видел! — угрюмо сказал хохол. — Отравили людей! Когда они поднимутся — они будут все опрокидывать подряд! Им нужно голую землю,— и они оголят ее, все сорвут!»

Противопоставляя в «Матери» «реальный гуманизм» пролетариата, сам по себе противоречивый, стихийному сознанию крестьянской массы, Горький подчеркивает, насколько страшно, трагично насилие, какую опасность представляет разгул вседозволенности. И хотя в очерке «В. И. Ленин» писатель признается, что «плохо верит в разум масс вообще, в разум же крестьянской массы — в особенности», он все же не отрекается от борьбы, понимая и необходимость ее, и неизбежность жертв.

Но в конце концов Горький надеется на победу разума человека над его инстинктами. Рост сознания народа, «воскрешение» души его в процессе революционной борьбы (основная тема «Матери») — залог того, что в схватке со старым миром не будет бессмысленной жестокости.

В период подготовки и свершения Октябрьской революции, по убеждению Горького, соотношение сознательного и стихийного не достигло необходимой меры, что поставило его в оппозицию к решительным действиям большевиков. После Октября убеждения его не изменились. Революционная практика то и дело вступала в противоречие с «социальным идеализмом» писателя. Он считает, что революция не принесла духовного очищения и возрождения, напротив,— оправдались худшие его опасения. «Несвоевременные мысли», родившиеся в обстановке и атмосфере Февральской революции, приобретают еще больший драматизм в новой революцион-

ной действительности, полны острой душевной муки и боли: ведь теперь писатель говорит о самой судьбе победившего Октября, о жизнеспособности идей социализма, будущем России и народа.

За свою семидесятилетнюю историю наша страна прошла большой и сложный исторический путь. Вместе с героическими победами и великими свершениями были на этом пути и трагические отклонения от социализма. Роковые ошибки и тяжкие преступления прошлого, застой во всех сферах жизни — экономике, политике, идеологии — привели страну в кризисное состояние. Сегодня мы учимся жить в условиях расширяющейся демократии и гласности, и, как постоянно убеждаемся, не так легко освободиться от старого в мыслях и действиях, утвердить новые структуры и формы общественного развития. Тем более трудным оказалось положение в первый послеоктябрьский период, когда «вздыбленная Русь» делала первые шаги, только закладывала основы нового строя.

Противоречия бурно развивающейся революционной действительности определили характер противоречий публицистики Горького той поры, нашедшие отражение прежде всего в «Несвоевременных мыслях».

Критический накал его публицистики не ослабевает. По-прежнему он убежден в несвоевременности социалистической революции. Однако мысль эта как бы оттесняется на второй план, существует как вывод из его наблюдений и критических выступлений. Первостепенной же задачей становится защита и утверждение общечеловеческих идеалов, на которых она основана и которые питают ее.

Теперь все его помыслы обращены на то, чтобы как можно более полно реализовать гуманистический потенциал революции, завоеванные народом права и свободы. Пафос критики направляется на то, что противоречит высоким целям и идеям революции, дискредитирует заложенные в ней гуманистические, морально-нравственные и культурные ценности как со стороны самих революционных сил пролетариата и его авангарда, так и под напором «зоологического анархизма» темных масс.

Что касается последних, то по отношению к ним позиция Горького не претерпела какой-либо эволюции: это

все та же отсталая, забитая, лишенная культуры, чуждая по своей собственнической психологии идеям социализма крестьянская масса, к тому же еще анархизированная войною, разрухой, голодом. Она-то и представляет наибольшую опасность для революции, грозит растворить в своей массе количественно малочисленный пролетариат, принести стране жестокость и бедствия, террор и жертвы. Как писал Герцен, «взять неразвитие силой невозможно (...) Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы» («К старому товарищу». — Полн. собр. соч. в 30 т., т. XX, кн. 2, с. 590).

Эти убеждения разделяет Горький, они нашли отражение не только в «Несвоевременных мыслях» («народ, воспитанный в жесточайшем рабстве, освобожден из тяжких, уродующих цепей. Внутренно мы еще не изжили наследия рабства... и от этого мы так болезненно жестоки»); об этом же он писал в 1922 году в своей книге «О русском крестьянстве»: «Атмосфера бесправия, в которой издревле привык жить народ, убеждает его в законности бесправия, в зоологической естественности анархизма (...) Русский крестьянин сотни лет мечтает о каком-то государстве без права влияния на волю личности, на свободу ее действий, — о государстве без власти над человеком (...) Среда, в которой разыгралась и разыгрывается трагедия русской революции, это — среда полудиких людей» (Берлин, изд. И. П. Ладыжникова, 1922, с. 5—6, 40).

Однако не только этими взглядами на крестьянство объясняется оппозиция Горького послеоктябрьскому революционному процессу. Страстные его филиппики, с горечью выплеснутые на страницы «Несвоевременных мыслей», распространяются и на действия рабочего класса во главе с пролетарским авангардом — партией большевиков, правительством народных комиссаров.

В чем здесь причина? Ведь революция победила, живет и развивается. Она ему не менее дорога, чем прежде. Так же близки и дороги ему интересы рабочего класса, родного народа и так же, как и раньше, все его помыслы связаны с судьбой родной страны.

Что же мешает Горькому теперь принять уже совершившуюся революцию? Чем руководствуется он в своем

критическом отношении к ее бурному, сложному и в общем победному утверждению в стране?

Все это объясняется неприятием тех способов и методов, которыми, по его мнению, осуществляется революционная практика пролетариата в союзе с крестьянством. Горький считает, что революция приняла формы, противоречащие ее гуманистическим идеалам. Он убежден: и формы, в которых развивается социальная революция, и методы ее осуществления, не соответствуют демократическим принципам социализма, человеческой нравственности, гуманистической морали. «Революция,— настаивает Горький,— погибнет от внутреннего истощения, если пролетариат, подчиняясь фанатической непримиримости народных комиссаров, станет все более и более углублять свой разрыв с демократией». «Революция,— неустанно напоминает Горький,— великое, честное дело, дело, необходимое для возрождения нашего, а не бессмысленные погромы, разрушающие богатство нации». Горький убежден: «Революция окажется бессильной и погибнет, если мы не внесем в нее все лучшее, что есть в наших сердцах, и если не уничтожим, или хотя бы не убавим жестокость, злобу, которые, опьяняя массы, порочат русского рабочего-революционера».

В стране закладывались общественно-политические, социально-экономические основы советского социалистического строя. День за днем выходили правительственные декреты, законы, постановления, определяющие политику углубления и расширения революционных завоеваний народа. Процесс протекал в неимоверно трудных условиях неизжитых привычек и старой морали, при сопротивлении косной среды, в борьбе с остатками «цензовых классов», в обстановке готовой разразиться гражданской войны. Революционные преобразования и демократизация всех сторон экономической, общественной и духовной жизни развивались глубоко драматично и противоречиво. Эти противоречия революции воспринимаются Горьким с мучительной болью, даже порой с душевным надрывом: «Если я вижу, что политика советской власти «глубоко национальна» — как это иронически признают и враги большевиков,— а национализм большевистской политики выражается именно «в равнении на бедность и ничтожество»,— я обязан с горечью признать: враги — правы, большевизм — национальное несчастье, ибо он грозит уничтожить слабые зародыши русской

культуры в хаосе возбужденных им грубых инстинктов».

И не потому Горький так много пишет о разгуле анархии, жестокости большевиков, неспособности власти понять, что ее лозунги «социальной» революции «духовно и физически измученный народ» переводит на свой язык: «громи, грабь, разрушай», а «панические крики» о борьбе с «буржуем», — как прямой «призыв к убийствам» и т. п., не потому он так много уделяет внимания бессмысленным погромам и бессудным расправам, что не видит, не замечает положительных явлений и огромных достижений, которые несет с собою революция. Просто: «Грязь и хлам всегда заметнее в солнечный день... Чем более осуществимыми кажутся нам наши стремления к торжеству свободы, справедливости, красоты, — тем более отвратительным является пред нами все то скотски подлое, что стоит на путях к победе человечески прекрасного».

Каждая статья Горького в «Новой жизни» злободневна, написана по конкретному поводу, в связи с тем или иным реальным фактом, жизненным событием или общественным явлением, газетной публикацией или только что полученным письмом и т. п. И вместе с тем это не мимолетные заметки, репортажи и зарисовки, — они глубоко «личные», в них запечатлены наиболее дорогие, близкие или горькие и ненавистные автору факты и явления, чувства и переживания. Откликаясь на злобу дня, писатель за каждым конкретным фактом стремится увидеть и вскрыть характерное явление времени, поставить реальный факт в контекст бурно развивающейся революционной действительности, извлечь из него общий смысл (конечно, как он его понимает).

И если попытаться кратко сформулировать сущность, направленность и общий пафос «Несвоевременных мыслей», то это: отстаивание, защита нерасторжимого единства политики и нравственности. Этой идеей пронизана и вся новожизненная публицистика Горького. И в этом огромная заслуга писателя перед своими современниками и бесценный урок его потомкам, будущему поколению советских людей.

Как писателя Горького волнует прежде всего нравственная сторона совершающихся событий, он все соизмеряет с обыкновенным человеком, единичной личностью. «Идеология пролетариата не есть идеология классового эгоизма», — пишет Горький, а — «явление об-

щечеловеческое»: «Где слишком много политики, там нет места культуре» и «совершенно бесполезно говорить о совести, справедливости, об уважении к человеку и обо всем другом, что политический цинизм именует «сентиментальностью», но без чего — нельзя жить».

Разъединение политики и нравственности, по убеждению писателя, само по себе антигуманистическое, скажется самым пагубным образом на жизни народа и страны и грозит тяжелыми и кровавыми последствиями в будущем. Оно способствует внедрению антидемократических методов в политике, ведет к оправданию насилия, жестокости, террора, нарушению социальной справедливости, «позорному отношению к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия».

На протяжении девяти месяцев — с ноября по июль, пока «Новая жизнь» не была закрыта, — от статьи к статье он постоянно и неустанно напоминает: теперь, когда революция свершилась, пролетариат завоевал власть, диктатура его должна быть способом утверждения демократии, а не ее уничтожением, методы ничем не оправданного насилия недопустимы, дискредитируют гуманистическое содержание революции, разжигают ответное насилие, создают опасность гражданской войны. Пролетариат должен быть великодушен и как победитель и как носитель высоких идеалов демократии и социализма.

В этой связи примечательна его полемика с М. Надеждиным (в свою очередь полемизирующим в петроградской «Красной газете» с горьковской апелляцией к «совести») по вопросу о насилии, удивительно напоминающая диалог писателя с Толстым, только на месте Толстого здесь сам Горький: «Способ рассуждений Мих. Надеждина вводит его в безвыходный круг: так как народ мучили — он тоже имеет право мучить. Но ведь этим он дает право отомстить ему за муки — мукой, за насилие — насилием». «Как же выйти из этого круга?» — спрашивает Горький почти толстовскими словами.

Тогда на вопрос Толстого ответа не последовало, ибо Горький считал этот «круг» хотя и мучительно противоречивым, «раздваивающим» человека, но неизбежным в борьбе народа за свое освобождение. Теперь народ победил, в его руках власть, а потому насилию и мести не должно быть места, «за всю грязь, кровь, подлость

и пошлость притаившиеся враги рабочего класса возложат со временем вину именно на рабочий класс». А так как «выхода» из этого заколдованного «круга» нет, остается только уничтожить насилие, ибо оно — «главное зло». Для этого надо прививать культуру, воспитывать нравственность, взывать к «совести, справедливости», «уважению к человеку» — «без чего нельзя жить». Для этого надо «говорить правду — она целебна, и только она может вылечить нас». Поэтому «всякая правда должна быть сказана вслух на поучение наше». Скрывать правду — значит загонять болезнь вовнутрь и никогда не выйти из этого проклятого «круга».

«Чистая правда», выступающая со страниц горьковской книги, порой только правда факта, не выражающая полноту явления, иногда односторонняя, но она благородна и мужественна, потому что подчинена высшему нравственному требованию: нельзя притеснять, убивать людей, кто бы они ни были.

Непреходящее значение горьковской правды в том, что говорится она в условиях, когда жестокость и насилие становятся «обыкновенным», «бытовым явлением». «Нет,— справедливо говорит Герцен,— великие перевороты не делаются разнуздыванием дурных страстей». «Жизнью мира,— пишет Горький,— движет социальный идеализм — великая мечта о братстве всех со всеми — думает ли пролетариат, что он осуществляет именно эту мечту, насилуя своих идейных врагов? Социальная борьба не есть кровавый мордобой, как учат русского рабочего его испуганные вожди».

Аресты, преследования, убийства, воровство, грабежи, «в тюрьмах голодают тысячи,— да тысячи! — рабочих и солдат»,— бьет тревогу Горький. Он не может понять и принять логику победителей, когда одни министры-социалисты, «выпущенные из Петропавловской крепости, разъехались домой», а другие — их товарищи кадеты (М. В. Бернацкий, А. И. Коновалов, М. И. Терещенко и др.) — остались в каземате. О соблюдении законности говорит он настойчиво, ссылаясь на репрессии против рабочих, солдат, «буржуев», студентов, общественных деятелей, «заключенных в тюрьму неизвестно за что» (называя Панину, Болдырева, Карташева, Долгорукова, Сытина). Все они — пусть по-своему — тоже служили демократии, настаивает писатель: это «честные русские люди», «талантливые работники», «культурные деятели»;

одни из них сделали «не мало доброго для рабочих», другие — для просвещения и социального образования народа, а все вместе внесли свою лепту в крушение монархии.

Неоднократно напоминает он о расправе над кадетскими деятелями Шингаревым и Кокошкиным, убитыми в больнице матросами-анархистами: «Пусть они понимали благо родины более узко, чем это понимают другие, но никто не посмеет сказать, что они не работали для народа, не страдали за него». «Новый водворяющийся порядок,— по слову Герцена,— должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Наноса удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все немешающее, разнообразное, своеобычное» (ук. соч., с. 581).

Горький и выступает против «меча рубящего», действующего по антигуманной формуле: «Кто не с нами, тот против нас». В этой неистребимой, часто ничем не оправданной классовой ненависти Горький видит «зоологический анархизм», торжество «темных инстинктов», подрывающих моральные устои революции. В 1925 году Маяковский, поставив вопрос: «Казнить или нет человечьи дни?» — ответил: «Я голосую против!» И далее: «Мы повернули истории бег. Старье навсегда провожайте, Коммунист и человек Не может быть кровожаден».

Горький об этом напоминает неустанно: «А рабочие, сознающие трагизм момента, испытывают величайшую тревогу за судьбу революции». Вот расстреляны «ни в чем не повинные» шестеро студентов, трое из них должны были на следующий день покинуть Петроград. И самое ужасное, подчеркивает Горький, когда к этим «подлым делам» начинают «привыкать». Когда они «не вызывают волнений совести». Когда беззакония, убийства, самосуды, грабежи творят «самые обыкновенные русские люди и даже, может быть, милые люди». «И вот именно то, что это люди «обыкновенные» — самое страшное».

Резкие выступления Горького, конечно, подстегивали власти на борьбу с «анархизмом улицы», но правительственная печать всякий раз спешила парировать оценки писателя, стараясь «вразумить» его, но вряд ли могла успокоить. Отмечалось, что аресты, например кадетов, произведены в соответствии с декретом Совнаркома о предании суду их лидеров, что по делу Шингарева и Кокошкина ведется следствие, что Сытин уже освобожден

(как раз в тот день, когда Горький возмущался его арестом), что в стране идет острая классовая борьба, что буржуазия и ее бывшие министры стремятся задушить революцию «учредилкой», гражданской войной и заговорами. «И этих предателей народа защищает, «как честных», М. Горький», — возмущался публицист «Правды», приходя к выводу, что писатель находится «в путах старого мира» (1917, 23(10) декабря).

«С грустью приходится отметить, — пишет автор «Грядущего», — что условия среды и оторванность от широких народных масс» наложили «пелену на глаза даже самых сильных провидцев человеческой души». Они возмущаются «жестокостями рабочего класса», «как будто не ведая о том, что ни одна революция в мире не была так гуманна и милосердна к побежденному врагу» (1918, № 1, с. 11). По мнению другого автора, «раскисший Горький» говорит от имени всех «бывших», которым ненавистно революционное правительство. «Задумался ли Горький, — спрашивает он, — сколько крови пролили бы буржуазные политики и казацкие генералы, если бы победа досталась им?» Превратившийся в «хныкающего обывателя», Горький должен «не учить народ, а учиться у него» («Правда», 1917, 22(9) декабря).

Конечно же, Горький «задумывался». Он прекрасно знал, что рождение революции — акт тяжелый, подобно «рождению человека», мучительный и кровавый, о чем предупреждали Маркс и Энгельс, писал в первые дни Советской власти Ленин, отмечая «особенно тяжелые муки первого периода начавшегося акта родов» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 477).

Горький в это же время и сам пишет о «необходимости верить, что эти бешеные, испачканные грязью и кровью дни — великие дни рождения новой России»: «Тяжелые роды — в шуме разрушения старых форм жизни, среди гнилых обломков грязной казармы, в которой народ задыхался триста лет...» «Да, вот именно теперь», «в эти дни чудовищных противоречий рождается Новая Россия».

И все же ни понимание «муки родов», ни вера в «рождение новой России» не могут примирить его с действительностью, где много неоправданно жестокого и несправедливого, попираются нормы права и морали, примирить с жизнью, в которой «взбунтовавшиеся мещане» возбудили «бурю темных страстей» и «вьюгу жадности,

ненависти, мести». Месть как ответ на «долгий плен» и «вековые муки», по оценке Горького, — чувство звериное, рабское; «Вчерашний раб сегодня видит своего владыку поверженным во прах, бессильным, испуганным, — зрелище величайшей радости для раба, пока еще не познавшего радость более достойную человека — радость быть свободным от чувства вражды к ближнему <...> Да, да — мы живем по горло в крови и грязи, густые тучи отвратительной пошлости окружают нас и ослепляют многих...»

«Чистая правда», как считал Горький, вскрывая мерзости жизни, должна помочь разомкнуть заколдованный «круг», в котором нет выхода из насилия. Но это воспринималось как «очернительство», как предательство дела революции и интересов народа. Его переживания, стремление дать нравственную и психологическую оценку происходящим событиям не замечались. Примером может служить уже упоминавшаяся статья поэта Вл. Кириллова в «Грядущем» с полемическим названием «Своевременные мысли». Автору «странно слышать и видеть», как некоторые «бывшие идейные и духовные вожди пролетариата, долгие годы служившие великой цели освобождения рабочего класса, теперь, когда этот класс, сбросив с себя оковы векового рабства, неопытными, но могучими руками берется за строительство новой жизни <...> вместо того, чтобы слиться с ним в этой великой работе, став в позу безучастных наблюдателей, занялись неблагодарной работой отыскивания на теле освободившегося исполина язв и рубцов — следов прошлого насилия и рабства <...> Они с ужасом кричат о мнимых преступлениях и жестокостях рабочего класса, о зоологических инстинктах толпы, об отсутствии идеализма и т. д.»

Полемизируя с Горьким, партийная печать особенно резко критиковала «подмену» писателем великой борьбы народа «зоологическим анархизмом» «темных масс». Резкость тона соответствовала остроте ситуации. «Правда» писала, что Горький из «буревестника» превратился в «гагару», «которой недоступно «счастье битвы»» (1917, 5 декабря/22 ноября), выступает как «хныкающий обыватель» (1917, 22(9) декабря), «из-за деревьев не видит леса» (1917, 8 декабря/25 ноября), что он «изменил революции» и «солидаризуется с реакционерами» (1918, 20(7) января) и т. д.

В свою очередь и Горький не оставлял без ответа

предъявляемые ему обвинения. Ответы эти в каждом отдельном случае вполне конкретны, но в целом они отчетливо высвечивают те главные принципы и идеи, которыми руководствуется писатель в своей деятельности.

Прежде всего это «мучительная и тревожная любовь к России, любовь к русскому народу». Это опасение за судьбу революции, стремление предотвратить насилие и анархию, которые приведут «русский пролетариат к разгрому и гибели, а разгром пролетариата вызовет в России длительную и мрачайшую реакцию». Это сознание опасности, тающейся в действиях и психологии отсталых слоев народа, темной массы, которая «говорит на языке пролетария», но ничего общего с ним не имеет. Именно представители этих слоев, оказавшись в рядах партии и государственного аппарата, представляют главную опасность демократизации страны и ее социалистическому развитию в будущем. Это убеждение в пагубности разъединения политики и нравственности и в необходимости союза рабочего класса и демократической интеллигенции, «объединения всех интеллектуальных сил страны на почве культурной работы».

И, наконец, это сознание непреходящего значения критического слова писателя в борьбе с пороками жизни. В 1929 году Горький писал: «Та художественная литература, которой справедливо присвоено имя «великой», никогда не пела хвалебных песен явлениям социальной жизни». Перечислив имена корифеев мировой и русской литературы, писатель отмечал, что «никто из них не сказал действительности утверждающее и благородное «да»!»: «Это — величайшая заслуга великих художников. Беспощадно ярко освещая пороки жизни, недостатки людей, они воспитывали жажду лучшего, они — учили» (25, 94).

Наследник традиций «великой литературы», Горький заявляет в «Несвоевременных мыслях»: «В чьих бы руках ни была власть, за мною остается мое человеческое право отнестись к ней критически». Выходец из низов народа, плоть от плоти его, патриот и гражданин, преисполненный искренней сыновьей любви к матери-родине, он утверждает свое «право говорить обидную и горькую правду о народе». Он «убежден, что будет лучше для народа, если эту правду о нем» скажет он «первый, а не те враги народа, которые теперь молчат да копят месть и злобу, чтобы в удобный для них момент плюнуть этой злостью в лицо народа, как они плевали после 905 и 6 гг.».

Говорить правду — «значит обессилить нападение врага». А главное — «она целебна, и только она может вылечить нас».

Хотя в пылу полемики Горький не раз заявлял, что ему безразлично, как о нем отзываются его критики — «экспериментаторы», «фанатики и легкомысленные фантазеры», на самом же деле он очень близко к сердцу принимал их выступления, остро реагировал, часто весьма болезненно, но не сдавался, отстаивал «свою правду».

Он, например, так болезненно воспринял сравнение его с «врагами рабочего класса» в «Правде», что посвятил этому выступлению специальную статью (см. ст. LIV). Отметая несправедливые обвинения, он отмечал, что своей критикой «обращается к наиболее сознательным представителям рабочего класса», стремясь предотвратить разгул анархии: «Мне кажется, что я пишу достаточно просто, понятно, и что смыслящие рабочие не должны обвинять меня в «измене делу пролетариата». Я считаю рабочий класс мощной культурной силой в нашей темной мужицкой стране, и я всей душой желаю русскому рабочему количественного и качественного развития». Но пока что рабочий класс находится в меньшинстве, он очутился в окружении массы, людей психологически чуждых ему, чьи «настроения, желания и действия» обрекают лучшую часть пролетариата на позор и уничтожение». Эта «темная масса» и является, по словам Горького, объектом его критики: все это люди «политически неразвитые, бессознательные», они озабочены только «мещанским желанием устроить свое личное благополучие». Для Горького социализм — не утопия, он глубоко верит в его идеалы, а эти люди органически неспособны «принять и воплощать в жизнь идеи чистого социализма». Между тем, пишет Горький, «раздраженные инстинкты этой темной массы нашли выразителей своего зоологического анархизма, и эти вожди взбунтовавшихся мещан ныне, как мы видим, проводят в жизнь нищенские идеи Прудона, а не Маркса, развивают Пугачевщину, а не социализм и всячески пропагандируют всеобщее равнение на моральную и материальную бедность». Так полемизирует Горький с «безумной деятельностью народных комиссаров», которые производят «жестокий и обреченный на неудачу опыт над русским народом», с пагубным для него практическим максимализмом «анархо-коммунистов и фантазеров из Смольного».

Полемичность — характерная особенность содержания и стиля горьковской публицистики того времени. При этом полемика с буржуазными и различными социалистическими органами печати, занимая в его статьях, естественно, меньшее место, еще более остра и непримирима.

Главным объектом критики здесь является прежде всего кадетская печать, что на первый взгляд может вызывать удивление: вспомним, как возмущался он преследованиями их лидеров. Выступая в защиту кадетских деятелей, Горький проявил свой нравственный долг, выразил свое отношение к насилию, требуя милосердия, справедливости и великодушия от пролетариата-победителя. Но это вовсе не значит, что он разделял идеи и убеждения тех же конституционалистов и им подобных.

Примером может служить также его заступничество за арестованного «ассенизатора политических партий» В. Л. Бурцева, хотя никогда не разделял ни его взглядов, ни его страсти к «погоне за провокаторами». Если вспомнить, что за четыре месяца до этого Бурцев открыл яростную травлю Горького, обвинив его в «шпионаже», «измене родине», особенно ощутимой станет высокая нравственная позиция писателя.

С кадетскими газетами Горький полемизирует, отмечая их контрреволюционную сущность, и тогда, когда они выступают против него, обвиняя в большевизме, и когда берут его в союзники, ополчась на большевистскую революцию, и когда заигрывают с властями, чтобы подорвать революцию изнутри. Эта полемика отчетливо показывает, в чем отличие позиции Горького и «Новой жизни» от «Речи» и ее разновидностей: в горьковской критике действительности мука и боль за революцию и ее будущее, в кадетской — злорадное смакование анархии, издержек и негативных сторон революционного творчества народа, затаенная надежда на его крушение.

«„Лежачего не бьют“ — очень хорошее правило, и все мы были бы гораздо приятнее сами себе и друг другу, если бы честно держались этого правила», — пишет Горький в апреле 1918-го. Но «лежачий поднимает голову, ползет, шипит», «имея коварное желание дать вам по затылку». Это — кадеты, и об их контрреволюционных побуждениях, «иезуитских поползновениях», указывает он, надо сказать всю правду. «Занятие так же неприятное, как отвратительна причина, возбуждающая к нему».

Характеристика, которую дает Горький кадетам, их психологии и образу действия, под пером писателя удивительно напоминает мироощущение современных консерваторов, всевозможных «патриотов», противников подлинного духовного обновления общества. Кадеты, пишет Горький, убеждены в своем «превосходстве», как и «в том, что они — единственная сила, способная спасти Россию от грозящей ей гибели <...> Это очень умные люди, кадеты, они не только остерегаются резко критиковать действия Советской власти, но даже несколько миротворят ей, за что неоднократно удостоивались лестных одобрений Советской печати». Но с углублением революционной перестройки, злорадствуя по поводу ее ошибок и издержек, «они уже не хотят скрывать своей искренней ненависти к демократической России». Стремясь пробраться к власти, напоминает Горький, они начинают свою работу с того же, с чего начали ее в 1907 году — с травли демократии, и, как тогда, теперь «они снова стремятся организовать всех ренегатов и трусов, всех врагов народа и ненавистников социализма».

И Горький предупреждает об опасности, которую несут эти «люди, «услуживающие» буржуазии»: скоро демократии будет предъявлен длинейший, «тщательно и злорадно составленный обвинительный акт», и мечтают они «снова создать тот мрачный круг настроений, угнетающих душу, настроений, которые так прочно поддерживали жуткую реакцию 908—916 гг.»

За этой пронизательной характеристикой убежденных врагов социалистических преобразований следует заключительная фраза, свидетельствующая о бескомпромиссности позиции писателя: «У демократии два врага: гг. «коммунисты», которые разбили ее физически, и кадеты, которые уже начинают работу убиения духа демократии».

Этот вывод, поражая необыкновенной искренностью Горького, еще больше обнажает глубоко драматическое положение писателя, не приемлющего и авангард пролетариата, и его заклятых врагов.

Эта противоречивая позиция Горького объясняется его нетерпением, тревогой и болью за судьбу революции, которая «творится», по его мнению, не теми силами и не теми методами.

Но само нетерпение писателя тоже противоречно и вытекает из самого историзма, пронизывающего его публицистику 1917—1918 годов. Оценка революционной

действительности, со всеми ее бурями, драмами и противоречиями, постоянно и неразрывно связывается в «Несвоевременных мыслях» со специфическими условиями исторического развития страны, психологией, характером народа, воспитанного веками рабства. Отсюда и «кричащие противоречия» публицистики Горького, отражающие противоречия самой действительности и исторических условий ее формирования.

Интересны в этом смысле раздумья писателя в связи с грабежами, самосудами, убийствами, «поражающими своей ужасающей „простотой“»: «Я спрашиваю себя: если бы я был судьей, мог бы я судить этих «простецов»? И, мне кажется,— не мог бы. А защищать их? Тоже не мог бы.

Нет у меня сил ни для суда, ни для защиты этих людей, созданных проклятой нашей историей, на позор нам, ча глумление всему миру».

Мы не поймем признания автора, если не отвлечемся от конкретного факта (в своей статье он как раз требует суда и сам судит убийц) и не увидим, что от «этих людей», от «этих простецов» протягивает писатель нить к уродливым сторонам «проклятой нашей истории», сформировавшей их образ мысли, мораль, характер, нравы. Поэтому ни судить, ни защищать — приговор надо выносить истории. А «этот народ» должен быть «прокален и очищен от рабства... медленным огнем культуры».

Но как бы непримиримо критически ни относился Горький к контрреволюционным взглядам кадетов и их «иезуитскому красноречию», отравляющим общественную атмосферу, он нигде ни разу ни словом не обмолвился о том, что нужно наконец прекратить «низвержение вулкана клеветы и грязи», которыми кадетская пресса обливает революцию и демократию. Независимо от того, идет ли речь в его статьях о послеоктябрьской действительности или о периоде Февральской революции.

Одним из важнейших аспектов новожизненной публицистики Горького, ее проблематики является вопрос о свободе слова, печати как одного из главных революционных завоеваний демократии.

Однако уже в первых своих статьях писатель обращает внимание на то, что печать еще не научилась пользовать-

ся дарованной ей свободой. Вместо освещения злободневных вопросов времени «газеты заняты желчной и злобной грызнёй», забывая, что тем самым «за кругом их влияния остаются десятки миллионов людей». «Нельзя ли уделять поменьше места языкоблудию и побольше живым интересам демократии?» — обращается он к «свободной печати» в июне 1917 года.

«По традиции, созданной в эпоху политики царизма, некоторые журналы, полемизируя, продолжают употреблять старые приемы, стараются «закатить» человеку, неприятному им, «под душу», «под микитки», «под девятое ребро», — пишет он вскоре после Февраля. — Разумеется, в газете не место спокойным, академическим спорам, но я все-таки думаю, что свободная пресса должна развить в себе чувство уважения к личности...» «В борьбе идей, — подчеркивает писатель, — вовсе не обязательно бить человека (...). Я всемерно и решительно протестую против личных выпадов в полемике, отнюдь не забывая, что и сам был повинен в допущении таковых выпадов». Как отмечает Горький, язык газет хуже уличных митингов, где «обсуждаются самые острые вопросы момента, но почти не слышно личных оскорблений, резких слов и ругательств», а в газетах то и дело читаешь по адресу каких-то людей: «подлец», «вор», «предатель».

«Свободная пресса», предупреждает Горький, не может быть аморальной, стремиться «угодить инстинктам улицы». Как пример бестактного зубоскальства он приводит статью в «одной из грязненьких уличных газет», в которой «некто напечатал свои впечатления от поездки в Царское Село» (действие происходит в июле 1917 года, а газета — петроградское «Живое слово»): «В малограмотной статейке, предназначенной на потеху улицы и рассказывающей о том, как Николай Романов пилит дрова, как его дочери работают в огороде, — есть такое место:

Матрос подвозит в качалке Александру Федоровну. Она похудевшая, осунувшаяся, во всем черном. Медленно с помощью дочерей выходит из качалки и идет, сильно прихрамывая на левую ногу...

— Вишь, заболела, — замечает кто-то из толпы: — Обезножела...

— Гришку бы ей сюда, — хихикает кто-то в толпе: — Живо бы поздоровела...

Звучит оглушительный хохот».

«Хохотать над больным и несчастным человеком — кто бы он ни был,— пишет Горький,— занятие хамское и подленькое. Хохочут русские люди, те самые, которые пять месяцев тому назад относились к Романовым со страхом и трепетом, хотя и понимали — смутно — их роль в России».

Но дело не только в том, что «веселые люди хохочут над несчастьем женщины», а в том, что подобные статейки могут возбуждать только «злые начала и темные» низменные чувства. Как писал еще Пушкин, толпа «в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего». Писатель требует от «свободного слова» «такта и морального чутья» в отношении ко всем «явлениям русской жизни», к ее «больным вопросам», особенно к вопросам национальным.

Свободная печать — драгоценное достояние гласности и должна быть основана на «чистой правде», а правда, настаивает Горький, всегда целительна. Он протестует против попыток «цензовых классов» запугать обывателя «гласностью», «свободным словом»: мол, «революция погубила Россию, потому что всем дали волю», как пишет ему один из таких защитников самодержавия. «Но, переживая эпидемию политического импрессионизма, подчиняясь впечатлениям «злобы дня», мы употребляем «свободное слово» только в бешеном споре на тему о том, кто виноват в разрухе России». «А тут спора нет, ибо — все виноваты»,— имея в виду подчинение самовластию, пишет Горький 31 мая (13 июня) 1917 года, а кажется, будто сегодня.

А спустя месяц вновь чрезвычайно метко будет замечено: «Газеты Петрограда вызывают впечатление бестолкового «страшного суда», в котором все участвующие — судьи и, в то же время, все они — беспощадно обвиняемые».

Горький считает, что задачей печати является единение всех демократических сил страны, выработка и развитие нового мышления, пропаганда честного труда, интернационализма, мира, братства между народами, поднятие уровня культуры, «всемирной интеллигентности» как «огромной важности задание всего социализма».

Исходя из этого «задания» и считая гласность могучим средством демократизации общества, Горький в послеоктябрьский период неизменно, страстно и убежденно отстаивает «свободное слово», свободу печати, если даже

она вступает в противоречие с господствующей идеологией. «Идеи не побеждают приемами физического насилия», — не раз напоминает он.

Не о духовной, печатной вседозволенности идет здесь речь, а о плюрализме мнений, о здоровой оппозиции, свободе обсуждения жгучих проблем времени, о благотворном влиянии критики, предостерегающей от ошибок и помогающей движению вперед, ибо критическое слово оппонента всегда полезнее бездумного — тем более лицемерного — славословия «единомышленников»: «В высшей степени полезно иметь пред собою умного и стойкого врага — хороший враг воспитывает своего противника, делая его умней и сильнее». И главное — «лишение свободы печати — физическое насилие, и это недостойно демократии», — пишет Горький в связи с закрытием кадетской «Речи» (с которой постоянно и ожесточенно полемизировал) и других буржуазных газет (о реакционных, вроде «Нового времени», здесь речи нет) после Октября 1917 года (некоторые потом продолжали еще долгое время выходить, иногда под новыми названиями).

Защита «Речи» между тем несколько не изменила критического отношения Горького к этой газете. Это прекрасно видно на примере его полемики с Д. Философовым, выступившим в «Речи», поменявшей название на «Наш век». Еще в январе 1918 года давний оппонент и идейный противник Горького, Философов в статье «Полубуржуй», не считая нужным вникнуть в глубинную суть драматических переживаний автора «Несвоевременных мыслей», увидел в его призывах к объединению демократических сил просто «беспринципность», «бесхребетность» писателя, который, занимая промежуточную позицию, не способен ни принять жестокую реальность революции, ни примкнуть к интеллигенции, ей сопротивляющейся («Наш век», 1918, 25 января/7 февраля).

В «Несвоевременных мыслях» от 1 мая (18 апреля) 1918 года Горький призывал интеллигенцию объединиться и «снова взять на себя великий труд духовного врачевания народа», «возрождения страны». Д. Философову очень не понравился горьковский план «культурного соглашения», как он его называет, и то, что Горький «старается привлечь ученых, писателей и художников на службу совдепам» («Наш век», 1918, 3 мая/20 апреля).

Свое несогласие на сотрудничество интеллигенции с

большевистской властью Философов мотивирует здесь тем, что власть эта лишает интеллигентов свободы, действуя «старыми самодержавными замашками, когда было запрещено свое суждение иметь». А Горький, негодуя, он, «готов продать свободу и культуру за чечевичную похлебку», «зовет русскую интеллигенцию к предательству», преследуя личные цели, и «не выносит» возражений.

«Вот, до чего дошло! — пишет в ответ Горький. — Призыв к работе на пользу государства и народа есть призыв к предательству. Что это — ослепление злобы или обывательская глупость?»

Горький отдает себе полный отчет в том, что «политическое течение, организуемое „Нашим веком“», является «наиболее враждебным» для «революционной демократии»: «Это враг непримиримый, ибо это — враг по духу». Но враг этот не пугает его. Еще в ноябре 1917 года, выражая протест против закрытия «Речи», он писал: «Разве демократия чувствует себя неправой в своих действиях и — боится критики врагов? Разве кадеты настолько идейно сильны, что победить их можно только путем физического насилия?»

Назавтра после статьи Горького, посвященной выступлению Философова, в обзоре печати «Нашего века» отмечалось, что Горький, обращая внимание на контрреволюционную опасность со стороны «врагов народа», стремится «продемонстрировать свою преданность революции» («Наш век», 1918, 11 мая/28 апреля).

Так совпало, что на следующий день кадетская газета была закрыта (16(3) июня 1918 года издание возобновилось, но примерно через месяц было закрыто окончательно). Только что полемизировавший с политическим направлением «Нашего века» и обличавший его враждебное отношение к «революционной демократии», Горький, верный своим принципам «свободного слова» для всех, вновь выступает против «насилия над печатью». Кроме того, он в этом видит просто неразумный шаг — «украшение растущей реакции ореолом мученичества», что «насыщает ее новой энергией» и создает «оправдание подлостям будущего».

Человек независимых суждений и критического склада ума, Горький призывает: «Дайте свободу слову, как можно больше свободы, ибо, когда враги говорят много —

они, в конце концов, говорят глупости, а это очень полезно».

Ошибочно усматривать в этом просто терпимость к «инакомыслию» (хотя эту терпимость Горький как раз отстаивал) или (почему-то до сих пор с осуждением называемый) «интеллигентский либерализм». Новожиженская публицистика Горького глубже и шире этого. В ней выражена цельная и стройная программа автора, в ней — убеждение пролетарского революционера, отстаивающего социально-моральные ценности революции, протестующего против разъединения политики и этики, отделения социализма от нравственности, против противопоставления классового и общечеловеческого начал в общественном развитии, в строительстве новой жизни.

Решение этих проблем в публицистике Горького неразрывно связано с защитой и развитием культуры как необходимого условия победы и поступательного движения революции, торжества подлинного социалистического общества. «Революция совершена в интересах культуры, и вызвал ее к жизни именно рост культурных сил, культурных запросов» — так представляет он диалектическое единство революции и культуры. «Я не знаю ничего другого,— писал он еще летом 1917 года,— что может спасти нашу страну от гибели». И в это же время Е. П. Пешковой: «Живу в душевном противоречии с самим собою и не вижу иного выхода, кроме культурной работы» («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», вып. 3, с. 41).

Как же понимает Горький «культуру», гибели которой в огне революции он так опасается в своей книге? Какое содержание вкладывает в понятие «культура», которая так нуждается в защите?

Прежде всего он разграничивает высокое гуманитарное понятие «культура» и «культурность» в смысле «образованности». Есть немало так называемых «культурных людей», отмечает он, получивших определенное образование, очень грамотных, насыщенных всевозможными знаниями. Но их знания, их житейский опыт «не мешают им быть антисемитами, антидемократами и даже искренними защитниками государственного строя, основанного на угнетении народных масс, на угнетении свободы личности». Персонально порядочные, даже иногда весьма чуткие в частных отношениях, они в общественной жиз-

ни все подчиняют своему властолюбию и эгоизму, не брезгают никакими средствами для достижения своих целей. Прибегают, как говорит Горький, «к приемам не честным, ко лжи и клевете на врага, к подленьким иезуитским хитростям, даже к жестокости — защите смертной казни, к оправданию расстрелов» и т. д. И все это не мешает им считать себя «культурными людьми».

Глубокогуманитарное понятие «культура» не имеет ничего общего с «образовальщиной». Это прежде всего подлинная духовность, высокая нравственность, совесть и мораль. «Истинная суть и смысл культуры,— пишет Горький,— в органическом отвращении ко всему, что грязно, подло, лживо, грубо, что унижает человека и заставляет его страдать». Эти чувства, как и характер человека, тоже воспитываются — жизнью, волей, знаниями, сопротивлением окружающей среде. Поэтому «задача культуры,— по определению Горького,— развитие и укрепление в человеке социальной совести, социальной морали, разработка и организация всех способностей, всех талантов личности».

Таким образом, культура, духовно обогащая человека, совершенствует его, укрепляет в нем веру в свои силы, помогает решать политические, экономические, социальные вопросы. И эта вера в самих себя «излечит, обновит нас», «воскресит наши силы», приведет к победе социализма. Но в борьбе за политические и экономические права, отмечает Горький, пролетариат не должен забывать культурное, гуманитарное начало социализма, как и то, что социализм «необходим и спасителен не для одних трудящихся», но что он «освобождает все классы, все человечество»: «В борьбе за классовое не следует отмечать общечеловеческое стремление к лучшему». Это и будет «истинным чувствованием культуры», которая помогает рабочему классу видеть в революционных идеях не узкоклассовые эгоистические интересы, а общечеловеческое содержание.

В этой связи интересно противопоставление Горьким двух типов революционеров: «временного» и «вечного». Исследуя в «Несвоевременных мыслях» нравственно-психологический тип «революционера на время, для сего дня», писатель отмечает, что «по всему строю чувствований своих» тот «остается консерватором», «стремящимся исказить, опорочить, низвести до смешного, пошлого и

нелепого культурное, гуманитарное, общечеловеческое содержание революционных идей». Этот «временный революционер» — большевик-догматик, равнодушный к делу и людям консерватор. Он клянется в верности революционным идеалам перестройки жизни и общества на основах социализма, а на самом деле — «холодный фанатик, аскет, он оскотливляет творческую силу революционных идей» и «не может быть творцом новой истории». И далее Горький впечатляюще рисует этот тип равнодушного, заботящегося лишь о своей власти, своих удобствах мещанина, скованного «тяжелым консерватизмом зоологических инстинктов». «В глубине души он исполнен презрения к человеку».

(От него тянется нить к насаждающемуся с первых дней революции бюрократизму, о котором с возмущением пишет Горький. Чиновник «упражняется во взяточничестве» так же ловко, как делали это царские лихоимцы, «наслаждаясь властью», он «относится к гражданину как к побежденному, т. е. так же, как относилась к нему полиция царя. Орут на всех, орут как будочники в Конотопе или Чухломе». «Грубость уже вошла в привычку новой бюрократии», — констатирует писатель.)

Ему противопоставлен «вечный революционер», который воплощает в себе «революционное Прометеево начало, является духовным наследником всей массы идей,двигающих человечество к совершенству». Он «всей совокупностью своих чувств и мнений» и «при любом строе» принужден «на всю жизнь остаться неудовлетворенным, ибо знает и верит, что человечество имеет силу бесконечно создавать из хорошего — лучшее». Стремясь освободить людей, которые «порабощены мертвой правдой прошлого или неизлечимо влюблены в отжившее», он не способен «прибегать к тем или иным приемам насилия над человеком иначе, как в случаях неустранимой необходимости и с чувством органического отвращения ко всякому акту насилия». «Вечный революционер» видит подлинное значение культуры в духовном развитии человека и защищает общечеловеческое содержание революционных идей. Он стремится «всеми силами духа своего углубить и расширить это сознание, чтобы оно охватило все человечество, и, расширив и разрушив все, дробящее людей на расы, нации и классы, создало в мире единую семью работников-хозяев, создающих все сокровища и радости жизни для себя».

(Таким «вечным революционером» был и сам Горький, что необходимо иметь в виду, говоря о трагедии писателя в конце 20-х — начале 30-х годов: слишком долгих его заблуждениях и позднем прозрении.)

Подлинным «творцом культуры», по утверждению Горького, является рабочий класс, передовая часть пролетариата. Но, к сожалению, эта «аристократия среди демократии» не осознает пока своей высокой роли в «нашей мужицкой стране». Мало того, истинно революционный, но количественно малочисленный российский пролетариат, и его «рабочая интеллигенция, плоть от плоти его, терроризируется темной массой, и тонет в ней, не имея сил влиять на нее». Вожди рабочего класса, опираясь в революции на союз пролетариата и крестьянства, собственно, изолируют «пролетарскую, истинно социалистическую, сознательно революционную интеллигенцию,— отрывают у рабочего класса голову».

«Социальная революция без пролетариата — нелепость, бессмысленная утопия...» — пишет Горький. «С кем вы будете творить социальную революцию — с крестьянством? — спрашивает он. — С солдатом? Штыком и пулей?» Собственнический индивидуализм «деревенского люда», его жажда обогащения «органически враждебны психике, идеям и целям городского пролетариата». Деревня «неизбежно должна будет объявить войну социалистическим стремлениям рабочего класса», и это поставит пролетариат в «трагическое положение чужих людей в родной среде». Но это не мешает Горькому видеть, как идет ограбление деревни, как страдает и стонет крестьянин от продразверстки, безжалостных реквизиций, разорявших прежде всего бедняка.

Подлинным союзником пролетариата и в революции и в развитии культуры является демократическая интеллигенция. Отстаивая и защищая этот союз, считает Горький, он защищает «практические интересы рабочего класса» и революции, обеспечивает ее успех.

Разрыв рабочего класса с демократической интеллигенцией, как верно утверждает писатель, ведет к «внутреннему истощению» революции, грозящему ей гибелью. И спасти разоренную страну, разрушенное до основания хозяйство, поднять промышленность, науку, культуру, просвещение можно только при условии, если будут привлечены к делу «строительства жизни все интеллектуальные силы русской демократии».

Горький отвергает обвинения в саботаже интеллигенции. И как только наметилось изменение по отношению к ней со стороны правительства, писатель первым призвал «представителей интеллектуальных сил» к совместной работе с большевиками. В апреле 1918 года он с удовлетворением отмечает, что даже в эти бурные и тяжелые дни рядом с политической борьбой за власть и свободу со всеми ее издержками — «насилием, деспотизмом, злобой», деформирующими «облик человеческий», — развивается интеллектуальная жизнь страны — «залог и начало нашего духовного возрождения». Именно культура и наука помогут человеку «завоевать ту свободу, которая уничтожит в нем зоологические начала и позволит ему стать умным, добрым, честным, — поистине свободным». Перечислив ряд начинаний, предпринятых Академией наук, вновь организованными научными институтами, «Свободной ассоциацией для развития и распространения положительных наук» и т. д., писатель выражает уверенность, что русская интеллигенция «возьмет на себя великий труд духовного врачевания народа».

Примечательна уверенность, с какой Горький говорит об очищающей силе революционной перестройки жизни: «Теперь, когда вскрылся гнилотный нарыв полицейско-чиновничьего строя и ядовитый, веками накопленный гной растекся по всей стране, — теперь мы все должны пережить мучительное и суровое возмездие за грехи прошлого — за нашу азиатскую косность, за ту пассивность, с которой мы терпели насилия над нами». Но этот «взрыв душевной гадости, — убежден Горький, — не надолго, ибо это процесс очищения и оздоровления больного организма — «болезнь вышла наружу» — явилась во всем своем безобразии».

Теперь интеллигенция может работать в условиях большей свободы, и писатель не сомневается, что «труд духовного возрождения страны разделит вместе с нею рабочая, пролетарская интеллигенция». Задача ее — «объединение всех интеллектуальных сил страны на почве культурной работы».

Провидческой является и следующая мысль Горького: «Но для успеха этой работы следует отказаться от партийного сектантства, следует понять, что одной политикой не воспитаешь «нового человека», что путем превращения методов в догматы мы служим не истине, а только увеличиваем количество пагубных заблуждений,

раздробляющих наши силы». Он развенчивает как догматиков марксистской теории, так и приверженцев анархо-синдикалистских идей.

Публицистика Горького этого времени, при всей своей критической заостренности и непримиримости к «издержкам» революции, при всех сомнениях и колебаниях ее автора, не закрывает перспективу исторического поступательного развития Новой России. «Нужно помнить,— пишет он,— что все — в нас, все — от нас, это мы творим все факты, все явления. Можем ли мы воспитать в самих себе органическое отвращение к звериной половине нашего существа, к тем зоологическим началам в нашей психике, которые позволяют нам быть грубыми и жестокими друг к другу? Можем ли мы внушить сами себе и друг другу отвращение к страданию, преступлению, ко лжи, жестокости и всей той подлой пыли, которой так много в душе каждого из нас.

Что же излечит нас, что воскресит наши силы, что может изнутри обновить нас?

Только вера в самих себя и ничто иное. Нам необходимо кое-что вспомнить, мы слишком много забыли в драке за власть и кусок хлеба». И в другой статье: «Откровенно говоря — я хотел бы сказать:

— Будьте человечнее в эти дни всеобщего озверения».

Характерно обращение писателя к женщинам-матерям, самой природой призванным воспитывать «чувства добрые», культуру человеческих отношений, вносить в жизнь «здоровый, облагораживающий чувство идеализм», без которого революция потеряла бы свое «моральное и эстетическое оправдание». «Не поддавайтесь злым внушениям жизни, станьте выше фактов,— призывает их Горький.— ...Надо вспомнить, что революция не только ряд жестокостей и преступлений, но также ряд подвигов мужества, чести, самозабвения, бескорыстия». В этом залог того, что Россия «не погибнет теперь, ибо народ — ожил и в нем зреют новые силы».

И если только революция способна освободить и облагородить человека, то для этого она «должна совершиться и внутри его». Всемерно способствовать этому процессу — неотложная задача интеллигенции — деятелей культуры, носителей «интеллектуальной энергии».

Поэтому в ряду широких планов культурного строительства, развития промышленности, науки, как состав-

ной части культуры и необходимого условия возрождения страны, Горький много внимания уделяет практике культурно-просветительской деятельности: «Мы должны позаботиться, чтобы рядом с политическим воспитанием народа непрерывно развивалось его моральное и эстетическое воспитание — только при этом условии наш народ будет освобожден из-под гнета своей несчастнейшей истории...»

С первых же месяцев Октябрьской революции (еще в большей мере, чем это было после Февраля) он проявляет заботу об организации театров, зрелищных представлений, музыкальных концертов, книгопечатания, художественных музеев и выставок. Примечательны те цели и идейные задания, которые ставит перед учреждениями культуры Горький. «Мы живем в эпоху катастрофальную, в эпоху героизма», — пишет он, поэтому надо дать народу искусство, которое «воспитало бы в массах умение чувствовать пафос борьбы. Трагедия наиболее возбуждает чувство, пафос трагедии наиболее легко вырывает человека из грязных сетей быта, наконец, — трагедия гуманизирует». Но не только Шекспира или греческих трагиков рекомендует Горький, но и Ростана, Диккенса, веселые комедии французского театра: «Я стою за этот репертуар потому, что — смею сказать — я знаю запросы духа рабочей массы. В ней достаточно глубоко развито сознание классовой вражды и социальных различий, она хочет видеть и понять явления общечеловечности и единства, она уже чувствует, что сознание единства, чувств, мыслей — основа культуры человека, признак общечеловеческого стремления к радости, счастью — к созданию на земле праздника».

«Новые люди, — подчеркивает Горький, — создаются новыми условиями бытия, — новые условия создают новых людей». И первейшая задача — воспитание в человеке сознания культурного значения труда и любви к нему: «Труд, совершаемый с любовью, — становится творчеством. Только бы человек научился любить свою работу, — все остальное приложится».

К непреходящему значению творческого труда как основы культуры Горький обращается неоднократно, подчеркивая, что первая в мире социалистическая революция в России окажет свое влияние на другие страны и народы только тогда, когда сумеет показать, на что способен освобожденный труд: способствует или не спо-

собствует он политическому и экономическому расцвету социализма. Благодатно ли сказывается он на воспитании человека как хозяина и творца жизни. А если свободный труд преобразует нового человека, он и есть наша надежда. Значит, Октябрьская революция как всемирно-исторический эксперимент себя оправдала.

И как будто к нам, нынешним поколениям, обращен призыв Горького из «Несвоевременных мыслей», напечатанный в «Новой жизни» 1 мая 1918 года:

«Надо работать, почтенные граждане, надо работать,— только в этом наше спасение и ни в чем ином.

Садическое наслаждение, с которым мы грызем глотки друг другу, находясь на краю гибели,— подленькое наслаждение, хотя оно и утешает нас в бесконечных горестях наших.

Но право же, не стоит особенно усердно предаваться делу взаимного истязания и истребления,— надо помнить, что есть достаточно людей, которые и желают и, пожалуй, могут истребить нас.

Будем же работать, спасения нашего ради...»

Бесценный урок Горького и его книги — необыкновенной искренности, мучительной боли, гражданского мужества, при всех ее драматических противоречиях — в убеждении и предостережении писателя: «революция, единственно способная освободить и облагородить человека, должна совершиться внутри его, и она будет совершена только путем очищения его от плесени и пыли изжитых идей».

И. Вайнберг

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

I

Русский народ обвенчался со Свободой. Будем верить, что от этого союза в нашей стране, измученной и физически, и духовно, родятся новые сильные люди.

Будем крепко верить, что в русском человеке разгорятся ярким огнем силы его разума и воли, силы, погашенные и подавленные вековым гнетом полицейского строя жизни.

Но нам не следует забывать, что все мы — люди вчерашнего дня и что великое дело возрождения страны в руках людей, воспитанных тяжкими впечатлениями прошлого в духе недоверия друг к другу, неуважения к ближнему и уродливого эгоизма.

Мы выросли в атмосфере «подполья»; то, что мы называли легальной деятельностью, было, в сущности своей, или лучеиспусканием в пустоту, или же мелким политиканством групп и личностей, междоусобной борьбой людей, чувство собственного достоинства которых выродилось в болезненное самолюбие.

Живя среди отравлявших душу безобразий старого режима, среди анархии, рожденной им, видя, как безграничны пределы власти авантюристов, которые правили нами, мы — естественно и неизбежно — заразились всеми пагубными свойствами, всеми навыками и приемами людей, презиравших нас, издевавшихся над нами.

Нам негде и не на чем было развить в себе чувство личной ответственности за несчастья страны, за ее постыдную жизнь, мы отравлены трупным ядом издохшего монархизма.

Публикуемые в газетах списки «секретных сотрудников Охранного отделения»,— это позорный обвинительный акт против нас, это один из признаков социального распада и гниения страны,— признак грозный¹.

Есть и еще много грязи, ржавчины и всяческой отравы, все это не скоро исчезнет; старый порядок разрушен физически, но духовно он остается жить и вокруг нас, и в нас самих. Многоглавая гидра невежества, варварства, глупости, пошлости и хамства не убита; она испугана, спряталась, но не потеряла способности пожирать живые души.

Не нужно забывать, что мы живем в дебрях многомиллионной массы обывателя, политически безграмотного, социально невоспитанного. Люди, которые не знают, чего они хотят,— это люди опасные политически и социально. Масса обывателя еще не скоро распределится по своим классовым путям, по линиям ясно сознанных интересов, она не скоро организуется и станет способна к сознательной и творческой социальной борьбе. И до поры, пока не организуется, она будет питать своим мутным и нездоровым соком чудовищ прошлого, рожденных привычным обывателем полицейским строем.

Можно бы указать и еще на некоторые угрозы новому строю, но говорить об этом преждевременно да, пожалуй, и нецензурно.

Мы переживаем момент в высшей степени сложный, требующий напряжения всех наших сил, упорной работы и величайшей осторожности в решениях. Нам не нужно забывать роковых ошибок 905—6 гг.,— зверская расправа, последовавшая за этими ошибками, обессилила и обезглавила нас на целое десятилетие. За это время мы политически и социально развратились, а война, истребив сотни тысяч молодежи, еще больше подорвала наши силы, подорвав под корень экономическую жизнь страны.

Поколению, которое первым примет новый строй жизни, свобода досталась дешево; это поколение плохо знает страшные усилия людей, на протяжении целого века постепенно разрушавших мрачную крепость русского монархизма. Обыватель не знал той адовой, кротовой работы, которая сделана для него,— этот каторжный труд неведом не только одному обывателю десятисот уездных городов российских.

Мы собираемся и мы обязаны строить новую жизнь на началах, о которых издавна мечтали. Мы понимаем эти начала разумом, они знакомы нам в теории, но — этих начал нет в нашем инстинкте, и нам страшно трудно будет ввести их в практику жизни, в древний русский быт. Именно нам трудно, ибо мы, повторяю, народ совершенно невоспитанный социально, и так же мало воспитана в этом отношении наша буржуазия, ныне идущая к власти. И надо помнить, что буржуазия берет в свои руки не государство, а развалины государства, она берет эти хаотические развалины при условиях, неизмеримо более трудных, чем условия 5—6 года. Поймет ли она, что ее работа будет успешна только при условии прочного единения с демократией, и что дело укрепления позиций, отнятых у старой власти, не будет прочно при всех иных условиях? Несомненно, что буржуазия должна поправиться, но с этим не нужно торопиться, чтобы не повторить мрачной ошибки 6-го года.

В свою очередь, революционная демократия должна бы усвоить и почувствовать свои общегосударственные задачи, необходимость для себя принять деятельное участие в организации экономической силы страны, в развитии производительной энергии России, в охране ее свободы от всех посягательств извне и изнутри.

Одержана только одна победа — завоевана политическая власть, предстоит одержать множество побед гораздо более трудных, и прежде всего мы обязаны одержать победу над собственными иллюзиями.

Мы опрокинули старую власть, но это удалось нам не потому, что мы — сила, а потому, что власть, гноившая нас, сама насквозь прогнила и развалилась при первом же дружном толчке. Уже одно то, что мы не могли так долго решиться на этот толчок, видя, как разрушается страна, чувствуя, как насилуют нас, — уже одно это долготерпение наше свидетельствует о нашей слабости.

Задача момента — по возможности прочно укрепить за собою взятые нами позиции, что достижимо только при разумном единении всех сил, способных к работе политического, экономического и духовного возрождения России.

Лучшим возбудителем здоровой воли и вернейшим приемом правильной самооценки является мужественное сознание своих недостатков.

Годы войны с ужасающей очевидностью показали нам, как мы немощны культурно, как слабо организованы. Орга-

низация творческих сил страны необходима для нас, как хлеб и воздух.

Мы изголодались по свободе и, при свойственной нам склонности к анархизму, легко можем пожрать свободу,— это возможно.

Не мало опасностей угрожает нам. Устранить и преодолеть их возможно только при условии спокойной и дружной работы по укреплению нового строя жизни.

Самая ценная творческая сила — человек: чем более развит он духовно, чем лучше вооружен техническими знаниями, тем более прочен и ценен его труд, тем более он культурен, историчен. Это у нас не усвоено,— наша буржуазия не обращает должного внимания на развитие продуктивности труда, человек для нее все еще как лошадь,— только источник грубой физической силы.

Интересы всех людей имеют общую почву, где они солидаризируются, несмотря на неустранимое противоречие классовых трений: эта почва — развитие и накопление знаний. Знание — необходимое орудие междуклассовой борьбы, которая лежит в основе современного миропорядка и является неизбежным, хотя и трагическим моментом данного периода истории, неустранимой силой культурно-политического развития; знание — это сила, которая, в конце концов, должна привести людей к победе над стихийными энергиями природы и к подчинению этих энергий общекультурным интересам человека, человечества.

Знание должно быть демократизировано, его необходимо сделать всенародным, оно, и только оно,— источник плодотворной работы, основа культуры. И только знание вооружит нас самосознанием, только оно поможет нам правильно оценить наши силы, задачи данного момента и укажет нам широкий путь к дальнейшим победам.

Наиболее продуктивна спокойная работа.

Силой, которая всю жизнь крепко держала и держит меня на земле, была и есть моя вера в разум человека. До сего дня русская революция в моих глазах является цепью ярких и радостных явлений разумности. Особенно мощным явлением спокойной разумности был день 23-го марта, день похорон на Марсовом поле².

В этом парадном шествии сотен тысяч людей впервые и почти осязательно чувствовалось — да, русский народ совершил революцию, он воскрес из мертвых и ныне приобщается к великому делу мира — строению новых и все более свободных форм жизни!

Огромное счастье дожить до такого дня!

И всей душой я желал бы русскому народу вот так же спокойно и мощно идти все дальше, все вперед и выше, до великого праздника всемирной свободы, всечеловеческого равенства, братства!

II

Если окинуть одним взглядом всю внешне разнообразную деятельность монархического режима в области «внутренней политики», то смысл этой деятельности явится пред нами в форме всемерного стремления бюрократии задержать количественное и качественное развитие мыслящего вещества.

Старая власть была бездарна, но инстинкт самосохранения правильно подсказывал ей, что самым опасным врагом ее является человеческий мозг, и вот, всеми доступными ей средствами, она старалась затруднить или исказить рост интеллектуальных сил страны. В этой преступной деятельности ей успешно помогала церковь, порабощенная чиновничеством, и не менее успешно — общество, психически расшатанное и, последние годы, относившееся к насилию над ним совершенно пассивно.

Результаты длительного угашения духа обнаружила с ужасающей очевидностью война. — Россия оказалась пред лицом культурного и прекрасно организованного врага немощной и безоружной. Люди, так хвастливо и противно кричавшие о том, что Русь поднялась «освободить Европу от оков ложной цивилизации духом истинной культуры», эти, вероятно, искренние и тем более несчастные люди быстро и сконфуженно замкнули слишком красноречивые уста. «Дух истинной культуры» оказался смрадом всяческого невежества, отвратительного эгоизма, гнилой лени и беззаботности.

В стране, щедро одаренной естественными богатствами и дарованиями, обнаружилась, как следствие ее духовной нищеты, полная анархия во всех областях культуры. Промышленность, техника — в зачаточном состоянии и вне прочной связи с наукой; наука — где-то на задворках, в темноте и под враждебным надзором чиновника; искусство, ограниченное, искаженное цензурой, оторвалось от общечеловеческой, погружено в поиски новых форм, утратив жизненное, волнующее и облагораживающее содержание.

Всюду, внутри и вне человека, опустошение, расшатан-

ность, хаос и следы какого-то длительного Мамаева побоища¹. Наследство, оставленное революцией монархией,— ужасно.

И как бы горячо ни хотелось сказать слово доброго утешения,— правда суровой действительности не позволяет утешать, и нужно сказать со всею откровенностью: монархическая власть в своем стремлении духовно обезглавить Русь добилась почти полного успеха.

Революция низвергла монархию, так! Но, может быть, это значит, что революция только вогнала кожную болезнь внутрь организма. Отнюдь не следует думать, что революция духовно излечила или обогатила Россию. Старая, не глупая поговорка гласит: «Болезнь входит пудами, а выходит золотниками», процесс интеллектуального обогащения страны — процесс крайне медленный. Тем более он необходим для нас, и революция, в лице ее руководящих сил, должна сейчас же, немедленно, взять на себя обязанность создания таких условий, учреждений, организаций, которые упорно и безотлагательно занялись бы развитием интеллектуальных сил страны.

Интеллектуальная сила — это первейшая, по качеству, производительная сила, и забота о скорейшем росте ее должна быть пламенной заботой всех классов.

Мы должны дружно взяться за работу всестороннего развития культуры,— революция разрушила преграды на путях к свободному творчеству, и теперь в нашей воле показать самим себе и миру наши дарования, таланты, наш гений. Наше спасение — в труде, да найдем мы и наслаждение в труде.

«Мир создан не словом, а деянием»², это прекрасно сказано, и это неоспоримая истина.

III

Светлые крылья юной нашей свободы обрызганы невинной кровью.

Я не знаю, кто стрелял в людей третьего дня на Невском, но кто бы ни были эти люди,— это люди злые и глупые, люди, отравленные ядами гнилого старого режима¹.

Преступно и гнусно убивать друг друга теперь, когда все мы имеем прекрасное право честно спорить, честно не соглашаться друг с другом. Те, кто думает иначе, неспособны чувствовать и сознавать себя свободными людьми. Убийство и насилие — аргументы деспотизма, это подлые аргумен-

ты — и бессильные, ибо изнасиловать чужую волю, убить человека не значит, никогда не значит убить идею, доказать неправоту мысли, ошибочность мнения.

Великое счастье свободы не должно быть омрачено преступлениями против личности, иначе — мы убьем свободу своими же руками.

Надо же понять, пора понять, что самый страшный враг свободы и права — внутри нас; это наша глупость, наша жестокость и весь тот хаос темных, анархических чувств, который воспитан в душе нашей бесстыдным гнетом монархии, ее циничной жестокостью.

Способны ли мы понять это?

Если не способны, если не можем отказаться от грубейших насилий над человеком — у нас нет свободы. Это просто слово, которое мы не в силах насытить должным содержанием. Я говорю — наши коренные враги глупость и жестокость.

Можем ли мы, пытаемся ли мы бороться с ними?

Это не риторический вопрос, это вопрос о глубине, о искренности нашего понимания новых условий политической жизни, новой оценки значения человека и его роли в мире.

Пора воспитывать в самих себе чувство брезгливости к убийству, чувство отвращения к нему.

Да, я не забываю, что, может быть, нам еще не однажды придется защищать свободу и право наше оружием, может быть!

Но 21-го апреля револьверы в грозно вытянутых руках были смешны, и было в этом жесте нечто детское, к сожалению разрешившееся преступлением.

Да, преступлением против свободного человека.

Неужели память о подлом прошлом нашем, память о том, как нас сотнями и тысячами расстреливали на улицах, привила и нам спокойное отношение палачей к насильственной смерти человека?

Я не нахожу достаточно резких слов порицания людям, которые пытаются доказать что-то пулей, штыком, ударом кулака по лицу.

Не против ли этих доводов протестовали мы, не этими ли приемами воздействия на нашу волю нас держали в постыдном рабстве?

И вот — освободясь от рабства внешне, — внутренне мы продолжаем жить чувствами рабов.

Еще раз — наш самый безжалостный враг — наше прошлое.

Граждане! Неужели мы не найдем в себе сил освободиться от его заразы, сбросить с себя его грязь, забыть о его кровавых бесстыдствах? Побольше зрелости, побольше вдумчивости и осторожности в отношении к самим себе — вот что необходимо нам!

Борьба не кончена. Надо беречь силы, соединять энергию воедино, а не разъединять ее, подчиняясь настроению момента.

IV

Мы добивались свободы слова затем, чтобы иметь возможность говорить и писать правду.

Но говорить правду, — это искусство труднейшее из всех искусств, ибо в своем «чистом» виде, не связанная с интересами личностей, групп, классов, наций, — правда почти совершенно неудобна для пользования обывателя и неприемлема для него. Таково проклятое свойство «чистой» правды, но в то же время это самая лучшая и самая необходимая для нас правда.

Поставим себе задачу — сказать правду о немецких зверствах. Я надеюсь, что совершенно точно установим факты зверского отношения немецких солдат к солдатам России, Франции, Англии, а также к мирному населению Бельгии, Сербии, Румынии, Польши. Я имею право надеяться, что эти факты — вне сомнений и так же неоспоримы, как факты русских зверств в Сморгони¹, в городах Галиции² и т. д. Я не отрицаю, что отвратительные приемы истребления людей, применяемые немцами, впервые допущены в деле человекоубийства. Не могу отрицать, что отношение немцев к русским военнопленным — гнусно, ибо знаю, что отношение старой русской власти к немецким военнопленным было тоже гнусным.

Все это — правда, эту правду создала война. На войне необходимо как можно больше убивать людей — такова циническая логика войны. Зверство в драке неизбежно, мы видали, как жестоко дерутся дети на улицах?

«Чистая» правда говорит нам, что зверство есть нечто вообще свойственное людям, — свойство, не чуждое им даже и в мирное время, если таковое существует на земле. Вспомним, как добродушный русский человек вколачивал гвозди в черепа евреев Киева, Кишинева³ и других городов, как садически мучили тюремщики арестантов, как черносотенцы разрывали девушек-революционерок, забивая им колья в по-

ловые органы; вспомним на минуту все кровавые бесстыдства 906—7—8 годов¹.

Я не сравниваю немецких зверств с общечеловеческими и, в частности, русским зверством; я просто, пользуясь свободой слова, рассуждаю о правде сего, текущего дня, о правде, созданной войною, и о «чистой» правде, которая общезначима для всех времен и которая воистину «красе солнца», хотя она часто печальна и обидна для нас.

Осуждая человека — немца или русского, это все равно, — мы не должны забывать о «чистой» правде, потому что она — самое драгоценное достояние наше, самый яркий огонь нашего сознания; бытие этой правды свидетельствует о высоте моральных требований, предъявляемых человеком к самому себе.

V

Несколько десятков миллионов людей, здоровых и наиболее трудоспособных, оторваны от великого дела жизни — от развития производительных сил земли — и посланы убивать друг друга.

Зарывшись в землю, они живут под дождем и снегом, в грязи, в тесноте, изнуряемые болезнями, пожираемые паразитами, — живут как звери, подстерегая друг друга для того, чтобы убить.

Убивают на суше, на морях, истребляя ежедневно сотни и сотни самых культурных людей нашей планеты, — людей, которые создали драгоценнейшее земли — европейскую культуру.

Разрушаются тысячи деревень, десятки городов, уничтожен вековой труд множества поколений, сожжены и вырублены леса, испорчены дороги, взорваны мосты, в прахе и пепле сокровища земли, созданные упорным, мучительным трудом человека. Плодоносный слой земли уничтожен взрывами фугасов, мин, снарядов, изрыт окопами, обнажена бесплодная подпочва, вся земля исковеркана, осквернена гниющим мясом невинно убитых. Насилуют женщин, убивают детей, — нет гнусности, которая не допускалась бы войной, нет преступления, которое не оправдывалось бы ею.

Третий год мы живем в кровавом кошмаре и — озверели, обезумели. Искусство возбуждает жажду крови, убийства, разрушения; наука, изнасилованная милитаризмом, покорно служит массовому уничтожению людей.

Эта война — самоубийство Европы!

Подумайте, — сколько здорового, прекрасно мыслящего мозга выплеснуто на грязную землю за время этой войны, сколько остановилось чутких сердец!

Это бессмысленное истребление человеком человека, уничтожение великих трудов людских не ограничивается только материальным ущербом — нет!

Десятки тысяч изуродованных солдат долго, до самой смерти не забудут о своих врагах. В рассказах о войне они передадут свою ненависть детям, воспитанным впечатлениями трехлетнего ежедневного ужаса. За эти годы много посеяно на земле вражды, пышные всходы дает этот посев!

А ведь так давно и красноречиво говорилось нам о братстве людей, о единстве интересов человечества! Кто же виноват в дьявольском обмане, в создании кровавого хаоса?

Не будем искать виновных в стороне от самих себя. Скажем горькую правду: все мы виноваты в этом преступлении, все и каждый.

Представьте себе на минуту, что в мире живут разумные люди, искренно озабоченные благоустройством жизни, уверенные в своих творческих силах, представьте, например, что нам, русским, нужно, в интересах развития нашей промышленности, прорыть Риго-Херсонский канал, чтобы соединить Балтийское море с Черным — дело, о котором мечтал еще Петр Великий. И вот, вместо того, чтобы посылать на убой миллионы людей, мы посылаем часть их на эту работу, нужную стране, всему ее народу. Я уверен, что люди, убитые за три года войны, сумели бы в это время осушить тысячеверстные болота нашей родины, оросить Голодную степь и другие пустыни, соединить реки Зауралья с Камой, проложить дорогу сквозь Кавказский хребет и совершить целый ряд великих подвигов труда для блага нашей родины.

Но мы истребляем миллионы жизней и огромные запасы трудовой энергии на убийство и разрушение. Изготавливаются массы страшно дорогих взрывчатых веществ; уничтожая сотни тысяч жизней, эти вещества бесследно тают в воздухе. От разорвавшегося снаряда все-таки остаются куски металла, из которых мы со временем хоть гвоздей накуем, а все эти мелиниты, лидиты, динитротолуолы — действительно «пускают по ветру» богатства страны. Речь идет не о миллиардах рублей, а о миллионах жизней, бессмысленно истребляемых чудовищем Жадности и Глупости.

Когда подумаешь об этом, — холодное отчаяние сжимает сердце, и хочется бешено крикнуть людям:

— Несчастные, пожалейте себя!

VI

Недавно один романист восплакал о том, что в русской революции нет романтизма¹, что она не создала Теруань де Мерикур², не выдвинула героев, ярких людей.

Положим, Теруань, вероятно, потому не явилась, что мы не осаждали Бастилию, но если б мы делали это, — я думаю, что из 50-ти тысяч петроградских «девушек для радости», наверное, нашлись бы героини. Но, вообще говоря, героев у нас всегда было маловато, если не считать тех, которых мы сами неудачно выдумывали — Сусанина³, купца Иголкина⁴, солдата — спасителя Петра Великого⁵, Кузьмы Крючкова⁶ и прочих героев физического действия, так сказать.

Полемизируя, можно, разумеется, забыть о героях духа, о людях, которые великим и упорным подвигом всей жизни вывели, наконец, Россию из заколдованного царства бесправия и насилия.

Но я думаю, что романтизм, все-таки, не иссяк, и романтики живы, — если именем романтика мы можем почтить — или обидеть — человека, страстно влюбленного в свою идею, свою мечту.

На днях именно такой романтик, — крестьянин Пермской губернии, — прислал мне письмо, в котором меня очень тронули вот эти строки:

«Да, правда не каждому под силу, порой она бывает настолько тяжела, что страшно оставаться с ней с глазу на глаз. Разве не страшно становится, когда видишь, как великое, святое знамя социализма захватывают грязные руки, карманные интересы?.. крестьянство, жадное до собственности, получит землю и отвернется, изорвав на онучи знамя Желябова⁷, Брешковской⁸.

Партийный работник, студент с.-д., откровенно заявляет, что он теперь не может работать в партии, так как на службе получает 350 р., а партия не заплатит ему и 250. Сто рублей он, пожалуй, уступил бы ради «прежнего» идеализма...

Солдаты охотно становятся под знамя «мир всего мира», но они тянутся к миру не во имя идеи интернациональной демократии, а во имя своих шкурных интересов: сохранения жизни, ожидаемого личного благополучия.

Я отлично помню свое настроение, когда я семнадцати-

летним юношей шел за сохой под жарким солнцем; если я видел идущего мимо писаря, священника, учителя, то непременно ставил себе вопрос: «Почему я работаю, а эти люди блаженствуют?» Ибо я признавал за труд только физический труд, и все мои стремления были направлены к освобождению себя от этого труда. Это же самое теперь я вижу у многих, охотно примыкающих к социалистическим партиям. Когда я вижу этих «социалистов», мне хочется заплакать, ибо я хочу быть социалистом не на словах, а на деле.

Нужны вожди, которые не боятся говорить правду в глаза. И если бы социалистическая пресса обличала не только буржуазию, но и ведомых ею, она от этого выиграла бы в дальнейшем. Надо быть суровым и беспощадным не только с противником, но и с друзьями. В Библии сказано: „обличай премудра, и возлюбит тя“⁹.

Вот голос несомненного романтика, голос человека, который чувствует организующую силу правды и любит ее очищающий душу огонь.

Я почтительно кланяюсь этому человеку¹⁰. Людям его типа трудно живется, но их жизнь оставляет прекрасный след.

VII

На днях я получил письмо такого содержания:

«Вчера я прочитал ваш «Кошмар», и душа моя — душа человека, тоже служившего в охранке, плачет от сознания безнадежности моего положения, которое этот рассказ пробудил во мне¹. Я не стану рассказывать вам, как попал в эту яму: это неинтересно. Скажу лишь, что голод и совет человека, близкого мне тогда, состоявшего под судом и думавшего, что я смогу облегчить его участь, толкнули меня на этот ужасный шаг.

Скажу, что презирал себя все время, служа там, презираю и сейчас. Но, — знаете, что больно? То, что даже чуткий человек, как вы, не понял, очевидно, что надо было, наверное, каждому из нас, охранников, сжечь многое в душе своей. Что страдали мы не в то время, когда служили, а — раньше, тогда, когда не было уже выхода. Что общество, которое сейчас бросает в нас грязью, не поддержало нас, не протянуло нам руки помощи и тогда. Ведь не все так сильны, что могут отдавать все, не получая взамен ничего! *Если бы еще не было веры в социализм, в партию, — а то, знаете, в своей*

подлой голове я так рассуждал: слишком мал тот вред, который я мог причинить движению, слишком я верю в идею, чтобы не суметь работать так, что пользы будет больше, чем вреда. Я не оправдываюсь, но мне хотелось бы, чтоб психология, даже такого жалкого существа, как провокатор, все же была бы уяснена вами. Ведь нас — много! — всё лучшие партийные работники. Это не единоличное уродливое явление, а, очевидно, какая-то более глубокая общая причина загнала нас в этот тупик. Я прошу вас: преодолите отвращение, подойдите ближе к душе предателя и скажите нам всем: какие именно мотивы руководили нами, когда мы, веря всей душой в партию, в социализм, во все святое и чистое, могли «честно» служить в охранке и, презирая себя, все же находили возможным жить?»²

Тяжело жить на святой Руси!

Тяжело.

Грешат в ней — скверно, каются в грехах — того хуже. Изумительна логика подчеркнутых слов о вере в социализм. Мог ли бы человек, рассуждающий так странно и страшно, откусить ухо или палец любимой женщине на том основании, что он любит всю ее, все тело и душу, а палец, ухо — такие маленькие, сравнительно с ней, целой. Вероятно, — не мог бы. Но — веруя в дело социализма, любя партию, он отрывает один за другим ее живые члены и думает, что пользы делу от этого будет больше, чем вреда. Я повторяю вопрос: искренно ли думает он так? И боюсь, что да, искренно, что это соображение явилось не после факта, а родилось в одну минуту с фактом предательства. Оригинальнейшая черта русского человека — в каждый данный момент он искренен. Именно эта оригинальность и является, как я думаю, источником моральной сумятицы, среди которой мы привыкли жить. Вы посмотрите: ведь, нигде не занимаются так много и упорно вопросами и спорами, заботами о личном «самосовершенствовании», как занимаются этим, очевидно бесплодным, делом у нас.

Мне всегда казалось, что именно этот род занятий создает особенно густую и удушливую атмосферу лицемерия, лжи, ханжества. Особенно тяжелой и подавляющей эта атмосфера была в кружках «толстовцев», людей, которые чрезвычайно яростно занимались «самоугрызением».

Морали, как чувства органической безразличности ко всему грязному и дурному, как инстинктивного тяготения к чистоте душевной и красивому поступку, — такой морали нет в нашем обиходе. Ее место издавна занято холодными,

«от ума», рассуждениями о правилах поведения, и рассуждения эти, не говоря о их отвратительной схоластике, создают ледяную атмосферу какого-то бесконечного, нудного и бесстыдного взаимоосуждения, подсиживания друг друга, заглядывания в душу вам косым и зорким взглядом врага. И — скверного врага; он не заставляет вас напрягать все ваши силы, изоощрять весь разум, всю волю для борьбы с ним.

Он — словесник. Единственно, чего он добивается, — доказать вам, что он умнее, честнее, искреннее и вообще — всячески лучше вас. Позвольте ему доказать это, — он обрадуется, на минуту, а затем опустеет, выдохнется, обмякнет, и станет ему скучно. Но ему не позволяют этого, к сожалению, а вступая с ним в спор, сами развращаются, растрачивая пафос на пустяки. И так словесник плодит словесников, так небогатые наши чувства размениваются на звенящую медь пустых слов.

Посмотрите, насколько ничтожно количество симпатии у каждого и вокруг каждого из вас, как слабо развито чувство дружбы, как горячи наши слова и чудовищно холодно отношение к человеку. Мы относимся к нему пламенно только тогда, когда он, нарушив установленные нами правила поведения, дает нам сладостную возможность судить его «судом неправедным»³. Крестьянские дети зимою, по вечерам, когда скучно, а спать еще не хочется, ловят тараканов и отрывают им ножки, одну за другой. Эта милая забава весьма напоминает общий смысл нашего отношения к ближнему, характер наших суждений о нем.

Автор письма, «товарищ-провокаатор», говорит о таинственной «общей причине», загоняющей многих и загнавшей его «в тупик».

Я думаю, что такая «общая причина» существует и что это очень сложная причина⁴. Вероятно, одной из ее составных частей служит и тот факт, что мы относимся друг к другу совершенно безразлично, это при условии, если мы настроены хорошо. Мы не умеем любить, не уважаем друг друга, у нас не развито внимание к человеку, о нас давно уже и совершенно правильно сказано, что мы:

«К добру и злу постыдно равнодушны»⁵.

«Товарищ-провокаатор» очень искренно написал письмо, но я думаю, что причина его несчастья — именно вот это равнодушие к добру и злу.

На всю жизнь останутся в памяти отвратительные картины безумия, охватившего Петроград днем 4-го июля¹.

Вот, ошестинясь винтовками и пулеметами, мчится, точно бешеная свинья, грузовик-автомобиль, тесно набитый разношерстными представителями «революционной армии». Среди них стоит встрепанный юноша и орет истерически:

— Социальная революция, товарищи!

Какие-то люди, еще не успевшие потерять разум, безоружные, но спокойные, останавливают гремящее чудовище и разоружают его, выдергивая щетину винтовок. Обезоруженные солдаты и матросы смешиваются с толпой, исчезают в ней; нелепая телега, опустев, грузно прыгает по избитой, грязной мостовой и тоже исчезает, точно кошмар.

И ясно, что этот устрашающий выезд к «социальной революции» затеян кем-то наспех, необдуманно и что глупость — имя силы, которая вытолкнула на улицу вооруженных до зубов людей.

Вдруг где-то щелкает выстрел, и сотни людей судорожно разлетаются во все стороны, гонимые страхом, как сухие листья вихрем, валятся на землю, сбивая с ног друг друга, визжат и кричат:

— Буржуи стреляют!

Стреляли, конечно, не «буржуи», стрелял не страх перед революцией, а страх за революцию. Слишком много у нас этого страха. Он чувствовался всюду — и в руках солдат, лежащих на рогатках пулеметов, и в дрожащих руках рабочих, державших заряженные винтовки и револьверы, со взведенными предохранителями, и в напряженном взгляде вытаращенных глаз. Было ясно, что эти люди не верят в свою силу да едва ли и понимают, зачем они вышли на улицу с оружием.

Особенно характерна была картина паники на углу Невского и Литейного часа в четыре вечера. Роты две каких-то солдат и несколько сотен публики смиренно стояли около ресторана Палкина и дальше, к Знаменской площади, и вдруг, точно силою какого-то злого, иронического чародея, все эти вооруженные и безоружные люди превратились в оголтелое стадо баранов.

Я не смог уловить, что именно вызвало панику и заставило солдат стрелять в пятый дом от угла Литейного по Невскому, — они начали палить по окнам и колоннам дома не целясь, с лихорадочной торопливостью людей, которые

бояться, что вот сейчас у них отнимут ружья. Стреляло человек десять, не более, а остальные, побросав винтовки и знамена на мостовую, начали вместе с публикой ломиться во все двери и окна, выбивая стекла, ломая двери, образуя на тротуаре кучи мяса, обезумевшего от страха.

По мостовой, среди разбросанных винтовок, бегала девочка-подросток и кричала:

— Да это свои стреляют, свои же!

Я поставил ее за столб трамвая, она возмущенно сказала:

— Кричите, что свои...

Но все уже исчезли, убежав на Литейный, Владимирский, забившись в проломанные ими щели, а на мостовой валяются винтовки, шляпы, фуражки, и грязные торцы покрыты красными полотнищами знамен.

Я не впервые видел панику толпы, это всегда противно, но — никогда не испытывал я такого удручающего, убийственного впечатления.

Вот это и есть тот самый «свободный» русский народ, который за час перед тем, как испугаться самого себя, «отрекался от старого мира» и «отрясал его прах с ног своих»². Эти солдаты революционной армии разбежались от своих же пуль, побросав винтовки и прижимаясь к тротуару.

Этот народ должен много потрудиться для того, чтобы приобрести сознание своей личности, своего человеческого достоинства, этот народ должен быть прокален и очищен от рабства, вскормленного в нем, медленным огнем культуры.

Опять культура? Да, снова культура. Я не знаю ничего иного, что может спасти нашу страну от гибели. И я уверен, что если б та часть интеллигенции, которая, убоясь ответственности, избегая опасностей, попряталась где-то и бездельничает, услаждаясь критикой происходящего, если б эта интеллигенция с первых же дней свободы попыталась ввести в хаос возбужденных инстинктов иные начала, попробовала возбудить чувства иного порядка, — мы все не пережили бы множества тех гадостей, которые переживаем. Если революция не способна тотчас же развить в стране напряженное культурное строительство, — тогда, с моей точки зрения, революция бесплодна, не имеет смысла, а мы — народ, неспособный к жизни.

Прочитав вышеизложенное, различные бесстыдники, конечно, не преминут радостно завопить:

— А о роли ленинцев в событиях 4 июля — ни слова не сказано, ага! Вот оно где, лицемерие!

Я — не сыщик и не знаю, кто из людей наиболее повинен в мерзостной драме. Я не намерен оправдывать авантюристов, мне ненавистны и противны люди, возбуждающие темные инстинкты масс, какие бы имена эти люди ни носили и как бы ни были солидны в прошлом их заслуги пред Россией. Я думаю, что германская провокация событий 4 июля — дело возможное, но я должен сказать, что и злая радость, обнаруженная некоторыми людьми после событий 4-го, — тоже крайне подозрительна. Есть люди, которые так много говорят о свободе, о революции и о своей любви к ним, что речи их напоминают сладкие речи купцов, желающих продать товар возможно выгоднее.

Однако главным возбудителем драмы я считаю не «ленинцев», не немцев, не провокаторов и контрреволюционеров, а — более злого, более сильного врага — тяжкую российскую глупость.

В драме 4-го июля больше всех других сил, создавших драму, виновата именно наша глупость, назовите ее некультурностью, отсутствием исторического чутья, — как хотите.

IX

«Пролетариат — творец новой культуры», — в этих словах заключена прекрасная мечта о торжестве справедливости, разума, красоты, мечта о победе человека над зверем и скотом; в борьбе за осуществление этой мечты погибли тысячи людей всех классов.

Пролетариат — у власти, ныне он получил возможность свободного творчества. Уместно и своевременно спросить — в чем же выражается это творчество? Декреты «правительства народных комиссаров» — газетные фельетоны, не более того. Это — литература, которую пишут «на воде вилами», и хотя в этих декретах есть ценные идеи, — современная действительность не дает условий для реализации этих идей.

Что же нового дает революция, как изменяет она звериный русский быт, много ли света вносит она во тьму народной жизни?

За время революции насчитывается уже до 10 тысяч «самосудов». Вот как судит демократия своих грешников: около Александровского рынка поймали вора, толпа немедленно избила его и устроила голосование: какой смертью казнить вора: утопить или застрелить? Решили утопить и бросили человека в ледяную воду. Но он кое-как выплыл

и вылез на берег, тогда один из толпы подошел к нему и застрелил его.

Средние века нашей истории были эпохой отвратительной жестокости, но и тогда, если преступник, приговоренный судом к смертной казни, срывался с виселицы — его оставляли жить.

Как влияют самосуды на подрастающее поколение?

Солдаты ведут топить в Мойке до полусмерти избитого вора, он весь облит кровью, его лицо совершенно разбито, один глаз вытек. Его сопровождает толпа детей; потом некоторые из них возвращаются с Мойки и, подпрыгивая на одной ноге, весело кричат:

— Потопили, утопили!

Это — наши дети, будущие строители жизни. Дешева будет жизнь человека в их оценке, а ведь человек — не надо забывать об этом! — самое прекрасное и ценное создание природы, самое лучшее, что есть во вселенной. Война оценила человека дешевле маленького куска свинца, этой оценкой справедливо возмущались, упрекая за нее «империалистов» — кого же упрекнем теперь — за ежедневное, зверское избивание людей?

Х

В силу целого ряда условий у нас почти совершенно прекращено книгопечатание и книгоиздательство и, в то же время, одна за другой уничтожаются ценнейшие библиотеки. Вот недавно разграблены мужиками имения Худекова, Оболенского и целый ряд других имений. Мужики развезли по домам все, что имело ценность в их глазах, а библиотеки — сожгли, рояли изрубили топорами, картины — изорвали. Предметы науки, искусства, орудия культуры не имеют цены в глазах деревни, — можно сомневаться, имеют ли они цену в глазах городской массы.

Книга — главный проводник культуры, и для того, чтобы народ получил в помощь себе умную, честную книгу, работникам книжного дела можно бы пойти на некоторые жертвы, — ведь они прежде всех и особенно заинтересованы в том, чтоб вокруг них создалась идеологическая среда, которая помогла бы развитию и осуществлению их идеалов.

Наши учителя, Радищевы, Чернышевские, Марксы — духовные делатели книг, жертвовали и свободой и жизнью за свои книги. Чем облегчают сейчас физические делатели книг развитие книжного дела?

ХІ

Три года безжалостной, бессмысленной бойни, три года изо дня в день проливается кровь лучших племен земли, истребляется драгоценнейший мозг культурных наций Европы.

Обескровлена Франция, «вождь человечества», истощается Италия, «лучший дар Бога нашей печальной земле», напрягает все свои силы Англия, «спокойно поучающая мир чудесам труда», угрюмо задыхаются в железных тисках войны «трудолюбивые племена Германии».

Уничтожены Бельгия, Сербия, Румыния, Польша; разорена экономически, развращена войною духовно мечтательная, мягкотелая Русь, — страна, еще не жившая, не успевшая показать миру свои скрытые силы.

В XX-м веке, после того, как девятнадцать веков Европа проповедовала человечность в церквах, которые она теперь разрушает пушками, в книгах, которые солдаты жгут, как дрова, — в XX-м веке гуманизм забыт, осмеян, а все, что создано бескорыстной работой науки, схвачено и направлено волею бесстыдных убийц на истребление людей.

Что, в сравнении с этой кошмарной, трехлетней бойней, тридцатилетние и столетние войны прошлого? Где найдем мы оправдание этому небывалому преступлению против планетарной культуры?

Этому отвратительному самоистреблению нет оправдания. Сколько бы ни лгали лицемеры о «великих» целях войны, их ложь не скроет страшной и позорной правды: войну родил Барыш, единственный из богов, которому верят и молятся «реальные политики», убийцы, торгующие жизнью народа.

Людей, которые верят в торжество идеала всемирного братства, негодяи всех стран объявили вредными безумцами, бессердечными мечтателями, у которых нет любви к родине.

Забыто, что среди этих мечтателей Христос, Иоанн Дамаскин¹, Франциск Ассизский², Лев Толстой, — десятки полубогов-полулюдей, которыми гордится человечество. Для тех, кто уничтожает миллионы жизней, чтобы захватить в свои руки несколько сотен верст чужой земли, — для них нет ни бога, ни дьявола. Народ для них — дешевле камня, любовь к родине — ряд привычек. Они любят жить так, как живут, и пусть вся земля разлетится прахом во вселенной, — они не хотят жить иначе, как привыкли.

Вот они уже три года живут по горло в крови, которую проливают по их воле десятки миллионов людей.

Но когда истощатся силы народных масс или когда единодушно вспыхнет их воля «к жизни чистой, человеческой» и прекратит кровавый кошмар, — люди, истребляющие народ Европы, трусливо закричат:

— Это не наша вина! Не мы изуродовали мир, не мы разрушили и разграбили Европу!

Но мы надеемся, что к той поре «глас народа» воистину будет строгим и справедливым «Гласом Божиим» и он заглушит вопли лжи.

Верующие в победу над бесстыдством и безумием должны стремиться к единению своих сил.

В конце концов — побеждает разум.

XII

Присяжный поверенный, один из тех, которые при старом режиме, спокойно рискуя личной свободой, не думая о карьере, мужественно выступали защитниками в политических процессах и нанесли самодержавию не мало ударов, — человек, прекрасно знающий глубину бесправия и цинизма монархии, говорил мне на днях:

— «Так же, как при Николае Романове, я выступаю защитником в наскоро сделанном политическом процессе; так же, как тогда, ко мне приходят плакать и жаловаться матери, жены, сестры заключенных; как прежде — аресты совершаются «по щучьему велению», арестованных держат в отвратительных условиях, чиновники «нового строя» относятся к подследственному так же бюрократически-бессердечно, как относились прежде. Мне кажется, что в моей области нет изменений к лучшему».

А я думаю, что в этой области следует ожидать всех возможных изменений к худшему. При монархии покорные слуги Романова иногда не отказывали себе в удовольствии полиберальничать, покритиковать режим, поныть на тему о гуманизме и вообще немножко порисоваться благодушием, показать невольному собеседнику, что и в сердце заядлого чиновника не все добрые начала истреблены усердной работой по охране гнилья и мусора.

Наиболее умные, вероятно, понимали, что «политик» человек, в сущности и для них не вредный, — работая над освобождением России, он работал и над освобождением чиновника от хамоватой «верховной власти».

Теперь самодержавия нет и можно показать всю «красоту души», освобожденной из плена строгих циркуляров.

Теперь чиновник старого режима, кадет или октябрист, встает пред арестованным демократом как его органический враг, либеральная маниловщина — никому не нужна и не уместна.

С точки зрения интересов партии и политической борьбы все это вполне естественно, а «по человечеству» — гнусно и будет еще гнусней по мере неизбежного обострения отношений между демократией и врагами ее.

ХІІІ

В одной из грязеньких уличных газет¹ некто напечатал свои впечатления от поездки в Царское Село. В малограмотной статейке, предназначенной на потеху улицы и рассказывающей о том, как Николай Романов пилит дрова, как его дочери² работают в огороде, — есть такое место:

Матрос подвозит в качалке Александру Федоровну³. Она похудевшая, осунувшаяся, во всем черном. Медленно с помощью дочерей выходит из качалки и идет, сильно прихрамывая на левую ногу...

— Вишь, заболела, — замечает кто-то из толпы: — Обезножела...

— Гришку бы ей сюда, — хихикает кто-то в толпе: — Живо бы поздоровела⁴.

Звучит оглушительный хохот.

Хохотать над больным и несчастным человеком — кто бы он ни был — занятие хамское и подленькое. Хохочут русские люди, те самые, которые пять месяцев тому назад относились к Романовым со страхом и трепетом, хотя и понимали — смутно — их роль в России.

Но — дело не в том, что веселые люди хохочут над несчастием женщины, а в том, что статейка подписана еврейским именем Иос. Хейсин.

Я счираю нужным напомнить г. Хейсину несколько строк из статьи профессора Бодуэна де Куртенэ⁵ в сборнике «Щит»⁶:

«Утащили в вагоне чемодан. Вор оказался поляком. Но не сказали, что украл «поляк», а только, что украл «вор».

Другой раз похитителем оказался русский. И на этот раз обличили в краже не русского, а просто — «вора»⁷.

Но если б чемодан оказался в руках еврея, — было бы сказано, что «украл еврей», а не просто «вор».

Полагаю, что мораль должна быть понятна Хейсину и подобным ему «бытописателям», — напр., Давиду Айзману⁸ и т. д. — ведь по поводу их сочинений тоже могут сказать, что это пишут не просто до оглупения обозленные люди, а — «евреи».

Едва ли найдется человек, настолько бестолковый, чтоб по поводу сказанного заподозрить меня в антисемитизме.

Я считаю нужным, — по условиям времени, — указать, что нигде не требуется столько такта и морального чутья, как в отношении русского к еврею и еврея к явлениям русской жизни.

Отнюдь не значит, что на Руси есть факты, которых не должен критически касаться татарин или еврей, но — обязательно помнить, что даже невольная ошибка, — не говоря уже о сознательной гадости, хотя бы она была сделана из искреннего желания угодить инстинктам улицы, — может быть истолкована во вред не только одному злому или глупому еврею, но — всему еврейству.

Не надо забывать этого, если живешь среди людей, которые могут хохотать над больным и несчастным человеком.

XIV

Вот уже почти две недели, каждую ночь толпы людей грабят винные погреба, напиваются, бьют друг друга бутылками по башкам, режут руки осколками стекла и точно свиньи валяются в грязи, в крови. За эти дни истреблено вина на несколько десятков миллионов рублей и, конечно, будет истреблено на сотни миллионов¹.

Если б этот ценный товар продать в Швецию — мы могли бы получить за него золотом или товарами, необходимыми стране — мануфактурой, лекарствами, машинами.

Люди из Смольного, спохватясь несколько поздно, грозят за пьянство строгими карами², но пьяницы угрозы не боятся и продолжают уничтожать товар, который давно бы следовало реквизировать, объявить собственностью обнищавшей нации и выгодно, с пользой для всех, продать.

Во время винных погромов людей пристреливают, как бешеных волков, постепенно приучая к спокойному истреблению ближнего³.

В «Правде» пишут о пьяных погромах как о «провокации буржуев», — что, конечно, ложь, это «красное словцо», которое может усилить кровопролитие⁴.

Развивается воровство, растут грабежи, бесстыдники уп-

ражняются во взяточничестве так же ловко, как делали это чиновники царской власти; темные люди, собравшиеся вокруг Смольного, пытаются шантажировать запуганного обывателя. Грубость представителей «правительства народных комиссаров» вызывает общие нарекания, и они — справедливые. Разная мелкая сошка, наслаждаясь властью, относится к гражданину как к побежденному, т. е. так же, как относилась к нему полиция царя. Орут на всех, орут как будочники в Конотопе или Чухломе. Все это творится от имени «пролетариата» и во имя «социальной революции», и все это является торжеством звериного быта, развитием той азиатчины, которая гноит нас⁵.

А где же и в чем выражается «идеализм русского рабочего», о котором так лестно писал Карл Каутский⁶?

Где же и как воплощается в жизнь мораль социализма, — «новая» мораль?

Ожидая, что кто-нибудь из «реальных политиков» воскликнет с пренебрежением ко всему указанному:

— Чего вы хотите? Это — социальная революция!

Нет, — в этом взрыве зоологических инстинктов я не вижу ярко выраженных элементов социальной революции. Это русский бунт без социалистов по духу, без участия социалистической психологии⁷.

XV

Революция углубляется...

Бесшабашная демагогия людей, «углубляющих» революцию, дает свои плоды, явно губительные для наиболее сознательных и культурных представителей социальных интересов рабочего класса. Уже на фабриках и заводах постепенно начинается злая борьба чернорабочих с рабочими квалифицированными; чернорабочие начинают утверждать, что слесари, токари, литейщики и т. д. суть «буржуи».

Революция все углубляется во славу людей, производящих опыт над живым телом рабочего народа¹.

А рабочие, сознающие трагизм момента, испытывают величайшую тревогу за судьбу революции.

«Боюсь, — пишет мне один из них, — что недалек уже тот день, когда массы, не удовлетворившись большевизмом, навсегда разочаруются в лучшем будущем, навсегда потеряют веру в социализм и повернут все взоры опять к прошлому, к черному монархизму, и тогда дело освобождения народов погибнет на сотни лет.

Я думаю, что это будет, ибо большевизм не осуществит всех чаяний некультурных масс, и вот, я не знаю, что нам, находящимся среди этих масс, делать для того, чтоб не дать угаснуть вере в социализм и в лучшую жизнь на земле».

«Положение мало-мальски развитого рабочего в среде обалдевшей массы становится похоже на то, как бы ты стал чужой для своих же», — сообщает другой.

Эти жалобы слышатся все чаще, предвещая возможность глубокого раскола в недрах рабочего класса. А иные рабочие говорят и пишут мне:

— «Вам бы, товарищ, радоваться, пролетариат победил!»

Радоваться мне нечему, пролетариат ничего и никого не победил. Как сам он не был побежден, когда полицейский режим держал его за глотку, так и теперь, когда он держит за глотку буржуазию, — буржуазия еще не побеждена². Идеи не побеждают приемами физического насилия. Победители обычно — великодушны, — может быть, по причине усталости, — пролетариат не великодушен, как это видно по делу С. В. Паниной³, Болдырева⁴, Коновалова⁵, Бернацко-го⁶, Карташева⁷, Долгорукого⁸ и других⁹, заключенных в тюрьму неизвестно за что.

Кроме названных людей в тюрьмах голодают тысячи, — да, тысячи! — рабочих и солдат.

Нет, пролетариат не великодушен и не справедлив, а ведь революция должна была утвердить в стране возможную справедливость.

Пролетариат не победил, по всей стране идет междоусобная бойня, убивают друг друга сотни и тысячи людей. В «Правде» сумасшедшие люди науськивают: бей буржуев, бей калединцев! Но буржуи и калединцы ведь это все те же солдаты — мужики, солдаты — рабочие, это их истребляют, и это они расстреливают красную гвардию.

Если б междоусобная война заключалась в том, что Ленин вцепился в мелкобуржуазные волосы Милюкова, а Милюков¹⁰ трепал бы пышные кудри Ленина.

— Пожалуйста! Деритесь, паны!

Но дерутся не паны, а холопы, и нет причин думать, что эта драка кончится скоро. И не возрадуешься, видя, как здоровые силы страны погибают, взаимно истребляя друг друга. А по улицам ходят тысячи людей и, как будто бы сами над собой издеваясь, кричат: «Да здравствует мир!».

Банки захватили? Это было бы хорошо, если б в банках лежал хлеб, которым можно досыта накормить детей. Но

хлеба в банках нет, и дети изо дня в день недоедают, среди них растёт истощение, растёт смертность.

Междоусобная бойня окончательно разрушает железные дороги: — если бы мужики дали хлеба, его не скоро подве-
зешь.

Но всего больше меня и поражает, и пугает то, что революция не несёт в себе признаков духовного возрождения человека, не делает людей честнее, прямодушнее, не повышает их самооценки и моральной оценки их труда.

Есть, конечно, люди, которые ходят «гоголем», напоминающая циркового борца, успешно положившего противника своего «на обе лопатки», — о этих людях не стоит говорить. Но в общем, в массе — не заметно, чтоб революция оживляла в человеке это социальное чувство. Человек оценивается так же дешево, как и раньше. Навыки старого быта не исчезают. «Новое начальство» столь же грубо, как старое, только ещё менее внешне благовоспитанно. Орут и топают ногами в современных участках, как и прежде орали. И взятки хапают, как прежние чинуши хапали, и людей стадами загоняют в тюрьмы. Все старенькое, скверненькое пока не исчезает.

Это плохой признак, он свидетельствует о том, что совершилось только перемещение физической силы, но это перемещение не ускоряет роста сил духовных.

А смысл жизни и оправдание всех мерзостей её только в развитии всех духовных сил и способностей наших.

«Об этом — преждевременно говорить, сначала мы должны взять в свои руки власть».

Нет яда более подлого, чем власть над людьми, мы должны помнить это, дабы власть не отравила нас, превратив в людоедов ещё более мерзких, чем те, против которых мы всю жизнь боролись.

XVI

Стоит на берегу Фонтанки небольшая кучка обывателей и, глядя вдаль, на мост, запруженный черной толпой, рассуждает спокойно, равнодушно:

— Воров топят.

— Много поймали?

— Говорят — трех.

— Одного, молоденького, забили.

— До смерти?

— А то как же?

— Их обязательно надо до смерти бить, а то — житья не будет от них...

Солидный, седой человек, краснолицый и чем-то похожий на мясника, уверенно говорит:

— Теперь — суда нет, значит, должны мы сами себя судить...

Какой-то остроглазый, потертый человечек спрашивает:

— А не очень ли просто это, — если сами себя?

Седой отвечает лениво и не взглянув на него:

— Проще — лучше. Скорей, главное.

— Чу, воет!

Толпа замолчала, вслушиваясь. Издали, с реки, доносится дикий, тоскливый крик.

Уничтожив именем пролетариата старые суды¹, г.г. народные комиссары этим самым укрепили в сознании «улицы» ее право на «самосуд», — звериное право. И раньше, до революции, наша улица любила бить, предаваясь этому мерзкому «спорту» с наслаждением. Нигде человека не бьют так часто, с таким усердием и радостью, как у нас, на Руси. «Дать в морду», «под душу», «под микитки», «под девятое ребро», «намылить шею», «накостылять затылок», «пустить из носу юшку» — все это наши русские милые забавы. Этим — хвастаются. Люди слишком привыкли к тому, что их «с измала походя бьют», — бьют родители, хозяева, била полиция.

И вот теперь этим людям, воспитанным истязаниями, как бы дано право свободно истязать друг друга. Они пользуются своим «правом» с явным сладострастием, с невероятной жестокостью. Уличные «самосуды» стали ежедневным «бытовым явлением», и надо помнить, что каждый из них все более и более расширяет, углубляет тупую, болезненную жестокость толпы.

Рабочий Костин пытался защитить избиваемых, — его тоже убили. Нет сомнения, что избьют всякого, кто решится протестовать против «самосуда» улицы.

Нужно ли говорить о том, что «самосуды» никого не устрашают, что уличные грабежи и воровство становятся все нахальнее?

Но самое страшное и подлое в том, что растет жестокость улицы, и вина за это будет возложена на голову рабочего класса: ведь, неизбежно скажут, что «правительство рабочих распустило звериные инстинкты темной уличной массы». Никто не упомянет о том, как страшно болит сердце честного и сознательного рабочего от всех этих «самосудов», от всего хаоса расхлябавшейся жизни.

Я не знаю, что можно предпринять для борьбы с отвратительным явлением уличных кровавых расправ, но народные комиссары должны немедленно предпринять что-то очень решительное. Ведь не могут же они не сознавать, что ответственность за кровь, проливаемую озверевшей улицей, падает и на них, и на класс, интересы которого они пытаются осуществить. Эта кровь грязнит знамена пролетариата, она пачкает его честь, убивает его социальный идеализм.

Больше, чем кто-либо, рабочий понимает, что воровство, грабеж, корыстное убийство — все это глубокие язвы социального строя, он понимает, что люди не рождаются убийцами и ворами, а — делаются ими. И, — как это само собой разумеется, — сознательный рабочий должен с особенной силой бороться против «самосуда» улицы над людьми, которых куда гонит к преступлению против «священного института собственности».

XVII

Приехал ко мне из провинции человек — один из тех неукротимых оптимистов, которые, «хоть им кол на голове теши», не унывают, не охают и которых, к сожалению, мало у нас на Руси.

Спрашиваю его:

— Ну, что у вас нового, интересного?

— Не мало, государь мой, не мало; а самое интересное и значительное — буржуй растет! Удивляетесь, смеетесь? Я тоже сначала удивлялся, но не смеялся, а печально, ибо — как же это? Социалистическое отечество и вдруг — буржуй растет! И такой, знаете, урожай на него, как на белый гриб сырым летом. Мелкий такой буржуй, но — крепкий, ядреный. Присмотрелся внимательнее и решил: что ж поделаешь? Игра судьбы, которую на кривой не объедешь, рожон истории, против которого не попрешь.

— Но — позвольте! Откуда же буржуй?

— Отовсюду: из мужика, который за время войны нажил немножко денег, немножко — тысячи три, пяток, а кто и двадцать! Помещика пограбил — тоже доход не безгрешен, а — хорош. И все это неверно говорится и пишется у вас, что мужик, будто, стал пьяницей, картежником, — пьют те, которые похуже, кому не жить; пьет сор деревенский, пустой народишко, издавна отравленный водкой, — ему, все равно, при всяком режиме вырождение суждено и смерть! Он, действительно, пьет разные мерзости, отчего

и умирает весьма быстро, тем самым освобождая деревню от хулиганства и всякой дряни. Тут действует один суровенький закончик: как холера является экзаменом на обладание хорошим желудком, так алкоголизм — экзамен общей стойкости организма. Нет, дрянцо человечье вымирает; конечно — жаль, но, все-таки, — утешительно! А что в карты играют жестоко — это верно! Денег очень много у всех, ну и — балуются. Но примите во внимание, что выигрывает всегда наиболее хладнокровный и расчетливый игрок, так и в этом нет беды. Идет законный подбор: сильный одолевает слабого.

Пришел солдат, он тоже принес не мало деньжонок и довольно успешно увеличивает их, пуская в оборот. Солдаты образовали свои секции, и это им очень выгодно: у нас содержание волостного комитета стоило 1.500 р., а солдаты взимают теперь 52 тысячи. И вообще, если говорить просто, — грабеж идет в деревне невероятный, но, как увидите, это не очень страшно... Прибавьте сюда бабу — она стала невероятно ловкой и умной стяжательницей.

Явился матрос, тоже человек денежный, я видел двух, которые не скрывая говорят, что у них «накоплено» по 30 тысяч. Каким образом? А они, видите ли, после того, как армия ушла, турецких армян перевозили на миноносцах в русские порты¹, за что взималось по тысяче рублей с каждой армянской головы.

— Но чего же стоят теперешние деньги?

— Не беспокойтесь, это учтено! Деньгами не дорожат, их не прячут: мелкие, разменные бумажки держат при себе, а крупные суммы обращают в имущество, покупают все, что имеет более или менее устойчивую цену. А посмотрели бы вы, как заботится новый мужик о приобретении и размножении скота! Особенно бабы! О, это удивительный народ по жадности своей к накоплению! Мало того, — есть уже настолько проникательные люди, что уже начинают учитывать возможные потребности будущего. Так, например, в волости, соседней с моей, девять человек солдат, крестьян и какой-то матрос затеяли кирпичный завод. Губерния у нас не очень лесная, но, все-таки, и не безлесная, — к чему бы им завод, вдали от железной дороги? «А, видите ли, товарищ, мы так рассчитываем, что, когда все утихомирится, народ станет кирпичные дома строить, потому что теперь у многих имущества дорогого довольно накоплено, так изба-то уж не годится!» У нас в городе вахмистр случайный пункт для лошадей устроил, трех жеребцов завел, думает расширить де-

ло до настоящего конского завода. И таких начинаний не мало, о них слышишь повсюду.

— Ну, да, конечно, до социализма отсюда далеко, но ведь было бы наивно рассчитывать на деревенский социализм у нас, на Руси. Рассчитывали?² Что же — ошиблись, а «ошибка в фальшь не ставится». А суть в том, что деревня родит буржуя, очень крепкого и знающего себе цену. Это, государь мой, будет, видимо, настоящий хозяин своей земли, человек с «отечеством». Попробуйте-ка у этого господина отнять то, что он считает своим! Он вам покажет, он, ведь, теперь вооруженный человек. И если он первое время, может быть, набросится на дешевый немецкий товар, так это не надолго: пройдет лет десять, он поймет настоящую культурную ценность своего дешевого товара и не постеснится снова вступить с немцем в драку.

— Да, вот как вышло: социализм родил буржуя! Конечно — много разбито и ограблено, однако, награбленное пока еще не ушло из России, а только распределилось среди большего количества ее жителей. «Буржуя» стало больше на земле нашей, и я говорю вам, что хотя это и мелкий, но очень крепкий буржуй, — он себя покажет!

— А рабочий класс?

— И рабочему классу он покажет себя, если рабочий не пойдет по пути крестьянской политики, не захочет понять всей важности деревенских интересов.

...Все это звучит несколько иронически и карикатурно, однако, мне кажется, что в этом рассказе есть весьма значительная доля правды, а всякая правда должна быть сказана вслух на поучение наше.

XVIII

Мы плохо знаем, как живет современная деревня, лишь изредка и случайно доносятся «из глубины России» голоса ее живых людей — вот почему я нахожу нужным опубликовать нижеприводимое письмо, полученное мною на днях.

«Глубокоуважаемый друг и товарищ!» Затем следует несколько строк дружеских излияний, а суть письма — вот какова:

«Нового у нас в селе за последнее время очень много, в особенности за прошлую неделю. 3 и 4 апреля пришлось пережить нам всем, басыдам, весьма тяжелое время в нашей

жизни, а именно: 3 апреля к нам, в село Баську, приезжали красногвардейцы, около 300 человек, которые ограбили всех состоятельных домохозяев, т. е. взяли контрибуцию, с кого тысячу, с кого две и до шести тысяч рублей, всего с нашего села собрали 85.350 руб., которые и увезли с собой; а сколько, кроме того, ограбили разного добра у наших граждан, хлебом, мукою, одеждой и проч., то тем и подсчета вести нет возможности, а у Сергея Тимофеевича взяли жеребца, но только не пришлось им воспользоваться: только доехали до села Толстовки, он и пал, около церкви. А сколько пороли нагайками людей, трудно и описать, и так сильно пороли, что от одного воспоминания волосы дыбом становятся, это прямо ужасно! Эти два дня провели наши басыцы в таком страхе, что всех ужасов описать не хватит сил. Всем казалось, что легче пережить муки ада, нежели истязания этих разбойников.

Больше особых новостей в нашем селе нет, а в Барановке, Болдасьеве и Славкине, после отъезда красной гвардии, по примеру этих разбойников, сами, беднейший класс, начали грабить состоятельных граждан своего села, даже делают набеги на другие села в ночное время. Словом, здесь жизнь становится невыносимой. Затем до свиданья, ждем вас в гости, а пока — будьте здоровы».

Эпическая простота рассказа как нельзя убедительнее свидетельствует о правдивости автора, изобличая в нем настоящего русского человека из тех, которые издавна ко всему притерпелись и если говорят о «муках ада», так это больше для красного словца, чем из чувства возмущения грабежом и побоями. Это человек, который видел, как «беднейший крестьянин», послужив в солдатах, возвратился в деревню крестьянином «богатым»; теперь он наблюдает, как этого «богатеящего» снова превращают в «беднейшего», он знает, что когда красногвардейцы, обеднив «богатеящих», встанут на их место, то и красногвардейцев можно будет пограбить.

Он считает эту чехарду «невыносимой», однако не настолько, чтобы отказаться видеть своего приятеля в гостях у себя. Чехарда возмущает его ум, но, кажется, не очень глубоко задевает чувство справедливости, и весьма возможно, что он с уверенностью ждет своей очереди превращать богатых в беднейших. Все это похоже на карикатуру, на фарс, но — к сожалению, это «правда жизни», вызванная из недр деревенской зоологии лозунгом «грабь награбленное!»¹.

Вот и грабят усердно «эти бедные селенья»², с которых можно собирать по 85 тысяч рублей, грабят, ибо очень твердо запомнили неглупую поговорку, созданную цинизмом хищников и тупым отчаянием неудачников: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Каторжный мужицкий труд, целиком зависимый от благорасположения стихии и руководимый древними навыками, а не новейшими успехами знания, не способен развить вкус к «праведному», упорному и честному труду, а ход истории экономического развития России даже и кретина способен убедить в том, что поистине «собственность — есть кража»³.

И вот — грабят, воруют, поощряемые свыше премудрой властью, возгласившей городу и миру якобы новейший лозунг социального благоустройства:

— Сарынь на кичку!⁴ — что в переводе на языке текущего дня и значит:

— Грабь награбленное!

Вспоминаются стихи из фарса Шумахера⁵:

Винить ли мужика за то, что он мужик?
От колыбели он быть таковым привык.

Винить следует не мужика — он только послушно идет по пути, предуказанному его темной воле людьми мудрыми, людьми разума.

XIX

У нас, на Руси, о культуре следует говорить бесконечно — и еще столько же.

Пришел ко мне поэт-самоучка, такой здоровый, гладкий молодец лет 20-ти, с добрыми — не без хитрецы — глазами, прочитал мне полсажени довольно немудрых стихов, и вдруг в ушах моих звучит следующее двестишье:

Лукавый тевтон, под искусною маской,
Задумал в Россию культуру ввести!

Спрашиваю поэта:

— Не объясните ли вы мне — что такое, по-вашему, культура?

Он придал недоделанному лицу своему выражение снисходительное и объяснил:

— Я понимаю культуру как всякое стеснение человека, примерно: организации, партии и вообще все, что против свободы личности.

— Вы анархист?

— Нет, я с ними поссорился, они тоже — партия и заставляют книги читать.

— А вы не любите читать?

— Романы и стихи читаю, только не очень, это мне мешает свои стихи сочинять, начитаешься, а у самого ничего уж и не выходит. Поэт должен беречь себя, никому не поддаваться, а черпать вдохновение из своей души.

— Какие же вы стихи читали?

— Северянина¹, потом еще некоторых... много! Только согласен с одним — не помню имя — который говорит:

Не учись по этим книгам,
Что лежат перед тобой,
Лицемеры их писали,
Вознесенные толпой...

Это очень верно сказано — вы согласны?

— Разные книги есть...

Он живо перебил меня:

— Нет, для поэта всякое чужое — вредно, он должен жить только своим. Да и все вообще русские должны жить своим, мы народ особенный, вот, — никто не может отказаться воевать, а мы отказались!²

— Ну, где же отказались? Друг друга-то бьем и жестоко!

— Это наше внутреннее дело. А немецкой или французской культуры, все-таки, не примем — вон, они дерутся, как звери, все одно! Срам!

— Вы — крестьянин?

— Да. Только я не считаю себя никем, я не люблю деревню и мужиков тоже, это люди чужие мне, понять меня они не могут.

Круглое полудетское лицо его стало грустно, светлые глаза обиженно прищурились, он погладил чистенько вымытой рукой волосы, завитые на концах в колечки, и тяжело вздохнул. Совсем — страдалец. Непонятая душа.

Когда я сказал ему, что, на мой взгляд, он не умеет писать стихов и что ему нужно учиться, он не поверил мне, но, кажется, не очень обиделся.

— Учиться, — сказал он, задумчиво хмурясь, — значит — быть, как все? Не гожусь я для этого, я хочу жить сам по себе. Гимназисты, студенты — все одинаковы. Нет, уж я как-нибудь сам добьюсь...

Он ушел огорченный, и я знаю, что года два-три, а может,

и пять он бесполезно для себя убьет, «добиваясь» неосуществимой для него возможности быть непохожим на других.

А через пять лет он приткнется к какому-нибудь сытному делу и будет делать его неглупо, не очень охотно, будет жить с великой обидой на людей вообще и с презрением ко всем, кто — так или иначе — будет зависим от него.

Г-жа З. Г. пишет мне:³

«Я могу представить себе десятки, даже сотни мужиков, способных принять культуру, но когда я подумаю, что все мужики и бабы научатся чистить ногти или сморкаться в платки — это кажется мне смешной утопией».

Ветеринар А. Н. рассуждает о культуре так:

«В самом слове «культура» ясно виден ее смысл — культ, религия. Культура может развиваться только на религиозной почве, и это будет истинная культура, а все остальное — культура вещей, внешнее и от лукавого. В эти дни, когда человек озверел, спасти его может только возвращение к Богу, ко Храму, к наивной вере: «Будьте, как дети», вот, что надо сказать людям, вот, чему надо их учить, а вы учите — будьте, как звери. Это — влияние германское, влияние поганных книг Ницше⁴, Маркса, Конта⁵ и других иезуитов, придумавших все эти идеи специально только для нас, русских, ибо немец знает, что мы падки на идеи, как жерех на навозных червей».

«Противно и гадко говорить о культуре, когда мужики сыты, а интеллигенция голодает», — пишет учительница, а «группа молодежи» убеждена:

«Это к лучшему, что с людьми сходит все внешнее, возложенное ими на себя по долгу, по учению святых отцов литературы, философии и науки, — слиняет, сойдет все это и человек действительно будет свободен. Может быть, он снова примет то же самое, что отверг, но на время ему необходимо

пожить без идей, принципов и всяких традиций — довольно уж литературы, культуры, социализма и всего этого.

Можно привести еще десяток столь же самобытных мнений о культуре, мнений, свидетельствующих о развитии мысли в родных Тамбовско-Калуцких школах философии, но и цитированные с достаточной убедительностью свидетельствуют о том, что ощущение жизни у нас становится острее, а понимание ее смысла и целей — тупеет. Ну, а те правила общественного поведения, те навыки взаимоотношений, которые могут быть построены на остром зоологическом ощущении жизни, не обещают нам радостей, они еще более усугубят всеобщее одичание, которому, не сопротивляясь, подчиняется не только деревня, но и город, не только народ, но и так называемые «полунинтеллигенты».

Отсюда еще раз, с полной очевидностью вытекает необходимость культурно-просветительной работы — немедленной, планомерной, всесторонней и упорной.

XX

Наблюдая работу революционеров наших дней, ясно различаешь два типа: один — так сказать, вечный революционер, другой — революционер на время, на сей день.

Первый, воплощая в себе революционное Прометеево начало¹, является духовным наследником всей массы идей,двигающих человечество к совершенству, и эти идеи воплощены не только в разуме его, но и в чувствах, даже в области подсознательного. Он — живое, трепетное звено бесконечной цепи динамических идей, и при любом социальном строе он, всей совокупностью своих чувств и мнений, принужден на всю жизнь оставаться неудовлетворенным, ибо знает и верит, что человечество имеет силу бесконечно создавать из хорошего — лучшее.

Он жарко любит вечно юную истину, но не на столько чувственно и физически, чтобы вбивать ее кулаком в сердце и головы людей, которые поработены мертвой правдой прошлого или неизлечимо влюблены в отжившее. Вообще же люди для него — неисчерпаемая живая, нервная сила, вечно творящая новые ощущения, мысли, идеи, вещи, формы быта. Он хотел бы оживить, одухотворить весь мозг мира, сколько его имеется в черепах всех людей земли, но, пре-

следуя эту его единственную и действительно революционную цель, он не способен прибегать к тем или иным приемам насилия над человеком иначе, как в случаях неустранимой необходимости и с чувством органического отвращения ко всякому акту насилия.

Он твердо знает, что, по верному слову одного из замечательных русских мыслителей, «ужас истории и величайшее ее несчастье заключается в том, что человек жестоко оскорблен»², — оскорблен природой, которая, создав его, бросила в пустыню мира зверем среди зверей, предоставив ему для развития и совершенствования те же условия, как и всякому другому зверю; оскорблен богами, которых он, в страхе и радости пред силами природы, создал слишком поспешно, неумело и слишком «по образу и подобию своему»; бесконечно оскорблен хитрым или сильным ближним и — всего горше — самим собою, своими колебаниями между древним зверем и новым человеком.

Но у революционера вечного нет чувства личной обиды на людей, он всегда умеет встать выше личного и побороть в себе мелкое, злое желание мести людям за пытки и муки, нанесенные ему.

Его идеал — человек, физически сильный, красивый зверь, но эта красота физическая — в полной гармонии с духовной мощью и красотой. Человеческое — это духовное, то, что создано разумом, из разума — наука, искусство и смутно ощущаемое все большим количеством людей сознание единства их целей, интересов. Вечный революционер стремится всеми силами духа своего углубить и расширить это сознание, чтобы оно охватило все человечество и, расширив и разрушив все, дробящее людей на расы, нации и классы, создало в мире единую семью работников-хозяев, создающих все сокровища и радости жизни для себя.

Изменения социальных условий бытия к лучшему для вечного революционера — только ступень бесконечной лестницы, возводящей человечество на должную высоту, и он не забывает, что именно в этом — смысл исторического процесса, в котором он лично является одною из бесчисленных необходимостей.

Вечный революционер — это дрожжа, непрерывно раздражающая мозги и нервы человечества, это — или гений, который, разрушая истины, созданные до него, творит новые, или — скромный человек, спокойно уверенный в своей силе, сгорающий тихим, иногда почти невидимым огнем, освещающий пути к будущему.

Революционер на время, для сего дня, — человек, с болезненной остротой чувствующий социальные обиды и оскорбления — страдания, наносимые людьми. Принимая в разум внушаемые временем революционные идеи, он, по всему строю чувствований своих, остается консерватором, являя собою печальное, часто трагикомическое зрелище существа, пришедшего в люди, как бы нарочно для того, чтобы исказить, опорочить, низвести до смешного, пошлого и нелепого культурное, гуманитарное, общечеловеческое содержание революционных идей.

Он прежде всего обижен за себя, за то, что не талантлив, не силен, за то, что его оскорбляли, даже за то, что некогда он сидел в тюрьме, был в ссылке, влачил тягостное существование эмигранта. Он весь насыщен, как губка, чувством мести и хочет заплатить сторицею обидевшим его. Идеи, принятые им только в разум, но не вросшие в душу его, находятся в прямом и непримиримом противоречии с его деяниями, его приемы борьбы с врагом те же самые, что применялись врагами к нему, иных приемов он не вмещает в себе.

Взбунтовавшийся на время раб карающего, мстительно-го бога, он не чувствует красоты бога милосердия, всепрощения и радости. Не ощущая своей органической связи с прошлым мира, он считает себя совершенно освобожденным, но внутренне скован тяжелым консерватизмом зоологических инстинктов, опутан густой сетью мелких, обидных впечатлений, подняться над которыми у него нет сил. Навыки его мысли понуждают его искать в жизни и в человеке прежде всего явления и черты отрицательные; в глубине души он исполнен презрения к человеку, ради которого однажды или стократно пострадал, но который сам слишком много страдает для того, чтобы заметить или оценить мучения другого. Стремясь изменить внешние формы социального бытия, революционер сего дня не в состоянии наполнить новые формы новым содержанием и вносит в них те же чувства, против которых боролся. Если бы — чудом или насильем — ему удалось создать новый быт, он первый почувствовал бы себя чуждым и одиноким в атмосфере этого быта, ибо, в сущности своей, он не социалист, даже не пресоциалист, а — индивидуалист.

Он относится к людям, как бездарный ученый к собакам и лягушкам, предназначенным для жестоких научных опытов, с тою, однако, разницей, что и бездарный ученый, мучая животных бесполезно, делает это ради интересов

человека, тогда как революционер сего дня далеко не постоянно искренен в своих опытах над людьми.

Люди для него — материал, тем более удобный, чем менее он одухотворен. Если же степень личного и социального самосознания человека возвышается до протеста против чисто внешней, формальной революционности, революционер сего дня, не стесняясь, угрожает протестантам карами, как это делали и делают многие представители очерченного типа.

Это — холодный фанатик, аскет, он оскোпляет творческую силу революционной идеи и, конечно, не он может быть назван творцом новой истории, не он будет ее идеальным героем.

Может быть, его заслуга в том, что, разбудив в человеческой массе древнего жестокого зверя, он этим приблизил смерть звериного начала?

Жестокость утомляет и может, наконец, внушить органическое отвращение к ней, а в этом отвращении — ее гибель.

Мы, кажется, начинаем воспитывать в себе именно физиологическое отвращение ко всему кровавому, жестокому, грязному — нужно, чтобы это отвращение росло, чтобы оно стало идиосинкразией большинства.

XXI

Новый строй политической жизни требует от нас и нового строя души.

Разумеется, — в два месяца не переродишься, однако, чем скорее мы позаботимся очистить себя от пыли и грязи прошлого, тем крепче будет наше духовное здоровье, тем продуктивнее работа по созданию новых форм социального бытия.

Мы живем в буре политических эмоций, в хаосе борьбы за власть, эта борьба возбуждает рядом с хорошими чувствами весьма темные инстинкты. Это — естественно, но это не может не грозить некоторым искривлением психики, искусственным развитием ее в одну сторону. Политика — почва, на которой быстро и обильно разрастается чертополох ядовитой вражды, злых подозрений, бесстыдной лжи, клеветы, болезненных честолюбий, неуважения к личности, — перечислите все дурное, что есть в человеке, — все это особенно ярко и богато разрастается именно на почве политической борьбы.

Для того, чтобы не быть задушенным чувствами одного порядка, следует не забывать о чувстве порядка иного.

Вражда между людьми не есть явление нормальное — лучшие наши чувства, величайшие наши идеи направлены именно к уничтожению в мире социальной вражды. Эти лучшие чувства и мысли я бы назвал «социальным идеализмом», — именно его сила позволит нам преодолевать мерзости жизни и неустанно, упрямо стремиться к справедливости, красоте жизни, к свободе. На этом пути мы создали героев, великомучеников ради свободы, красивейших людей земли, и все прекрасное, что есть в нас, воспитано этим стремлением. Наиболее успешно и могуче будит в нашей душе ее добрые начала сила искусства. Как наука является разумом мира, так искусство — сердце его. Политика и религия разъединяют людей на отдельные группы, искусство, открывая в человеке общечеловеческое, соединяет нас. Ничто не выпрямляет душу человека так мягко и быстро, как влияние искусства, науки.

Право пролетариата на вражду с другими классами все-сторонне и глубоко обосновано. Но в то же время именно пролетариат вносит в жизнь великую и благостную идею новой культуры, — идею всемирного братства. А потому именно пролетариат первый должен отбросить, как негодное для него, старые навыки отношения к человеку, именно он должен особенно настойчиво стремиться к расширению и углублению души — вместилища впечатлений бытия. Для пролетария дары искусства и науки должны иметь высшую ценность, для него — это не праздная забава, а пути углубления в тайны жизни. Мне странно видеть, что пролетариат в лице своего мыслящего и действующего органа «Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» относится так равнодушно и безразлично к отсылке на фронт, на бойню, солдат-музыкантов, художников, артистов драмы и других нужных его душе людей. Ведь, посылая на убой свои таланты, страна истощает сердце свое, народ отрывает от плоти своей лучшие куски. И — для чего? Быть может, только для того, чтоб русский талантливый человек убил талантливого художника-немца.

Подумайте, какая это нелепость, какая страшная насмешка над народом! Подумайте и над тем, какую массу энергии

затрачивает народ для того, чтобы создать талантливую выразителя своих чувств, мыслей своей души.

Неужели эта проклятая бойня должна превратить и людей искусства, дорогих нам, в убийц и трупы?

XXII

В первые же дни революции какие-то бесстыдники выбросили на улицу кучи грязных брошюр, отвратительных рассказов на темы «из придворной жизни». В этих брошюрах речь идет о «самодержавной Алисе»¹, о «Распутном Гришке»², о Вырубовой³ и других фигурах мрачного прошлого.

Я не стану излагать содержания этих брошюр — оно невероятно грязно, глупо и распутно⁴. Но этой ядовитой грязью питается юношество, брошюрки имеют хороший сбыт и на Невском, и на окраинах города. С этой отравой нужно бороться, я не знаю — как именно, но — нужно бороться, тем более что рядом с этой пакостной «литературой» болезненных и садических измышлений, на книжном рынке слишком мало изданий, требуемых моментом.

Грязная «литература» особенно вредна, особенно прилипчива именно теперь, когда в людях возбуждены все темные инстинкты и еще не изжиты чувства негодования, обиды, — чувства, возбуждающие месть. Нам следует помнить, что мы переживаем не только экономическую разруху, но и социальное разложение, всегда и неизбежно возникающее на почве экономического развала.

Бесспорно, часть вины за то, что мы бессильны и бездарны, мы имеем право возложить на те силы, которые всегда стремились держать нас далеко в стороне от живого дела общественного строительства. Бесспорно, что Русь воспитывали и воспитывают педагоги, политически еще более бездарные, чем наш рядовой обыватель. Неоспоримо, что всякая наша попытка к самостоятельности встречала уродливое сопротивление власти, болезненно самолюбивой и занятой исключительно охраной своего положения в стране. Все это — бесспорно, однако следует, не боясь правды, сказать, что и нас похвалить не за что. Где, когда и в чем за последние годы неистовых издевательств над русским обществом в его целом, — над его разумом, волей, совестью, — в чем и как обнаружило общество свое сопротивление злым и темным силам жизни? Как сказалось его гражданское самосознание, хулигански отрицаемое всеми, кому была дана

власть на это отрицание? И в чем, кроме красноречия да эпиграмм, выразилось наше оскорбленное чувство собственного достоинства?

Нет, надо знать правду: мы сами расшатаны морально не менее, чем силы, враждебные нам.

Мы живем во дни грозных событий, глубина которых, очевидно, не может быть правильно понята нами, и трагизм дней — не чувствуется: менее всего в эту пору следовало бы обращать внимание на авантюры уголовного характера, как бы они ни были внешне заняты. Очень вероятно, что нам следует быть готовыми принять и еще не одну такую же авантюру, но нельзя забывать, что не столько важен факт преступления сам по себе, как важна его воспитательная, социально-педагогическая сила.

История воспитывает людей духовно здоровых и уничтожает больных. Скандал может развратить первых и еще более искажает миропонимание вторых. Людей, духовно нездоровых, среди нас слишком много, — события угрожают еще увеличить количество таковых. Нож, револьвер и все прочее этого порядка — только бутафория из мелодрамы, не этим творится нормальная жизнь, и пора понять, что между историей и скандалом, — как бы он ни был громок, — нет ничего общего.

Самые страшные люди — это люди, которые не знают, чего они хотят, а потому необходимо употребить всю нашу волю на дело выработки вполне ясных желаний. Мы стоим пред необходимостью совершить некий исторический подвиг, а всякий подвиг требует концентрации воли.

Можно ли увлекаться грязными бульварными романами, когда вокруг нас во всем мире грозно совершается трагедия! Все мощные силы мировой истории ныне приведены в движение, все человекозвери сорвались с цепей культуры, разорвали ее тонкие ризы и пакостно обнажились, — это явление, равное катастрофе, сотрясает устои социальных отношений до основания. И нужно призвать к действительной жизни весь лучший разум, всю волю, для того чтобы исправить последствия нашей трагической небрежности в отношении к самим себе, — небрежности, которая создала страшную ошибку.

Человечество века работало над созданием сносных условий бытия не для того, чтоб в XX-м веке нашей эры разрушить созданное.

Мы должны извлечь из безумных событий разумные уроки, памятуя, что все, что называется Роком, Судьбою,

есть не что иное, как результат нашего недомыслия, нашего недоверия к себе самим: мы должны знать, что все, творимое на земле, творится единственным Хозяином и Работником ее — Человеком.

XXIII

Не дождавшись решения Совета Солдатских Депутатов по вопросу об отправке на фронт артистов, художников, музыкантов, — Батальонный комитет Измайловского полка отправляет в окопы 43 человека артистов, среди которых есть чрезвычайно талантливые, культурно-ценные люди.

Все эти люди не знают воинской службы, не обучались строевому делу. Они не умеют стрелять — только сегодня впервые их ведут на стрельбище, а в среду они должны уже уехать. Таким образом, эти ценные люди пойдут на бойню, не умея защищаться.

Я не знаю, из кого состоит Батальонный комитет Измайловского полка, но я уверен, что эти люди «не ведают, что творят».

Потому что посылать на войну талантливых художников — такая же расточительность и глупость, как золотые подковы для ломовой лошади. А посылать их, не обучив воинскому делу, это уж — смертный приговор невинным людям. За такое отношение к человеку мы проклинаем царскую власть, именно за это мы ее свергли.

Демагоги и лакеи толпы, наверное, закричат мне:

— А равенство?

Конечно, я помню об этом. Я тоже немало затратил сил на доказательство необходимости для людей политического и экономического равенства, я знаю, что только при наличии этих равенств человек получит возможность быть честнее, добрее, человечнее. Революция сделана для того, чтобы человеку лучше жилось и чтоб сам он стал лучше.

Но я должен сказать, что для меня писатель Лев Толстой или музыкант Сергей Рахманинов, а равно и каждый талантливый человек, не равен Батальонному комитету измайловцев.

Если Толстой сам почувствовал бы желание всадить пую в лоб человеку или штык в живот ему, — тогда, разумеется, дьявол будет хохотать, идиоты возликуют вместе с дьяволом, а люди, для которых талант — чудеснейший дар природы, основа культуры и гордость страны, — эти люди еще раз заплачут кровью.

Нет, я всей душой протестую против того, чтоб из талантливых людей делали скверных солдат.

Обращаясь к Совету Солдатских Депутатов, я спрашиваю его: считает ли он правильным постановление Батальонного комитета Измайловского полка? Согласен ли он с тем, что Россия должна бросать в ненасытную пасть войны лучшие куски своего сердца — своих художников, своих талантливых людей?

И — с чем мы будем жить, израсходовав свой лучший мозг?

XXIV

На словах — все согласны, что российское государство трещит по всем швам и разваливается, как старая баржа в половодье.

Никто, как будто, не спорит против необходимости культурного строительства. И, вероятно, никто не станет возражать против того, что для всех нас обязательно крайне осторожное отношение к человеку, очень внимательное к факту. Мы никогда еще не нуждались столь жестоко в точных и мужественно-правдивых оценках явлений жизни, возмущенной до последней глубины, — явлениях, которые грозят всем нам в стране нашей бесконечной китайской разрухой.

Но никогда еще наши оценки, умозаключения, прожекты не отличались столь печальной поспешностью, как в эти трагические дни.

Я, конечно, вполне согласен с ироническими словами Вл. Каренина, автора превосходнейшей книги о Жорж-Занд:¹

«Политики, — консерваторы или либералы, — люди, убежденные в своем знании истины и в праве преследования других за заблуждения...»; я прибавил бы только — в интересах справедливости — к либералам и консерваторам радикалов-революционеров и прозелитов социализма.

«Борьба за власть» — неизбежна, однако над чем же будут «властвовать» победители, когда вокруг них останутся только гнилушки и головни?

Увлечение политикой как бы совершенно исключает здравый интерес к делу культуры, — едва ли это полезно для больной страны и ее жителей, в головах большинства которых «черт палкой помешал». Я позволю себе указать на такой факт: «Свободная ассоциация для развития и рас-

пространения положительных наук» вызывает в демократических массах чрезвычайно внимательное отношение к ее задачам².

Вот, напр., «обозные солдаты» Нижегородского Драгунского полка, посылая свою лепту в фонд «Научного Института»³, пишут, что «Ассоциация — великое национальное дело». Союз служащих Полтавы называет Институт «всенародным делом» и т. д. Можно привести десятки отзывов солдат, рабочих, крестьян, и все эти отзывы свидетельствуют о жажде просвещения, о глубоком понимании не медленности культурного строительства.

Иначе относится к этому делу столичная пресса: когда «Ассоциация» послала воззвания о целях и нуждах своих в главные газеты Петрограда, — ни одна из этих газет, кроме «Новой Жизни»⁴, не напечатала воззвания. Организуется «Дом-Музей памяти борцов за свободу»⁵, нечто подобное институту социальных наук и гражданского воспитания, — только одна «Речь» посвятила этому делу несколько сочувственных строк.

Устраивается «Лига социального воспитания»⁶, в задачи ее входит и забота о дошкольном воспитании детей улицы, — и это лучший способ борьбы с хулиганством, это даст возможность посеять в душе ребенка зерна гражданской ответственности.

«Свободное слово» столичной прессы молчит по этому поводу. Молчит оно и о «Внепартийном Союзе молодежи», объединяющем уже тысячи подростков и юношей, в возрасте от 13 до 20 лет. В провинции развивается культурное строительство, — не преувеличивая, можно сказать, что в десятках сел и уездных городов организуются «Народные дома»⁷, наблюдается живейшее стремление к науке, знанию.

Столичная печать молчит об этом спасительном явлении, она занимается тем, что с какой-то странной, бесстрастной яростью пугает обывателя анархией — и тем усиливает ее.

Газеты Петрограда вызывают впечатление бестолкового «страшного суда», в котором все участвующие — судьи и, в то же время, все они — беспощадно обвиняемые.

Если верить влиятельным газетам нашим, то необходимо признать, что на «Святой Руси» совершенно нет честных и умных людей. Если согласиться с показаниями журналистов, то революция величайшее несчастье наше, она и развратила всех нас, и свела с ума. Это было бы страшно, если бы не было глупо, не вызывалось «запальчивостью и раздра-

жением». Говорят: на улице установилось отвратительно грубое отношение к человеку. Нет, это не верно!

На ночных митингах улицы пламенно обсуждаются самые острые вопросы момента, но почти не слышно личных оскорблений, резких слов, ругательств.

В газетах — хуже.

«Подлецы», — пишет Биржевка по адресу каких-то людей, несогласных с нею. Слова — вор, мошенник, дурак — стали вполне цензурными словами; слово «предатель» раздается столь же часто, как в трактирах старого времени раздавался возглас «человек!».

Эта разнузданность, это языкоблудие внушает грустное и тревожное сомнение в искренности газетных воплей о гибели культуры, о необходимости спасти ее. Это не крики сердца, а возгласы тактики. Но, между тем, культура действительно в опасности, и эту опасность надо искренно почувствовать, с нею необходимо мужественно бороться.

Способны ли мы на это?

Кстати: вот одна из иллюстраций отношения прессы к фактам. В один и тот же день в двух газетах рассказали. Одна:

«В воскресенье вечером на Богословском кладбище казачий хорунжий Федоров шашкой изрубил на могиле анархиста Аснина футляр с венком и несколько знамен. Находившиеся на кладбище милиционеры 3-го Выборгского подрайона задержали хорунжего и препроводили в комиссариат, где и был составлен протокол о нарушении Федоровым порядка в общественном месте. Спустя час, в комиссариат явилась группа анархистов в количестве человек 15, которая и предъявила требование выдать им задержанного. Комиссар отказал анархистам в выдаче и препроводил Федорова к военному коменданту Полюстровского подрайона, откуда под охраной казачьего разъезда хорунжий был доставлен домой»⁸.

Другая:

«Как сообщают, при похоронах убитого на даче Дурново⁹ «анархиста» Аснина произошел инцидент, едва не разразившийся кровавым столкновением.

Анархисты почему-то выбрали местом погребения Аснина православное Богословское кладбище и водрузили на могиле крест.

Находившиеся случайно на кладбище казаки заявили протест против похорон Аснина на Богословском кладбище, а затем сняли с могилы крест.

Анархисты намеревались было защищать могилу, но казаки, обнажив шашки, остановили их»¹⁰.

Это — разные факты?

Нет, это только различное освещение одного и того же факта.

Если вторую заметку прочитает человек, привыкший думать, он, конечно, усомнится кое в чем, — напр., в водружении анархистами креста. Верующего человека оскорбит факт снятия креста с могилы. Обыватель еще раз вздрогнет, читая про «обнаженные шашки».

А сопоставляя заметки, естественно спросить: — где же здесь правда?

И еще более естественно усомниться в педагогическом значении «свободного слова» — «чуда среди Божьих чудес»¹¹.

А не захлебнемся ли мы в грязи, которую так усердно разводим?

XXV

Да, мы переживаем тревожное, опасное время, — об этом с мрачной убедительностью говорят погромы в Самаре, в Минске, Юрьеве¹, дикие выходки солдат на станциях железных дорог и целый ряд других фактов распушенности, обалдения, хамства.

Конечно, не следует забывать, что крики «отечество в опасности» могут быть вызваны не только чувством искренней тревоги, но и внушениями партийной тактики.

Однако было бы ошибочно думать, что анархию создает политическая свобода, — нет, на мой взгляд, свобода только превратила внутреннюю болезнь — болезнь духа — в накожную. Анархия привита нам монархическим строем, это от него унаследовали мы заразу.

И не надо забывать, что погромы в Юрьеве, Минске, Самаре, при всем их безобразии, не сопровождались убийствами, тогда как погромы царских времен, вплоть до «немецкого» погрома в Москве², были зверски кровавыми. Вспомните Кишинев, Одессу, Киев, Белосток³, Баку, Тифлис⁴ и бесчисленное количество отвратительных убийств в десятках мелких городов.

Я никого не утешаю, а всего менее — самого себя, но я все-таки не могу не обратить внимания читателя на то, что

хоть в малой степени смягчает подлые и грязные преступления людей.

Не забудем также, что те люди, которые всех громче кричат «отечество в опасности», имели все основания крикнуть эти тревожные слова еще три года тому назад — в июле 1914 г.⁵.

По соображениям партийной и классовой эгоистической тактики они этого не сделали, и на протяжении трех лет русский народ был свидетелем гнуснейшей анархии, развиваемой сверху.

Нисходя еще глубже в прошлое, мы встречаем у руля русской государственности и Столыпина, несомненного анархиста,— его поддерживали аплодисментами как раз те самые благомыслящие республиканцы, которые ныне громко вопят об анархии и необходимости борьбы с нею.

Конечно, «кто ничего не делает — не ошибается», но у нас ужасно много людей, которые что ни сделают — ошибаются.

Да, да,— с анархией всегда надобно бороться, но иногда надо уметь побеждать и свой собственный страх пред народом.

Отечество чувствовало бы себя в меньшей опасности, если б в отечестве было больше культуры.

К сожалению, по вопросу о необходимости культуры и о типе ее, потребном для нас, мы, кажется, все еще не договорились до определенных решений,— по крайней мере в начале войны, когда московские философы остроумно и вполне искренно сравнивали Канта с Крупном,— эти решения были неясны для нас.

Можно думать, что проповедь «самобытной» культуры именно потому возникает у нас обязательно в эпохи наиболее крутой реакции, что мы — люди, издревле приученные думать и действовать «по линии наименьшего сопротивления».

Как бы там ни было, но всего меньше мы заботились именно о развитии культуры европейской — опытной науки, свободного искусства, технически мощной промышленности. И вполне естественно, что нашей народной массе не понятно значение этих трех оснований культуры.

Одной из первых задач момента должно бы явиться возбуждение в народе — рядом с возбужденными в нем эмоциями политическими — эмоций этических и эстетических. Наши художники должны бы немедленно вторгнуться всею силой своих талантов в хаос настроений улицы, и я уверен,

что победоносное вторжение красоты в душу несколько ошалевшего россиянина умиротворило бы его тревоги, усмирило буйство некоторых не очень похвальных чувств, — вроде, например, жадности, — и вообще помогло бы ему сделаться человечнее.

Но — ему дали множество — извините! — плохих газет по весьма дорогой цене и — больше ничего, пока.

Науки — и гуманитарные, и положительные — могли бы сыграть великую роль в деле облагораживания инстинктов, но участие людей науки в жизни данного момента заметно еще менее, чем прежде.

Я не знаю в популярной литературе ни одной толково и убедительно написанной книжки, которая рассказала бы, как велика положительная роль промышленности в процессе развития культуры. А такая книжка для русского народа давно необходима.

Можно и еще много сказать на тему о необходимости немедленной и упорной культурной работы в нашей стране.

Мне кажется, что возглас «Отечество в опасности!» не так страшен, как возглас:

— «Граждане! Культура в опасности!»⁶

— Анархия, анархия!⁷ — кричат «здравомыслящие» люди, усиливая и распространяя панику⁸ в те дни, когда всем мало-мальски трудоспособным людям необходимо взяться за черную, будничную работу строительства новой жизни, когда для каждого обязательно встать на защиту великих ценностей старой культуры.

«Анархия!» И снова, как после 5-го года, на русскую демократию, на весь русский народ изливаются потоки чернильного гнева, трусливой злости, бьют гейзеры грязных обвинений.

Неловко и не хочется говорить о себе, но — когда, года полтора тому назад, я напечатал «Две души»⁹, — статью, в которой говорил, что русский народ органически склонен к анархизму; что он пассивен, но — жесток, когда в его руки попадает власть; что прославленная доброта его души — карамазовский сентиментализм, что он ужасающе невосприимчив к внушениям гуманизма и культуры, — за эти мысли — не новые, не мои, а только резко выраженные мною, — за эти мысли меня обвинили во всех прегрешениях против народа¹⁰.

Даже недавно, совсем на днях, кто-то в «Речи» — газете прежде всего грамотной — заявил, что мое «пораженчество» как нельзя лучше объясняется моим отношением к народу.

Кстати,— в «пораженчестве» я совершенно неповинен и никогда оному не сочувствовал¹¹. Порицать кулачную расправу, дуэль, войну как мерзости, позорнейшие для всех людей, как действия, неспособные разрешить спор и углубляющие вражду,— порицать все это еще не значит быть «пораженцем» и «непротивленцем». Особенно несвойственно это мне — человеку, который проповедует активное отношение к жизни. Может быть, я — в некоторых случаях — не стану защищать себя, но на защиту любимого мною у меня хватит сил.

И сейчас я вспомнил об отношении к мыслям, изложенным мною в статье «Две души», вовсе не в целях самозащиты, самооправдания¹². Я понимаю, что в злой словесной драке, которую мы для приличия именуем «полемикой», драчунам нет дела до правды, они взаимно ищут друг у друга словесных ошибок, обмолвок, слабых мест и бьют друг друга не столько для доказательства истинности верований своих, сколько для публичной демонстрации своей ловкости.

Нет, я вспомнил о «Двух душах» для того, чтоб спросить бумажных врагов моих: когда они были более искренни,— когда ругали меня за мое нелестное мнение о русском народе или теперь, когда они ругают русский народ моими же словами?¹³

Я никогда не был демагогом и не буду таковым. Порицая наш народ за его склонность к анархизму, нелюбовь к труду, за всяческую его дикость и невежество, я помню: иным он не мог быть. Условия, среди которых он жил, не могли воспитать в нем ни уважения к личности, ни сознания прав гражданина, ни чувства справедливости,— это были условия полного бесправия, угнетения человека, бесстыднейшей лжи и зверской жестокости. И надо удивляться, что при всех этих условиях народ все-таки сохранил в себе немало человеческих чувств и некоторое количество здорового разума.

Вы жалуетесь: народ разрушает промышленность!

А кто же и когда внушал ему, что промышленность есть основа культуры, фундамент социального и государственного благополучия?

В его глазах промышленность — хитрый механизм, ловко приспособленный для того, чтоб сдирать с потребителя семь шкур. Он не прав?

Но ведь три, пять месяцев тому назад, вы же сами изо дня в день, во всех газетах и журналах разоблачали пред ним бесстыдный и фантастический рост доходов русской промышленности, и взгляд народа — это ваш взгляд.

Разумеется, вы должны были «разоблачать» — таков долг каждого глашатая истины, мужественного защитника справедливости. Но — полемика обязывает к односторонности, поэтому, говоря о грабеже, забывали о культурной, о творческой роли промышленности, о ее государственном значении¹⁴.

Источник наживы для одних, промышленность для других только источник физического и духовного угнетения — вот взгляд, принятый у нас без оговорок огромным большинством даже и грамотных людей. Этот взгляд сложился давно и крепко, — вспомните, как была принята в России книга Г. В. Плеханова «Наши разногласия»¹⁵ и какую бурю поднял «Иоанн Креститель всех наших возрождений» П. Б. Струве «Критическими замечками»¹⁶.

Кричать об анархии так же бесполезно, как бесполезно и постыдно кричать «пожар!», видя, что огонь истребляет дом, но не принимая никакого, — кроме словесного, — участия в борьбе с огнем.

Полемика — премилое занятие для любителей схоластических упражнений в словесности и для тех людей, которые долгом своим почитают всегда и во всем доказывать свою правоту, точность мысли своей и прочие превосходные качества, коих эти люди являются беспомощными обладателями.

Но — будет значительно полезнее, если мы — предоставив суд над нами истории — немедленно же начнем культурную работу, в самом широком смысле слова, если мы отдадим таланты, умы и сердца наши российскому народу для воодушевления его к разумному творчеству новых форм жизни.

XXVI

Весьма вероятно, что мои мысли «наивны», я уже говорил, что считаю себя плохим публицистом, но все-таки с упрямством, достойным, быть может, лучшего применения, «я буду продолжать свою линию», не смущаясь тем, что «глас» мой остается «гласом вопиющего в пустыне», увы! — не безлюдной¹.

С книжного рынка почти совершенно исчезла хорошая,

честная книга — лучшее орудие просвещения. Почему исчезла, — об этом в другой раз. Нет толковой, объективно-поучающей книги, и расплодилось множество газет, которые изо дня в день поучают людей вражде и ненависти друг к другу, клеветают, возятся в подлейшей грязи, режут и скрежещут зубами, якобы работая над решением вопроса о том — кто виноват в разрухе России?

Разумеется, каждый из спорщиков искреннейше убежден, что виноваты все его противники, а прав только он, им поймана, в его руках трепещет та чудесная птица, которую зовут истиной.

Сцепившись друг с другом, газеты катаются по улицам клубком ядовитых змей, отравляя и пугая обывателя злобным шипением своим, обучая его «свободе слова» — точнее говоря, свободе искажения правды, свободе клеветы.

«Свободное слово» постепенно становится неприличным словом. Конечно, — «в борьбе каждый имеет право бить чем попало и куда попало»; конечно, «политика — дело бесстыдное» и «наилучший политик — наиболее бессовестный человек», — но, признавая гнусную правду этой зулусской морали, какую, все-таки, чувствуешь тоску, как мучительная тревога за молодую Русь, только что причастившуюся даров свободы!

Какая отравляющая течет и брызжет со страниц той скверной бумаги, на которой печатают газеты!

Долго молился русский человек Богу своему: «Отверзи уста моя!»² Отверзлись уста и безудержно изрыгают глаголы ненависти, лжи, лицемерия, глаголы зависти и жадности. Хотя бы страсть кипела в этом — страсть и любовь! Но — не чувствуется ни любви, ни страсти. Чувствуется только одно — упорное и — надо сказать — успешное стремление цензовых классов изолировать демократию, свалить на ее голову все ошибки прошлого, все грехи, поставить ее в условия, которые неизбежно заставили бы демократию еще более увеличить ошибки и грехи.

Это ловко задумано и не плохо выполняется. Уже вполне ясно, что когда пишут «большевик», то подразумевают — «демократ», и не менее ясно то, если сегодня травят большевиков за их теоретический максимализм, завтра будут травить меньшевиков, потому что они социалисты, а послезавтра начнут грызть «Единство»³ за то, что оно все-таки недостаточно «лояльно» относится к священным интересам «здравомыслящих людей». Демократия не является святыней неприкосновенной, — право критики, право порицания

должно быть распространяемо и на нее, это — вне спора. Но, хотя критика и клевета начинаются с одной буквы, — между этими двумя понятиями есть существенное различие, — как странно, что это различие для многих грамотных людей совершенно неуловимо! О, конечно, некоторые вожди демократии «бухают в колокол, не посмотрев в святцы», но не забудем, что вожди цензовых классов отвечают на эти ошибки пагубной для страны «итальянской» забастовкой бездействия и запугиванием обывателя, — запугиванием, которое уже дает такие результаты, как, например, следующее «Письмо к Временному Правительству», полученное мною:

«Революция погубила Россию, потому что всем волю дали; у нас везде анархия. Радуются евреи, которые получили равноправие; они погубили и погубят русский народ⁴. Надо для спасения страны самодержавие».

Не первое письмо такого тона получаю я, и надо ожидать, что количество людей, обезумевших со страха, будет расти все быстрее, — пресса усердно заботится об этом.

Но именно теперь, в эти трагически запутанные дни, ей следовало бы помнить о том, как слабо развито в русском народе чувство личной ответственности и как привыкли мы карать за свои грехи наших соседей.

Свободное слово! Казалось, что именно оно-то и послужит развитию у нас, на Руси, чувства уважения к личности ближнего, к его человеческим правам. Но, переживая эпидемию политического импрессионизма, подчиняясь впечатлениям «злых дней», мы употребляем «свободное слово» только в бешеном споре на тему о том, кто виноват в разрухе России. А тут и спора нет, ибо — все виноваты.

И все — более или менее лицемерно — обвиняют друг друга, и никто ничего не делает, чтоб противопоставить буре эмоций силу разума, силу доброй воли.

XXVII

«Довлеет дневи злоба его»¹, — это естественно, это закономерно; однако, у текущего дня две злобы: борьба партий за власть и культурное строительство. Я знаю, что политическая борьба — необходимое дело, но принимаю это дело, как неизбежное зло. Ибо не могу не видеть, что в условиях данного момента и при наличии некоторых особенностей русской психики, — политическая борьба делает строительство культуры почти совершенно невозможным.

Задача культуры — развитие и укрепление в человеке социальной совести, социальной морали, разработка и организация всех способностей, всех талантов личности, — выполняли ли эта задача во дни всеобщего озверения?

Подумайте, что творится вокруг нас: каждая газета, имея свой район влияния, ежедневно вводит в души читателей самые позорные чувства — злость, ложь, лицемерие, цинизм и все прочее этого порядка.

У одних возбуждают страх пред человеком и ненависть к нему, у других — презрение и месть, утомляя третьих однообразием клеветы, заражая их равнодушием отчаяния. Эта деятельность людей, которые заболели воспалением темных инстинктов, не только не имеет ничего общего с проповедью культуры, но резко враждебна ее целям.

А, ведь, революция совершена в интересах культуры и вызвал ее к жизни именно рост культурных сил, культурных запросов.

Русский человек, видя свой старый быт до основания потрясенным войною и революцией, орет на все голоса о культурной помощи ему, орет, обращаясь именно «в газету» и требуя от нее решений по самым разнообразным вопросам.

Вот, например, группа солдат «Кавказской армии» пишет:

«Учащаются случаи зверской расправы солдат с изменившими им женами. Хлопочите, пожалуйста, чтоб сознательные люди и социальная печать выступили на борьбу с эпидемическим явлением и разъяснили, что бабы не виноваты. Мы, пишущие, знаем, кто виноват, и женщин не обвиняем, потому что всякий человек обязан своей природе и хочет предназначенного природой ему».

Вот еще сообщение на эту тему:

«Пишу в поезде, выслушав рассказ солдата, который со злобными слезами поведал, что он дезертир с фронта и убежал для устройства двух детишек, брошенных стервой женой. Клянется, что расправится с ней. Из-за женщин дезертиров сотни и тысячи. Как тут быть?»

В Ростове-на-Дону солдаты водили по улицам голую распутицу с распущенными волосами, с выкриками о ее похабстве и били за ней по разбитому ведру. Организаторы безобразия — муж ее и ее же любовник, фельдфебель. Позвольте заметить, что страх перед позором не укротит инстинкта, а, между тем, эти гадости лицезреют дети. Что же молчит пресса?»

А вот письмо, переносящее «женский вопрос» уже в другую плоскость:

«Прошу сообщить заказным письмом или подробно в газете, как надо понимать объявленное равноправие с нами для женщин и что она теперь будет делать.

Нижеподписанные крестьяне встревожены законом, от которого может усилиться беззаконие, а теперь деревня держится бабой. Семья отменяется из-за этого и пойдет разрушение хозяйства».

Далее: «Объявляю тебе, друг людей, что по деревням происходит чепуха, потому что солдаткам наделяют землю, что похуже и негодно, и они ревмя ревут. Воротятся с войны мужья их, так из этого будет драка, сделайте одолжение. Надобно разъяснить мужикам, чтобы делали по правде».

И снова: «Пришлите книжку о правах женских».

Не все письма на эту тему использованы мною. Но есть тема, еще более часто повторяемая в письмах,— это требование книг по разным вопросам.

Пишут об отношении к попам, спрашивают, «будут ли изменены переселенческие законы», просят рассказать «об американском государстве», о том, как надо лечить сифилис, и нет ли закона «о свозке увечных в одно место», присылают «прошения» о том, чтобы солдатам в окопы отправлять лук,— он «очень хорош против цынг».

Все эти «прошения», «сообщения», «запросы» не находят места на страницах газет, занятых желчной и злобной грызнёй. Руководители газет как будто забывают, что за кругом их влияния остаются десятки миллионов людей, у которых инстинкт борьбы за власть еще дремлет, но уже проснулось стремление к строительству новых форм быта.

И, видя, каким целям служит «свободное слово», эти миллионы легко могут почувствовать пагубное презрение к нему, а это будет ошибка роковая и надолго непоправимая.

Нельзя ли уделять поменьше места языкоблудию и побольше живым интересам демократии? Не заинтересованы ли все мы в том, чтоб люди почувствовали объективную ценность культуры и обаятельную прелесть ее?

XXVIII

Некий почтенный гражданин пишет мне:

«Ужас охватывает душу, когда слышишь на уличных митингах, как солдаты, ревностно защищая крайние лозунги

ленинцев, в то же время легко поддаются погромной агитации людей, которые нашептывают им о засилии евреев в «Совете Рабочих и Солдатских Депутатов». Однажды я спросил солдата: как совмещается в его уме «социальная революция» с враждебным отношением к национальностям? Он ответил:

— Мы народ необразованный, не наше солдатское дело разбираться в таких мудреных вопросах.

Другая корреспондентка сообщает:

«Когда я сказала кондуктору трамвая, что социалисты борются за равенство всех народов, он возразил:

— Плевать нам на социалистов, социализм — это господская выдумка, а мы, рабочие, — большевики».

У цирка «Модерн» группа солдат и рабочих ведет беседу с молоденьким нервным студентом.

— Если мы будем только спорить друг с другом вот так враждебно, как вы спорите, а учиться не станем, — кричит студент, надрываясь.

— Чему учиться? — сурово спрашивает солдат. — Чему ты меня можешь научить? Знаем мы вас, — студенты всегда бунтовали. Теперь — наше время, а вас пора долой всех, буржуазию!

Часть публики смеется, но какой-то щеголь, похожий на парикмахера, горячо говорит:

— Это верно, товарищи! Довольно командовала нами интеллигенция. Теперь, при свободе прав, мы и без нее обойдемся.

Великие и грозные опасности скрыты в этом возбужденном невежестве!

Не однажды приходилось мне на ночных митингах Петроградской стороны слышать и противопоставления большевизма социализму, и нападки на интеллигенцию, и много других, столь же нелепых и вредных мнений. Это — в центре революции, где идеи заостряются до последней возможности, откуда они текут по всей темной, малограмотной стране.

Развивается ли в стране процесс единения разумных революционных сил, растет ли в ней энергия, необходимая строительству культуры?

Есть признаки, как будто, подсказывающие отрицательный ответ.

Один из этих признаков — все более заметное уклонение интеллигенции от работы в массах и возникающие среди нее — то тут, то там, — попытки создать самостоятельные, чисто интеллигентские организации.

Очевидно, что есть причины, которые отталкивают интеллигента от массы, и очень вероятно, что одной из этих причин является то скептическое, а часто и враждебное отношение темных людей к интеллигенту, которое изо дня в день внушается массе различными демагогами.

Этот раскол может быть очень полезен трудовой интеллигенции, — она объединится в организацию весьма внушительную и способную совершить много культурной работы.

Но, отходя постепенно от массы, увлекаясь собственными интересами, задачами и настроениями, она еще более углубит и расширит разрыв между инстинктом и интеллектом, а этот разрыв — наше несчастье, в нем источник нашей неработоспособности, наших неудач в творчестве новых условий жизни.

Оставаясь без руководителей, в атмосфере буйной демагогии, масса еще более нелепо начнет искать различия между рабочими и социализмом и общности между «буржуазией» и трудовой интеллигенцией.

А среди последней раздаются призывы, диктуемые, несомненно, благими намерениями и порывами, но отводящие интеллектуальную энергию в сторону от интересов массы, от запросов текущего дня.

В «Известиях Юга», органе Харьковского и областного Комитетов Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, некто Иван Станков пишет:

«Есть огромной важности задание всего социализма: это — поднятие уровня культуры, сознание личности, повышение личности и повышение всенародной интеллигентности. Есть лозунг: широко и сразу открыть двери Солнца, Красоты и Знания для всего народа, дабы не было неинтеллигентных, дабы наше деление на интеллигентных и неинтеллигентных возможно скорее стало диким пережитком старого строя, старых школ и систем.

Пропаганда и ближайшее осуществление идеи «всенародной интеллигентности» и есть, по моему убеждению, одна из тех неразрывных, неотложных и важнейших задач социализма, которую честная объединенная интеллигенция, сознавая это как долг перед народом, обязана поставить исходным основанием своих домоганий и провести их в строительстве новом, наряду и совместно с общей платформой социалистических требований всех партий. Только интеллигентность, очищенная от язв буржуазного строя, станет солнечной народной правдой. Станет солнцем Разума и Красоты».

Слова хорошие. Еще лучше написано воззвание Исполнительного Комитета Харьковского Совета Депутатов Трудовой Интеллигенции.

«К вам, интеллигентные труженики Харьковской губернии, обращается настоящий призыв!

По злой иронии судьбы, российская интеллигенция, усеявшая костями своих мучеников крестный путь народного освобождения и на всем протяжении своей истории выполнявшая великую просветительную и организационную работу, оказалась в настоящий момент, когда организовано все, неорганизованной сама. Организуя других, интеллигенция, как класс, забыла или не успела организовать себя. При ее непосредственном участии организовались рабочие, солдаты и крестьянство, справа от нее усиленно организуется буржуазия, и лишь она одна, трудовая интеллигенция, богатая знанием, опытом и общественными навыками, остается необъединенной и рассыпанной в пыль.

Класс, лучше всех вооруженный для общественной работы и борьбы, класс активных традиций и светлых социальных идеалов вынужден плестись в самом хвосте событий, бессильный их направлять.

Не место выяснять причины, но несомненный факт, что класс интеллигентного труда, как класс в его целом, в настоящий момент не входит и не может войти ни в одну из существующих общественных группировок.

Отсюда необходимость его самостоятельного строительства.

Но все данные для такого строительства налицо. Великий экономический признак, признак наемного труда, признак возмездного отчуждения своей интеллигентской работы капиталу во всех его разновидностях — вот та база, на которой зиждется класс трудовой интеллигенции в огромном его большинстве, вот та железная цепь, которая призвана сковать его в одно неразрывное целое. В этом смысле трудовая интеллигенция есть один из отрядов великого класса современного пролетариата, один из членов великой рабочей семьи.

Но отделив трудовую интеллигенцию, как отряд рабочего класса, мы тем самым определили и ее социальную сущность.

Класс трудовой интеллигенции, созавший самого себя, может быть только социалистическим.

Великая российская революция не закончилась, она продолжается. Огромные общественные задачи — завершение

войны, государственное устройство, решение земельной проблемы и организация народного хозяйства, переживающего тяжчайший кризис, стоят перед страной во всем своем грозном величии и властно требуют разрешения.

Товарищи, интеллигентные работники г. Харькова и Харьковской губернии! По примеру сердца России, Москвы, где интеллигентный пролетариат организовался в мощный Совет Депутатов трудовой интеллигенции¹, по образцу других демократических Советов Депутатов рабочих, крестьянских и солдатских, объединяйтесь в свой Харьковский Совет Депутатов Трудовой Интеллигенции.

Только в единении — сила, только в солидарности — мощь».

Стремление трудовой интеллигенции к созданию самостоятельных организаций возникает не только в Москве и Харькове. Может быть, это стремление необходимо и всячески оправдано, но не осталась бы народная масса без головы.

Но, все-таки, встает тревожный вопрос: что это — процесс единения сил или распада их?

XXIX

Все чаще разные люди пишут мне: «Мы не верим в народ». «Я потерял веру в народ». «Я не могу верить в народ, не верю партиям и вождям».

Все это искренние вопли людей, ошеломленных тяжкими ударами фантастической и мрачной русской жизни, это крики сердца людей, которые хотят любить и верить.

Но — да простят мне уважаемые корреспонденты! — их голоса не кажутся мне голосами людей, желающих знать и работать. Это вздыхает тот самый русский народ, в способность которого к духовному возрождению, к творческой работе отказываются верить мои корреспонденты. Уважаемые мои корреспонденты должны признать, что они плоть того самого народа, который всегда, а ныне особенно убедительно, обнаруживал — и обнаруживает — полное отсутствие веры в самого себя. Это народ, вся жизнь которого строилась на «авось» и на мечтах о помощи откуда-то извне, со стороны — от Бога и Николая Угодника¹, от «иностраных королей и государей», от какого-то «барина», который откуда-то «приедет» и «нас рассудит»². Даже теперь, когда народ является физическим «хозяином жизни», он, все-таки, продолжает надеяться на «барина»; для одной части его этот

барин — «европейский пролетариат», для другой — немец, устроитель железного порядка; некоторым кажется, что их спасет Япония, и ни у кого нет веры в свои собственные силы³.

Вера — это всегда хорошо для удобств души, для спокойствия ее, она несколько ослепляет человека, позволяя ему не замечать мучительных противоречий жизни, — естественно, что все мы стремимся поскорее уверовать во что-нибудь, в какого-нибудь «барина», способного «рассудить» и устроить добрый порядок внутри и вне нас. Мы очень легко веруем: народники расписали нам деревенского мужика, точно пряник, и мы охотно поверили — хорош у нас мужик, настоящий китаец, куда до него европейскому мужику.

Было очень удобно верить в исключительные качества души наших Каратаевых⁴ — не просто мужики, а всечеловеки! Глеб Успенский «Властью земли» нанес этой вере серьезный удар, но верующие не заметили его⁵. Чехов, столь нежно любимый нами, показал нам «Мужиков» в освещении еще более мрачном, — его поругали за неверие в народ. Иван Бунин мужественно сгустил темные краски — Бунину сказали, что он помещик и ослеплен классовой враждой к мужику. И, конечно, не заметили, что писатели-крестьяне — Ив. Вольный, Семен Подъячев и др. — изображают мужика мрачнее Чехова, Бунина⁶ и даже мрачнее таких уже явных и действительных врагов народа, как, например, Родионов, автор на шумевшей книги «Наше преступление»⁷.

У нас верят не потому, что знают и любят, а именно — для спокойствия души, — это вера созерцателей, бесплодная и бессильная, она — «мертва есть»⁸. Верой, единственно способной горы сдвигать, мы не обладаем. Теперь, когда наш народ свободно развернул пред миром все богатства своей психики, воспитанной веками дикой тьмы, отвратительного рабства, звериной жестокости, мы начинаем кричать:

— Не верим в народ!

Уместно спросить неверов:

— А во что же и почему вы раньше верили? Ведь все то, что теперь отталкивает вас от народа, было в нем и при Степане Разине, и Емельяне Пугачеве, в годы картофельных бунтов и холерных⁹, в годы еврейских погромов¹⁰ и во время реакции 907—8 гг. Во что верили вы?

Хороший честный мастер, прежде чем сделать ту или иную вещь, изучает, знает материал, с которым он хочет работать.

Наши социальных дел мастера затеяли построение храма новой жизни, имея, может быть, довольно точное представление о материальных условиях бытия народа, но совершенно не обладая знанием духовной среды, духовных свойств материала.

Нам необходимо учиться и особенно нужно выучиться любви к труду, пониманию его спасительности.

Вера — это очень приятно, но необходимо знание. Политика — неизбежна, как дурная погода, но, чтобы обогатить политику, необходима культурная работа, и давно пора внести в область злых политических эмоций — эмоции доброты и добра. Верить нужно в самого себя, в свою способность к творческой работе, остальное приложится.

«Мы в мир пришли, чтобы не соглашаться»¹¹, чтобы спорить с мерзостями жизни и преодолеть их.

Верить — это удобно, но гораздо лучше иметь хорошо развитое чувство собственного достоинства и не стонать по поводу того, в чем все мы одинаково виноваты.

XXX

Наиболее культурные группы рабочего класса начинают сознавать необходимость для рабочего научно-технических знаний. Интеллигентные рабочие чувствуют, что промышленность — это их дело, что она — основа культуры, залог благосостояния страны и что для ее возрождения и развития промышленности необходим рабочему солидный запас научного опыта. Об этой новой для нас оценке знания и труда говорят такие факты, каковы составляемые рабочими, членами профессиональных союзов, докладные записки, в которых утверждается необходимость организации в стране музеев и институтов по разным отраслям производств, например по стеклянному, керамическому, фарфоровому.

Очень характерно, что прежде всего рабочие указывают на необходимость скорейшего развития промышленности художественной, — можно думать, что здесь сказывается эмоциональная талантливость народа и его природная «смекалка», — люди, как будто, понимают, что немец, готовый завалить Россию дрянным и дешевым товаром, будет не в состоянии конкурировать с ней на почве промышленности художественной.

«Дисциплинированный до совершенства механического аппарата, послушный инструмент в руках силы, управляющей им, немец может чудесно подделывать все, от философии

до каучука, но он плохо понимает поэзию труда», — сказано о немце, и в этом есть немало правды.

Мы, Русь, — анархисты по натуре, мы жестокое зверье, в наших жилах все еще течет темная и злая рабья кровь — ядовитое наследие татарского и крепостного ига, — что тоже правда. Нет слов, которыми нельзя было бы обругать русского человека, — кровью плачешь, а ругаешь, ибо он, несчастный, дал и дает право лаять на него тоскливым собачьим лаем, воем собаки, любовь которой недоступна, непонятна ее дикому хозяину, тоже зверю.

Самый грешный и грязный народ на земле, бестолковый в добре и зле, опоенный водкой, изуродованный цинизмом насилия, безобразно жестокий и, в то же время, непонятно добродушный, — в конце всего — это талантливый народ.

Теперь, когда вскрылся гниlostный нарыв полицейско-чиновничьего строя и ядовитый, веками накопленный гной растекся по всей стране, — теперь мы все должны пережить мучительное и суровое возмездие за грехи прошлого — за нашу азиатскую косность, за эту пассивность, с которой мы терпели насилия над нами.

Но этот взрыв душевной гадости, эта гнойная буря — не надолго, ибо это процесс очищения и оздоровления больного организма — «болезнь вышла наружу», явилась во всем ее безобразии.

Но — отказываешься верить, что это смертельная болезнь и что мы погибнем от нее. Нет, не погибнем, если дружно и упорно начнем лечиться. Русская интеллигенция снова должна взять на себя великий труд духовного врачевания народа. Теперь она может и работать в условиях большей свободы, и нет сомнения, что труд духовного возрождения страны разделит вместе с нею и рабочая, пролетарская интеллигенция, та наиболее культурная часть ее, которая ныне тонет и задыхается среди темной массы.

Задача демократической и пролетарской интеллигенции — объединение всех интеллектуальных сил страны на почве культурной работы. Но для успеха этой работы следует отказаться от партийного сектантства, следует понять, что одной политикой не воспитаешь «нового человека», что путем превращения методов в догматы мы служим не истине, а только увеличиваем количество пагубных заблуждений, раздробляющих наши силы.

Сил у нас немного, их нужно беречь, нужно экономить трату энергии, координировать разрозненные затеи и усилия отдельных лиц, групп, организаций и создать единую орга-

низацию, которая встала бы во главе всей культурно-просветительной работы, имеющей целью духовное оздоровление и возрождение страны.

Кажется, что та часть интеллигенции, которая настроена наименее сектантски и еще не насмерть изуродована партийной и фракционной «политикой», — кажется, что эта часть интеллигенции начинает чувствовать необходимость широкой культурной работы, повелительно диктуемой трагическими условиями действительности.

Об этом говорит попытка представителей различных политических взглядов организовать внепартийное общество под девизом: «Культура и Свобода»¹, и нет сомнения, что если это общество поймет задачу момента достаточно глубоко, — оно может исполнить трудную роль организатора всех лиц и групп наиболее дееспособных, искренно желающих работать на благо страны².

Но и здесь, как первое условие успешной работы, должно осуществить издание информационного журнала, который давал бы более или менее точную картину всего хода культурно-просветительных начинаний. Необходим подсчет сил, необходимо знать, кто, что и где делает или намерен делать, — у нас часто случается, что люди, трудящиеся на одной и той же почве, ничего не знают друг о друге.

Если страна будет иметь два органа, из которых один поставит себе целью подробно оповещать обо всем, что творится в области чистой и прикладной науки, а другой возьмет на себя обязанность рассказывать о работе культурно-просветительной, эти органы окажут огромную пользу делу воспитания мысли и чувства. Надо работать, почтенные граждане, надо работать, — только в этом наше спасение и ни в чем ином³.

Садическое наслаждение, с которым мы грызем глотки друг другу, находясь на краю гибели, — подленькое наслаждение, хотя оно и утешает нас в бесконечных горестях наших.

Но, право же, не стоит особенно усердно предаваться делу взаимного истязания и истребления, — надо помнить, что есть достаточно людей, которые и желают и, пожалуй, могут истребить нас.

Будем же работать спасения нашего ради, да не погибнем «яко обри, их же несть ни племени, ни рода»⁴.

Отрицательные явления всегда неизмеримо обильнее тех фактов, творя которые человек воплощает свои лучшие чувства, свои возвышенные мечты,— истина, столь же очевидная, сколь печальная. Чем более осуществимыми кажутся нам наши стремления к торжеству свободы, справедливости, красоты,— тем более отвратительным является пред нами все то скотски подлое, что стоит на путях к победе человечески прекрасного. Грязь и хлам всегда заметнее в солнечный день, но часто бывает, что мы, слишком напряженно останавливая свое внимание на фактах, непримиримо враждебных жажде лучшего, уже перестаем видеть лучи солнца и как бы не чувствуем его живительной силы.

О том, что Русь стоит на краю гибели, мы начали кричать — с тоскою, страхом и гневом — три года тому назад, но — уже задолго до этого мы говорили о неизбежной гибели родины шепотом, вполголоса, языком, искаженным пытками монархической цензуры. Три года мы непрерывно переживаем катастрофу, все громче звучат крики о гибели России, все грознее слагаются для нее внешние условия ее государственного бытия, все более — как будто — очевиден ее внутренний развал и, казалось бы, ей давно уже пора рухнуть в пропасть политического уничтожения. Однако, до сего дня она все еще не рухнула, — не умрет и завтра, если мы не захотим этого. Надо только помнить, что все отвратительное, как и все прекрасное, творится нами, надо зажечь в себе все еще незнакомое нам сознание личной ответственности за судьбу страны.

Что мы живем скверно, позорно, — об этом излишне говорить, это известно всем — мы давно живем так; а, все-таки, при монархии мы жили еще сквернее и позорнее. Мы тогда мечтали о свободе, не ощущая в себе живой, творческой силы ее, ныне весь народ, наконец, ощущает эту силу. Он пользуется ею эгоистически и скотски, глупо и уродливо, — все это так, однако — пора понять и оценить тот огромного значения факт, что народ, воспитанный в жесточайшем рабстве, освобожден из тяжких, уродующих цепей. Внутренно мы еще не изжили наследия рабства, еще не уверены в том, что свободны, не умеем достойно пользоваться дарами свободы, и от этого — главным образом, от неуверенности — мы так противно грубы, болезненно жестоки, так смешно и глупо боимся и пугаем друг друга.

А, все-таки, вся Русь — до самого дна, до последнего из

ее дикарей — не только внешне свободна, но и внутренне поколеблена в своих основах и основе всех основ ее — азиатской косности, восточном пассивизме.

Те муки, те страдания, от которых зверем воет и мечется русский народ, — не могут не изменить его психических навыков, его предрассудков и предубеждений, его духовной сущности. Он скоро должен понять, что, как ни силен и жаден внешний враг, страшнее для русского народа враг внутренний — он сам, своим отношением к себе, человеку, ценить и уважать которого его не учили, к родине, которую он не чувствовал, к разуму и знанию, силы которых он не знал и не ценил, считая их барской выдумкой, вредной мужику.

Он жил древней азиатской хитростью, не думая о завтрашнем дне, руководясь глупой поговоркой: «День прошел и — слава Богу!». Теперь враг внешний показал ему, что хитрость травленного зверя — ничто пред спокойной железной силой организованного разума. Теперь он должен будет посвятить шестимесячные зимы мыслям и трудам, а не полусонному, полуголодному безделью. Он принужден понять, что родина его не ограничивается пределами губернии, уезда, а — огромная страна, полная неисчерпаемых богатств, способных вознаградить его честный и умный труд сказочными дарами. Он поймет, что

Лень есть глупость тела,
Глупость — лень ума,

и захочет учиться, чтобы оздоровить и ум, и тело.

Революция — судорога, за которою должно следовать медленное и планомерное движение к цели, поставленной актом революции. Великая революция Франции сотрясала и мучила героический народ ее десять лет, прежде чем весь этот народ почувствовал всю Францию своей родиной, и мы знаем, как мужественно он отстоял ее свободу против всех сил европейской реакции. Народ Италии на протяжении сорока лет совершил десяток революций, прежде чем создал единую Италию.

Там, где народ не принимал сознательного участия в творчестве своей истории, он не может иметь чувства родины и не может сознавать своей ответственности за несчастья родины. Теперь русский народ весь участвует в созидании своей истории — это событие огромной важности, и отсюда нужно исходить в оценке всего дурного и хорошего, что мучает и радует нас.

Да, народ полуголоден, измучен, да, он совершает мно-

жество преступлений, и не только по отношению к области искусства его можно назвать «бегемотом в посудной лавке». Это неуклюжая, не организованная разумом сила — сила огромная, потенциально талантливая, воистину способна к всестороннему развитию. Те, кто так яростно и без оглядки порицают, травят революционную демократию, стремясь вырвать у нее власть и снова, хотя бы на время, поработить ее узкоэгоистическим интересам цензовых классов, забывают простую, невыгодную им истину: «Чем больше количество свободно и разумно трудящихся людей, — тем выше качество труда, тем быстрее совершается процесс создания новых, высших форм социального бытия. Если мы заставим энергично работать всю массу мозга каждой данной страны — мы создадим страну чудес!»¹

Не привыкшие жить всеми силами сердца и ума, мы устали от революций — усталость преждевременная и опасная для всех нас. Я лично не верю в эту смертельную усталость, и я думаю, что она исчезнет, если в стране раздастся бодрый, воскресающий голос — он должен прозвучать!

В одной из битв на Западе француз-капитан вел свою роту в атаку на позиции врага. Он с отчаянием видел, как падают один за другим его солдаты, убиваемые свинцом, а того больше — страхом, неверием в свои силы, отчаянием перед задачей, которая казалась им невыполнимой. Тогда капитан, как и следует француз, человеку, воспитанному героической историей, крикнул:

— Встаньте, мертвые!

Убитые страхом воскресли, и враг был побежден.

Страстно верю, что близок день, когда нам тоже кто-то, очень любящий нас, кто умеет все понять и простить, крикнет:

— Встаньте, мертвые!

И мы встанем. И враги наши будут побеждены.

Верю.

XXXII

Естественно, что внимание мыслящих людей приковано к политике, — к области насилия и деспотизма, злобы и лжи, где различные партии, группы и лица, сойдясь якобы на «последний и решительный бой», цинически попирают идеи свободы, постепенно утрачивая облик человеческий в борьбе за физическую власть над людьми. Это внимание естественно, однако оно односторонне, а потому уродливо

и вредно. Содержание процесса социального роста не исчерпывается только одним явлением классовой, политической борьбы, в основе которой лежит грубый эгоизм инстинкта, — рядом с этой неизбежной борьбой все мощнее развивается иная, высшая форма борьбы за существование, — борьба человека с природой, и только в этой борьбе человек разовьет до совершенства силы своего духа, только здесь он найдет возвышающее сознание своего значения, здесь завоеует ту свободу, которая уничтожит в нем зоологические начала и позволит ему стать умным, добрым, честным, — поистине свободным.

Мне хочется сказать всем, кто истерзан жестокими пытками действительности и чей дух угнетен, — мне хочется сказать им, что даже в эти дни, дни, грозящие России гибелью, интеллектуальная жизнь страны не иссякла, даже не замерла, а, напротив, энергично и широко развивается.

Напряженно работает высшее ученое учреждение страны — Академия Наук, непрерывно идет руководимое ею исследование производительных сил России, подготавливается к печати и печатается ряд ценнейших докладов и трудов, скоро выйдет обзор успехов русской науки — книга, которая даст нам возможность гордиться великими трудами и достижениями русского таланта¹.

Университет предполагает осуществить свободные научные курсы в духе Сорбонны, работают многочисленные ученые общества, не взирая на грубые помехи, которые ставят им невежество политики и политика невежд.

Скромные подвижники чистого знания, не упуская из виду ничего, что может быть полезно разоренной, измученной родине, составляют проекты организации различных институтов, необходимых для возрождения и развития русской промышленности. В Москве принимается за работу «Научный Институт»², основанный на средства г. Марк и руководимый профессором Лазаревым³, в Петрограде организует исследовательские институты по химии, биологии и т. д. «Свободная Ассоциация для развития и распространения положительных наук»⁴.

Размеры газетной статьи не дают возможности перечислить все начинания, которые возникли среди наших ученых за время революции, — но, не преувеличивая значения этих начинаний, можно с уверенностью сказать, что научные силы России развивают энергичную деятельность, и эта чистая, великая работа лучшего мозга страны — залог и начало нашего духовного возрождения.

Если 6 люди, считающие себя политическими вождями России, правильно поняли нужды народа, интересы государства, если бы они нашли достаточно такта для того, чтоб не мешать великому делу научного творчества, и нашли немного ума, чтоб помочь трудам ученых!

XXXIII

Но, к сожалению, процесс творчества в области чистой и прикладной науки остается почти неизвестным широким слоям демократической интеллигенции, а для нее необходимо следить за развитием этого процесса,— знание вполне способно оздоровить изболевшие души, утешить замученных людей и поднять их рабочую энергию.

Академия Наук сделала бы прекрасное и полезное дело, предприняв издание небольшого журнала, который осведомлял бы грамотных людей обо всем, что творится в области русской науки. Такой информационный журнал несомненно имел бы глубокое социальное и национально-воспитательное значение; я не обмолвился, сказав «национальное» значение, ибо нахожу, что нам, народу, силы которого так ловко и широко использовали наши «друзья» для борьбы с их врагами,— нам пора понять, что у нас нет иных друзей, кроме самих себя.

Наконец, для нас, людей глубоко некультурных, пора также понять и то, что мы давно живем в условиях, созданных наукой, без участия которой не сделаешь ни хорошего кирпича, ни пуговицы, и ничего, что облегчает нашу жизнь, украшает ее, стремится сохранить нашу энергию от бесполезной траты и преобороть начала, разрушающие жизнь; нам пора понять, что научное знание — сила, без которой невозможно возрождение страны.

«Мы ленивы и не любопытны»¹, но надо же надеяться, что жестокий, кровавый урок, данный нам историей, страхнет нашу лень и заставит нас серьезно подумать о том, почему же, почему мы, Русь,— несчастнее других? Повторяю,— Академия Наук, взяв на себя издание информационного журнала, который в кратких очерках и сообщениях давал бы сведения обо всем, что совершается в таинственной, скрытой от непосвященных, области науки,— предприняв это издание, Академия совершила бы национально важное и необходимое дело образумления, очеловечения страны, теряющей веру в свои силы, озверевшей от цинических пыток глупости,— самого страшного врага людей.

XXXIV

Я знаю, что сейчас на Руси уже немало людей, которые страстно рвутся из плена грязной и оскорбительной действительности «под культуру» — к истинной свободе, к свету¹.

Но мне кажется, что подобные люди, мучительно тоскующие о лучшей жизни, представляют себе не совсем ясно, недостаточно широко содержание понятия «культура», «культурность».

От них как-то ускользает гуманитарное, глубоко идеалистическое содержание этих понятий; о чем, собственно, думают они, какие формы чувства и мыслей представляют себе, мечтая о новой культуре?

Вот — вокруг нас мы видим немало так называемых «культурных людей», это люди очень грамотные, политически, очень насыщенные различными знаниями, но их житейский опыт, их знания не мешают им быть антисемитами, антидемократами и даже искренними защитниками государственного строя, основанного на угнетении народных масс, на угнетении свободы личности. Эти люди, персонально порядочные и даже, иногда, очень чуткие в частных отношениях, в борьбе за торжество своих идей, в общественной деятельности нимало не брезгают прибегать к приемам не честным, ко лжи и клевете на врага, к подленьким иезуитским хитростям, даже к жестокости — защите смертной казни, к оправданию расстрелов и т. д. И все это не мешает им считать себя «культурными» людьми. Или, возьмем германскую социал-демократическую партию, она считалась очень культурной, и, действительно, ее организации немало послужили делу развития внешней культуры Германии.

Но — вот уже четыре года сотни тысяч социал-демократов Германии, вооруженные мерзейшими орудиями истребления, убивают себе подобных на земле, на воде, в воздухе, под водою, убивают мирное население, женщин и детей, уничтожают города, виноградники, плодовые сады, огороды, пашни, храмы и пароходы, фабрики, уничтожают великий, священный, веками накопленный, труд Бельгии, Франции и т. д.

Я потому говорю о немцах, что их отвратительная деятельность все время войны протекает на чужих землях, но, само собою разумеется, что в этой подлой войне невинных — нет. В ней повинны все, и мы не менее других, только на нашу долю выпало страдать от нее более других, потому

что мы оказались всех слабее в отношении внутренней и внешней культуры.

В чем же дело и как должно быть воспринято истинное содержание понятия культура, дабы невозможны стали такие позорные противоречия, каковы указанные?

Очевидно, что мы только тогда получим возможность уничтожить эти позорные противоречия, когда сумеем культивировать свои чувства и волю.

Нужно помнить, что все — в нас, все — от нас, это мы творим все факты, все явления. Можем ли мы воспитать в самих себе органическое отвращение к звериной половине нашего существа, к тем зоологическим началам в нашей психике, которые позволяют нам быть грубыми и жестокими друг к другу? Можем ли мы внушить сами себе и друг другу отвращение к страданию, преступлению, ко лжи, жестокости и всей той подлой пыли, которой так много в душе каждого из нас, кто бы он ни был, сколь бы высоко «культурным» ни считался?

Истинная суть и смысл культуры — в органическом отращивании ко всему, что грязно, подло, лживо, грубо, что унижает человека и заставляет его страдать. Нужно научиться ненавидеть страдание, только тогда мы уничтожим его. Нужно научиться хоть немножко любить человека, такого, каков он есть, и нужно страстно любить человека, каким он будет.

Сейчас человек измотался, замучился, на тысячу кусков разрывается сердце его от тоски, злости, разочарований, отчаяния; замучился человек и сам себе жалок, неприятен, противен. Некоторые, скрывая свою боль из ложного стыда, все еще форсят, орут, скандалят, притворяясь сильными людьми, но они глубоко несчастны, смертельно устали.

Что же излечит нас, что воскресит наши силы, что может изнутри обновить нас?

Только вера в самих себя и ничто иное. Нам необходимо кое-что вспомнить, мы слишком много забыли в драке за власть и кусок хлеба.

Надо вспомнить, что социализм — научная истина, что нас к нему ведет вся история развития человечества, что он является совершенно естественной стадией политико-экономической эволюции человеческого общества, надо быть уверенными в его осуществлении, уверенность успокоит нас.

Рабочий не должен забывать идеалистическое начало

социализма, — он только тогда уверенно почувствует себя и апостолом новой истины, и мощным бойцом за торжество ее, когда вспомнит, что социализм необходим и спасителен не для одних трудящихся, но что он освобождает все классы, все человечество из ржавых цепей старой, больной, изолгавшейся, самое себя отрицающей культуры.

Цензовые классы не принимают социализма, не чувствуют в нем свободы, красоты, не представляют себе, как высоко он может поднять личность и ее творчество.

А многие рабочие понимают это? Для большинства их социализм — только экономическое учение, построенное на эгоизме рабочего класса, так же как другие общественные учения строятся на эгоизме собственников.

В борьбе за классовое не следует отметать общечеловеческое стремление к лучшему.

Истинное чувство культуры, истинное понимание ее возможно только при органическом отвращении ко всему жестокому, грубому, подлому как в себе самом, так и вне себя.

Вы пробуете воспитать в себе это отвращение?

Глебов, в ответ на мой план издания научно- и культурно-информационных журналов, восклицает:

«Неужели оттого у нас происходит все нехорошее, что страна не имеет еще двух органов?»

Это восклицание не гармонирует с умным началом его статьи, где он сокрушается об «анархо-бунтарской струе насмешливого отношения к книге».

То, что мы не понимаем или недооцениваем силы знания, является величайшей помехой «на пути под культуру». Без знания и самосознания, мы никуда не уйдем из гнилого болота современности. Именно сейчас необходимы органы, которые давали бы нам более или менее точное представление о том, что у нас есть хорошего, именно — хорошего. Подсчет отрицательных свойств и фактов сделан и делается ежедневно, с удовольствием, и пора присмотреться — нет ли вокруг нас явлений и фактов положительных?

XXXV

Человек, недавно приехавший из-за границы, рассказывает:

«В Стокгольме открыто до шестидесяти антикварных магазинов, торгующих картинами, фарфором, бронзой, се-

ребром, коврами и вообще предметами искусств, вывезенными из России. В Христиании¹ таких магазинов я насчитал двенадцать, их очень много в Гетеборге и других городах Швеции, Норвегии, Дании. На некоторых магазинах надписи: «Антикварные и художественные вещи из России», «Русские древности». В газетах часто встречаются объявления: «Предлагают ковры и другие вещи из русских императорских дворцов».

Нет сомнения, что этот рассказ — печальная истина, печальная в такой же степени, как и позорная для нас. Чтобы убедиться в этой истине, стоит только посвятить два-три дня на обзор того, что творится в галереях Александровского рынка, в антикварных лавках Петрограда и бесчисленных комиссионных конторах, открытых на всех улицах города. Всюду неумоимо ходят хорошо выбритые, но плохо говорящие по-русски люди американской складки и — без конца покупают, покупают все, что имеет хотя бы ничтожное художественное значение. Особенно усердно и успешно охотятся за восточными вещами — китайским и японским фарфором, бронзой, старинным лаком², вышивками по шелку, рисунками, финифтью³, клуазоннэ⁴ и т. д. Иностранцам хорошо известно, что Россия густо насыщена предметами восточного искусства — особенно после похода на Пекин, где наши войны вели себя весьма бесцеремонно по отношению к собственности китайцев и откуда наши воеводы возили ценные вещи вагонами⁵. Маньчжурская авантюра еще значительнее усилила приток восточных вещей, немало вывезено их в Россию и за время японской войны⁶. Но, разумеется, больше всего способствовало насыщению России восточным искусством наше непосредственное соседство с Китаем.

Знатоки дела, изучавшие историю восточного искусства, и коллекционеры утверждают, что у нас можно найти в чудесном изобилии такие редкие и древние вещи Востока, каких нет уже ни в Китае, ни в Японии. Очень многие иностранцы удивляются, что, несмотря на такое богатство художественными сокровищами Востока, несмотря на духовную связь русского искусства с восточным, у нас нет музея восточных древностей и восточного искусства.

Конечно — это удивление наивных людей, разуму которых совершенно недоступно понимание нашей русской оригинальности, нашей самобытности. Эти люди, видимо, не знают, что у нас — лучший в мире балет и — самая отвратительная постановка книгоиздательского дела, несмот-

ря на то, что Русь — обширнейший в мире книжный рынок. Им не известно, что газеты Сибири, изобилующей лесами, печатаются на бумаге, привозимой из Финляндии, и что мы возим хлопок из Туркестана в Москву для того, чтобы, обработав оный, отвезти обратно из Москвы в Туркестан.

Вообще иностранцы народ наивный и невежественный, и Русь для них — загадка. Для некоторых русских она тоже является загадкой и притом весьма глупой, но эти русские — просто люди, лишенные чувства любви к родине, патриотизма и прочего, это — еретики, а по мнению людей, обладающих волчьим патриотизмом, это — Хамы, не щадящие наготы отца своего, будто бы потому, что нагота отвратительна, когда она уродлива и грязна⁷.

Но — шутки прочь. Дело в том, что Россию грабят не только сами русские, а иностранцы, что гораздо хуже, ибо русский грабитель остается на родине вместе с награбленным, а чужой — улепетывает к себе, где и пополняет, за счет русского ротозейства, свои музеи, свои коллекции, т. е. — увеличивает количество культурных сокровищ своей страны, сокровищ, ценность которых — неизмерима, так же как неизмеримо их эстетическое и практическое значение. Они не только воспитывают вкус и любовь к изящному, не только возбуждают уважение к творческим силам человека, но служат возбудителями стремления к созданию новых вещей, новых форм красоты и, таким образом, влияют на развитие художественной промышленности. А вместе с неизбежным изменением социальных условий, вместе с приобщением демократии к культуре, воспитательная роль художественной промышленности будет огромна и развитие ее быстро.

Мы и тут поплетемся сзади других, а мудрецы наши будут охать, высказывая запоздалые и бессмысленные сожаления:

— «Ведь сколько было у нас, в России, прекрасных вещей величайшего значения, и художественного, и научного, а вот — все исчезло! Так жаль, что не догадались своевременно собрать их, устроить музей — как бы хорошо было это!»

Поохают и — успокоятся.

А, между тем, время еще не ушло и можно бы сохранить много ценного и необходимого для культуры России⁸.

Все настойчивее распространяются слухи о том, что 20-го октября предстоит «выступление большевиков» — иными словами: могут быть повторены отвратительные сцены 3—5 июля¹. Значит — снова грузовые автомобили, тесно набитые людьми с винтовками и револьверами в дрожащих от страха руках, и эти винтовки будут стрелять в стекла магазинов, в людей — куда попало! Будут стрелять только потому, что люди, вооруженные ими, захотят убить свой страх. Вспыхнут и начнут чадить, отравляя злобой, ненавистью, местью, все темные инстинкты толпы, раздраженной разрухою жизни, ложью и грязью политики — люди будут убивать друг друга, не умея уничтожить своей звериной глупости.

На улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут «творить историю русской революции».

Одним словом — повторится та кровавая, бессмысленная бойня, которую мы уже видели и которая подорвала во всей стране моральное значение революции, пошатнула ее культурный смысл.

Весьма вероятно, что на сей раз события примут еще более кровавый и погромный характер, нанесут еще более тяжкий удар революции.

Кому и для чего нужно все это? Центральный Комитет с.-д. большевиков, очевидно, не принимает участия в предполагаемой аванюре, ибо до сего дня он ничем не подтвердил слухов о предстоящем выступлении, хотя и не опровергает их².

Уместно спросить: неужели есть авантюристы, которые, видя упадок революционной энергии сознательной части пролетариата, думают возбудить эту энергию путем обильного кровопускания? Или эти авантюристы желают ускорить удар контрреволюции и ради этой цели стремятся дезорганизовать с трудом организуемые силы?

Центральный комитет большевиков обязан опровергнуть слухи о выступлении 20-го³, он должен сделать это, если он действительно является сильным и свободно действующим политическим органом, способным управлять массами, а не безвольной игрушкой настроений одичавшей толпы, не орудием в руках бесстыднейших авантюристов или обезумевших фанатиков⁴.

Министры социалисты¹, выпущенные из Петропавловской крепости Лениным и Троцким, разъехались по домам, оставив своих товарищей М. В. Бернацкого², А. И. Коновалова³, М. И. Терещенко⁴ и других во власти людей, не имеющих никакого представления о свободе личности, о правах человека.

Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия.

Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся, якобы по пути к «социальной революции» — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции.

На этом пути Ленин и соратники его считают возможным совершать все преступления, вроде бойни под Петербургом⁵, разгрома Москвы⁶, уничтожения свободы слова⁷, бессмысленных арестов — все мерзости, которые делали Плеве и Столыпин.

Конечно — Столыпин⁸ и Плеве⁹ шли против демократии, против всего живого и честного в России, а за Лениным идет довольно значительная — пока — часть рабочих, но я верю, что разум рабочего класса, его сознание своих исторических задач скоро откроет пролетариату глаза на всю несбыточность обещаний Ленина, на всю глубину его безумия и его Нечаевско-Бакунинский анархизм.

Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть — что из этого выйдет?

Конечно, он не верит в возможность победы пролетариата в России при данных условиях, но, может быть, он надеется на чудо.

Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею — не менее кровавая и мрачная реакция.

Вот куда ведет пролетариат его сегодняшний вождь, и надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата.

Рабочие не должны позволять авантюристам и безум-

цам взваливать на голову пролетариата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам же пролетариат.

Я спрашиваю:

Помнит ли русская демократия — за торжество каких идей она боролась с деспотизмом монархии?

Считает ли она себя способной и ныне продолжать эту борьбу?

Помнит ли она, что когда жандармы Романовых бросали в тюрьмы и в каторгу ее идейных вождей — она называла этот прием борьбы подлым?

Чем отличается отношение Ленина к свободе слова от такого же отношения Столыпиных, Плеве и прочих полулюдей?

Не так же ли Ленинская власть хватает и тащит в тюрьму всех несогласномыслящих, как это делала власть Романовых?

Почему Бернацкий, Коновалов и другие члены коалиционного правительства сидят в крепости, — разве они в чем-то преступнее своих товарищей социалистов, освобожденных Лениным?

Единственным честным ответом на эти вопросы должно быть немедленное требование освободить министров и других безвинно арестованных, а также восстановить свободу слова во всей ее полноте.

Затем разумные элементы демократии должны сделать дальнейшие выводы, — должны решить, по пути ли им с заговорщиками и анархистами Нечаевского типа?

XXXVIII

Владимир Ленин вводит в России социалистический строй по методу Нечаева — «на всех парах через болото»¹.

И Ленин, и Троцкий, и все другие, кто сопровождает их к гибели в трясине действительности, очевидно убеждены вместе с Нечаевым, что «правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно»², и вот они хладнокровно бесчестят революцию, бесчестят рабочий класс, заставляя его устраивать кровавые боины, понукая к погромам, к арестам ни в чем не повинных людей³, вроде А. В. Карташева, М. В. Бернацкого, А. И. Коновалова и других⁴.

Заставив пролетариат согласиться на уничтожение свободы печати, Ленин и приспешники его узаконили этим для

врагов демократии право зажимать ей рот; грозя голодом и погромами всем, кто не согласен с деспотизмом Ленина — Троцкого, эти «вожди» оправдывают деспотизм власти, против которого так мучительно долго боролись все лучшие силы страны.

«Послушание школьников и дурачков»⁵, идущих вместе за Лениным и Троцким, «достигло высшей черты», — ругая своих вождей заглазно, то уходя от них, то снова присоединяясь к ним, школьники и дурачки, в конце концов, покорно служат воле догматиков, и все более возбуждают в наиболее темной массе солдат и рабочих несбыточные надежды на беспечальное житье.

Вообразив себя Наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, довершая разрушение России — русский народ заплатит за это озерами крови.

Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы; двадцать пять лет он стоял в первых рядах борцов за торжество социализма, он является одною из наиболее крупных и ярких фигур международной социал-демократии; человек талантливый, он обладает всеми свойствами «вождя», а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс.

Ленин «вождь» и — русский барин, не чуждый некоторых душевных свойств этого ушедшего в небытие сословия, а потому он считает себя вправе проделать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу.

Измученный и разоренный войною народ уже заплатил за этот опыт тысячами жизней и принужден будет заплатить десятками тысяч, что надолго обезглавит его.

Эта неизбежная трагедия не смущает Ленина, раба догмы, и его приспешников — его рабов. Жизнь, во всей ее сложности, не ведома Ленину, он не знает народной массы; не жил с ней, но он — по книжкам — узнал, чем можно поднять эту массу на дыбы, чем — всего легче — разъярить ее инстинкты. Рабочий класс для Лениных то же, что для металлурга руда. Возможно ли — при всех данных условиях — отлить из этой руды социалистическое государство? Повидимому, — невозможно; однако — отчего не попробовать? Чем рискует Ленин, если опыт не удастся?

Он работает как химик в лаборатории, с тою разницей, что химик пользуется мертвой материей, но его работа дает ценный для жизни результат, а Ленин работает над живым материалом и ведет к гибели революцию. Сознатель-

ные рабочие, идущие за Лениным, должны понять, что с русским рабочим классом продельвается безжалостный опыт, который уничтожит лучшие силы рабочих и надолго остановит нормальное развитие русской революции.

XXXIX

Меня уже упрекают в том, что «после двадцатипятилетнего служения демократии» я «снял маску» и изменил уже своему народу¹.

Г. г. большевики имеют законное право определять мое поведение так, как им угодно, но я должен напомнить этим господам, что превосходные душевные качества русского народа никогда не ослепляли меня, я не преклонял колен перед демократией, и она не является для меня чем-то настолько священным, что совершенно недоступно критике и осуждению.

В 1911 году, в статье о «Писателях-самоучках»² я говорил: «Мерзости надо обличать, и если наш мужик — зверь, надо сказать это, а если рабочий говорит:

«Я пролетарий!» — тем же отвратительным тоном человека касты, каким дворянин говорит³:

«Я дворянин!» —
надо этого рабочего нещадно осмеять»⁴.

Теперь, когда известная часть рабочей массы, возбужденная обезумевшими владыками ее воли, проявляет дух и приемы касты, действуя насилием и террором, — тем насилием, против которого так мужественно и длительно боролась ее лучшие вожди, ее сознательные товарищи, — теперь я, разумеется, не могу идти в рядах этой части рабочего класса.

Я нахожу, что заткнуть кулаком рот «Речи» и других буржуазных газет только потому, что они враждебны демократии — это позорно для демократии⁵.

Разве демократия чувствует себя неправой в своих действиях и — боится критики врагов? Разве кадеты настолько идейно сильны, что победить их можно только лишь путем физического насилия?

Лишение свободы печати — физическое насилие, и это недостойно демократии.

Держать в тюрьме старика революционера Бурцева, человека, который нанес монархии немало мощных ударов, держать его в тюрьме только за то, что он увлекается своей ролью ассенизатора политических партий, — это позор для

демократии⁶. Держать в тюрьме таких честных людей, как А. В. Карташев, таких талантливых работников, как М. В. Бернацкий, и культурных деятелей, каков А. И. Коновалов⁷, не мало сделавший доброго для своих рабочих, — это позорно для демократии.

Пугать террором и погромами людей, которые не желают участвовать в бешеной пляске г. Троцкого над развалинами России, — это позорно и преступно.

Все это не нужно и только усилит ненависть к рабочему классу. Он должен будет заплатить за ошибки и преступления своих вождей — тысячами жизней, потоками крови.

XL

Хотят арестовать Ираклия Церетели¹, талантливого политического деятеля, честнейшего человека².

За борьбу против монархии, за его защиту интересов рабочего класса, за пропаганду идей социализма, старое правительство наградило Церетели каторгой и туберкулезом.

Ныне правительство, действующее якобы от имени и по воле всего пролетариата, хочет наградить Церетели тюрьмой — за что? Не понимаю.

Я знаю, что Церетели опасно болен, но, — само собою разумеется, я не посмел бы оскорбить этого мужественного человека, взывая о сострадании к нему. Да — и к кому бы я зывал? Серьезные, разумные люди, не потерявшие головы, ныне чувствуют себя «в пустыне, — увь! — не безлюдной»³. Они — бессильны в буре возбужденных страстей. Жизнью правят люди, находящиеся в непрерывном состоянии «запальчивости и раздражения». Это состояние признается законом одною из причин, дающих преступнику право на снисхождение к нему, но — это все-таки состояние «вменяемости».

«Гражданская война», т. е. взаимоистребление демократии к злорадному удовольствию ее врагов, затеяна и разжигается этими людьми. И теперь уже и для пролетариата, околдованного их демагогическим красноречием, ясно, что ими руководят не практические интересы рабочего класса, а теоретическое торжество анархо-синдикалистских идей⁴.

Сектанты и фанатики, постепенно возбуждая несбыточные, неосуществимые в условиях действительности надежды и инстинкты темной массы, они изолируют пролетар-

скую, истинно социалистическую, сознательно революционную интеллигенцию,— они отрывают у рабочего класса голову.

И если они решаются играть судьбою целого класса,— что им до судьбы одного из старых, лучших товарищей своих, до жизни одного из честнейших рыцарей социализма?

Как для полоумного протопопа Аввакума⁵, для них догмат выше человека.

Чем все это кончится для русской демократии, которую так упорно стараются обезличить?

XLI

Редакцией «Новой Жизни» получено нижеследующее письмо:

«Пушечный Округ Путиловского завода.

Постановил вынести Вам, писателям из Новой Жизни, порицание, как Строеву¹, был когда-то писатель, а также Базарову², Гимер-Суханову³, Горькому, и всем составителям Новой Жизни ваш Орган несоответствует настоящей жизни нашей общей, вы идете за оборонцами вслед. Но помните нашу рабочую Жизнь пролетариев не троньте, бывшей в Воскресенье демонстрацией, *не вами демонстрация проведена не вам и критиковать ее. А и вообще наша партия Большинство и мы поддерживаем своих политических вождей действительных социалистов освободителей народа от гнета Буржуазии и капиталистов, и Впредь если будут писаться такие контр-революционные статьи то мы рабочие клянемся вот зарубите себе на лбу что закроем вашу газету, а если желательно осведомитесь у вашего Социалиста так называемого нейтралиста он был у нас на путиловском заводе со своими отсталыми речами спросите у него дали ему говорить да нет, да в скором времени вам воспретят и ваш орган он начинает равняться с кадетским, и если вы горькие⁴, отсталые писатели будете продолжать свою полемику и с правительственным органом «Правда» то знайте прекратим в нашем Нарвско-Петергофском районе торговлю. адрес*

Путиловс завод Пушечн. Округ пишите отв. а то будут Репрессии».

Свирепо написано!

С такой свирепостью рассуждают деги, начитавшись

страшных книг Густава Эмара⁵ и воображая себя ужасными индейцами.

Конечно,— детей следует учить. И в поучение автору — или авторам — сердитого письма я скажу:

Нельзя так рассуждать, как рассуждаете вы:

«Демонстрация не вами проведена, не вам и критиковать ее».

Политическое и экономическое угнетение рабочего класса тоже «не нами проведено», но мы всегда критиковали и будем критиковать всякую систему угнетения человека, кем бы эта система не «проводилась».

Люди, имена которых названы в письме, боролись с самодержавием мошенников и подлецов не для того, чтобы оно заменилось самодержавием политических дикарей.

Нам угрожают, что если мы будем «продолжать полемику с правительственным органом «Правда», то...»

Да, мы будем продолжать полемику с правительством, которое губит рабочий класс; мы считаем эту полемику нашим долгом,— долгом честных граждан и независимых социалистов.

XLII

Все, что заключает в себе жестокость или безрассудство, всегда найдет доступ к чувствам невежды и дикаря.

Недавно матрос Железняков¹, переводя свирепые речи своих вождей на простецкий язык человека массы, сказал, что для благополучия русского народа можно убить и миллион людей.

Я не считаю это заявление хвастовством и хотя решительно не признаю таких обстоятельств, которые смогли бы оправдать массовые убийства, но — думаю — что миллион «свободных граждан» у нас могут убить. И больше могут. Почему не убивать?

Людей на Руси — много, убийц — тоже достаточно, а когда дело касается суда над ними,— власть народных комиссаров встречает какие-то таинственные препятствия, как она, видимо, встретила их в деле по расследованию гнуснейшего убийства Шингарева и Кокошкина². Поголовное истребление несогласномыслящих — старый, испытанный прием внутренней политики российских правительств. От Ивана Грозного до Николая II-го этим простым и удобным приемом борьбы с крамолой свободно и широко пользова-

лись все наши политические вожди — почему же Владимиру Ленину отказываться от такого упрощенного приема?

Он и не отказывается, откровенно заявляя, что не побрезгует ничем для искоренения врагов³.

Но я думаю, что в результате таких заявлений мы получим длительную и жесточайшую борьбу всей демократии и лучшей части рабочего класса против той зоологической анархии, которую так деятельно воспитывают вожди из Смольного.

Вот чем грозят России упрощенные переводы анархо-коммунистических лозунгов на язык родных осин.

Пр.— прапорщик или профессор? — Роман Петкевич пишет мне: «Ваш спор с большевизмом — глубочайшая ошибка, вы боретесь против духа нации, стремящегося к возрождению. В большевизме выражается особенность русского духа, его самобытность. Обратите же внимание: каждому свое! Каждая нация создает свои особенные, индивидуальные, только ей свойственные приемы и методы социальной борьбы. Французы, итальянцы — анархо-синдикалисты, англичане наиболее склонны к тред-юнионам, а казарменный социал-демократизм немцев как нельзя более соответствует их бездарности.

Мы же, по пророчеству великих наших учителей — например, Достоевского и Толстого, — являемся народом-Мессией⁴, на который возложено идти дальше всех и впереди всех. Именно наш дух освободит мир из цепей истории».

И т. д. в тоне московского неославянофильства⁵, которое так громко визжало в начале войны.

До чего же бесприютен русский человек!

XLIII

Все подлое и скверное, что есть на земле, сделано и делается нами, и все прекрасное, разумное, к чему стремимся мы, — в нас живет.

Вчерашний раб сегодня видит своего владыку поверженным во прах, бессильным, испуганным, — зрелище величайшей радости для раба, пока еще не познавшего радость, более достойную человека, — радость быть свободным от чувства вражды к ближнему.

Но и эта радость будет познана, — не стоит жить, если невозможно верить в братство людей, жизнь бессмысленна, если нет уверенности в победе любви.

Да, да, — мы живем по горло в крови и грязи, густые

тучи отвратительной пошлости окружают нас и ослепляют многих; да, порою кажется, что эта пошлость отравит, задушит все прекрасные мечты, рожденные нами в трудах и мучениях, все факелы, которые зажгли мы на пути к возрождению.

Но человек, все-таки,— человек и, в конце концов, побеждает только человеческое,— в этом великий смысл жизни всего мира, иного смысла нет в ней.

Может быть, мы погибнем?

Лучше сгореть в огне революции, чем медленно гнить в помойной яме монархии, как мы гнили до февраля.

Мы, Русь, очевидно, пришли ко времени, когда все наши люди, возбужденные до глубины души, должны смыть, сбросить с себя веками накопленную грязь нашего быта, убить нашу славянскую лень, пересмотреть все навыки и привычки наши, все оценки явлений жизни, оценки идей, человека, мы должны возбудить в себе все силы и способности и, наконец, войти в общечеловеческую работу устройства планеты нашей,— новыми смелыми, талантливыми работниками.

Да, наше положение глубоко трагично, но всего выше человек — в трагедии.

Да, жить — трудно, слишком много всплыло на поверхность жизни мелкой злости, и нет священного озлобления против пошлости, озлобления, убийственного для нее.

Но, как сказал Синезий, епископ Птолемаиды¹:

«Для философа необходимо спокойствие души — искусного кормчего воспитывают только бури».

Будем верить, что те, кто не погибнет в хаосе и буре,— окрепнут и воспитают в себе непоколебимую силу сопротивления древним, зверским началам жизни.

Сегодня — день Рождения Христа², одного из двух величайших символов, созданных стремлением человека к справедливости и красоте.

Христос — бессмертная идея милосердия и человечности, и Прометей — враг богов, первый бунтовщик против Судьбы,— человечество не создало ничего величественнее этих двух воплощений желаний своих.

Настанет день, когда в душах людей символ гордости и милосердия, кротости и безумной отваги в достижении цели — оба символа скипятся во одно великое чувство и все люди сознают свою значительность, красоту своих стремлений и единокровную связь всех со всеми.

В эти страшные для многих дни мятежа, крови и вражды

не надо забывать, что путем великих мук, невыносимых испытаний, мы идем к возрождению человека, совершаем мирское дело раскрепощения жизни от тяжких, ржавых цепей прошлого.

Будем же верить сами в себя, будем упрямо работать, — все в нашей воле, и нет во вселенной иного законодателя, кроме нашей разумной воли.

Всем, кто чувствует себя одиноко среди бури событий, чье сердце точат злые сомнения, чей дух подавлен тяжелой скорбью — душевный привет!

И душевный привет всем безвинно заключенным в тюрьмах.

XLIV

Сегодня «Прощеное Воскресенье»¹.

По стародавнему обычаю в этот день люди просили друг у друга прощения во взаимных грехах против чести и достоинства человека. Это было тогда, когда на Руси существовала совесть; когда даже темный, уездный русский народ смутно чувствовал в душе своей тяготение к социальной справедливости, понимаемой может быть, узко, но все-таки — понимаемой.

В наши кошмарные дни совесть издохла². Все помнят, как русская интеллигенция, вся, без различия партийных уродств, возмущалась бессовестным делом Бейлиса³ и подлым расстрелом ленских рабочих⁴, еврейскими погромами и клеветой, обвинявшей всех евреев поголовно в измене России⁵. Памятно и возбуждение совести, вызванное процессом Половнева, Ларичкина и других убийц Иоллоса, Герценштейна⁶.

Но вот убиты невинные и честные люди Шингарев, Кошкин, а у наших властей не хватает ни сил, ни совести предать убийц суду⁷.

Расстреляны шестеро юных студентов, ни в чем не повинных, — это подлое дело не вызывает волнений совести в разрушенном обществе культурных людей⁸.

Десятками избивают «буржуев» в Севастополе, в Евпатории⁹, — и никто не решается спросить творцов «социальной» революции: не являются ли они моральными вдохновителями массовых убийств?

Издохла совесть. Чувство справедливости направлено на дело распределения материальных благ, — смысл этого «распределения» особенно понятен там, где нищий нищему

продаст под видом хлеба еловое полено, запеченное в тонкий слой теста. Полуголодные нищие обманывают и грабят друг друга — этим наполнен текущий день. И за все это — за всю грязь, кровь, подлость и пошлость — притаившиеся враги рабочего класса возложат со временем вину именно на рабочий класс, на его интеллигенцию, бессильную одолеть моральный развал одичавшей массы. Где слишком много политики, там нет места культуре, а если политика насквозь пропитана страхом перед массой и лестью ей — как страдает этим политика советской власти — тут уже, пожалуй, совершенно бесполезно говорить о совести, справедливости, об уважении к человеку и обо всем другом, что политический цинизм именует «сентиментальностью», но без чего — нельзя жить.

XLV

Среди распоряжений и действий правительства, оглашенных на днях в некоторых газетах, я с величайшим изумлением прочитал громогласное заявление «Особого Собрания Моряков Красного Флота Республики» — в этом заявлении моряки оповещают:

«Мы, моряки, решили: если убийства наших лучших товарищей будут впредь продолжаться, то мы выступим с оружием в руках и за каждого нашего убитого товарища будем отвечать смертью сотен и тысяч богачей, которые живут в светлых и роскошных дворцах, организовывая контрреволюционные банды против трудящихся масс, против тех рабочих, солдат и крестьян, которые в октябре вынесли на своих плечах революцию»¹.

Это, что же — крик возмущенной справедливости?

Но тогда я, как и всякий другой гражданин нашей республики, имею право спросить граждан моряков:

Какие у них данные утверждать, что Мясников и Забелло погибли от «предательской руки тиранов»? И — если таковые данные имеются — почему они не опубликованы?

Почему правительство нашло нужным включить в число своих «действий и распоряжений» грозный рев «красы и гордости» русской революции?²

Что же, правительство согласно с методом действий, обещающим моряками?

Или оно бессильно воспрепятствовать этому методу?

И, — наконец, — не само ли оно внушило морякам столь дикую идею физического возмездия?

Думаю, что на последний вопрос правительство, по совести, должно ответить признанием своей вины.

Вероятно, все помнят, что после того, как некий шалун или скучающий лентяй расковырял перочинным ножиком кузов автомобиля, в котором ездил Ленин, — «Правда», приняв порчу автомобильного кузова за покушение на жизнь Владимира Ильича, грозно заявила:

«За каждую нашу голову мы возьмем по сотне голов буржуазии»³.

Видимо, эта арифметика безумия и трусости произвела должное влияние на моряков, — вот они уже требуют не сотню, а тысячи голов за голову.

Самооценка русского человека повышается. Правительство может поставить это в заслугу себе.

Но для меня, — как, вероятно, и для всех, еще не окончательно обезумевших людей, — грозное заявление моряков является не криком справедливости, а диким ревом разнузданных и трусливых зверей.

Я обращаюсь непосредственно к морякам, авторам зловещего объявления.

Нет сомнения, господа, в том, что вы, люди вооруженные, можете безнаказанно перебить и перерезать столько «буржуев», сколько вам будет угодно. В этом не может быть сомнения, — ваши товарищи уже пробовали устраивать массовые убийства буржуазной «интеллигенции», — перебив несколько сот грамотных людей в Севастополе, Евпатории, они объявили:

«Что сделано, — то сделано, а суда над нами не может быть».

Эти слова звучат как полупокаяние, полуугроза, и в этих словах, господа моряки, целиком сохранен и торжествует дух кровавого деспотизма той самой монархии, внешние формы которой вы разрушили, но душу ее — не можете убить, и вот она живет в ваших грудях, заставляя вас рычать зверями, лишая образа человеческого.

Вам, господа, следовало бы крепко помнить, что вы воспитаны насилием и убийствами и что когда вы говорите «суда над нами — не может быть», — вы говорите это не потому, что сознали ваше право на власть, а только потому, что знаете: при монархии за массовые убийства никого не судили, не наказывали. Никого не судили за убийство тысяч людей 9 января 1905 г., за расстрел ленских и златоустовских рабочих, за избивание ваших товарищей Очаковцев⁴, за все те массовые убийства, которыми была так богата монархия.

Вот, в этой атмосфере безнаказанных преступлений вы и воспитаны, эта кровавая отрыжка старины и звучит в вашем реве.

Точно так же как монархическое правительство, избивая сотнями матросов, рабочих, крестьян, солдат, свидетельствовало о своем моральном бессилии, точно так же, грозным заявлением своим, моряки красного флота признаются, что кроме штыка и пули у них нет никаких средств для борьбы за социальную справедливость. Разумеется, убить проще, чем убедить, и это простое средство, как видно, очень понятно людям, воспитанным убийствами и обученным убийствам.

Я спрашиваю вас, господа моряки: где и в чем разница между звериной психологией монархии и вашей психологией? Монархисты были искренно убеждены, что счастье России возможно только при поголовном истреблении всех инакомыслящих, — вы думаете и действуете точно так же.

Повторяю: убить — проще и легче, чем убедить, но — разве не насилие над народом разрушили власть монархии? Из того, что вы разделите между собой материальные богатства России, она не станет ни богаче, ни счастливее, вы не будете лучше, человечнее. Новые формы жизни требуют нового духовного содержания — способны ли вы создать эту духовную новизну? Судя по вашим словам и действиям, вы еще не способны к этому, — вы, дикие русские люди, развращенные и замученные старой властью, вам она привила в плоть и кровь все свои страшные болезни и свой бессмысленный деспотизм.

Но, действуя так, как вы действуете, вы даете будущей реакции право ссылаться на вас, право сказать в лицо вам: при социалистическом правительстве, когда власть была в ваших руках, вы точно так же, как мы, до революции, сами убивали народ.

И этим вы дали нам право убивать вас.

Господа моряки! Надобно опомниться. Надо постараться быть людьми. Это — трудно, но — это необходимо.

XLVI

Моя статейка по поводу заявления группы матросов о их готовности к массовым убийствам безоружных и ни в чем не повинных людей вызвала со стороны единомышленников этой группы несколько писем, в которых разные бесстыдники и безумцы пугают меня страшнейшими казнями.

Это — глупо, потому что угрозами нельзя заставить меня онеметь, и чем бы мне ни грозили, я всегда скажу, что скоты — суть скоты, а идиоты — суть идиоты и что путем убийств, насилий и тому подобных приемов нельзя добиться торжества социальной справедливости.

Но вот письмо, которое я считаю необходимым опубликовать, как единственный человеческий отклик на мою статью.

«Прочитавши Вашу статью «Несвоевременные мысли» в газете «Новая Жизнь» № 51 (266), я хочу верить, что Вы далеко не всех носителей матросской шинели считаете разнузданными дикарями. Но позвольте спросить, что должен делать я при встрече с Вами или вообще с гражданином в штатском костюме, согласным с Вашим мнением и взглядом на моряков, и не только я, а сотни лиц, сейчас живущих в тесном кругу со мною, которых я отлично знаю, знаю, что в них, как и во мне, никогда даже не было мысли об убийстве и даже о малейшем озорстве. Как же мы будем смотреть в глаза, — ведь мы носим матросские шинели.

Читая Вашу статью, я болел душою не только за себя, но и за тех моих товарищей, которые невинно пригвождены к позорному столбу общественного мнения. Я живу с ними, я знаю их, как самого себя, знаю как незаметных, но честных тружеников, чьи мысли не проникают на суд широкой публики, а потому я прошу Вас сказать о них Ваше громкое, задушевное слово, так как мои и их страдания — не заслуженные.

Матрос: подпись неразборчива.
Кронштадт, 27 марта с. г.»

Само собою разумеется, что я далек от желания обвинять в склонности к зверским убийствам всех матросов. Нет, я имел в виду только тех, которые заявили о себе убийствами в Севастополе и Евпатории¹, убийством Шингарева и Кокошкина², и ту группу, которая сочинила и подписала известное безумное заявление, опубликованное среди «Распоряжений и действий Правительства».

XLVII

Я не стану отрицать, что на Руси, даже среди профессиональных воров и убийц, есть очень много «совестливых» людей — это всем известно; ограбит человек или убьет

ближнего, а потом у него «душа скучает» — болит совесть. Очень многие добрые русские люди весьма утешаются этой «скукой души», — им кажется, что дрябленькая совесть — признак духовного здоровья, тогда как, вероятнее всего, это просто признак болезненного безволия людей, которые, перед тем как убить, восхищаются скромной красотой полевого цветка и могут совмещать в себе искреннего революционера с не менее искренним провокатором, как это бывало у нас слишком часто.

Я думаю, что мы все — матросы и литераторы, «буржуа» и пролетарии — одинаково безвольны и трусливы, что отнюдь не мешает нам быть жесточайшими физическими и моральными истязателями друг друга. В доказательство этой печальной правды, я предлагаю читателю сравнить психологию уличных самосудов с приемами газетной «полемике» — в обоих случаях — и в газетах и на улицах — он увидит одинаково слепых и бешеных людей, главная цель и высочайшее наслаждение которых в том, чтобы как можно больнее и жесточе нанести ближнему удар «в морду» или в душу.

Это — психика людей, которые все еще не могут забыть, что 56 лет тому назад они были рабами — и что каждый из них мог быть выпорот розгами², что они живут в стране, где безнаказанно возможны массовые погромы и убийства³ и где человек — ничего не стоит. Ничего.

Где нет уважения к человеку, там редко рождаются и недолго живут люди, способные уважать самих себя.

А откуда оно явится, это уважение?

В «Правде» различные зверюшки науськивают пролетариат на интеллигенцию. В «Нашем Веке» хитроумные мокси науськивают интеллигенцию на пролетариат. Это называется «классовой борьбой», несмотря на то что интеллигенция превосходно пролетаризирована и уже готова умирать голодной смертью вместе с пролетариатом. Не саботируй? Но моральное чувство интеллигента не может позволить ему работать с правительством, которое включает в число своих «действий и распоряжений» известную угрозу группы матросов⁴ и тому подобные гадости. Что бы и как бы красноречиво ни говорили мудрецы от большевизма о «саботаже» интеллигенции, — факт, что русская революция погибает именно от недостатка интеллектуальных сил. В ней очень много болезненно раздраженного чувства и не хватает культурно-воспитанного, грамотного разума.

Теперь большевики опомнились и зовут представителей

интеллектуальной силы к совместной работе с ними. Это — поздно, а все-таки не плохо⁵.

Но, — наверное, начнется некий ростовщичий торг, в котором одни будут много запрашивать, другие — понемножку уступать, а страна будет разрушаться все дальше, а народ станет развращаться все больше.

XLVIII

На днях какие-то окаянные мудрецы осудили семнадцатилетнего юношу на семнадцать лет общественных работ за то, что этот юноша откровенно и честно заявил: «Я не признаю Советской власти!»

Не говоря о том, что людей, которые не признают авторитета власти комиссаров, найдется в России десятки миллионов и что всех этих людей невозможно истребить, я нахожу полезным напомнить строгим, но не умным судьям о том, откуда явился этот честный юноша, столь нелепо — сурово осужденный ими.

Этот юноша — плоть от плоти тех прямодушных и бесстрашных людей, которые на протяжении десятилетий, живя в атмосфере полицейского надзора, шпионства и предательства, неустанно разрушали свинцовую тюрьму монархии, внося, с опасностью для свободы и жизни своей, в темные массы рабочих и крестьян идеи свободы, права, социализма. Этот юноша — духовный потомок людей, которые, будучи схвачены врагами и изнывая в тюрьмах, отказывались на допросах разговаривать с жандармами из презрения к победившему врагу.

Этот юноша воспитан высоким примером тех лучших русских людей, которые сотнями и тысячами погибали в ссылке, в тюрьмах, в каторге и на костях которых мы ныне собираемся строить новую Россию.

Это — романтик, идеалист, которому органически противна «реальная политика» насилия и обмана, политика фанатиков догмы, окруженных — по их же сознанию — жуликами и шарлатанами.

Чтобы воспитать мужественного и честного юношу в подлых условиях русской жизни, требовались огромная затрата духовных сил, почти целый век напряженной работы.

И вот теперь те люди, ради свободы которых совершалась эта работа, не понимая, что честный враг лучше подлого друга, осудили мужественного юношу за то, что он, — как это и следует, — не может и не хочет признавать власть,

попирающую свободу. Есть очень умная басня о свинье под дубом вековым, — может быть, премудрые судьи найдут время прочитать ее? Им необходимо ознакомиться с моралью этой басни¹.

В Москве арестован И. Д. Сытин, человек, недавно отпраздновавший пятидесятилетний юбилей книгоиздательской деятельности². Он был министром народного просвещения гораздо более действительным и полезным для русской деревни, чем граф Дм. Толстой³ и другие министры царя. Несомненно, что сотни миллионов Сытинских календарей и листовок по крайней мере наполовину сокращали рецидивы безграмотности. Он всю жизнь стремился привлечь к своей работе лучшие силы русской интеллигенции, и не его вина, что он был плохо понят ею в своем искреннем желании «облагородить» сытинскую книгу. Все-таки он сумел привлечь к своему делу внимание и помощь таких людей, как Л. Н. Толстой⁴, А. П. Чехов, Н. А. Рубакин⁵, Вахтеров⁶, Клюжев⁷, А. М. Калмыкова⁸ и десятки других. Им основано книгоиздательство «Посредник», он дал Харьковскому Комитету грамотности мысль издать много-томную и полезную «Сельско-Хозяйственную Энциклопедию». За пятьдесят лет Иван Сытин, самоучка, совершил огромную работу неоспоримого культурного значения. Во Франции, в Англии, странах «буржуазных», как это известно, Сытин был бы признан гениальным человеком, и по смерти ему поставили бы памятник, как другу и просветителю народа.

В «социалистической» России, «самой свободной стране мира», Сытина посадили в тюрьму, предварительно разрушив его огромное, превосходно налаженное технически дело и разорив старика. Конечно, было бы умнее и полезнее для Советской власти привлечь Сытина, как лучшего организатора книгоиздательской деятельности, к работе по реставрации развалившегося книжного дела, но — об этом не догадались, а сочли нужным наградить редкого работника за труд его жизни — тюрьмой. Так матерая русская глупость заваливает затеями и нелепостями пути и тропы к возрождению страны, так Советская власть расходует свою энергию на бессмысленное и пагубное и для нее самой, и для всей страны возбуждение злобы, ненависти и злорадства, с которым органические враги социализма отмечают каждый ложный шаг, каждую ошибку, все вольные и невольные грехи ее.

Советская власть снова придушила несколько газет, враждебных ей¹.

Бесполезно говорить, что такой прием борьбы с врагами — не честен, бесполезно напоминать, что при монархии порядочные люди единодушно считали закрытие газет делом подлым, бесполезно, ибо понятия о честности и нечестности, очевидно, вне компетенции и вне интересов власти, безумно уверенной, что она может создать новую государственность на основе старой — произволе и насилии.

Но вот какие, не новые, впрочем, — соображения вызывает новый акт государственной мудрости комиссаров.

Уничтожение неприятных органов гласности не может иметь практических последствий, желаемых властью, этим актом малодушия нельзя **задержать** рост настроений, враждебных г. г. комиссарам и революции.

Г. г. комиссары быют с размаха, не разбирая, кто является противником только их безумств, кто — принципиальным врагом революции вообще. Хватая за горло первых, они ослабляют голос революционной демократии, голос чести и правды; зажимая рот вторым, они творят мучеников в среде врагов.

Украшая растущую реакцию ореолом мученичества, они насыщают ее притоком новой энергии и создают оправдание подлости будущего, подлостям, которые обратятся не только против всей демократии, а главным образом против рабочего класса; он первый и всех дороже заплатит за глупости и ошибки своих вождей.

Итак, уничтожая свободу слова, г. г. комиссары не приобретут этим пользы для себя и наносят великий вред делу революции.

Чего они боятся, чего малодушничают? Реальные политики, способные, казалось бы, правильно учесть значение сил, творящих жизнь, неужели они думают, что сила слова может быть механически уничтожена ими? Люди, опытные в делах подпольных, они не могут не знать, что запрещенное слово приобретает особую убедительность.

И, наконец, неужели они до такой степени потеряли веру в себя, что их страшит враг, говорящий открыто, полным голосом, и вот, они пытаются заглушить его хоть немножко?

Гонимая идея, хотя бы и реакционная, приобретает некий оттенок благородства, возбуждает сочувствие.

Дайте свободу слову, как можно больше свободы, ибо, когда враги говорят много — они, в конце концов, говорят глупости, а это очень полезно.

L

Что даст нам Новый год? Все, что мы способны сделать.

Но для того, чтоб стать дееспособными людьми, необходимо верить, что эти бешеные, испачканные грязью и кровью дни — великие дни рождения новой России.

Да, вот именно теперь, когда люди, оглушаемые проповедью равенства и братства, грабят на улицах ближнего своего, раздевая его догола, когда борьба против идола собственности не мешает людям зверски истязать и убивать мелких нарушителей закона о неприкосновенности собственности, когда «свободные граждане», занявшись торговлишкой, обируют друг друга безжалостно и бесстыдно, — в эти дни чудовищных противоречий рождается Новая Россия.

Тяжелые роды — в шуме разрушения старых форм жизни, среди гнилых обломков грязной казармы, в которой народ задыхался триста лет и которая воспитала его мелочно злобным и очень бесталанным.

В этом взрыве всей низости и пошлости, накопленной нами под свинцовым колпаком отвратительнейшей из монархий, в этом извержении грязного вулкана погибает старый русский человек, самовлюбленный лентяй и мечтатель, и на место его должен придти смелый и здоровый работник, строитель новой жизни.

Теперь русский человек не хорош, — не хорош больше, чем когда-либо. Не уверенный в прочности своих завоеваний, не испытывающий чувства радости о свободе, он оцептинился подленькой злостью и все еще пробует — действительно ли свободен он? Дорого стоят эти пробы и ему и объектам его опытов.

Но жизнь, суровая и безжалостная учительница наша, скоро захватит его цепью необходимостей, и они заставят его работать, заставят забыть в дружном труде все то мелочное, рабье и постыдное, что одолевает его сейчас.

Новые люди создаются новыми условиями бытия, — новые условия создают новых людей.

В мир идет человек, не испытывавший мучения рабства, не искаженный угнетением, — это будет человек, неспособный угнетать.

Будем верить, что этот человек почувствует культурное

значение труда и полюбит его. Труд, совершаемый с любовью,— становится творчеством.

Только бы человек научился любить свою работу,— все остальное приложится.

LI

Известный русский исследователь племен Судана — Юнкер, говорил:

«Жалкие дикари с ужасом отворачиваются от человеческого мяса, тогда как народы, достигшие сравнительно значительного уровня культуры, впадают в людоедство»¹.

Мы, русские, несомненно достигли «сравнительно значительного уровня культуры», — об этом лучше всего свидетельствует та жадность, с которой мы стремились и стремимся пожрать племена, политически враждебные нам.

Едва ли не с первых дней революции известная часть печати с яростью людоедов племени «ням-ням» набросилась на демократию и стала изо дня в день грызть головы солдат, крестьян, рабочих, свирепо обличая их в пристрастии к «семечкам», в отсутствии у них чувства любви к родине, сознания личной ответственности за судьбы России и во всех смертных грехах. Никто не станет отрицать, что лень, семечки, социальная тупость народа и все прочее, в чем упрекали его, — горькая правда, но — следовало «то же бы слово, да не так бы молвить». И следует помнить, что вообще народ не может быть лучше того, каков он есть, ибо о том, чтобы он был лучше — заботились мало.

Худосочное, истерическое раздражение, заменяющее у нас «священный гнев», пользовалось всем лексиконом оскорбительных слов и не считалось с последствиями, какие эти слова должны были неизбежно вызвать в сердцах судимых людей.

Казалось бы, что «культурные» руководители известных органов печати должны были понимать, какой превосходной помощью авантюристам служит яростное поношение демократии, как хорошо помогает это демагогам в их стремлении овладеть психологией масс.

Это простое соображение не пришло в головы мудрых политиков, и если ныне мы видим пред собою людей, совершенно утративших человеческий облик, — половину вины за это мрачное явление обязаны взять на себя те почтенные граждане, которые пытались привить людям культурные чувства и мысли путем словесных зуботычин и бичей.

Об этом поздно говорить? Нет, не поздно. Горло печати ненадолго зажато «новой» властью, которая так позорно пользуется старыми приемами удушения свободы слова². Скоро газеты снова заговорят, и, конечно, они должны будут сказать все, что необходимо знать всем нам в стыд и в поучение наше.

Но если мы, парадировав друг перед другом в плохоньких ризах бессильного гнева и злобенькой мести, снова будем продолжать ядовитую работу возбуждения злых начал и темных чувств — мы должны заранее признать, что берем на себя ответственность за все, чем откликнется народ на оскорбления, бросаемые вслед ему.

Озлобление — неизбежно, однако — в нашей воле сделать его не столь отвратительным. Даже в кулачной драке есть свои законы приличия. Я знаю, — смешно говорить на Святой Руси о рыцарском чувстве уважения к врагу, но я думаю, что будет очень полезно придать нашему худосочному гневу более приличные словесные формы.

Пусть каждый предоставит врагу своему право быть хуже его, и тогда наши словесные битвы приобретут больше силы, убедительности, даже красоты.

Откровенно говоря — я хотел бы сказать:

— Будьте человечнее в эти дни всеобщего озверения!

Но я знаю, что нет сердца, которое приняло бы эти слова. Ну, так будем хоть более тактичными и сдержанными, выражая свои мысли и ощущения, не надо забывать, что — в конце концов, — народ учится у нас злости и ненависти...

LII

Известная часть нашей интеллигенции, изучая русское народное творчество по немецкой указке, тоже очень быстро дошла до славянофильства, панславизма, «мессианства», заразив вредной идеей русской самобытности другую часть мыслящих людей, которые, мысля по-европейски, чувствовали по-русски, и это привело их к сентиментальному полуобожанию «народа», воспитанного в рабстве, пьянстве, мрачных суевериях церкви и чуждого красивым мечтам интеллигенции¹.

Русский народ, — в силу условий своего исторического развития, — огромное дряблое тело, лишенное вкуса к государственному строительству и почти недоступное влиянию идей, способных облагородить волевые акты; русская интеллигенция — болезненно распухшая от обилия чужих мыслей

голова, связанная с туловищем не крепким позвоночником единства желаний и целей, а какой-то еле различимой тоненькой нервной нитью.

Забитый до отупения жестокой действительностью, пьяненький, до отвращения терпеливый и, по-своему, хитренький, московский народ всегда был и остается — совершенно чужд психологически российскому интеллигенту, богатому книжными знаниями и нищему знанием русской действительности. Тело плотно лежит на земле, а голова выросла высоко в небеса, — издали же, как известно, все кажется лучше, чем вблизи.

Конечно, мы совершаем опыт социальной революции, — занятие, весьма утешающее маньяков этой прекрасной идеи и очень полезное для жуликов. Как известно, одним из наиболее громких и горячо принятых к сердцу лозунгов нашей самобытной революции явился лозунг: «Грабь награбленное!»²

Грабят — изумительно, артистически; нет сомнения, что об этом процессе самоограбления Руси история будет рассказывать с величайшим пафосом.

Грабят и продают церкви, военные музеи, — продают пушки и винтовки, разворовывают интендантские запасы, — грабят дворцы бывших великих князей, расхищают все, что можно расхитить, продается все, что можно продать³, в Феодосии солдаты даже людьми торгуют: привезли с Кавказа турчанок, армянок, курдочек и продают их по 25 руб. за штуку. Это очень «самобытно», и мы можем гордиться — ничего подобного не было даже в эпоху Великой Французской революции.

Честные люди, которых у нас всегда был недостаток, ныне почти совсем перевелись; недавно я слышал приглашение такого рода:

— Поезжайте к нам, товарищ, а то у нас, кроме трех рабочих, ни одного честного человека нет!

И вот этот маломощный, темный, органически склонный к анархизму народ ныне призывается быть духовным водителем мира, Мессией⁴ Европы.

Казалось бы, что эта курьезная и сентиментальная идея не должна путать трагическую игру народных комиссаров. Но «водители народа» не скрывают своего намерения зажечь из сырых русских поленьев костер, огонь которого осветил бы западный мир, тот мир, где огни социального творчества горят более ярко и разумно, чем у нас, на Руси.

Костер зажгли, он горит плохо, воняет Русью, грязнень-

кой, пьяной и жестокой. И вот эту несчастную Русь тащат и толкают на Голгофу⁵, чтобы распять ее ради спасения мира. Разве это не «мессианство» во сто лошадиных сил?

А западный мир суров и недоверчив, он совершенно лишен сентиментализма. В этом мире дело оценки человека стоит очень просто: вы любите, вы умеете работать? Если так — вы человек, необходимый миру, вы именно тот человек, силою которого творится все ценное и прекрасное. Вы не любите, не умеете работать? Тогда, при всех иных ваших качествах, как бы они ни были превосходны, вы — лишний человек в мастерской мира. Вот и все.

А так как россияне работать не любят и не умеют, и западноевропейский мир это их свойство знает очень хорошо, то — нам будет очень худо, хуже, чем мы ожидаем...

Наша революция дала полный простор всем дурным и зверским инстинктам, накопившимся под свинцовой крышей монархии, и, в то же время, она отбросила в сторону от себя все интеллектуальные силы демократии, всю моральную энергию страны. Мы видим, что среди служителей Советской власти то и дело ловят взяточников, спекулянтов, жуликов, а честные, умеющие работать люди, чтоб не умереть от голода, торгуют на улицах газетами, занимаются физическим трудом, увеличивая массы безработных.

Это — кошмар, это чисто русская нелепость, и не грех сказать — это идиотизм!

Все условия действительности повелительно диктуют необходимость объединения демократии, для всякого разумного человека ясно, что только единство демократии позволит спасти революцию от полной гибели, поможет ей одолеть внутреннего врага и бороться с внешним. Но Советская власть этого не понимает, будучи занята исключительно делом собственного спасения от гибели, неизбежной для нее.

Устремив взоры свои в даль грядущего, она забывает о том, что будущее создается из настоящего. В настоящем страна имеет дезорганизованный рабочий класс, истребляемый в междоусобной войне, разрушенную до основания промышленность, ошипанное догола государство, отданное на поток и разграбление людям звериных инстинктов.

Власть бессильна в борьбе с этими людьми, бессильна, сколько бы она ни расстреливала «нечаянно» людей, ни в чем не повинных.

И она будет бессильна в этой борьбе до поры, пока не решится привлечь к делу строительства жизни все интеллектуальные силы русской демократии.

В десятках писем, отовсюду присылаемых мне, наиболее интересными являются письма женщин. Посвященные впечатлениям бурной деятельности, эти письма насыщены тоской, гневом, негодованием; но чувство беспомощности и апатии звучит в них реже, чем в письмах мужчин, каждое женское письмо — крик души, терзаемой многообразными попытками суровых дней.

Прочитав их, ощущаешь сердцем, что все они написаны как бы единой женщиной — матерью жизни, той, из лона которой пришли в мир все племена и народы, той, которая родила и родит всех гениев, той, которая помогла мужчине переродить грубо зоологический позыв животного в нежный и возвышенный экстаз любви. Эти письма — гневный крик существа, которое вызвало к жизни поэзию, служило и служит возбудителем искусств и которое вечно страдает неутолимою жаждою красоты, любви, радости.

Женщина, в моем представлении, прежде всего — мать, хотя бы физически она была девушкой; она — мать не только по чувству к своим детям, но также — к мужу, любовнику и, вообще, к человеку, исшедшему в мир от нее и через нее. Существо, непрерывно пополняющее убыль, наносимую жизни смертью и разрушением, она должна и более глубоко и более остро, чем я, мужчина, чувствовать ненависть и отвращение ко всему, что усиливает работу смерти и разрушения. Такова, на мой взгляд, психофизиология женщины.

«Идеализм!»

Может быть. Но если это идеализм — он из круга тех верований, которые органически свойственны мне и тоже являются, очевидно, основой моей психофизиологии. Во всяком случае, эти мнения я не вчера выдумал, они со мною от юности, но — меня не смутило бы, если бы они явились у меня и вчера, ибо я нахожу, что социальный идеализм как нельзя более необходим именно в эпоху революции — я подразумеваю, конечно, тот здоровый, облагораживающий чувство идеализм, без которого революция потеряла бы свою силу делать человека более социально сознательным, чем он был до революции, потеряла бы свое моральное и эстетическое оправдание. Без участия этого идеализма революция — и вся жизнь — превращается в сухую, арифметическую задачу распределения материальных благ, задачу, решение которой требует слепой жестокости, потоков крови и, возбуждая звериные инстинкты, убивает насмерть

социальный дух человека, как мы видим это в наши дни.

Письма, о которых я веду речь, переполнены воплями матери о гибели людей. о том, что среди них растет жестокость, о том, что люди становятся все более дикими, подлыми, бесчестными, о том, что нравы со страшной быстротой грубеют. Эти письма наполнены проклятиями большевикам, мужикам, рабочим — женщина призывает на головы их все козни, бичи и ужасы.

«Перевешать, перестрелять, уничтожить» — вот, чего требует женщина, мать и нянька всех героев и святых, гениев и преступников, подлецов и честных людей, мать Христа¹, а также Иуды², Ивана Грозного и бесстыдного Макиавелли³, кроткого и милого святого Франциска из Ассизи⁴, мрачного врага радостей Савонаролы⁵, мать короля Филиппа II⁶, который радостно смеялся только однажды в жизни, когда он получил известие об успехе Варфоломеевской ночи, — о величайшем из преступлений Екатерины Медичи⁷, которая тоже рождена женщиной, была матерью и, по-своему, искренно заботилась о благе множества людей.

Отрицая жестокость, органически ненавидя смерть и разрушение, женщина-мать, возбудитель лучших чувств мужчины, объект его восхищения, источник жизни и поэзии — кричит:

— Перебить, перевешать, расстрелять...

Тут есть страшное и мрачное противоречие, в корне способное уничтожить тот ореол, которым окружила женщину история. Может быть, основа его в том, что женщина не сознает своей великой культурной роли, что она не чувствует своих творческих сил и слишком поддается отчаянию, вызванному в ее душе матери хаосом революционных дней?

Я не стану рассматривать этот вопрос, но я позволю себе указать на следующее:

Вы, женщины, прекрасно знаете, что роды всегда сопровождаются муками, что новый человек рождается в крови — такова злая ирония слепой природы. Вы по-звериному кричите в момент родов и — счастливо, улыбкою Богоматери улыбаетесь, прижимая новорожденного к груди.

Я не могу упрекать вас за ваш звериный крик — мне понятны муки, вызвавшие этот вопль нестерпимой боли — я сам почти издыхаю от этой муки, хотя я не женщина.

И я всем сердцем, всей душой хочу, чтобы вы скорее улыбались улыбкою Богоматери, прижимая к груди своей новорожденного человека России!

Вы, женщины, можете ускорить тяжкий процесс родов, вы можете сократить ужас мук, переживаемых страной, для этого вам нужно вспомнить, что вы — матери и неисчерпаемая живая сила любви в ваших сердцах. Не поддавайтесь злым внушениям жизни, станьте выше фактов. Это требует силы — вы найдете ее, теперь, в России, вы свободны более, чем где-либо в мире, — что мешает вам проявить ваше лучшее, ваше материнское?

Надо вспомнить, что революция не только ряд жестокостей и преступлений, но также ряд подвигов мужества, чести, самозабвения, бескорыстия. Вы не видите этого? Но, быть может, вы только потому не видите, что ослеплены ненавистью и враждой?

А если, присмотревшись внимательнее, вы, все-таки, не найдете ничего светлого и бодрого в хаосе и буре наших дней, — создайте сами светлое и доброе! Вы — свободны, вы сильны обаянием вашей любви, вы можете заставить нас, мужчин, быть более людьми, более детьми.

Сорокалетние гражданские войны XVII века вызвали во Франции отвратительное одичание нравов, развили хвастливую жестокость — вспомните, какое благотельное, оздоравливающее значение имела тогда для всей страны Юлия Рекамье⁸. Таких примеров влияния женщины на развитие человеческих чувств и мнений вы можете вспомнить десятки. Вам, матери, надлежит быть неумеренными в любви к человеку и сдержанными в ненависти к нему.

Большевики? Представьте себе, — ведь, это тоже люди, как все мы, они рождены женщинами, звериного в них не больше, чем в каждом из нас. Лучшие из них — превосходные люди, которыми со временем будет гордиться русская история, а ваши дети, внуки будут и восхищаться их энергией. Их действия подлежат жесточайшей критике, даже злому осмеянию, — большевики награждены всем этим в степени, быть может, большей, чем они заслуживают. Их окружает атмосфера удушливой ненависти врагов, и еще хуже, еще пагубнее для них — лицемерная, подленькая дружба тех людей, которые, пробиваясь ко власти лисой, пользуются ею, как волки, и — будем надеяться! — издохнут, как собаки.

Я защищаю большевиков? Нет, я, по мере моего понимания, борюсь против них, но — я защищаю людей, искренность убеждений которых я знаю, личная честность которых мне известна точно так же, как известна искренность их желания добра народу. Я знаю, что они производят жесточай-

ший научный опыт над живым телом России, я умею ненавидеть, но предпочитаю быть справедливым.

О, да, они наделали много грубейших, мрачных ошибок, — Бог тоже ошибся, сделав всех нас глупее, чем следовало, природа тоже во многом ошиблась — с точки зрения наших желаний, противных ее целям или бесцельности ее. Но, если вам угодно, то и о большевиках можно сказать нечто доброе, — я скажу, что, не зная, к каким результатам приведет нас, в конце концов, политическая деятельность их, психологически — большевики уже оказали русскому народу услугу, сдвинув всю его массу с мертвой точки и возбудив во всей массе активное отношение к действительности, отношение, без которого наша страна погибла бы.

Она не погибнет теперь, ибо народ — ожил, и в нем зреют новые силы, для которых не страшны ни безумия политических новаторов, слишком фанатизированных, ни жадность иностранных грабителей, слишком уверенных в своей непобедимости⁹.

Русь не погибнет¹⁰, если вы, матери, жертвенно вольете все прекрасное и нежное ваших душ в кровавый и грязный хаос этих дней.

Перестаньте кричать, ненавидя и презирая, кричите любя, — вам ли, рождающим страдая, не понимать удивительной силы сострадания к человеку! У вас есть все, для того чтобы смягчать и очеловечивать — в сердцах матерей всегда больше солнечного тепла, чем в сердце мужчины. Вы только вспомните этих проклятых мужчин — большевиков и прочих, — одичавших, огрубевших в работе разрушения гнилой храмины старого строя, вспомните их, когда они были новорожденными младенцами, — как всем младенцам, им тоже нужно было вытирать носы, и беспомощны они были, как все младенцы. И — разве есть человек, который не был бы обязан вам лучшими днями своей жизни?

Вам, матери, надо вспомнить все то, что вносит в жизнь ваша любовь — это избавит вас от мучительного гнета ненависти, которая убивает величайшее из чувств, — чувство матери.

Разве вы пробовали — пробуете — смягчать жестокость обостренной борьбы, разве вы пытались пересоздать нравы, облагородить отношения, пробуждающие ваш справедливый гнев? Вы увлекаетесь бесплодной ненавистью ко взрослым, но, может быть, полезнее, достойнее было бы предохранить юношество и детей от растлевающего влияния современности? Вы тратите ваше внимание и чувство на под-

бор фактов, которые, действительно, порочат человека, возбуждают отвращение к нему, но — не лучше ли будет, если вы поищете, или попытаетесь своей силою создать явления, возвышающие человека в его и ваших глазах?

Физически матери людского мира, вы могли бы быть и духовными матерями его, — ведь, если вы порицаете, значит — вы стоите на высоте, позволяющей вам видеть больше, чем видят другие. Поднимайте же и других на эту высоту!

Россия судорожно бьется в страшных муках родов, — вы хотите, чтобы скорее родилось новое, прекрасное, доброе, красивое, человеческое?

Позвольте же сказать вам, матери, что злость и ненависть — плохие акушерки¹¹.

LIV

В «Правде» напечатано:

«Горький заговорил языком врагов рабочего класса»¹.

Это — не правда. Обращаясь к наиболее сознательным представителям рабочего класса, я говорю:

Фанатики и легкомысленные фантазеры, возбудив в рабочей массе надежды, не осуществимые при данных исторических условиях, увлекают русский пролетариат к разгрому и гибели, а разгром пролетариата вызовет в России длительную и мрачную реакцию.

Далее в «Правде» напечатано:

«Всякая революция, в процессе своего поступательного развития, неизбежно включает и ряд отрицательных явлений, которые неизбежно связаны с ломкой старого, тысячелетнего государственного уклада. Молодой богатырь, творя новую жизнь, задевает своими мускулистыми руками чужое ветхое благополучие, и мещане, как раз те, о которых писал Горький, начинают вопить о гибели Русского государства и культуры».

Я не могу считать «неизбежными» такие факты, как расхищение национального имущества в Зимнем, Гатчинском и других дворцах. Я не понимаю, — какую связь с «ломкой тысячелетнего государственного уклада» имеет разгром Малого театра в Москве и воровство в уборной знаменитой артистки нашей, М. Н. Ермоловой?

Не желая перечислять известные акты бессмысленных погромов и грабежей, я утверждаю, что ответственность за этот позор, творимый хулиганами, падает и на пролета-

риат, очевидно бессильный истребить хулиганство в своей среде.

Далее: «молодой богатырь, творя новую жизнь», делает все более невозможным книгопечатание, ибо есть типографии, где наборщики вырабатывают только 38% детской нормы, установленной союзом печатников.

Пролетариат, являясь количественно слабосильным среди стомиллионного деревенского полуграмотного населения России, должен понимать, как важно для него возможное удешевление книги и расширение книгопечатания. Он этого не понимает на свою беду.

Он должен также понимать, что сидит на штыках, а это — как известно — не очень прочный трон.

И вообще — «отрицательных явлений» много, — а где же положительные? Они не заметны, если не считать «декретов» Ленина и Троцкого, но я сомневаюсь, чтоб пролетариат принимал сознательное участие в творчестве этих «декретов»². Нет, если бы пролетариат вполне сознательно относился к этому бумажному творчеству, — оно было бы невозможным в том виде, в каком дано.

Статья в «Правде» заключается нижеследующим лирическим вопросом:

«Когда на светлом празднике народов в одном братском порыве сольются прежние невольные враги, на этом пиршестве мира будет ли желанным гостем Горький, так поспешно ушедший из рядов подлинной революционной демократии?»

Разумеется, ни автор статьи, ни я не доживем до «светлого праздника» — далеко до него: пройдут десятилетия упорной, будничной, культурной работы для создания этого праздника.

А на празднике, где будет торжествовать свою легкую победу деспотизм полуграмотной массы и, как раньше, как всегда — личность человека останется угнетенной, — мне на этом «празднике» делать нечего, и для меня это — не праздник.

В чьих бы руках ни была власть, — за мною остается мое человеческое право отнестись к ней критически³.

И я особенно подозрительно, особенно недоверчиво отношусь к русскому человеку у власти, — недавний раб, он становится самым разнузданным деспотом, как только приобретает возможность быть владыкой ближнего своего.

Затратив огромное количество энергии, рабочий класс создал свою интеллигенцию — маленьких Бебелей¹, которым принадлежит роль истинных вождей рабочего класса, искренних выразителей его материальных и духовных интересов.

Даже в тяжких условиях полицейского государства рабочая интеллигенция, не щадя себя, ежедневно рискуя своей свободой, умела с честью и успехом бороться за торжество своих идей, неуклонно внося в темную рабочую массу свет социального самосознания, указывая ей пути к свободе и культуре.

Когда-нибудь беспристрастный голос истории расскажет миру о том, как велика, героична и успешна была работа пролетарской интеллигенции за время с начала 90-х годов до начала войны.

Окаянная война истребила десятки тысяч лучших рабочих, заменив их у станков людьми, которые шли работать «на оборону» для того, чтоб избежать воинской повинности. Все это люди, чуждые пролетарской психологии, политически не развитые, бессознательные и лишенные естественного для пролетария тяготения к творчеству новой культуры, — они озабочены только мещанским желанием устроить свое личное благополучие как можно скорее и во что бы то ни стало. Это люди, органически неспособные принять и воплотить в жизнь идеи чистого социализма.

И вот, остаток рабочей интеллигенции, не истребленный войною и междоусобицей, очутился в тесном окружении массы, людей психологически чужих, людей, которые говорят на языке пролетария, но не умеют чувствовать по-пролетарски, людей, чьи настроения, желания и действия обрекают лучший, верхний слой рабочего класса на позор и уничтожение.

Раздраженные инстинкты этой темной массы нашли выразителей своего зоологического анархизма, и эти вожди взбунтовавшихся мещан ныне, как мы видим, проводят в жизнь нищенские идеи Прудона², но не Маркса, развивают Пугачевщину, а не социализм и всячески пропагандируют всеобщее равнение на моральную и материальную бедность.

Говорить об этом — тяжело и больно, но необходимо говорить, потому что за все грехи и безобразия, творимые силой, чуждой сознательному пролетариату, — отвечать будет именно он.

Недавно представители одного из местных заводских комитетов сказали директору завода о своих же рабочих:

— Удивляемся, как вы могли ладить с этой безумной шайкой!

Есть заводы, на которых рабочие начинают растаскивать и продавать медные части машин, есть очень много фактов, которые свидетельствуют о самой дикой анархии среди рабочей массы. Я знаю, что есть явления и другого порядка: например, на одном заводе рабочие выкупили материал для работ, употребив на это свой заработок. Но факты этого рода считаются единицами, фактов противоположного характера — сотни.

«Новый» рабочий — человек, чуждый промышленности и не понимающий ее культурного значения в нашей мужицкой стороне. Я уверен, что сознательный рабочий не может сочувствовать фактам такого рода, как арест Софьи Владимировны Паниной³. В ее «Народном доме» на Лиговке учились думать и чувствовать сотни пролетариев, точно так же, как и в Нижегородском «Народном доме», построенном при ее помощи⁴. Вся жизнь этого просвещенного человека была посвящена культурной деятельности среди рабочих. И вот она сидит в тюрьме. Еще Тургенев указал, что благодарности никогда не встречается с добрым делом⁵, и не о благодарности я говорю, а о том, что надо уметь оценивать полезный труд.

Рабочая интеллигенция должна обладать этим умением.

Бывший министр А. И. Коновалов, человек безукоризненно честный, выстроил у себя на фабрике в Вичуге «Народный дом», который является образцовым зданием этого типа. Коновалов — в тюрьме⁶. Ответственность за эти нелепые аресты со временем будет возложена на совесть рабочего класса.

В среду лиц, якобы «выражающих волю революционного пролетариата», введено множество разного рода мошенников, бывших холопов охранного отделения и авантюристов; лирически настроенный, но бестолковый А. В. Луначарский навязывает пролетариату в качестве поэта Ясинского, писателя скверной репутации⁷. Это значит — пачкать знамена рабочего класса, развращать пролетариат.

Кадет хотят вышвырнуть из Учредительного Собрания⁸. Не говоря о том, что значительная часть населения страны желает, чтобы именно кадеты выражали ее мнение и ее волю в Учредительном Собрании, и потому изгнание кадет есть насилие над волей сотен тысяч людей, — не говоря уже об

этом позоре, я укажу, что партия к.-д. объединяет наиболее культурных людей страны, наиболее умелых работников во всех областях умственного труда. В высшей степени полезно иметь пред собою умного и стойкого врага, — хороший враг воспитывает своего противника, делая его умней и сильнее.

Рабочая интеллигенция должна понять это. И — еще раз — она должна помнить, что все, что творится теперь — творится от ее имени; к ней, к ее разуму и совести история предъявит свой суровый приговор. Не все же только политика, надобно сохранить немножко совести и других человеческих чувств.

LVI

Не так давно меня обвинили в том, что я «продался немцам» и «предаю Россию»¹, теперь обвиняют в том, что «продался кадетам» и «изменяю делу рабочего класса»².

Лично меня эти обвинения не задевают, не волнуют, но — наводят на невеселые и нелестные мысли о моральности чувств обвинителей, о их социальном самосознании.

Послушайте, господа, а не слишком ли легко вы бросаете в лица друг друга все эти дрянненькие обвинения в предательстве, измене, в нравственном шатании? Ведь если верить вам — вся Россия населена людьми, которые только тем и озабочены, чтобы распродать ее, только о том и думают, чтобы предать друг друга!

Я понимаю: обилие провокаторов и авантюристов в революционном движении должно было воспитать у вас естественное чувство недоверия друг к другу и, вообще, к человеку; я понимаю, что этот позорный факт должен был отравить болью острого подозрения даже очень здоровых людей³.

Но все же, бросая друг другу столь беззаботно обвинения в предательстве, измене, корыстолюбии, лицемерии, вы, очевидно, представляете себе всю Россию как страну, сплошь населенную бесчестными и подлыми людьми, а ведь вы тоже — русские.

Как видите — это весьма забавно, но еще более — это опасно, ибо постепенно и незаметно те, кто играет в эту грязную игру, могут внушить сами себе, что, действительно, вся Русь — страна людей бесчестных и продажных, а потому — «и мы не лыком шиты»!

Вы подумайте: революция у нас делается то на японские, то на германские деньги, контрреволюция — на деньги кадет

и англичан, а где же русское бескорыстие, где наша прославленная совестливость, наш идеализм, наши героические легенды о честных борцах за свободу, наше донкихотство и все другие хорошие свойства русского народа, так громко прославленные и устной, и письменной русской литературой?

Все это — ложь?

Поймите, — обвиняя друг друга в подлостях, вы обвиняете самих себя, всю нацию.

Читаешь злое письмо обвинителя, и невольно вспоминаются слова одного орловского мужичка:

— «У нас — все пьяное село; один праведник, да и тот — дурачок».

И вспоминаешь то красивое, законное возмущение, которое я наблюдал у рабочих в то время, когда черносотенное «Русское Знамя»⁴ обвинило «Речь» в каком-то прикосновении к деньгам финнов или эскимосов.

— «Нечего сказать негодяям, вот они и говорят самое гадкое, что могут выдумать».

Мне кажется, что я пишу достаточно просто, понятно, и что смыслящие рабочие не должны обвинять меня в «измене делу пролетариата»⁵. Я считаю рабочий класс мощной культурной силой в нашей темной мужицкой стране, и я всей душой желаю русскому рабочему количественного и качественного развития. Я неоднократно говорил, что промышленность — одна из основ культуры⁶, что развитие промышленности необходимо для спасения страны, для ее европеизации, что фабрично-заводской рабочий не только физическая, но и духовная сила, не только исполнитель чужой воли, но человек, воплощающий в жизнь свою волю, свой разум. Он не так зависит от стихийных сил природы, как зависит от них крестьянин, тяжкий труд которого невидим, не остается в веках. Все, что крестьянин вырабатывает, он продает и съедает, его энергия целиком поглощается землей, тогда как труд рабочего остается на земле, украшая ее и способствуя дальнейшему подчинению сил природы интересам человека.

В этом различии трудовой деятельности коренится глубокое различие между душою крестьянина и рабочего, и я смотрю на сознательного рабочего как на аристократа демократии.

Именно: аристократия среди демократии — вот какова роль рабочего в нашей мужицкой стране, вот чем должен чувствовать себя рабочий. К сожалению, он этого не чув-

ствуется пока. Ясно, как высока моя оценка роли рабочего класса в развитии культуры России, и у меня нет основания изменять эту оценку. Кроме того, у меня есть любовь к рабочему человеку, есть ощущение кровной моей связи с ним, любовь и уважение к его великому труду. И, наконец, — я люблю Россию.

Народные комиссары презрительно усмеваются, о конечно! Но это меня не убивает. Да, я мучительно и тревожно люблю Россию, люблю русский народ.

Мы, русские, — народ, еще не работавший свободно, не успевший развить все свои силы, все способности, и когда я думаю, что революция даст нам возможность свободной работы, всестороннего творчества, — мое сердце наполняется великой надеждой и радостью даже в эти проклятые дни, залитые кровью и вином⁷.

Отсюда начинается линия моего решительного и непримиримого⁸ расхождения с безумной деятельностью народных комиссаров.

Я считаю идейный максимализм очень полезным для расхлябанной русской души, — он должен воспитать в ней великие и смелые запросы, вызвать давно необходимую дееспособность, активизм, развить в этой вялой душе инициативу и вообще — оформить и оживить ее.

Но практический максимализм анархо-коммунистов и фантазеров из Смольного — пагубен для России и, прежде всего, — для русского рабочего класса.

Народные комиссары относятся к России как к материалу для опыта, русский народ для них — та лошадь, которой ученые-бактериологи прививают тиф для того, чтобы лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку. Вот именно такой жестокий и заранее обреченный на неудачу опыт производят комиссары над русским народом, не думая о том, что измученная, полуголодная лошада может издохнуть.

Реформаторам из Смольного нет дела до России, они хладнокровно обрекают ее в жертву своей грезе о всемирной или европейской революции.

В современных условиях русской жизни нет места для социальной революции, ибо нельзя же, по щучьему веленью, сделать социалистами 85% крестьянского населения страны, среди которого несколько десятков миллионов инородцев-кочевников⁹.

От этого безумнейшего опыта прежде всего пострадает рабочий класс, ибо он — передовой отряд революции, и он

первый будет истреблен в гражданской войне. А если будет разбит и уничтожен рабочий класс, значит, будут уничтожены лучшие силы и надежды страны.

Вот, я и говорю, обращаясь к рабочим, сознающим свою культурную роль в стране: политически грамотный пролетарий должен вдумчиво проверить свое отношение к правительству народных комиссаров, должен очень осторожно отнестись к их социальному творчеству.

Мое же мнение таково: народные комиссары разрушают и губят рабочий класс России, они страшно и нелепо осложняют рабочее движение; направляя его за пределы разума, они создают неотразимо тяжкие условия для всей будущей работы пролетариата и для всего прогресса страны.

Мне безразлично, как меня назовут за это мое мнение о «правительстве» экспериментаторов и фантазеров, но судьбы рабочего класса и России — не безразличны для меня.

И пока я могу, я буду твердить русскому пролетарию:

— Тебя ведут на гибель, тобою пользуются как материалом для бесчеловечного опыта, в глазах твоих вождей ты все еще не человек!

LVII

«Война, бесспорно, сыграла огромную роль в развитии нашей революции. Война материально дезорганизовала абсолютизм, внесла разложение в армию, привила дерзость массовому обывателю. Но, к счастью для нас, война не создала революции, к счастью, потому что революция, созданная войною, есть бессильная революция. Она возникает на почве исключительных условий, опирается на внешнюю силу, — и, в конце концов, оказывается неспособной удержать захваченные позиции».

Эти умные и даже пророческие слова сказаны в 1905 г. Троцким; я взял их из его книги «Наша революция», где они красуются на 5-ой странице¹. С той поры прошло немало времени, и теперь Троцкий, вероятно, думает иначе — во всяком случае, он уже, наверное, не решится сказать, что «революция, созданная войною, есть бессильная революция».

А, между тем, эти слова не потеряли своего смысла и правды, — текущие события всю силою своею, всем своим ходом подтверждают правду этих слов.

Война — 14—17 годов — дала власть в руки пролетариата, именно — дала, никто не скажет, что пролетариат сам.

своею силою, взял в руки власть — она попала в руки его потому, что защитник царя, солдат, замученный трехлетней войною, отказался от защиты интересов Романова, которые он так ревностно отстаивал в 1906 году, истребляя революционный пролетариат. Необходимо помнить, что революция начата солдатами Петроградского гарнизона и что, когда эти солдаты, сняв шинели, разойдутся по деревням, — пролетариат останется в одиночестве, не очень удобном для него.

Было бы наивно и смешно требовать от солдата, вновь преобразившегося в крестьянина, чтоб он принял как религию для себя идеализм пролетария и чтоб он внедрял в своем деревенском быту пролетарский социализм.

Мужик за время войны, а солдат в течение революции кое-что нажил, и оба они хорошо знают, что на Руси всего лучше обеспечивают свободу человека — деньги. Попробуйте разрушить это убеждение или хотя бы поколебать его.

Надо помнить, что в 905 году пролетариат был и количественно, и качественно сильнее, чем теперь, и что тогда промышленность не была разрушена до основания.

Революция, созданная войной, неизбежно окажется бес- сильной, если вместо того, чтобы посвятить всю свою энергию социальному творчеству, пролетариат, повинувшись своим вождям, станет с корнем уничтожать «буржуазные» технические организации, механикою которых он должен овладеть и работу которых ему надлежит контролировать².

Революция погибнет от внутреннего истощения, если пролетариат, подчиняясь фанатической непримиримости народных комиссаров, станет все более и более углублять свой разрыв с демократией. Идеология пролетариата не есть идеология классового эгоизма, лучшие учителя его, Маркс, Каутский и др., возлагают на его честную силу обязанность освободить всех людей от социального и экономического рабства³.

Жизнью мира движет социальный идеализм — великая мечта о братстве всех со всеми — думает ли пролетариат, что он осуществляет именно эту мечту, насилуя своих идейных врагов? Социальная борьба не есть кровавый мордобой, как учат русского рабочего его испуганные вожди.

Революция — великое, честное дело, дело, необходимое для возрождения нашего, а не бессмысленные погромы, разрушающие богатство нации. Революция окажется бессильною и погибнет, если мы не внесем в нее все лучшее, что есть

в наших сердцах, и если не уничтожим, или хотя бы не убавим жестокость, злобу, которые, опьяняя массы, порочат русского рабочего-революционера.

LVIII

Всякое правительство — как бы оно себя ни именovalo — стремится не только «управлять» волею народных масс, но и воспитывать эту волю сообразно своим принципам и целям. Наиболее демагогические и ловкие правительства обычно прикрашивают свое стремление управлять народной волей и воспитывать ее словами: «мы выражаем волю народа».

Это, разумеется, не искренние слова, ибо, в конце концов, интеллектуальная сила правительства одолевает инстинкты масс, если же это не удастся правящим органам, они употребляют для подавления враждебной их целям народной воли физическую силу.

Резолюцией, заранее удуманной в кабинете, или штыком и пулей, но правительство всегда и неизбежно стремится овладеть волею масс, убедить народ в том, что оно ведет его по самому правильному пути к счастью.

Эта политика является неизбежной обязанностью всякого правительства: будучи уверенным, что оно разум народа, оно принуждается позицией своей внушать народу убеждение в том, что он обладает самым умным и честным правительством, искренно преданным интересам народа.

Народные комиссары стремятся именно к этой цели, не стесняясь — как не стесняется никакое правительство — расстрелами, убийствами и арестами несогласных с ним, не стесняясь никакой клеветой и ложью на врага.

Но, воспитывая доверие к себе, народные комиссары, вообще плохо знающие «русскую стихию», совершенно не принимают в расчет ту страшную психическую атмосферу, которая создана бесплодными мучениями почти четырехлетней войны и благодаря которой «русская стихия» — психология русской массы — сделалась еще более темной, хлесткой и озлобленной.

Г. г. народные комиссары совершенно не понимают того факта, что когда они возглашают лозунги «социальной» революции — духовно и физически измученный народ переводит эти лозунги на свой язык несколькими краткими словами:

— Громи, грабь, разрушай...

И разрушает редкие гнезда сельскохозяйственной культуры в России, разрушает города Персии, ее виноградники, фруктовые сады, даже оросительную систему, разрушают все и всюду.

А когда народные комиссары слишком красноречиво и панически кричат о необходимости борьбы с «буржуем», темная масса понимает это как прямой призыв к убийствам, что она доказала.

Говоря, что народные комиссары «не понимают», какое эхо будят в народе их истерические вопли о назревающей контрреволюции¹, я сознательно делаю допущение, несколько объясняющее безумный образ их действий, но отнюдь не оправдываю их. Если они влезли в «правительство», они должны знать, кем и при каких условиях они управляют.

Народ изболел, исстрадался, измучен неопишимо, полон чувства мести, злобы, ненависти, и эти чувства все растут, соответственно силе своей организуя волю народа.

Считают ли себя г. г. народные комиссары призванными выражать разрушительные стремления этой больной воли? Или они считают себя в состоянии оздоровить и организовать эту волю? Достаточно ли сильны и свободны они для выполнения второй, настоятельно необходимой работы?

Этот вопрос они должны бы поставить пред собою со всей прямою и решительностью честных людей. Но нет никаких оснований думать, что они способны поставить на суд разума и совести своей этот вопрос.

Окруженные взволнованной русской стихией, они ослепли интеллектуально и морально и уже теперь являются бесильной жертвой в лапах измученного прошлым и возбужденного ими зверя.

LIX

Гражданин Мих. Надеждин спрашивает меня в «Красной Газете»¹:

«Скажите,— при крепостном праве, когда мужиков сотнями запарывали насмерть,— была ли жива тогда совесть?.. И чья?»²

Да, в ту проклятую пору, вместе с тем, как расширялось физическое право насилия над человеком, вспыхнул и ярко осветил душный мрак русской жизни прекрасный пламень совести. Вероятно, Мих. Надеждину памятли имена Радищева и Пушкина, Герцена и Чернышевского, Белинского, Некрасова, огромного созвездия талантливейших русских

людей, которые создали исключительную по оригинальности своей литературу, исключительную потому, что вся она целиком и насквозь была посвящена вопросам совести, вопросам социальной справедливости. Именно эта литература воспитала революционную энергию нашей демократической интеллигенции, влиянию этой литературы русский рабочий обязан своим социальным идеализмом.

Так что «совесть вколачивалась» не только «палками и нагайками», как утверждает М. Надеждин, она была в душе народа, как утверждали это Толстые, Тургеневы, Григоровичи и целый ряд других людей, которым надо верить, — они знали народ и, по-своему, любили его, даже несколько прикрашивая и преувеличивая его достоинства³.

Гр. Надеждин тоже, очевидно, любит свой народ, той несколько сентиментальной и лстивой любовью, которая вообще свойственна российским народолюбцам. Ныне эта любовь у нас еще более испорчена бесшабашной и отвратительной демагогией.

Надеждин упрекает меня:

«Непростительно именно вам, Алексей Максимович, как учителю народа, вышедшему из народа, взваливать такие обвинения на своих же братьев».

Я имею право говорить обидную и горькую правду о народе, и я убежден, что будет лучше для народа, если эту правду о нем скажу я первый, а не те враги народа, которые теперь молчат да копят месть и злобу для того, чтобы в удобный для них момент плюнуть этой злостью в лицо народа, как они плевали после 905 и 6 г. г.

Нельзя полагать, что народ свят и праведен только потому, что он — мученик, даже в первые века христианства было много великомучеников по глупости. И не надо закрывать глаза на то, что теперь, когда «народ» завоевал право физического насилия над человеком, — он стал мучителем не менее зверским и жестоким, чем его бывшие мучители.

Способ рассуждений Мих. Надеждина вводит его в безвыходный круг: так как народ мучили — он тоже имеет право мучить. Но ведь этим он дает право отомстить ему за муки — мукой, за насилие — насилием. Как же выйти из этого круга?

Нет, лучше будем говорить правду, — она целебна, и только она может вылечить нас.

Нехорош народ, который, видя, что его соседи по деревне голодают, не продает им хлеба, а варит из него кумышку и ханжу, потому что это выгоднее. Нельзя похвалить

народ, который постановляет: всякий односельчанин, кто продает те или иные продукты не в своей деревне, а в соседней, — подлежит аресту на три месяца.

Нет, будем говорить просто и прямо: большевистская демагогия, раскаляя эгоистические инстинкты мужика, гасит зародыши его социальной совести.

Я понимаю, что «Красной Газете», «Правде» и другим, иже с ними, неприятно слышать это, особенно неприятно теперь, когда большевизм постепенно кладет руль направо, стремясь опереться на «деревенскую бедноту» и забывая об интересах рабочего класса.

Напомню Мих. Надеждину несколько фраз московской речи Ленина:

«Заклячая мир, мы предаем эстляндских рабочих, украинский пролетариат и т. д. Но неужели же, если гибнут наши товарищи, то мы должны гибнуть вместе с ними? Если отряды наших товарищей окружены значительными силами врагов и не могут сопротивляться, то мы тоже должны бороться? Нет и нет!»⁴

Наверное, Мих. Надеждин согласится, что это не политика рабочего класса, а древнерусская, удельная, истинно суздальская политика.

Ленин говорит⁵:

«Мартов дрожащим, надрывающимся голосом звал нас к борьбе. Нет, он звал нас не к борьбе, он звал нас к смерти, он звал нас умирать за Россию и революцию. Большинство съезда — *крестьянская масса* — полторы тысячи человек (рабочих на съезде незначительное количество) была совершенно равнодушна к призывам Мартова. Она не хотела умирать за Россию и революцию, она хотела жить, чтобы заключить мир».

В этих словах полное подчинение всего «народа» и — смертный приговор рабочему классу.

Вполне достойный конец отвратительной демагогии, развратившей «народ».

LX

Право критики налагает обязанность беспощадно критиковать не только действия врагов, но и недостатки друзей. И морально, и тактически для развития в человеке чувства социальной справедливости гораздо лучше, если мы сами честно сознаемся в наших недостатках и ошибках раньше, чем успеет злоратно указать на них враг наш. Конечно,

и в этом случае враг не преминет торжествующе воскликнуть:

— Ага!

Но злость торжества будет притуплена и яд злости бессилен.

Не следует забывать, что враги часто бывают правы, осуждая наших друзей, а правда усиливает удар врага, — сказать печальную и обидную правду о друзьях раньше, чем скажет ее враг, значит обеспечить нападение врага.

Птенцы из большевиков почти ежедневно говорят мне, что я «откололся» от «народа»¹. Я никогда не чувствовал себя «приколотым» к народу, настолько, чтоб не замечать его недостатков, и так как я не лезу в начальство, — у меня нет желания замалчивать эти недостатки и распевать темной массе русского народа демагогические акафисты.

Если я вижу, что моему народу свойственно тяготение к равенству в ничтожестве, тяготение, исходящее из дряненькой азиатской догадки: быть ничтожными — проще, легче, безответственней; — если я это вижу, я должен сказать это.

Если я вижу, что политика советской власти «глубоко национальна» — как это хронически признают и враги большевиков, — а национализм большевистской политики выражается именно «в равнении на бедность и ничтожество», — я обязан с горечью признать: враги — правы, большевизм — национальное несчастье, ибо он грозит уничтожить слабые зародыши русской культуры в хаосе возбужденных им грубых инстинктов.

Мы все немножко побаиваемся критики, а самокритика — внушает нам почти отвращение.

Оправдывать у нас любят не меньше, чем осуждать, но в этой любви к оправданию гораздо больше заботы о себе, а не о ближнем, — в ней всегда заметно желание оправдать свой личный будущий грех; — очень предусмотрительно, однако — скверно.

Любимым героем русской жизни и литературы является несчастенький и жалкий неудачник, герои — не удаются у нас; народ любит арестантов, когда их гонят на каторгу, и очень охотно помогает сильному человеку своей среды надеть халат и кандалы преступника.

Сильного — не любят на Руси, и отчасти поэтому сильный человек не живуч у нас.

Не любит его жизнь, не любит литература, всячески хищрясь запутать крепкую волю в противоречиях, загнать

ее в темный угол неразрешимого, вообще — низвести пониже, в уровень с позорными условиями жизни, низвести и сломать. Ищут и любят не борца, не строителя новых форм жизни, а — праведника, который взял бы на себя гнусенькие грешки будничных людей².

Из этого материала — из деревенского темного и дряблого народа, — фантазеры и книжники хотят создать новое, социалистическое государство, — новое не только по формам, но и по существу, по духу. Ясно, что строители должны работать применительно к особенностям материала, а главной и наиболее неустрашимой особенностью деревенского люда является свирепый собственнический индивидуализм, который неизбежно должен будет объявить жестокую войну социалистическим стремлениям рабочего класса³.

Парижскую коммуну зарезали крестьяне, — вот что нужно помнить рабочему.

Вожди его забыли об этом.

LXI

На днях я получил нижеприведенное письмо — очень рекомендовую его вниманию товарищей, убежденных, что они строят «социалистическое отечество»:

«В последней Вашей статье Вы пишете, что очень много денег привозят солдаты в деревню и Вы удивляетесь, откуда у них такой капитал¹. А вот Вам пример, мой брат солдат на войне не был, службу нес легкую в Петрограде, а потом устроился в охране на железной дороге, и там проходили поезда со спиртом, который он с другими должен был охранять. И вот прослужив там два месяца он привез домой 5 тысяч руб. А заработал он честно: когда поезд стоял они открывали вагон сверлили бочку (а может быть как-нибудь по-другому делали), только набирали в бутылки спирту (он был не один) опять запирали вагон, пломбировщик пломбировал вагон, и все было в порядке. Деньги делили по старшинству, и так было месяца 2—3. Вернулся он домой в неделю назад, положил деньги в банк, все были так довольны, все соседи наперерыв приглашали его к себе и сватовал он себе богатую невесту, ведь деньга деньгу любит. Ни один человек не осудил его, только мне сестре его простой крестьянке стыдно и больно, что у меня брат — вор, казнокрад. а таких как он сотни тысяч.

Крестьянка N губ., N-го уезда, а деревни не пишу».

«Простая крестьянка» — честный человек, — деревню

«не пишет». Очевидно, потому, что боится, как бы соседи не оторвали ей голову.

Товарищи строители социалистического рая на Руси: «Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, не жнут, но собирают в житницы своя»², воззрите и скажите по совести — это ли птицы райские? Не черное ли это воронье, и не закладывает ли оно насмерть городской пролетариат?

Знаю, что письмо «простой крестьянки» не может поколебать каменную уверенность «немедленных социалистов» в их правоте. Ее не поколеблют и такие свидетельства, как сценка Ив. Вольного, напечатанная в 12 № «Дела Народа»³.

Ив. Вольный, — сам крестьянин, участник событий 5-го — 6-го годов, человек битый, мученый, человек, которого конвоировали в тюрьму его школьные товарищи. Он много претерпел, но сохранил живую, страстно любящую душу и умел беззлобно, правдиво написать мрачную эпопею черносотенного движения в деревне после 906 года. Это — честный, правдивый свидетель, и я знаю, как тяжело ему говорить горькую правду о своих людях, — сердце его горит искренней любовью к ним. Это — человек, которому и можно, и должно верить⁴.

А действительность, которая всегда правдивее и талантливее всех, даже и гениальных писателей, рисует русскую деревню наших дней еще более жестоко.

Я особенно рекомендую эти источники для понимания современной жизни г. Горлову из «Правды», — он очень горячий человек и, будучи — вероятно — человеком честным, должен хорошо знать, о чем говорит, что защищает. Он не знает этого⁵.

У него нет никакого права болтать ерунду о моих якобы «презрительных плевках в лицо народа». То, что ему угодно называть «презрительными плевками», есть мое убеждение, сложившееся десятками лет. Если г. Горлов грамотен, он обязан знать, что я никогда не восхищался русской деревней и не могу восхищаться «деревенской беднотой», органически враждебной психике, идеям и целям городского пролетариата.

Разумеется, вполне естественно, что, отталкивая все далее от себя рабочий класс, «немедленные социалисты» должны опереться на деревню, они первые и заревут от ее медвежьих объятий; заревут горькими слезами и многочисленными Горловы, которым необходимо учиться и слишком рано учить.

Г. Зиновьев сделал мне «вызов» на словесный и публичный поединок. Не могу удовлетворить желание г. Зиновьева, — я не оратор, не люблю публичных выступлений, недостаточно ловок для того, чтоб состязаться в красноречии с профессиональными демагогами⁶.

Да и зачем необходим этот поединок? Я — пишу, всякий грамотный человек имеет возможность читать мои статьи, так же как имеет право не понимать их или делать вид, будто не понимает.

Г. Зиновьев утверждает, что, осуждая творимые народом факты жестокости, грубости и т. п., я тем самым «чешу пятки буржуазии».

Выходка грубая, не умная, но — ничего иного от г. г. Зиновьевых и нельзя ждать. Однако он напрасно умолчал перед лицом рабочих, что, осуждая некоторые их действия, я постоянно говорю — что:

рабочих развращают демагоги, подобные Зиновьеву; что бесшабашная демагогия большевизма, возбуждая темные инстинкты масс, ставит рабочую интеллигенцию в трагическое положение чужих людей в родной среде;

и что советская политика — предательская политика по отношению к рабочему классу.

Вот о чем должен бы рассказать г. Зиновьев рабочим.

LXII

Уже не раз ко мне обращались представители домашней прислуги с просьбами «похлопотать» о разрешении печатать в газетах объявления о спросе на труд и предложения труда¹.

Вот одна из таких просьб, изложенная в письме:

«Постарайтесь разъяснить теперешней власти, чтобы она избрала какую ей угодно газету и разрешила бы публикации, по которым мы могли бы найти себе занятие, как это было прежде. Прежде, бывало, возьмешь газету и можешь выбрать по своей специальности предложение, а теперь обобьешь пороги всех союзов и видишь подлые улыбки и грубые шутки, а работы нет. Пусть советская власть выбирает газету для публикаций о труде. Публикации принесут ей большие доходы и это тем важно для нее, ведь у совета денег нет».

Не знаю, верно ли, что ищущие труда встречают в правлениях профессиональных союзов «подлые улыбки», но невольно, — ввиду единодушия жалоб, — приходится верить,

что «грубые шутки» и вообще грубость уже вошли в привычку новой бюрократии. Об этом немало писали «буржуи», но буржуям не принято верить даже и тогда, когда они вполне искренно утверждают, что все брюнеты — черноволосы. Однако, начинают жаловаться рабочие:

«Я,— пишет один из них,— имею перед революцией не меньше заслуг, чем те мальчики на Гороховой², которые лают на меня собаками. Я большевик с 904-го года, а не с октября, я два года семь месяцев торчал в тюрьмах, отбыл пять лет голодной ссылки. По должности председателя волостного комитета, я прихожу к начальству с мужиками, на нас орут, и мне стыдно взглянуть в глаза товарищей-крестьян, вдруг они спросят меня: «Чего же это кричат, как будто при царе?» Действуйте на этих людей как-нибудь, чтобы они опамятавались!»

Рабочий, арестованный за то, что упрекнул пьяного красногвардейца в грубости, был обвинен в «контрреволюционном настроении», и на допросе ему, по его словам, «совали в рыло револьвером, приговаривая: отвечай! Я им ответил: товарищи мы али нет? А они — таких по зубам нужно бить товарищей. Позвольте заявить, что по зубам били достаточно в старину, а если и нынче так, то — не стоит овчинка выделки».

Такие обвинения раздаются все чаще, и я не вижу, чем могут оправдать себя люди, вызывающие столь постыдные обвинения и жалобы. При старом режиме презрение к человеку рабочего класса объяснялось психологией свиньи, пожравшей правду³; после 905 г. свинья хрюкала особенно грубо и нагло: чувствуя себя победившей, она торжествовала.

Но в наши дни — победителей нет, хотя мы и деремся непрерывно, торжествовать некому и — над кем издеваться? Неужели мы издеваемся друг над другом только по привычке, потому, что над нами издевались в свое время?

«Я не отвечаю за армию!» — ответил один солдат на известные упреки штатской улицы.

Представители власти, юнцы, вчерашние политические блондины, сегодня интенсивно рыжие, не могут воспользоваться ответом солдата для своего оправдания. Ведь каждый из них, наверное, считает себя носителем новой, социально-гуманной, справедливой власти, и каждый обязан отвечать и лично за себя, и за всю армию строителей новой жизни. Ведь таково их идеальное назначение, не правда ли? Ведь это именно они сменили старых сеятелей «разумного, добро-

го, вечного»? Что же именно нового, много ли разумного и доброго вносят они непосредственно в быт, в тяжкую жизнь голодных буден?

Если у них нет ума — то, может быть, найдется немножко совести, и она заставит их подумать над обвинениями, выдвинутыми против них со стороны представителей того класса, интересам которого они, якобы, служат.

С жадностью голодного — психологически очень понятной — «Петроградская Правда» отмечает каждое доброе слово, сказанное по адресу «большевиков». Говорит ли о них Изгоев — с иронией иезуита — или Клара Цеткин, со множеством пояснений, уничтожающих хвалу. «Правда» немедленно перепечатывает на своих страницах эти сомнительные похвалы, очевидно, полагая, что они касаются и ее⁴. Перепечатала она и несколько слов из моего ответа на письма женщин и сопровождала их таким вопросом:

«Не согласится ли теперь Горький, что многие из «мыслей», высказывающихся им ранее, были, действительно, „несвоевременными“?»

Нет, не соглашусь. Все то, что я говорил о дикой грубости, о жестокости большевиков, восходящей до садизма, о некультурности их, о незнании ими психологии русского народа, о том, что они производят над народом отвратительный опыт и уничтожают рабочий класс — все это и многое другое, сказанное мною о «большевизме» — остается в полной силе.

LXIII

Равноправие евреев — одно из прекрасных достижений нашей революции¹. Признав еврея равноправным русскому, мы сняли с нашей совести позорное, кровавое и грязное пятно.

В этом поступке нет ничего, что давало бы нам право гордиться им. Уж только потому, что еврейство боролось за политическую свободу России гораздо более честно и энергично, чем делали это многие русские люди, потому, что евреи давали гораздо меньше ренегатов и провокаторов, — мы не должны и не можем считаться «благодетелями евреев», как называют себя в письмах ко мне некоторые «добродушные» и «мягкосердечные» русские люди.

Кстати: изумительно бесстыдно лаются эти добродушные, мягкосердечные люди!

Освободив еврейство от «черты оседлости», из постыд-

ного для нас «плена ограничений», мы дали нашей родине возможность использовать энергию людей, которые умеют работать лучше нас, а всем известно, что мы очень нуждаемся в людях, любящих труд.

Гордиться нам нечем, но — мы могли бы радоваться тому, что наконец догадались сделать дело хорошее и морально и практически.

Однако радости по этому поводу — не чувствуется; вероятно, потому, что нам некогда радоваться — все мы страшно заняты «высокой политикой», смысл которой всего лучше изложен в песенке каких-то антропофагов:

Тигры любят мармелад,
Люди ближнего едят.
Ах, какая благодать
Кости ближнего глотать!

Радости — не чувствуется, но антисемитизм жив и понемножку, осторожно снова поднимает свою гнусную голову, шипит, клеветает, брызжет ядовитой слюной ненависти.

В чем дело? А в том, видите ли, что среди анархически настроенных большевиков оказалось два еврея. Кажется, даже три. Некоторые насчитывают семерых и убеждены, что эти семеро Сампсонов² разрушат вдребезги 170-миллионную храмину России.

Это было бы очень смешно и глупо, если б не было подло.

Грозный еврейский Бог спасал целый город грешников за то, что среди них оказался один праведник³; люди, верующие в кроткого Христа, полагают, что за грехи двух или семерых большевиков должен страдать весь еврейский народ.

Рассуждая так, следует признать, что за Ленина, чистокровного русского грешника, должны отвечать все уроженцы Симбирской губернии, а также и смежных с нею.

Евреев значительно больше среди меньшевиков, но мои корреспонденты, притворяясь людьми невежественными, утверждают, что все евреи — анархисты.

Это очень дрянное обобщение. Я убежден, я знаю, что в массе своей евреи — к изумлению моему — обнаруживают более разумной любви к России, чем многие русские.

Этого не замечают, хотя это очень резко бросается в глаза, если взять статьи евреев-журналистов.

В «Речи», газете, которую можно не любить, но тем не менее очень почтенной газете, работает немало евреев. «Новое Время», в числе сотрудников коего тоже есть евреи, еще не так давно называло «Речь» «еврейской газетой».

Сотрудники «Речи» совершенно лишены даже и тени симпатии к большевикам.

Есть еще тысячи доказательств в пользу того, что уравнение «еврей=большевик» — глупое уравнение, вызываемое зоологическими инстинктами раздраженных россиян.

Я, разумеется, не стану приводить эти доказательства — честным людям они не нужны, для бесчестных — не убедительны.

Идиотизм — болезнь, которую нельзя излечить внушением. Для больного этой неизлечимой болезнью ясно: так как среди евреев оказалось семь с половиной большевиков, значит — во всем виноват еврейский народ. А посему...

А посему честный и здоровый русский человек снова начинает чувствовать тревогу и мучительный стыд за Русь, за русского головотяпа, который в трудный день жизни непременно ищет врага своего где-то вне себя, а не в бездне своей глупости.

Надеюсь, что мои многочисленные корреспонденты удовлетворены этим ответом по «еврейскому вопросу».

И добавлю — для меня нет больше такого вопроса.

Я не верю в успех клеветнической пропаганды антисемитизма. И я верю в разум русского народа, в его совесть, в искренность его стремления к свободе, исключаяющей всякое насилие над человеком. Верю, что «все минется, одна правда останется».

LXIV

Мне прислана пачка юдофобских прокламаций, одна из них — издана «Центральным Комитетом Союза христианских социалистов» в Москве 6-го мая, другая — «Петроградским Отделом» того же Союза. Не знаю, существует ли такой «Союз», но если существует, то члены его уж, конечно, не христиане, не социалисты, а — обыкновенные русские люди, из тех одичавших бездельников и лентяев, которые, будучи сами виноваты во всех своих несчастиях, бесстыдно обвиняют за свое ничтожество и неумение жить всех, кого угодно — только не себя. Что они — не христиане и, — тем более, — не социалисты, об этом свидетельствует их подленькая прокламация.

Вот ее начальные фразы:

«Антисемиты всех стран, всех народов и всех партий, объединяйтесь! «Союз Христианских Социалистов» обращается ко всем русским гражданам с призывом очистить

себя от той скверны иудейской, которой насквозь пропитана наша родина — от самых верхов и до народных низин. Особенно поражена этой скверной наша интеллигенция, наше так называемое образованное общество, воспитанное на иудейской прессе, проповедующей ложные принципы равенства и братства всех народов и племен¹. Но каждый разумный человек знает, что ни равенства, ни братства нет и не может быть, а следовательно, не может быть и одинакового отношения ко всем людям, ко всем национальностям».

Не правда ли — это истинные последователи любвеобильного Христа, для которого не было «ни эллина, ни иудея»², который сам, вместе с первоапостолами³, был иудеем и страдал, и принял мучительную смерть за человека вообще, за людей всех рас и племен? И — не правда ли — хороши эти «социалисты», считающие принцип равенства — «ложным» и — «скверной иудейской»?

Глупые и жалкие люди, несчастные люди! Утверждая, что русские граждане «насквозь — от верхов до низин» — пропитаны «иудейской скверной», т. е. «принципами равенства и братства всех племен и народов» — священными принципами, которые проповедуются почти всеми религиями и величайшими мыслителями всех веков и стран, — авторы прокламаций обнаруживают слишком лестное, но — увы! — совершенно неверное представление о русских гражданах. Пример — сами граждане — члены «Союза христианских социалистов», они не только не «пропитаны насквозь» высокими принципами равенства, но просто, как большинство граждан русских, не имеют никакого представления о планетарной, общекультурной ценности этих принципов.

Далее они пишут:

«Арийская раса — тип положительный как в физическом, так и в нравственном отношении, иудеи — тип отрицательный, стоящий на низшей ступени человеческого развития. Если наша интеллигенция, наша «соль земли русской», поймет это и уразумеет, то отбросит, как старую, негодную ветошь, затрепанные фразы о равенстве иудеев с нами и о необходимости одинакового отношения как к этим париям человечества, так и к остальным людям».

Вы подумайте — «и к остальным людям», кроме евреев, нельзя относиться одинаково! Кто же эти остальные люди? Может быть, германцы, представители «арийской расы», — «тип положительный в нравственном отношении», что не мешает этому «типу» расстреливать массами безоружных рус-

ских мужиков, а также и евреев? А, может быть, кроткие славяне, те русские люди, которые ныне так бессмысленно и жестоко грабят и убивают друг друга?

Или эти «остальные люди» — вообще все люди, способные так или иначе помешать спокойному развитию волчьего патриотизма авторов прокламации? Ибо — нет сомнения, что прокламация исходит из кругов русских хищников, которые привыкли наживать сто на сто, сдирая со своего горячо любимого ими народа по семи шкур.

Конечно, «остальные люди» — невольная обмолвка, подсказанная «христианам социалистам» их социальным одичанием, а также моральной и всяческой безграмотностью. Однако, местами эта безграмотность очень подозрительна, а, пожалуй, и сугубо фальшива.

Петроградская прокламация адресована «рабочим, солдатам, крестьянам» и составлена в явном расчете на темноту ума и чувства адресатов.

Она спрашивает:

«Много ли вы знаете евреев — кузнецов, дворников, молотобойцев, хлебопашцев, прачек, кухарок, судомоек? Видели ли вы нищих евреев, выпрашивающих гроши на улицах городов? Нет».

Разумеется — нет, никто не видел в Петрограде и Москве евреев-дворников, ибо полицейская должность эта уже никоим образом не могла быть занимаема евреями, ясно — почему. В Одессе же большинство ломовых извозчиков — евреи; 92 проц. евреев, живущих в черте оседлости, — ремесленники и бедняки.

Совершенно верно, что вне черты оседлости евреев-нищих никто не видел. Это объясняется прекрасным развитием у еврейства общественной помощи, тем, что полиция не позволила бы еврею нищенствовать, и — думаю — тем еще, что православные и любвеобильные христиане, наверное, совали бы в руку нищего еврея не хлеб, а камень или змею. Как все это лживо, как отвратителен этот антисемитизм ленивой клячи!

Когда читаешь все эти глупые мерзости, подсказанные русским гололотям бессильной и гаденькой злобой, становится так стыдно и страшно за Русь, страну Льва Толстого, создавшую самую гуманную, самую человечную литературу мира.

Третья прокламация является провокационной выдумкой еще более жульнической и глупой.

Она озаглавлена:

«Секретно. Председателям отделов «Всемирного Израильского Союза». И в ней «председателям» рекомендуется соблюдать всяческую «осторожность». «Мы твердо и неуклонно должны идти по пути разрушения чужих алтарей и тронов», «мы заставим Россию стать на колени», «мы делаем все, чтобы возвеличить великий еврейский народ», но — не торопясь, соблюдая «осторожность».

Кого хотят идиоты напугать этими выдумками? Хоть бы то сообразили, что ведь циркуляр такой исключительной важности, адресованный «Председателям Всемирного Израильского Союза», был бы напечатан на еврейском языке, а не по-русски. Или хоть бы догадались добавить — «перевод с еврейского».

Как все это бездарно и постыдно!

Остальные прокламации не остроумнее цитированных.

Я уже несколько раз указывал антисемитам, что если некоторые евреи умеют занять в жизни наиболее выгодные и сытые позиции, — это объясняется их умением работать, экстазом, который они вносят в процесс труда, любовью «делать» и способностью любоваться делом. Еврей почти всегда лучший работник, чем русский, на это глупо злиться, этому надо учиться. И в деле личной наживы, и на арене общественного служения еврей вносит больше страсти, чем многоглаголивый россиянин, и, в конце концов, какую бы чепуху ни пороли антисемиты, они не любят еврея только за то, что он явно лучше, ловчее, трудоспособнее их.

Теперь, когда мы со страшною очевидностью убедились в том, до какой степени монархия сгноила нас, обессилила, духовно оскопила, — мы должны особенно ценить умелых работников, людей инициативы, влюбленных в труд, а мы — дико орем:

— «Бей их — потому что они лучше нас!»

Только поэтому, господа антисемиты, только поэтому, что бы вы ни говорили!⁴

Прокламации, конечно, уделяют немало внимания таким евреям, как Зиновьев, Володарский и др. — евреям, которые упрямо забывают, что их бестактности и глупости служат материалом для обвинительного акта против всех евреев вообще. Ну, что же! «В семье не без урода», — но не вся же семья состоит из уродов и, конечно, есть тысячи евреев, которые ненавидят Володарских ненавистью, вероятно, столь же яростной, как и русские антисемиты. Это, разумеется, не убедит антисемитов в том, что не все евреи одинаковы и что классовая вражда среди еврейства не менее остра, как и

среди других наций; это не убедит их,— ибо им необходимо быть убежденными в противном.

Но, может быть, тем, кого хотят натравить, как собак, на еврейство, может быть, им — пора уже возмутиться этой новой попыткой организации погромов?⁵ Может быть, они найдут необходимым и своевременным сказать авторам прокламаций, «Каморрам Народной Расправы»⁶ и другим организациям темных авантюристов:

— Прочь! Хозяева страны — мы, мы завоевали ей свободу, не скрывая своих лиц, и мы не допустим каких-то темных людей управлять нашим разумом, нашей волей. Прочь!

ПРИЛОЖЕНИЕ

*В «ПРИЛОЖЕНИЕ» ВОШЛИ СТАТЬИ А. М. ГОРЬКОГО
ИЗ «НОВОЙ ЖИЗНИ», НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ АВТОРОМ
В ОСНОВНОЙ КОРПУС НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ.*

«ИЗ НЕСВОЕВРЕМЕННЫХ МЫСЛЕЙ»¹

«Новая Жизнь» № 3, 21 апреля (4 мая) 1917 г.

На фронте происходит братание немецких солдат с русскими, я думаю, что это вызвано не только физическим утомлением, но и проснувшимся в людях чувством отвращения к бессмысленной бойне. Не буду говорить о том, что отблеск пламени русской революции не мог не зажечь ярких надежд в груди немецкого солдата.

Может быть, факты братания врагов количественно ничтожны, это отнюдь не умаляет их морального, культурного значения. Да, очевидно, что проклятая война, начатая жадностью командующих классов, будет прекращена силою здравого смысла солдат, т. е. демократии.

Если это будет — это будет нечто небывалое, великое, почти чудесное, и это даст человеку право гордиться собою, — воля его победила самое отвратительное и кровавое чудовище — чудовище войны.

Генерал Брусилов, указывая на «чрезмерную доверчивость русского солдата», не верит в искренность солдата-немца, протягивающего нам руку примирения. Генерал говорит в своем приказе:

«На все попытки противника войти в общение с нашими войсками должен быть всегда лишь один ответ — штыком и пулей».

И, видимо, этот приказ исполняется: вчера солдат, приехавший с фронта, говорил мне, что когда наши и немцы собираются между окопами для бесед о текущих событиях, русская артиллерия начинает стрелять по ним, немецкая тоже.

Был случай, когда немцев, подошедших к нашим заграждениям, русские действительно встретили пулями, а когда они побежали назад к себе, их начали расстреливать из пулеметов свои. Я стараюсь говорить спокойно, я знаю, что генералы служат тоже некой своей профессиональной «правде» и что еще недавно эта их «правда» была единственной, обладавшей свободой слова.

Ныне столь же свободно может говорить и другая правда, чистая от преступлений, правда, рожденная стремлением людей к единству и неспособная служить позорному делу разжигания ненависти, вражды, делу истребления людей.

Подумайте, читатель, что будет с вами, если правда бесшеного зверя одолеет разумную правду человека?

О ПОЛЕМИКЕ

«Новая Жизнь» № 6, 25 апреля (8 мая) 1917 г.

По традиции, созданной в эпоху политики царизма, некоторые журналисты, полемизируя, продолжают употреблять старые приемы, стараются «закатить» человеку, неприятному им, «под душу», «под микитки», «под девятое ребро».

Разумеется — в газете не место спокойным, академическим спорам, но я все-таки думаю, что свободная пресса должна бы развивать в себе чувство уважения к личности, и уж если необходимо уязвить ближнего, то следует уязвлять его тогда, когда он даст достаточно оснований для щипков, пинков, заушений и прочих приемов социальной педагогики.

В борьбе идей вовсе не обязательно бить человека, хотя он и является воплощением и носителем той или иной идеи. Я всемерно и решительно протестую против личных выпадов в полемике, отнюдь не забывая, что и сам был повинен в допущении таковых выпадов.

Газета «Речь» выражает — скажу — недоумение по поводу моего — якобы — скачка от газеты «Луч» к «Новой Жизни»^{1а}. Нахожу необходимым объяснить.

Да, я пытался организовать «Луч»² с М. В. Бернацким, П. Г. Виноградовым³ и другими лицами, которых издавна привык уважать.

«Луч» должен был служить органом радикально-демократической партии. Я принимал некоторое участие и в работах организационного комитета этой партии, будучи уверен, что она необходима в России и должна всосать в себя всю — по возможности — массу людей, которая оставалась неорганизованной между кадетами справа и социалистами слева. Думать об организации такой партии я начал еще в 1910 году; позднее говорил об этом с Г. В. Плехановым и, помнится, он отнесся к этой идее положительно, признал организацию таковой партии нужной.

Организуя «Луч», я сознательно шел на известное самоограничение, на некоторое насилие над самим собой, если угодно⁴. Такое насилие я не считаю преступным, ибо от него страдает только один человек, сам насильник.

Некоторые из моих почтенных товарищей по «Лучу» тоже признавали самоограничение обязательным для себя.

Газета «Луч» не вышла в свет по силе каких-то сложных и темных препятствий. В данное время, когда даже наши конституционалисты — «оппозиция его величества»⁵ — переродились в республиканцев, — а широкие демократические массы идут за рабочим классом, — я считаю радикал-демократическую партию, пожалуй, уже излишней⁶.

Вероятно, найдутся праведники, которые не преминут рассказать меня за такую «гибкость», — они, конечно, назовут это иначе. Будучи по природе моей человеком не скупым, я дам праведникам еще несколько материала для сожжения моего на костре пламенных слов. На мой взгляд, человек должен делать все то доброе и нужное, что он может сделать, хотя бы «дело» и не вполне гармонировало с его основными верованиями. Я издавна чувствую себя живущим в стране, где огромное большинство населения — болтуны и бездельники, и вся работа моей жизни сводится, по смыслу ее, к возбуждению в людях дееспособности.

Уже 17 лет я считаю себя социал-демократом, по мере сил моих служил великим задачам этой партии, не отказывая в услугах и другим партиям, не брезгуя никаким живым делом. Люди, которые деревенеют и каменеют под давлением веры, исповедуемой ими, никогда не пользовались моими симпатиями. Я могу теоретически любоваться их строгой выдержанностью, но я не умею любить их.

Скажу более: я считаю себя везде еретиком. В моих политических взглядах, вероятно, найдется немало противоречий, примирить которые не могу и не хочу, ибо чувствую, что для гармонии в душе моей,— для моего духовного покоя и уюта,— я должен смертью убить именно ту часть моей души, которая наиболее страстно и мучительно любит живого, грешного и — простите — жалкенького русского человека. Полагаю, я сказал вполне достаточно для того, чтобы праведники могли изругать меня «на все корки».

* * *

Г. Иванов-Разумник из «Дела Народа» ставит мне в вину, что я подписал воззвание к немецким ученым⁷. Текст этого воззвания я не помню и даже не уверен, что читал его. Моя подпись под ним — одна из тех случайностей, которыми изобилует русский быт и которые объясняются небрежным отношением к человеку. Но я — не оправдываюсь и никого не обвиняю. Я готов подписать и еще воззвание, если только оно порицает участие людей науки в братоубийственной и бессмысленной бойне. Когда наука вторгается или насильно вовлечена в кровавую грязь политики, от этого страдает не только чистота и свобода самой науки,— страдают все лучшие идеалы и надежды человечества, уничтожается разум всего мира.

Закончу все это выражением моего почтения и восторга пред людьми, которые никогда не ошибаются, ничем не увлекаются и вообще ведут себя примерно.

Да святятся имена их!

КОШМАР

(Из дневника)

«Новая Жизнь» № 13, 3 (16) мая 1917 г.

Маленькая, стройная, элегантно одетая, она пришла ко мне утром, когда в окно моей комнаты смотрело солнце;

пришла и села так, что солнечный луч обнял ее шею, плечи, озолотил белокурые волосы. Очень юная, она, судя по манерам, хорошо воспитана.

Ее карие глаза улыбались нервной улыбкой ребенка, который чем-то смущен и немножко сердится на то, что не может победить смущения.

Стягивая перчатку с тонкой руки, глядя на меня исподлобья, она начала вполголоса:

— Я знаю, — мое вторжение дерзко, вы так заняты, ведь вы очень заняты?

— Да.

— Конечно, — сказала она, кивнув головой, сдвигая красивые брови. — Теперь все точно на новую квартиру собираются переезжать...

Вдохнула и, глядя на свою ножку, обутую в дорогой ботинок, продолжала:

— Я не задержу вас, мне нужно всего пять минут. Я хочу, чтобы вы спасли меня.

Улыбаясь, я сказал:

— Если человек думает, что его можно спасти в пять минут, он, на мой взгляд, очень далек от гибели...

Но эта женщина, взглянув ясными глазами прямо в лицо мне, деловито выговорила:

— Видите ли, я была агентом охранного отделения... Ой, как вы... какие у вас глаза...

Я молчал, глупо улыбаясь, не веря ей, и старался одолеть какое-то темное судорожное желание. Я был уверен, что она принесла стих, рассказ.

— Это — гадко, да? — тихонько спросила она.

— Вы шутите.

— Нет, я не шучу. Это очень гадко?

Подавленный, я пробормотал:

— Вы уже сами оценили.

— Да, конечно, — я знаю, — сказала она, вздохнув, и села в кресло поудобнее. На лице ее явилась гримаса разочарования. Маленькие пальцы изящной руки медленно играли цепочкой медальона. Солнечный луч окрасил ее ухо в цвет коралла. Вся она была такая весенняя, праздничная. Торопливо, сбивчиво и небрежно, как будто рассказывая о шалости, она заговорила:

— Это случилось три года назад... немножко меньше. У меня был роман, я любила офицера, он, потом, сделался жандармским адъютантом и вот тогда... я только что кончила

институт и поступила на курсы. Дома у меня собирались разные серьезные люди, политики... Я не люблю политики, не понимаю. Он меня выпрашивал. Ради любви — все можно, — вы согласны? Нужно все допустить, если любишь. Я очень любила его. А эти люди такие неприятные, всё критикуют. Подруги по курсам тоже не нравились мне. Кроме одной.

Ее ребячий лепет все более убеждал меня, что она не понимает своей вины, что преступления для нее — только шалость, о которой неприятно вспоминать.

Я спросил:

— Вам платили?

— О, нет. Впрочем...

Она подумала несколько секунд, рассматривая кольцо на своей руке.

— Он дарил мне разные вещи — вот это кольцо и медальон, и еще... Может быть — это плата, да?

На ее глазах явились слезинки.

— Он — нечестный человек, — я знаю. Послушайте, — тихонько вскричала она, — если мое имя опубликуют, — что же я стану делать? Вы должны спасти меня, я молодая, я так люблю жизнь, людей, книги...

Я смотрел на эту женщину, и весеннее солнце казалось мне лишним для нее, для меня. Хмурый день, туман за окнами, слякоть и грязь на улицах, молчаливые, пришибленные люди — это было бы в большей гармонии с ее рассказом, чем весенний блеск неба и добрые голоса людей.

Что можно сказать такому человеку? Я не находил ничего, что дошло бы до сердца и ума женщины в светлой кофточке с глубоким вырезом на груди. Золотое кольцо с кровавым рубином туго обтягивает ее палец, она любит игру солнца в гранях камня и небрежно нанизывает слово за словом на капризную нить своих ощущений.

— Из-за любви часто совершается дурное, — звучит ее голосок, как бы повторяя пошлые реплики с экрана синематографа. Потом она наклоняется ко мне, ее глаза смотрят так странно.

— Я ничем не могу помочь вам.

— Да? — тихо спрашивает она.

— Я вполне уверен, что не могу.

— Но — может быть.

Она ласково говорит слова о доброте человека, о его чут-

ком сердце, о том, что Христос и еще кто-то учили прощать грешных людей,— всё удивительно неуместные и противные слова.

В разрезе кофточки я вижу ее груди и невольно закрываю глаза: подлец, развративший это существо, торгаш честными людьми, ласкал эти груди, испытывая такой же восторг, какой испытывает честный человек, лаская любимую женщину. Глупо, но хочется спросить кого-то — разве это справедливо?

— Посмотрите, какая я молодая, но последние дни я чувствую себя старухой. Всем весело, все радуются, а я не могу. За что же?

Ее вопрос звучит искренно. Она сжимается, упираясь руками в колена, закусив губы, ее лицо бледнеет, и блеск глаз слинял. Она точно цветок, раздавленный чьей-то тяжелой подошвой.

— Вы многих предали?

— Я не считала, конечно. Но я рассказывала ему только о тех, которые особенно не нравились мне.

— Вам известно, как поступали с ними жандармы?

— Нет, это не интересовало меня. Конечно, я слышала, что некоторых сажали в тюрьму, высылали куда-то, но политика не занимала меня...

Она говорит об этом равнодушно, как о далеком, неинтересном прошлом. Она — спокойна; ни одного истерического выкрика, ни вопля измученной совести, ничего, что говорило бы о страдании. Вероятно, после легкой ссоры со своим возлюбленным она чувствовала себя гораздо хуже, более взволнованной.

Поговорив еще две-три минуты, она встает, милостиво кивнув мне головою, и легкой походкой женщины, любящей танцы, идет к двери, бросая на ходу:

— Как жестоки люди, если подумать.

Мне хочется сказать ей:

«Вы несколько опоздали подумать об этом».

Но я молчу, огромным напряжением воли скрывая тоскливое бешенство.

Остановясь в двери, красиво повернув шею, она говорит через плечо:

— Но что же будет с моими родными, близкими, когда мое имя опубликуют?⁸ Вы подумайте!

— Почему же вы сами не подумали об этом?

— Но кто же мог предполагать, что случится революция? — восклицает она. — Итак, у вас ничего нет для меня?

Я говорю негромко:

— Для вас — ничего.

Ушла.

Я знал Гуровича⁹, Азефа¹⁰, Серебрякову¹¹ и еще множество предателей: из списков их, опубликованных недавно, более десятка были моими знакомыми, они звали меня «товарищ», я верил им, разумеется. Когда одно за другим вскрывались их имена, я чувствовал, как кто-то безжалостно-злой иронически плюет в сердце мне. Это — одна из самых гнусных насмешек над моей верой в человека.

Но самое страшное преступление — преступление ребенка.

Когда эта женщина ушла, я подумал с тупым спокойствием отчаяния:

«А не пора ли мне застрелиться?»

Через два или три дня она снова явилась, одетая в черное, еще более элегантно. В траурном она взрослее, ее милое, свежее лицо — солиднее, строже. Она, видимо, любит цветные камни, ее кофточка заколота брошью из алмадинов, на шее, на золотой цепочке, висит крупный плавленый рубин.

— Я понимаю, что противна вам, — говорит она, — но мне не с кем посоветоваться, кроме вас. Я привыкла верить вам, мне казалось, что вы любите людей даже грешных, но вы — такой сухой, черствый... странно!

— Да, странно, — повторяю я и смеюсь, думая о том, как бесстыдно жизнь насилует людей. И чувствую себя виноватым в чем-то пред этой женщиной. В чем? Не понимаю.

Она рассказывает, что есть человек, готовый обвенчаться с нею.

— Он — пожилой, пожалуй, даже старик, но — что же делать? Ведь, если я перемену фамилию, меня уже не будет.

И улыбаясь, почти весело, она повторяет:

— Меня не будет такой, какова я сейчас, да?

Хочется сказать:

«Сударыня! Даже если земля начнет разрушаться, пылью разлетаясь в пространстве, и все люди обезумеют от

ужаса, я полагаю, что вы все-таки останетесь такой, какова есть. И если на землю чудом воли нашей снизойдут мир, любовь, неизведанное нами счастье,— я думаю, вы тоже останетесь сама собою».

Но говорить с нею — бесполезно,— она слишком крепко уверена в том, что красивой женщине все прощается.

Я говорю:

— Если вы думаете, что это поможет вам...

— Ах, я не знаю, что мне думать. Я просто — боюсь.

Она говорит капризно, все тем же тоном ребенка, который напугал и хочет, чтоб о его шалости забыли.

Я молчу.

Тогда она говорит:

— Вы можете быть посаженным отцом на моей свадьбе? У меня нет отца, то есть он разошелся с мамочкой. Я его не люблю, не вижу. Будьте, пожалуйста!

Я отрицательно качаю головой. Тогда она становится на колени и говорит:

— Но послушайте же, послушайте.

В ее жестах есть нечто театральное, и она явно стремится напомнить о себе как о женщине, хочет, чтоб я почувствовал себя мужчиной. Красиво закинув голову, выгнув грудь, она — точно ядовитый цветок, ее красивенькая головка подобна пестику в черных лепестках кружев кофты.

— Хотите, я буду вашей любовницей, вашей девушкой для радостей? — спрашивает она почему-то на французском языке.

Я отхожу от нее. Гибко встав на ноги, она говорит:

— Ваши речи о любви, о сострадании — ложь. Все — ложь. Все! Вы так писали о женщинах... они у вас всегда правы — это тоже — ложь! Прощайте!

Потом, уходя, она говорит уверенно и зло:

— Вы погубили меня.

Исчезла, приклеив к душе моей черную тень. Может быть, это неуместные, красивенькие слова, но — она бросила меня в колючий терновник мучительных дум о ней, о себе. Я не умею сказать иначе того, что чувствую. К душе моей пристала тяжелая черная тень. Вероятно, это — глупые слова. Как все слова.

Разве не я отвечаю за всю ту мерзость жизни, которая кипит вокруг меня, не я отвечаю за эту жизнь, на рассвете подло испачканную грязью предательства?

На улице шумит освобожденная народная стихия, сквозь стекла окон доносится пчелиное жужжание сотен голосов.

Город, как улей весной, когда проснулись пчелы; мне кажется, что я слышу свежий, острый запах новых слов, чувствую, как всюду творится мед и воск новых мыслей.

Меня это радует, да.

Но я чувствую себя пригвожденным к какой-то гнилой стене, распятым на ней острыми мыслями о изнасилованном человеке, которому я не могу, не могу помочь, ничем, никогда...

СВОБОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ НАУК

«Новая Жизнь» № 35, 30 мая (12 июня) 1917 г.

Граждане!

В Петрограде организовалась «Свободная Ассоциация для развития и распространения положительных наук»¹².

В состав Ассоциации вошли заслуженные и талантливые представители русской науки. Эти почтенные люди предлагают устроить в России «Научный институт в память 27 февраля»¹³, — в память дня рождения нашей политической свободы.

Цель института — расширение и углубление работы ученых по всем линиям интересов человека, общества — народа, человечества.

Первейший из этих интересов — борьба за жизнь против тех болезнетворных начал, которые разрушают наше здоровье.

Явление жизни изучает биология, бактериология исследует источники заразных болезней, медицина стремится уничтожить их, гигиена изучает и указывает те условия, при которых человек становится более стойким в сопротивлении болезням.

Биолог, медик, гигиенист должны знать химию, пользоваться услугами физики, точно так же как должен знать эти науки ботаник, изучающий жизнь растений, и агроном, который, опираясь на работу ботаника и геолога-почвоведа, заботится о том, чтобы усилить плодородие земли, увеличить ее урожайность.

Все науки тесно связаны одна с другой, и все они — стремление человеческого разума и воли к победе над горем, несчастьем, страданиями нашей жизни.

Граждане!

Наше крестьянство живет в ужасных условиях, не имея правильно организованной медицинской помощи. Половина всех крестьянских детей умирает от разных болезней до 5-ти летнего возраста. Почти все женщины в деревне страдают специальными женскими болезнями. Деревня гниет в сифилисе, деревня погрязла в нищете, невежестве и одичании. Русский крестьянин не имеет сил обрабатывать землю так, чтобы она давала ему все возможное количество продуктов. Десять лет тому назад русская наука указала, что с площади в $\frac{3}{4}$ десятины наш крестьянин снимает хлеба и картофеля 20 пуд., тогда как в Японии эта площадь дает 82 пуд., в Англии — 84, в Бельгии — 88. За десять лет эти цифры не изменились к лучшему для нас.

Сельскохозяйственная техника совершенно не развита в России, безграмотность крестьянства, его культурная беспомощность — это главная причина нашей государственной отсталости и одно из печальных условий, которым объясняется наша внешняя политика, вредная для интересов промышленности, замедляющая ее правильное развитие.

Городское население находится в условиях немногим лучших, чем условия деревни. В городах нет канализации, в фабричных трубах — дымогаров, земля в городах отравлена заразой гниющих отходов, воздух — дымом и пылью.

Все это, преждевременно истощая наши силы, убивает нас. Дети города нездоровы, худосочны и до болезненности нервно возбуждены.

В этом скрыта причина хулиганства, здесь источник преступности и духовного нездоровья.

Вспомните, как долго мы отравлялись водкой, — пьянство не проходит бесследно: ослабляя организм, оно делает его восприимчивым ко всем телесным и душевным заболеваниям.

В целях оздоровления нашего необходим «Институт Биологии» с подсобными ему учреждениями для бактериологических, медицинских, гигиенических и других исследований.

* * *

Наша страна велика, обильна естественными богатствами, но мы живем грязно и несчастно, как нищие. Наши силы истощает, забивая нас, каторжный и бестолковый труд: мы работаем бестолково и плохо, потому что мы невежест-

венны. Мы относимся к труду так, точно он проклятие нашей жизни, потому что не понимаем великого смысла труда, не можем любить его. Облегчить условия труда, уменьшить его количество, сделать труд легким и приятным возможно только при помощи науки, единственной силы, способной уменьшить трату физической энергии человека путем подчинения его воле, его интересам стихийных энергий природы — падения воды и т. д. Мы не умеем разбудить дремлющие силы природы в виде торфяных болот, залежей горючего сланца, дешевого угля. Эти силы, разбуженные нами, дали бы нам массу движущей силы, тепла, света и послужили бы проводниками культуры по всей нашей темной, сонной стране.

Только в любви к труду мы достигнем великой цели жизни — слияния всех народов мира в единую дружную семью на почве стремлений, направленных к порабощению сил природы разуму и воле человека.

Велика и обильна Россия, но ее промышленность находится в зачаточном состоянии. Несмотря на неисчислимое количество даров природы, в земле и на земле нашей, — мы не можем жить продуктами своей страны, своего труда. Промышленно-культурные страны смотрят на Россию, как на Африку, на колонию, куда можно дорого сбыть всякий товар и откуда дешево можно вывозить сырые продукты, которые мы, по невежеству и лени нашей, не умеем обрабатывать сами. Вот почему в глазах Европы мы — дикари, бестолковые люди, грабить которых, так же как негров, не считается зазорным.

Технически развитая промышленность — основа социального и государственного благополучия.

Это особенно важно помнить теперь, когда наша слабая промышленность, разрушенная войною, продолжает разрушаться стихийными силами революции, трагическим невежеством народных масс и эгоизмом самих предпринимателей, часто людей, совершенно лишенных сознания своей ответственности пред страной.

На почве нищеты и невежества никогда не осуществятся наши прекрасные мечты, на этой гнилой почве не привьется новая культура, на гнилом болоте не разведешь райский сад — нужно осушить, оздоровить болото.

Полное осуществление идеалов социалистической культуры возможно только при наличии всесторонне технически развитой и строго организованной промышленности.

Для того, чтобы промышленность достигла должного

и необходимого развития, требуется техника, технику же может создать только наука. Мы не умеем строить машин: нам необходимо иметь в России «Институт прикладной механики», где наши ученые изобретали бы новые типы наиболее работоспособных ткацких станков, двигателей, сельскохозяйственных орудий и т. д.

Мы не умеем обрабатывать сырые продукты — нужно учредить «Институт Химии», в котором ученые изыскивали бы лучшие и дешевые способы обработки сырья.

Нам нужно еще многое — все это мы должны создать, если только мы не мертвые люди, если мы хотим жить здоровой, разумной жизнью.

* * *

Наука — наиболее точное и настойчивое выражение стремления человеческого разума к свободе творчества, к счастью всего мира, всех людей.

Чем шире, глубже задачи науки — тем обильнее практические плоды ее исследования.

Нам, русским, особенно необходимо организовать наш высший разум — науку, только ее творческая сила обогатит нашу страну, упорядочит нашу грязную, злую, постыдную жизнь.

Облагораживающее человека значение науки должны понимать все классы общества.

Борьба между людьми за хлеб и за власть друг над другом — явление позорное и ненормальное, хотя оно и естественно, как естественны болезни нашего тела. Люди должны дружно бороться с природой, дабы отвоевать на пользу себе ее богатства, подчинить своим интересам ее силы.

В то время как общественные науки — история, право, политическая экономия — не свободны от влияния времени, страны, класса и легко подчиняются тем или иным внушениям политической жизни — науки положительные неподкупно и нераздельно служат интересам всего человечества.

Химик, биолог может принимать живейшее участие в политической борьбе за свои общественные идеи, но химия, биология, механика не может быть ни либеральной, ни консервативной. Наука социальна в самом широком смысле этого слова, наука воистину интернациональна, всечеловечна.

Глубоко веря в разум русского народа, в искренность его стремления к благу культуры, я обращаюсь к рабочим, крестьянам, промышленникам, интеллигенции,— ко всем русским людям, предлагая им помочь великому делу организации научных сил страны, организации научного творчества.

Для того, чтобы это важное всенародное дело увенчалось успехом, потребны огромные средства, и они будут, их легко создать, если все люди, способные усвоить величие цели, которую ставит пред собой Свободная Ассоциация ученых, все грамотные люди дадут на это дело хотя бы по рублю.

Этот призыв — проверка степени русской культурности, это экзамен нашей гражданской зрелости, испытание искренности нашего стремления ко благу родины.

Граждане!

Пред вами — возможность совершить величайшее народное дело, совершив его, вы организуете лучший мозг страны, вы приставите на ее широкие плечи разумную, талантливую голову. Немного усилий требуется от вас, но немногими усилиями вы совершите небывалое — создадите научное учреждение, какого нет еще нигде на земле.

Граждане!

Есть чувство, именуемое — любовь к родине. Это чувство повелительно требует от каждого человека работы в тех целях, чтобы родной ему народ стал разумным, добрым, здоровым и справедливым народом, чтобы его талантливость не погибла, а развивалась и горела на благо всего мира, всех людей.

Все, кто искренно любит народ, кто мучительно страдает за него,— поймут, как велико значение организации научных сил страны, как величественны цели, которые ставит пред собой Свободная Ассоциация наших ученых.

Нам необходимо немедленно приступить к созданию новой России,— начнем же эту работу дружно и спокойно, начнем

ее с фундамента, будем развивать и распространять спасительную силу знания.

За работу, граждане.

Член Совета Свободной Ассоциации *М. Горький*

АМЕРИКАНСКИЕ МИЛЛИОНЫ

«Новая Жизнь» № 43, 8 (21) июня 1917 г.

На страницах «Нового Времени» печатается объявление о том, что анонимное американское общество ассигновало 20 миллионов долларов для скупки в России старинных художественных вещей из золота и серебра, а также картин, бронзы, фарфора и вообще предметов искусства¹⁴.

20 миллионов долларов,— это, кажется, более 75-ти миллионов рублей; как видите, дело поставлено «по-американски» широко. Организаторы этого начинания, видимо, учли смысл таких явлений, как разгром ворами дворца герцога Лейхтенбергского¹⁵, возможность погромов крестьянством старинных дворянских усадеб и все прочее в этом духе.

Учли они также и общую некультурность всех слоев населения страны, общую всем нам низкую оценку значения искусства, и дешевизну русских денег, и всю силу тех трагических условий, в которых мы живем.

Лавина американских денег, несомненно, вызовет великие соблазны не только у темных людей Александровского рынка, но и у людей более грамотных, более культурных. Не будет ничего удивительного в том, если разные авантюристы организуют шайки воров специально для разгрома частных и государственных коллекций художественных предметов.

Еще менее можно будет удивляться и негодовать, если напуганные «паникой», усиленно развиваемой ловкими политиками из соображений «тактических», обладатели художественных коллекций начнут сами сбывать в Америку национальные сокровища России, прекрасные цветы ее художественного творчества.

При всей силе наших криков о любви к родине, эта любовь редко возвышается над себялюбием, над очень подленьким эгоизмом.

Американское предприятие,— его, конечно, поведут с американской энергией,— это предприятие грозит нашей

стране великим опустошением, оно выкосит из России массу прекрасных вещей, историческая и художественная ценность которых выше всяких миллионов¹⁶.

Оно вызовет к жизни темный инстинкт жадности, и, возможно, мы будем свидетелями истории, пред которыми потускнеет фантастическая история похищения из Лувра бессмертной картины Леонардо да Винчи¹⁷.

Мне кажется, что, во избежание разврата, который обязательно будет внесен в русскую жизнь потоком долларов, во избежание расхищения национальных сокровищ страны и панической распродажи их собственниками, правительство должно немедленно опубликовать акт о временном запрещении вывоза из России предметов искусства и о запрещении распродажи частных коллекций прежде, чем лица, уполномоченные Правительством, не оценят национального значения подобных коллекций¹⁸.

ПОМОГИТЕ!

«Новая Жизнь» № 50, 16(29) июня 1917 г.

«Три года кровавого кошмара, истребившего цвет населения Европы; три года, как вся Европа в кровавом опьянении уничтожает своих наиболее здоровых, наиболее сильных сынов.

История выдвинула на первую очередь и требует немедленного разрешения вопроса о будущем страны. Полное обнищание, дикое озверение грозит нам, если не начать сейчас же работать во имя будущего. Если всем странам трудно будет оправиться от этой тяжелой, затяжной и опустошительной катастрофы, это будет особенно трудно России. Веками алкоголизированное царскими кабаками население, отравленная сифилисом деревня, 50% детской смертности до 5-ти лет и чуть ли не поголовная неграмотность и невежество. Если сейчас немедленно не приложить всех сил для спасения будущего России, ее детей — великая страна погибла, погиб великий народ.

Союз рабочих табачных и гильзовых фабрик сделал первую слабую попытку в области общественной заботы о детях — свыше 1000 детей отправлены на воздух, к природе, к солнцу. Но, несмотря на призывы к педагогам, к лиге социального воспитания, к интеллигенции, отклика нет и культурное руководство нашим рабочим начинанием никто не хочет брать.

Педагоги, фребелички¹⁹, интеллигенция, отзовитесь, придите на помощь!

Промедление — смерти подобно.

Председатель союза *А. Каплан*».

* * *

Неужели этот разумный и страстный призыв не встретит сочувственного отклика интеллигенции, неужели глубокая важность начинания, созданного энергией Каплана, не будет понята людьми, сердца которых не оглушены шумом политической борьбы?

Весь мир, мы все тоскуем о честном, здоровом человеке, мы любим его в мечтах наших, — разве это только литературная тоска, платоническая, бескровная любовь?

Казалось бы, что опыт «Союза рабочих табачных и гильзовых фабрик» должен привлечь деятельное внимание интеллигенции. Ведь пред нею открывается прекрасная возможность продуктивной работы на почве социальной педагогики и возможность широко ознакомиться с культурными запросами и стремлениями рабочих. Я уверен, что это знакомство изменило бы строй чувств и мнений, сложившихся за последние месяцы среди интеллигенции, — поколебало тот скептицизм, те тяжелые сомнения, которые вызваны и возбуждаются газетной травлей, которую развивают высокоумные политики, руководствуясь только тактикой борьбы.

Но — это дело второй степени, а прежде всего мы все должны бы озаботиться тем, чтобы — по-моему это возможно — извлечь детей из атмосферы города, развращающей их. Об этом много говорилось, но вот теперь, когда сами рабочие стали делать это, они не встречают помощи²⁰. Что же, — опять:

Суждены нам благие порывы,
Но свершить ничего не дано²¹.

ТОВАРИЩАМ РАБОЧИМ

«Новая Жизнь» № 64, 2 (15) июля 1917 г.

Одним из более опасных врагов человека является туберкулез, болезнь, которою страдает почти треть жителей города. Особенно жестоко действует эта болезнь в рабочей

среде, а гнилой климат, загрязненность Петрограда и те условия, в которых вы принуждены жить, еще более усиливают пагубное распространение заразы.

Вы сами знаете, как много среди вас чахоточных, как много рождается вами больных детей и сколько приходится тратить вам трудовых денег для того, чтобы хоть ненадолго поддержать здоровье свое и семейных ваших. Но борьба с туберкулезом в обстановке домашнего лечения почти безнадежна.

Для того, чтобы бороться с чахоткой победоносно, необходимо устройство загородных санаторий, необходимы чистый воздух, хорошее питание и длительное лечение.

Вы, сила, создающая баснословные капиталы, мощные организации, вы должны, наконец, приняться за работу создания для самих себя условий, которые необходимы для охраны вашего здоровья и здоровья ваших детей. Вы знаете, что «в здоровом теле — здоровая душа».

Здоровье нужно не только для того, чтобы ваш физический труд на благо всей страны стал более продуктивен, здоровье нужно и для духовной жизни, для устойчивости в социальной борьбе, для защиты и расширения ваших гражданских прав. Не забывайте, что вы живете в стране, где 85% населения — крестьяне, и что вы среди них маленький островок среди океана, что промышленность в России развивается медленно и количественный рост рабочего класса затруднен. Вы одиноки, вас ожидает длительная и упорная борьба, она потребует от вас величайшего напряжения всех сил²².

Вы сами должны заботиться о себе, и вы имеете возможность устраивать свою жизнь так, как это необходимо для вас.

И вот, в интересах самосохранения, самозащиты, вам, пролетариату Петрограда, следует устроить для ваших больных чахоткой ряд собственных санаторий: местом для нее может послужить один из загородных царских парков.

Вы можете создать это необходимое вам учреждение одним ударом, как воздвигают чудесные замки волшебники в сказках.

Пусть все рабочие столицы дадут на это дело свой дневной заработок, — и санатория готова.

В деле технической организации ее вам может помочь свободная Ассоциация ученых для развития и распространения положительных наук²³.

Создайте образцовое учреждение, которым будут гор-

даться ваши дети и внуки как первым актом вашего свободного творчества. Если вы сделаете это прекрасное дело, — за вами пойдут все рабочие России, и она покроется сетью пролетарских учреждений: медицинских, научных, просветительных. Повторяю — вы сила и вам пора понять, как много можете сделать вы для самих себя и для культуры всей нашей страны.

Только подумайте — в один день вы можете создать фонд для организации санатории, через месяц вы точно таким же путем отчисления дневного заработка создадите в Петрограде «Дома-школы» для ваших детей дошкольного возраста, еще через месяц вы дадите всем нашим детям возможность прожить душное лето вне города, построив летние колонии в деревне.

Совет Заводско-Фабричных Комитетов Невского района уже готовится осуществить небольшую санаторию для больных своего района. Он ставит во главе ее одного из членов «Свободной Ассоциации для развития и распространения положительных наук», д-ра И. И. Манухина, который в высшей степени удачно применяет свой метод лечения туберкулеза, освещая селезенку больного возбуждающими ее деятельность лучами Рентгена²⁴.

Но это маленькое начинание — капля в море нужды рабочих Петрограда, для них необходим именно ряд санаторий, целый городок для больных.

Товарищи рабочие, когда люди понимают, чувствуют свою коллективную силу, для них становится возможным осуществление даже утопии.

Здесь говорится не об утопии, а о простом, практическом деле, осуществить которое вы и должны, и можете.

Покажите же, что вы умеете заботиться о своих интересах, о своей жизни.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 92, 4 (17) августа 1917 г.

«Речь» относится ко мне очень внимательно, почти каждый день на ее синеватых столбцах я встречаю несколько слов по моему адресу²⁵.

Уже не один десяток раз «Речью» было отмечено «очередное покаяние Горького», хотя я никогда ни в чем

и ни пред кем — а, тем более, пред «Речью» — не каялся, ибо к этому роду занятий, весьма любимому российскими людьми, питаю органическое отвращение. Да и не в чем мне каяться, не чувствую я себя грешнее других соотечественников.

Не менее часто повторяет «Речь» мои слова о том, что, принимая некоторое участие в организации газеты «Луч», я сознательно, вместе с другими товарищами по этому делу, шел на «самоограничение», неизбежное в условиях старого режима²⁶ для всякого человека, который желал честно работать в интересах демократии и которому было противно подыгрывать к подлым силам власти, разрушавшей страну и экономически и морально.

Вот и вчера «Речь» снова упомянула:

«Мы слышали из уст писателя, считающего себя призванным защищать культурные ценности, что теперь он не видит никаких оснований к самоограничению»²⁷.

Это, конечно, не верно — я не говорил, что теперь, т. е. после революции, «не вижу никаких оснований для самоограничения»: разумные и непредубежденные люди ясно видят, что «Н. Ж.», в которой я имею честь и удовольствие писать, по мере сил своих всячески старается внушить необходимость «самоограничения» как для авантюристов слева, так и для авантюристов справа. Я говорю это не ради полемики с «Речью» — «хорька не убедишь, что курица чужая», — но я, все-таки, считаю нужным напомнить почтенным деятелям из «Речи», что иногда «самоограничение» бывает равносильно моральному самоубийству или самоискажению до полной потери лица.

Например: когда один из лидеров кадетской партии объявил ее «оппозицией Его Величества» — это было «самоограничение» — не правда ли?

А когда «партия народной свободы»²⁸ блокировалась с октябристами²⁹ — партией, которая рукоплескала вешателю Столыпину — это ведь было тоже «самоограничением»?

И когда партия народной свободы извинялась перед Столыпиным за то, что красноречивый Родичев нетактично упомянул о пристрастии Столыпина к «пеньковым галстукам»³⁰, которыми он душил народную свободу, — это тоже было «самоограничение» — не так ли?

Можно восстановить в памяти сотрудников «Речи» и еще десятки подобных же актов «самоограничения»; партия «народной свободы» самоограничивалась крайне неумеренно

и, так сказать,— запойно. Это все знают и помнят, кроме газеты «Речь», конечно.

Но даже и почтенные сотрудники этого органа будут — я уверен — очень изумлены, если они, прочтя «Программу конституционно-демократической партии», дадут себе ясный отчет в том, до какой степени «самоограничилась» эта партия.

Отсюда — понятно, почему «Речь» так часто, так упрямо проповедует необходимость «самоограничения» — это она делает по привычке³¹.

Люди, верующие в искренность «Речи», могут позволить себе роскошь надеяться, что, ограничив себя слева до пределов последней возможности, «Речь» и партия ее скоро начнут ограничивать себя и справа. Я в это не верю.

Но я вижу, что пример кадетской партии в деле «самоограничения» находит подражателей среди других партийных организаций и что этот процесс в сущности своей становится уже процессом самоубийства революции, ограничения законных прав демократии.

В МОСКВЕ

«Новая Жизнь» № 175, 8(21) ноября 1917 г.

Днем 26-го в Москве³² заговорили о сражении на улицах Петрограда,— 75 тысяч убитых, разрушен до основания Зимний дворец, идут грабежи, пылают пожары.

Как ребенок сказки, русский человек любит ужасы и способен творить их, он не однажды доказывал эту способность и еще не раз докажет ее. Но даже и он отнесся к страшным слухам о Петрограде недоверчиво:

— 75 тысяч? Взор!

И, чувствуя нелепость преувеличения,— не обнаруживал особенной тревоги.

Около полуночи на 27-е, захлопали первые выстрелы, где-то у Театрального проезда; мимо театра Совета р. д. провели раненого солдата; разнесся слух, что обстреляны юнкера, которые шли в Кремль занимать караулы. Не удалось выявить, кто стрелял в них, но, вероятно, это были те «охотники на человека», которых смутное время и русская «удаль» родят сотнями. Через несколько минут такие же удалы дали из-за угла семь револьверных выстрелов по двум извозчикам в Фуркасовском переулке,— об этом было

сообщено в Совет, и солдаты, посланные оттуда, арестовали несколько «вольных стрелков».

Стреляли всю ночь; милиционеры³³ — со страха, хулиганы — для удовольствия; утром вся Москва трещала; к ружейным хлопкам присоединился гнусный звук пулеметов, неистово кричали встревоженные галки, и казалось, что кто-то рвет гнилую ткань...

Но все это еще не нарушало обычного течения жизни: шли учиться гимназистки и гимназисты, прогуливались обыватели, около магазинов стояли «хвосты», празднo любопытствующие зрители десятками собирались на углах улиц, догадываясь — где стреляют.

Поистине — мир создан для удовольствия бездельников! Стоит у памятника Первопечатнику густая толпа, человек в пятьсот и, спокойно вслушиваясь в трескотню на Театральной площади, рассуждает:

— Со Страстного главу сбили.

— По «Метрополю» сажают.

Какие-то, всему чужие люди, для которых событие, как бы оно ни было трагично, — только зрелище.

Вот одному из них попала в ногу пуля, его тотчас окружают человек полтора, ведут к Проломным воротам и, заглядывая в лицо, расспрашивают:

— Больно?

— Идет, значит — кость цела!

Разумеется, и этот хлам людской проявляет свою активность и, — как всегда, — конечно, проявляет ее по линии наименьшего сопротивления, — уж так воспитаны, вся русская история развивалась по этой линии.

Какой-то солдат, видимо обезумевший со страха, неожиданно является пред толпой и, припав на колено, стреляет, целясь в безоружного юнкера, — толпа, не успев помешать выстрелу, бросилась на солдата и задавила его, растерзала. Уверен, что если б солдат было трое, — толпа разбежалась бы от них.

* * *

Перестрелка все растет, становясь гуще, раздраженнее, на улицах являются патрули и очень заботливо уговаривают зрителей:

— Пожалуйста, товарищи-граждане, расходитесь! Видите — какое дело? Не ровен час — убьет кого-нибудь, али ранит. Пуля — дура. Пожалуйста...

Зрители расходятся не спеша, некоторые спрашивают патрульных:

— Вы — чьи? Думские или Советские?

— Мы — ничьи. Порядок требуется, расходитесь, прошу...

Затем, «ничьи» солдаты стреляют в кого-то из-за углов, стреляют не очень охотно, как бы против воли своей исполняя революционную повинность — наделать как можно больше покойников.

С каждым часом становится все яснее, что восстание не имеет определенного «стратегического» плана и что инсургенты действуют по собственному разумению «на авось» и «как Бог на душу положит». Одни части войск наступают в направлении на Кремль, где засели юнкера, другие — от центра по Мясницкой к Телефонной станции и Почтамту, по Покровке, по Никитской, к Арбату и Александровскому училищу, к Садовым.

На Мясницкой солдаты стреляют из-за угла в какой-то переулок, туда хочет пройти некий штатский человек, его не пускают, уговаривая:

— Застрелют, товарищ! Там сидят какие-то...

— Но, — ведь, весь этот квартал в ваших руках?

— А откуда вы знаете?

Штатскому необходимо пройти переулком, после долгих уговоров солдаты решают пропустить его и просят, наивно улыбаясь:

— Вы, товарищ, покажите нам пальцами, — сколько их?

Отклонив поручение, штатский идет в переулок и видит: на одном из дворов, за железной решеткой ворот, возятся, устраивая баррикаду из ящиков и бочек, девять солдат, десятый сидит у стены, сумрачно перевязывая окровавленную ногу.

— Вы с кем воюете?

— А вот там, за углом, какие-то.

— Но, ведь, это, наверное, ваши же советские?

— Как же — наши? Вот они человека испортили...

Штатский уговаривает воинов вступить с врагами в переговоры, берет на себя роль парламентаря и в сопровождении одного воина возвращается на Мясницкую. Оказывается — воюют солдаты одного и того же полка, и между ними происходит типичный русский диалог:

— Вы что, черти, ослепли?

— А вы?

— Мы думали — юнкера!

— И мы то же самое.

Война прекращается ко взаимной радости, у штатского просят покурить и провожают его дружескими увещаниями:

— Не ходить бы вам туда, товарищ, вон как там сыплют!

Несомненно, что таких «ошибок» было много и, наверное, не один десяток солдат заплатил за них жизнью. Первые дни город представлял собой слоеное тесто; вот слой — «наших», за ним слой «ихних», и снова «наши», «ихние». В запутанных переулках Москвы люди бессмысленно расстреливали друг друга в затылок, с боков, особенно часты были случаи перестрелки между своими по ночам, когда на темных улицах, с погашенными фонарями, царил страх смерти.

Вокруг Кремля — Советские войска, а на Трубной площади небольшая группа юнкеров захватывает в плен грузовик с винтовками и отряд красной гвардии. Рассказывают, что в штаб инсургентов явилось 110 солдат-ударников:

— Где тут у вас юнкера засели? Дайте нам винтовки, мы их выбьем!

Им дали винтовки, а они присоединились к юнкерам, и эта «ошибка», конечно, усилила бойню.

* * *

Поражало сердечное отношение солдат к обывателю, вылезавшему на улицу «понаблюдать».

Было до отчаяния странно видеть, как пролетарий в серой шинели, голодный, обрызганный грязью, ежеминутно рискуя жизнью своей, заботливо уговаривает чисто одетого, любопытствующего «буржуя»:

— Гражданин — куда же вы? Там стреляют! Попадут в вас, не дай Бог, мы же не можем отвечать за вас!

— Я трое суток на улицу не выходил!

— Мало ли что! Теперь гулять не время...

Хочется спросить этих людей:

— С кем же вы воюете, оберегая столь заботливо жизнь ваших «классовых врагов»?

Спросишь — отвечают:

— С юнкерами. Они против народа...

И эти-то добродушные, задерганные, измученные люди

зверски добивали раненых юнкеров, раскалывая им черепа прикладами, и эти же солдаты, видя, что в одном из переулков толпа громит магазин, дали по толпе три залпа, оставив на месте до двадцати убитых и раненых погромщиков. А затем помогли хозяевам магазина забить досками взломанные двери и выбитые окна.

Ужасны эти люди, одинаково легко способные на подвиги самопожертвования и бескорыстия, на бесстыдные преступления и гнусные насилия. Ненавидишь их и жалеешь всей душой и чувствуешь, что нет у тебя сил понять тление и вспышки темной души твоего народа.

* * *

Бухают пушки, это стреляют по Кремлю откуда-то с Воробьевых гор. Человек, похожий на переодетого военного, пренебрежительно говорит:

— Шрапнелью стреляют, идиоты! Это — к счастью, а то бы они раскатали весь Кремль.

Он долго рассказывает внимательным слушателям о том, в каких случаях необходимо уничтожать людей шрапнелью, и когда следует «действовать бризантными».

— А они, болваны, катают шрапнелью на высокий разрыв! Это бесцельно и глупо...

Кто-то неуверенно спрашивает:

— Может быть — они нарочно так стреляют, чтобы напугать, но не убивать?

— Это зачем же?

— Из гуманности?

— Ну, какая же у нас гуманность,— спокойно возражает знаток техники убийства.

Отвратительно кричат галки, летая над мокрыми крышами, трещат пулеметы, где-то близко едет и стреляет броневик, непрерывно хлопают ружья, револьверы. Впечатление такое, как будто люди избивают друг друга, собравшись огромной кучей, идет свалка врукопашную грудь с грудью. Но вот мчится грузовой автомобиль, тесно набитый вооруженными людьми, и видишь, что они стреляют в воздух,— должно быть для того, чтобы «поднять свой революционный дух», чтобы не думать о том, что они делают.

Круглые, гаденькие пульки шрапнели градом барабанят по железу крыш, падают на камни мостовой, — зрители бросаются собирать их «на память» и ползают в грязи.

В некоторых домах вблизи Кремля стены домов пробиты снарядами, и, вероятно, в этих домах погибли десятки ни в чем не повинных людей. Снаряды летали так же бессмысленно, как бессмыслен был весь этот шестидневный процесс кровавой бойни и разгрома Москвы.

В сущности своей Московская бойня была кошмарным кровавым избиением младенцев. С одной стороны — юноши красногвардейцы, не умеющие держать ружья в руках, и солдаты, почти не отдающие себе отчета — кого ради они идут на смерть, чего ради убивают? С другой — ничтожная количественно кучка юнкеров, мужественно исполняющих свой «долг», как это было внушено им.

Разумеется — это наглая ложь, что все юнкера «дети буржуев и помещиков», а потому и подлежат истреблению, это ложь авантюристов и бешеных догматиков. И если бы принадлежность к тому или иному классу решала поведение человека, тогда Симбирский дворянин Ульянов-Ленин должен стоять в рядах российских аграриев, бок о бок с Пуришкевичем³⁴, а Бронштейн-Троцкий³⁵ — заниматься коммивояжерством.

Ужасно положение юношества в этой проклятой стране! Начиная с 60-х годов мы пытались пробить головами молодежи стену самодержавия, пятьдесят лет истреблялось русское юношество в тюрьмах, ссылке, каторге и — вот пред нами налицо трагический результат этой «политики»: в России нет талантливых людей, нет людей, даже просто способных работать. Самодержавие истощило духовную мощь страны, война физически истребила сотни тысяч молодежи, революция, развиваясь без энтузиазма, очевидно, не может воспитать сильных духом людей и продолжает процесс истребления юношества.

Я знаю, — сумасшедшим догматикам безразлично будущее наоода, они смотрят на него как на материал для социальных опытов; я знаю, что для них недоступны те мысли и чувства, которые терзают душу всякого искреннего демократа, — я не для них говорю.

Но — неужели обезумела вся демократия, неужели нет людей, которые, почувствовав ужас происходящего, вышвырнули бы обезумевших сектантов прочь из своей среды?

ПЛОДЫ ДЕМАГОГИИ

«Новая Жизнь» № 3 (217),
5 (18) января 1918 г.

Группа служащих в Петроградских общественных учреждениях пишет мне нижеследующее:

«Знакомясь с Вашими прежними литературными произведениями, представляешь Вас самым чутким к требованиям момента и особенно добрым душою к угнетенным народам. Зная также, каким авторитетом было Ваше мнение в народе, мы ждали и теперь услышать от Вас сильное слово, объединяющее всех трудящихся, но никак не то, что Вы пишете в Ваших «плодах демагогии» («Новая Жизнь» № 208)³⁶. Читая эти строки, не понимаешь, что Вы этим хотели сказать «детям» Путиловского завода, нам думается, что многое Вами не досказано по этому важному вопросу, или Вы это сделали сознательно, дабы не сразу понял средний человек в чем дело, или просто Вам не хочется ответить на него яснее и подробнее. Нам думается, что если детей этих Вы хотите учить, и если дитя спрашивает, то учитель должен ответить на все их вопросы, ясно, определенно и особенно важно, — беспристрастно, а Вы как будто этого не сделали, а лишь полемизируете».

Не понимаю недоумения «группы служащих», — мне кажется, я отвечал авторам письма с Путиловского завода вполне вразумительно и ясно.

Они написали мне: «Если вы будете критиковать правительство Народных комиссаров, мы закроем „Новую Жизнь“».

Я ответил: «„Новая Жизнь“ будет критиковать правительство Народных Комиссаров, как и всякое другое правительство». Для вящего поучения я прибавил: «Люди, работающие в «Новой Жизни», не для того боролись с самодержавием подлецов и мошенников, чтобы оно заменилось самодержавием дикарей».

Ибо угроза физическим насилием есть угроза дикарская, свободные граждане не должны прибегать к таким приемам в идейной борьбе.

Все ясно, как нельзя более, — чего же не понимает «группа служащих»?

Далее «группа служащих» пишет:

«Еще не можем понять, чем по-вашему и как может Правительство Советов, в которых преобладает рабочий класс — «губить рабочий класс».

— Это похоже на то, как взять себя за волосы и поднять до-горы».

Из того, что «рабочий класс преобладает в Правительстве», еще не следует, что рабочий класс понимает все, что делается Правительством. «Правительство Советов» внушает рабочим, что в России возможно осуществление социалистического строя.

«Новая Жизнь» целым рядом статей, не встретивших возражений по существу со стороны органов правительства, утверждала — и впредь будет утверждать — что в нашей стране нет должных условий для введения социализма и что правительство Смольного относится к русскому рабочему, как к хворосту: оно зажигает хворост для того, чтоб по-пробовать — не загорится ли от русского костра общеевропейская революция?

Это значит — действовать «на авось», не жалея рабочий класс, не думая о его будущем и о судьбе России — пусть она сгорит бессмысленно, пусть обратится в пепел, лишь бы произвести опыт.

Так действуют фанатики и утописты, но так не может действовать разумная и культурная часть рабочего класса.

Вот я и твержу: с русским пролетариатом производят опыт, за который пролетариат заплатит своей кровью, жизнью и — что хуже всего — длительным разочарованием в самом идеале социализма.

Надо помнить, что если «безрассудство царей» способно уничтожать целые поколения», то ведь этого «безрассудства» не лишены все люди, опьяняемые ядом власти.

Письмо «группы служащих» написано злобно и украшено различными экивоками, вроде указания на мою «собственную виллу» и т. д.³⁷.

Раз навсегда заявляю этой «группе» и другим любителям экивоков, что у меня не было и нет «собственной виллы», я живу на капитал моего жизненного опыта и моих знаний, чего от души и желаю как группе служащих, так и всем иным людям, которые искренно ненавидят «собственность» до поры, пока не обладают ею. Но если б у меня была собственная вилла, — я не чувствовал бы себя грешником.

Хочется спросить «группу» и всех других авторов злых посланий ко мне: почему вы, граждане, все злитесь; отчего

ваши письма насыщены таким раздражением, такими приди- рочками и колкостями?

Ведь вы теперь уже не «угнетенные народы», а победи- тели, вы должны испытывать радость победы, спокойную уверенность людей, священные надежды которых осуществ- ляются. Вы так долго и терпеливо ждали справедливости в отношении к вам — теперь ваша обязанность быть спра- ведливыми ко всем, заботиться о торжестве желанной спра- ведливости во всем мире.

А вы все злитесь, все кричите и ругаетесь. Зачем же?

Вы не измените отвратительных условий жизни, не изме- нив ваших чувств, вашего отношения к самим себе и ближ- нему.

9 ЯНВАРЯ — 5 ЯНВАРЯ

«Новая Жизнь» № 6 (220), 9 (22) января 1918 г.

9-го января 1905 г., когда забитые, замордованные сол- даты расстреливали, по приказу царской власти, безоруж- ные и мирные толпы рабочих, к солдатам — невольным убийцам — подбегали интеллигенты, рабочие и в упор, в лицо — кричали им:

— Что вы делаете, проклятые? Кого убиваете? Ведь это ваши братья, они безоружны, они не имеют зла против вас, — они идут к царю просить его внимания к их нужде. Они даже не требуют, а просят, без угроз, беззлобно и по- корно! Опомнитесь, что вы делаете, идиоты!

Казалось, что эти простые, ясные слова, вызванные тоской и болью за безвинно убиваемых рабочих, должны бы найти дорогу к сердцу «кроткого» русского мужичка, одетого в серую шинель.

Но кроткий мужичок или бил прикладом совестливых людей, или колот их штыком, или же орал, вздрагивая от злости:

— Расходись, стрелять будем!

Не расходились, и тогда он метко стрелял, укладывая на мостовую десятки и сотни трупов.

Большинство же солдат царя отвечало на упреки и уго- воры внылым, рабским словом:

— Приказано. Мы ничего не знаем, — нам прика- зано...

И как машины, они стреляли в толпы людей. Не- охотно, может быть, — скрепя сердце, но — стреляли.

5-го января 1918-го года безоружная петербургская демократия — рабочие, служащие — мирно манифестировала в честь Учредительного Собрания.

Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного Собрания — политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови — и вот «народные комиссары» приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи. Напомню, что многие из «народных комиссаров» сами же, на протяжении всей политической деятельности своей, внушали рабочим массам необходимость борьбы за созыв Учредительного Собрания. «Правда» лжет, когда пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т. д. и что к Таврическому дворцу шли именно «буржуи», «калединцы»³⁸.

«Правда» лжет, — она прекрасно знает, что «буржуям» нечему радоваться по поводу открытия Учредительного Собрания, им нечего делать в среде 246 социалистов одной партии и 140 — большевиков³⁹.

«Правда» знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами Российской с.-д. партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов.

Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала «Правда», она не скроет позорного факта.

«Буржуи», может быть, радовались, когда они видели, как солдаты и красная гвардия вырывают революционные знамена из рук рабочих, топчут их ногами и жгут на кострах. Но, возможно, что и это приятное зрелище уже не радовало всех «буржуев», ибо ведь и среди них есть честные люди, искренно любящие свой народ, свою страну.

Одним из таких был Андрей Иванович Шингарев, подло убитый какими-то зверями⁴⁰.

Итак, 5 января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы.

И точно так же, как 9 января 1905 года, люди, не потерявшие совесть и разум, спрашивали стрелявших:

— Что вы делаете, идиоты? Ведь это свои идут? Видите — везде красные знамена, и нет ни одного плаката, враждебного рабочему классу, ни одного возгласа, враждебного вам!

И так же, как царские солдаты — убийцы по приказу, отвечают:

— Приказано! Нам приказано стрелять.

И так же, как 9 января 1905 г., обыватель, равнодушный ко всему и всегда являющийся только зрителем трагедии жизни, восхищался:

— Здорово сады!

И догадливо соображал:

— Эдак они скоро друг друга перехлопают!

Да, скоро. Среди рабочих ходят слухи, что красная гвардия с завода Эриксона стреляла по рабочим Лесного, а рабочие Эриксона подверглись обстрелу красной гвардии какой-то другой фабрики.

Этих слухов — много. Может быть, они — не верны, но это не мешает им действовать на психологию рабочей массы совершенно определенно.

Я спрашиваю «народных комиссаров», среди которых должны же быть порядочные и разумные люди:

«Понимают ли они, что, надевая петлю на свои шеи, они неизбежно удавят всю русскую демократию, погубят все завоевания революции?»

Понимают ли они это? Или они думают так: или мы — власть, или — пускай всё и все погибают?»

ИНТЕЛЛИГЕНТУ ИЗ НАРОДА

«Новая Жизнь» № 7 (221), 11 (24) января 1918 г.

Вы заканчиваете Вашу статью в «Правде» такими словами:

«Хочется верить, что Горький отвернулся от переживаемой нами социальной революции только потому, что не рассмотрел в первые смутные дни ее подлинного прекрасного лица, но что он уже начинает его видеть и скоро возрадуется и воспечалится вместе со всеми, кто живет радостями и печальми нашей октябрьской революции»⁴¹.

Нет, почтенный товарищ, я не «возрадуюсь» с Вами, да не верю, чтоб и Вы радовались. Чему радоваться? Тому ли, что истинно революционный, но количественно ничтожный

русский пролетариат истребляется в междоусобной бойне на юге? Тому ли, что его начали расстреливать на улицах Петербурга?⁴² Тому ли, что его рабочая интеллигенция, плоть от плоти его, терроризируется темной массой и тонет в ней, не имея сил влиять на нее? Тому ли, что промышленность страны, — разрушенная в корне, — делает невозможным дальнейший рост рабочего класса?

Социальная революция без пролетариата — нелепость, бессмысленная утопия, а через некоторое время пролетариат исчезнет, перебитый в междоусобице, развращенный той чернью, о которой вы говорите. Пролетариат без демократии висит в воздухе, вы отталкиваете демократию от пролетариата.

С кем будете вы творить социальную революцию — с крестьянством? С солдатом? Штыком и пулей? — Поймите, — сейчас идет не процесс социальной революции, а надолго разрушается почва, которая могла бы сделать эту революцию возможной в будущем. Вожди пролетариата, — как я не однажды говорил, употребляют его как горючий материал, чтобы зажечь общеевропейскую революцию.

Раньше, чем это нам удастся, русский рабочий народ будет раздавлен европейским солдатом. Неужели Вы верите, что Германия, Англия, Франция, Япония позволят вам, бессильным, безоружным, раздувать пламя, которое может пожрать их?

Не верьте в это, дорогой товарищ.

Мы — одиноки и таковыми пробудем до поры, пока безумие наше не побудит нас истребить друг друга.

А друзья за рубежом?

За рубежом — прекрасно дисциплинированные и патристически настроенные те солдаты, которые считают нас — одни: предателями и изменниками, другие — бессильным народом, совершенно неспособным к государственному творчеству.

Нет, радоваться нечему, товарищ, но опомниться — пора! Если — не поздно.

«ВЕСЕЛЕНЬКОЕ»

«Новая Жизнь № 15 (229), 21 января (3 февраля) 1918 г.

Приехал человек из Москвы и, посмеиваясь, рассказывает:

«Идет ночью по улице некий рабочий, вдруг — из-за

угла, навстречу ему два героя в солдатских шинелях с винтовками:

— Стой,— кричат.— Оружие есть?

Он выхватил револьвер из кармана и, не оплошав, нацелился в них.

— Есть,— говорит.— Руки вверх!

Герои испугались — винтовки-то у них, видимо, не заряжены были, а он — командует:

— Клади винтовки на землю. Снимайте шинели. Теперь — сапоги снимайте. А теперь — штаны. Ну, а теперь — бегите вдоль улицы и кричите — «караул».

Герои все это покорно исполнили, бегут босые и без штанов по снегу и добросовестно орут:

— Караул!

А рабочий платье их оставил на панели, винтовки снес в комиссариат и рассказал там это веселенькое приключение.

...Другой случай, подобный этому, разыгрался около Пушкина⁴³; напали двое воров на артельщика, который шел с завода к станции, напали — приказывают:

— Давай оружие!

Отдал он им незаряженный револьвер, а другой, с патронами, в заднем кармане брюк лежит. Сняли с него шубу, отобрали 52 тысячи денег и хотят идти своим путем, сказав ему:

— Благодарю Бога, что цел остался.

С другим бы тем и кончилось, но артельщик был парень не дурак, взмолился он к ним:

— Братцы. Я человек служащий, деньги это не мои, а — заводские, хозяйские, жалованье рабочим, не поверят мне, что меня ограбили, скажут — сам я украл деньги. Знаков на мне никаких нет — прошу я вас: вот у меня еще две тысячи своих денег есть, я их отдаю вам, а вы мне постреляйте в пиджак, чтобы видно было — нападали на меня.

Воры — хорошие ребята, поняли его затею, даже развеселились и давай ему пиджак расстреливать, он отведет полу в сторону, а они бац-бац в упор по пиджаку, так что даже материя тлеет.

— Ну,— говорят,— довольно.

А он просит их:

— Еще разик.

— Больше,— говорят,— патронов нет.

— Нет?

— Ни одного.

— Ну, когда так,— сказал артельщик, вынув заряженный револьвер,— давайте назад деньги, шубу, а то я вас...

Что делать? Струсили ребята, отдали все назад ему, а он, усмотрев в стороне около сторожки какие-то сани, говорит им:

— Тащите сани — везите меня на станцию.

Они повезли. Повезешь, коли затылок пули ждет».

* * *

Таких и подобных анекдотов становится все больше; их рассказывают почти без возмущения, веселеньким тоном. Хотят ли за этим скрыть то страшное, чем насыщен анекдот, или скрывают смутно чувствуемое собственное одичание?

Этого я не понимаю, но для меня ясно, что грабители, буйствующие на улицах,— самые обыкновенные русские люди и даже, может быть, милые люди, из тех, что привыкли жить «на авось». И вот именно то, что это люди «обыкновенные» — самое страшное.

Я думаю, что уличные подвиги рождаются так: сидят где-нибудь в уголке двое обыкновенных людей и, не торопясь, рассуждают:

— Однако — дожили до полной свободы.

— Н-да, полиции — нет, судов нет...

— Чудно.

И, поговорив об этом новом, непривычном быте, люди, у которых нет никаких представлений о праве, культуре, о ценности жизни, люди, которые воспитались в государстве, где министры вели себя, как профессиональные воры, эти люди соображают:

— А что, если пойти на улицу да облегчить какого-нибудь буржуя?

— Выходи из своей шубы?

— Да?

— Что ж, я в газете читал — их раздевать можно!

— Айда?

— Идем. Авось — заработаем.

Выходят и — работают. Иногда им приходится убить не-

покорного буржуя, иногда их ловят и «самосудом» избивают насмерть.

И оба факта — убийство, самосуд — поражают своей ужасающей «простотой».

Так и мчится жизнь: одни грабят, убивают, другие — топят и расстреливают грабителей, трети говорят и пишут об этом. И все — «просто». Даже — весело порою.

Но когда вспомнишь, что все это происходит в стране, где жизнь человека до смешного дешева, где нет уважения к личности и труду ее, когда подумаешь, что «простота» убийства становится «привычкой», «бытовым явлением» — делается страшно за Россию⁴⁴. И становятся как-то страшно понятны такие случаи. Пришло трое людей в гости к знакомому, но что-то не понравилось гостям в хозяине, и они разрубили его на двенадцать частей, собрали кусочки в мешки и бросили в Обводный канал. Просто.

А убийство Шингарева и Кокошкина? Есть что-то невыразимо гнусное в этом убийстве больных людей, измученных тюрьмою.

Пусть они понимали благо родины более узко, чем это понимают другие, но никто не посмеет сказать, что они не работали для народа, не страдали за него. Это были честные русские люди, а честных людей накоплено нами немного.

И вот их убили, убили гнусно и «просто».

Я спрашиваю себя: если бы я был судьей, мог бы я судить этих «простецов»?

И, мне кажется, — не мог бы. А защищать их? Тоже не мог бы.

Нет у меня сил ни для суда, ни для защиты этих людей, созданных проклятой нашей историей, на позор нам, на глумление всему миру.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 61 (276),
7 апреля (25 марта) 1918 г.

«Лежачего не бьют» — очень хорошее правило, и все мы были бы гораздо приятнее сами себе и друг другу, если бы честно держались этого правила.

Но когда лежачий поднимает голову и тихонько ползет сзади вас, имея коварное намерение дать вам по затылку, — необходимо побеседовать о лежачем тем тоном, который за-

служивают его иезуитские поползновения. Занятие так же неприятное, как отвратительна причина, возбуждающая к нему.

Спору нет — в процессе социального боя лежащий потерпел не только по заслугам, но сверх заслуг. Что делать? Как солдата воспитывает казарма, так каждого из нас та классовая позиция, на которую он поставлен историей. Безвольно подчиняясь внушению фактов, мы всегда слишком мало заботились о самовоспитании, о культуре нашей воли, наших чувств. Мы все много хуже и грубее, чем могли бы быть, некоторые же особенно заботятся показать как можно больше грубости и жестокости, надеясь, что этим они скроют свою бездарность и бессилие свое.

Итак — лежащий поднимает голову, ползет и шипит, это очень ясно слышится не только в статье Изгоева о «Трагедии и вине»⁴⁵, не только во всех писаниях «Нового Века»⁴⁶, «Современного Слова»⁴⁷ и других, иже с ними, это злое мстительное шипение все более громко звучит в среде «кадет». «Кадеты» — самые превосходные политики в России, они убеждены в этом, а также и в том, что они — единственная сила, способная спасти Россию от грозящей гибели. В тяжелой борьбе за свободу они играли роль крыловской мухи, которая, как известно, несколько переоценивала свой труд. Это очень умные люди, кадеты, они не только остерегаются резко критиковать действия Советской власти, но даже несколько мироволят ей, за что неоднократно и удостоивались лестных одобрений со стороны Советской печати. Они превосходно знают, что советский «коммунизм» все более и более компрометирует не только идеи социал-демократии, но вообще надежды демократии радикальной, и они уже не хотят скрывать своей искренней ненависти к демократической России.

Хороший кадет, прежде всего политик, точнее — политикан; он такой же фанатик своей идеи, как большевик-«коммунист», он так же сектантски слепо верит в возможность полного уничтожения социализма, как верит большевик в необходимость немедленного осуществления социалистических идей.

Лидер партии к.-д. П. Н. Милюков с гордостью говорил в 1905 г. Петко Тодорову⁴⁸, болгарскому литератору:

«Я организовал в России первую политическую партию, которая совершенно чиста от социализма».

Этой «чистотой от социализма» кадеты и теперь гордятся, а так как демократия не может быть не социалистич-

на, то естественно, что кадетизм и демократия — органически враждебны.

После 906 года конституционно-демократическая партия была той духовной язвой страны, которая десять лет разъедала ее интеллигенцию своим иезуитским политиканством, оппортунизмом и бесстыднейшей травлей побежденных рабочих. «Оппозиция Его Величества»⁴⁹, она не брезговала ничем для того, чтобы пробраться к власти. Тогда этого не случилось — кадеты надеются, что это случится теперь. Они начинают свою работу с того же, с чего начали ее в 907 г. — с травли демократии, и, как тогда, теперь они снова стремятся организовать всех ренегатов и трусов, всех врагов народа и ненавистников социализма. Постепенно распуская языки, они снова намерены возобновить тот отвратительный вой мести и обиды, которым оглушали Русь после первой революции. Этот вопль «униженных и оскорбленных» уже начинается, и скоро демократии будет предъявлен длиннейший, тщательно и злоратно составленный обвинительный акт, в котором все преступления будут преувеличены и все ошибки поставятся в фальшь. Эти люди прекрасно знают, что клевета есть увеличительное стекло, сквозь которое можно видеть насекомое — чудовищем и комариный укус — глубокой раной.

«Кадеты» считают себя мыслящим аппаратом буржуазии и языком ее, но на самом деле они просто группа интеллигенции, переоценивающая свои силы, свое значение в стране и совершенно утратившая живой дух демократизма.

Люди, «услужавшие» буржуазии, опаснее самой буржуазии, они более властолюбивы и менее деловиты. Между торговлей и политиканством разница в том, что торговец включает в свой оборот все, что можно купить и продать — в том числе и совесть, — а политикан торгует людьми и своей совестью. Они грамотны, изощрены в политиканских хитростях, не очень брезгливы в выборе приемов борьбы и могут запутать в сетях иезуитского красноречия людей менее грамотных, но более искренних и способных к положительной работе. Они вполне способны снова создать тот мрачный круг настроений, угнетающих душу, настроений, которые так прочно поддерживали жуткую реакцию 908—916 гг.

Это тем более опасные люди, что нельзя понять, что именно дорого им, кому их любовь, их сердце?

У демократии два врага: г.г. «коммунисты», которые разбивали ее физически, и кадеты, которые уже начинают работу убиения духа демократии.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 86 (301), 10 мая (27 апреля) 1918 г.

В «Нашем Веке» от 3-го мая гражданин Д. Филосов напечатал статейку о Горьком, который «старается привлечь ученых, писателей и художников на службу совдепам»⁵⁰.

Событие — ничтожное; однако, статейка так странно написана, что обязывает меня поставить ее автору несколько вопросов и дать читателю некоторые пояснения.

Прежде всего — чем вызваны следующие утверждения гр. Философова:

«Спорить с Горьким очень трудно. Он не выносит, чтобы ему «перечили». Но нельзя же такие страшные и сложные вопросы, как «культурное соглашательство», ставить на личную почву. И неужели же мы для того пережили революцию, чтобы вернуться к старым самодержавным замашкам, когда было запрещено свое суждение иметь? Горький выступает и действует публично. Неужели надо с ним во всем соглашаться, чтобы не «обидеть» его? Пора бы эти замашки бросить. Всякое мнение, всякое действие подлежит свободной критике».

Откуда взял гр. Филосов, что я «не выношу», чтобы мне «перечили»?

Поскольку я выступаю публично, я никому не дал права утверждать, что «не выношу» честной критики моих мнений, как бы эта критика ни была резка. Я люблю учиться, а спор с врагом часто бывает более полезен, чем беседа с другом.

Почему же гр. Филосов находит возможным утверждать, что я «ставлю вопросы общественные на личную почву»?

Но если гр. Филосов считает «личным» то чувство органического отвращения, которое я всегда питал и питаю к болезненно надутому самолюбию принципиальных саботажников, к людям, у которых «на грош амуниции, да на рубль амбиции», тогда гр. Филосов прав — я терпеть не могу «бездельников по принципу». Мне всегда были враждебны злобные жалобы бездарных неудачников, которые не имеют силы и великодушия забыть или простить толчки и царапины, нанесенные им в суете житейской неосторожным или одичавшим ближним.

Философов говорит о «плане Горького превратить Академию Наук в Университет Шанявского»⁵¹.

Это — ложь. Ничего подобного я не говорил, хотя и являюсь убежденным сторонником необходимости демократизировать науку. Но, как это само собою разумеется, свободное развитие науки должно предшествовать свободному распространению ее, и существенно необходимо, чтобы высшее ученое учреждение страны было совершенно независимо в своем творчестве.

Философов указывает, что профессора Кравков⁵² и Павлов⁵³ ушли из Ассоциации, но — не говорит, когда они ушли, ибо это ему невыгодно. Ему нужно, чтобы читатель думал, что профессора ушли после того, как Горький начал «сватать» Свободную Ассоциацию Совету Комиссаров⁵⁴, Философов молчит о том, что уважаемый И. П. Павлов ушел несколько месяцев тому назад, а Кравков ушел до основания Ассоциации еще из Организационного Комитета.

Он говорит, например: проект Горького «заставить академию издавать нечто вроде «Вестника Самообразования» очень мил и свидетельствует о добром его намерении обучать «товарищей» грамоте. Но можем ли мы, при нашей бедности, так расточительно обращаться с подлинными учеными?

Своими работами академик Павлов заслужил благодарное удивление всей европейской науки, послужил всему человечеству. А Горький хочет заставить его читать «краткий курс по физиологии», что может сделать с успехом каждый студент. И выходит так, что, заботясь о распространении наук, Горький выказывает очень мало уважения к самой науке и ее верным служителям».

Это ловко сделано. Дважды употребив совершенно неуместный глагол «заставлять», г. Философов как бы нашептывает почтенным представителям свободной и чистой науки:

— Вы подумайте — Горький «заставляет» вас, а? Кравков? Он — вас!

Я не «заставляю» Академию Наук издавать «нечто вроде Вестника Самообразования», я только говорю, что если бы Академия взяла на себя труд знакомить широкую публику с ходом ее работ по «развитию науки», — она совершила бы этим дело и национально и социально важное. Предлагать не значит заставлять.

Откуда Философов взял, что я хочу «заставить» И. П. Павлова читать краткий курс физиологии? Он ста-

вит эти слова в кавычки, как будто я действительно сказал их.

Он нарочито подчеркивает, что я забочусь только «о распространении наук», и молчит о развитии оных, это умолчание необходимо ему для того, чтобы сказать, что Горький «готов продать свободу и культуру за чечевичную похлебку» народного университета и что я «зову русскую интеллигенцию к предательству».

Вот, до чего дошло! Призыв к работе на пользу государства и народа есть призыв к предательству. Что это — ослепление злобы или обывательская глупость?

Но — чего же смотрел Философов раньше? Ведь я уже давно, многие годы, призываю интеллигенцию к работе во что бы то ни стало и при всех условиях. Безумство храбрых, это безумство тех людей, которые, не взирая на все и всяческие сопротивления действительности, на все мучительные пытки ее, неуклонно стремятся утвердить свою волю, осуществить свои идеи в условиях действительности, как бы тяжка она ни была. Это не только безумство Гарибальди, но, и безумство Джордано Бруно и других великомучеников мысли. Наука — наиболее грандиозное и поразительное из всех безумств человечества, это самое возвышенное безумство его!

Пусть это звучит как парадокс, но, подумав об условиях, в которых развивалась чистая наука, даже г. Философов поймет, надеюсь, как много здесь правды, может быть — печальной.

Не стоило бы говорить о выходках г. Философова, не так уж он значителен в своих выдумках, чтобы опровергать их.

Но ведь его статья напечатана в «Нашем Веке» не «по недосмотру» редактора, а, вероятно, по солидарности взглядов.

Какова же суть этих взглядов?

Суть их — злоба против демократии и, как видно из статейки г. Философова, эта злоба становится все более наглой. Я уже указывал, что социалистическая демократия не имеет более злого врага, чем тот, который ежедневно шипит со строк «Нашего Века»⁵⁵. Сотрудники этого органа все более откровенно выбалтывают свое отношение к революции, все более твердо становятся на почву реакции, и несомненно, что они снова готовятся сыграть ту предательскую, развращающую роль организаторов политической и духовной реакции, которая удалась им после 905 г.

Снова набухает гнойный нарыв на теле измученной России.

Революционная демократия должна знать, что наиболее враждебным для нее является политическое течение, организуемое «Нашим Веком». Это враг непримиримый, ибо это — враг по духу⁵⁶.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 94 (309), 19 (6) мая 1918 г.

По вопросу о том, кто разрушил армию, в некоторых кругах существует вполне определенный ответ: армию разрушили социалисты. Это один из основных припевов к бесконечно длинной песне о гибели России, которая еще не погибла и, видимо, не хочет погибать, это одно из коренных обвинений, выдвигаемых против социалистов патриотами, которые любят Россию любовью голодных волков, и это одно из тех обвинений, которые наименее искренни, наиболее фальшивы.

О том, что армия неизбежно должна развалиться, говорила еще докладная записка Комитета обороны, поданная в 16-ом году на имя царя, но это забыто, ибо это невыгодно помнить усердным составителям обвинительного акта против социалистов.

Недавно мне попала под руку связка писем, полученных мною с фронта в 16-ом и 17-ом годах: некоторые из них должны быть опубликованы, ибо они очень определенно говорят о причинах разложения армии.

Вот, например, письмо солдата, относящееся к марту 16-го года:

«Это письмо посылаю секретно с товарищем, уехавшим на побывку, а то в обыкновенных письмах ни о чем писать нельзя, т. к. их просматривает военная цензура и, если найдут 2-3 слова о чем-либо таком, то сейчас же допытываются: кто писал, какой роты, взвода, и 25 розог всыпят, а то ставят под ружье на окопы, чтобы германец стрелял, этой практики было много, но ему спасибо, не стреляет, а кричит: «не бойся, русс, стрелять не будем, потому что тебя поставило начальство».

Стоим от него на 100 шагов, так что вообще-то выйти никак нельзя, жарит всю; у нас без боя выбыло за 40 дней из полка 112 человек. Грязь по колено, холод, снег, болезни... А кормят одной несчастной кашей, иногда с мясом,

а чаще всего без того, станешь говорить — голодно, отвечают: не успевают вам возить хлеба. А чего — на 48 чел. дают в день 7 хлебов по 11 фунтов. А ведь всю ночь работаешь — роём окопы. Правда, хлеб можно купить в обозе, но чёрный стоит 20 коп. фунт, а белый 45, вот и поешь».

В другом письме, от июня того же года, унтер-офицер, доброволец, трижды награжденный орденом Георгия, жалуется:

«Я простой солдат, воюю не ради игоизма, а по любви к родине, по злобе на врага, ну, все-таки ж и я понимать начал, что дело плохо, не выдержать нам. Теперь, возвратившись из лазарета, из России, я вижу, в чем беспорядок, потому что на фронте люди выбились из сил и не хватает их, а в тылу десятки тысяч остаются зря, болтаются без дела, только жрут, объедая Россию. Кто это распоряжается так безобразно?»

Распоряжались не социалисты.

Юноша артиллерист сообщает:

«Корпусный командир А. говорит офицерам, которые нравятся ему:

— Берите сколько угодно этой сволочи и — действуйте. Чего ждать!

Его любимчики брали роту, две и вели солдат на окопы немцев без артиллерийской подготовки, солдат били, офицеры получали ордена. Один раненый пехотинец сказал мне:

— Бьют нас, как вошь — беда! То холеру напустят, то войну затеят, эх, Господи, бежать бы!»

При чем тут социалисты?

Я спросил георгиевского кавалера, раненого:

— Трудно в окопах?

Он ответил:

— Солдатам трудно, не понимаю, как они терпят! Вот я, например, я был одеялом, а не подстилкой, а солдат — подстилка. Видите ли, в непогоду, когда в окопах скопилась вода, на дно окопа, в грязь, ложились рядовые, а мы, офицеры, покрывали их сверху. Они получали ревматизм, а мы — обмороживались.

Известный писатель Г-в писал в 16-ом году: «С утра до вечера порют за уклонение от работ в окопах, порют солдат, беженцев, евреев. А они не могут работать — истощены».

Тыловые солдаты знали о положении дел на фронте, им

говорили об этом раненые, калеки, обмороженные, туберкулезные воины. И в тылу создавалось определенно безнадежное настроение, с которым — не побеждают.

Вся тыловая масса распевала частушки, вроде следующих:

Не горюйте, новобранцы:
Все равно убьют германцы!

Что ты, белый царь, наделал —
Безо время войну сделал!
Безо время, без поры
Нас на бойню повели.

Ох, не хочется к Романову
В работнички идти:
У Романова работников
Сажают на штыки.

И, провожая на смерть обреченных парней, девицы озлобленно выкрикивали:

Найди, туча, найди, гром,
Разрази казенный дом!
В том дому убей того,
Кто отнял друга моего.

Пополнения из тыла приходили плохо вооруженными, плохо обученными и уже подавленные тем, что они знали о фронте.

Во всем этом социалисты нимало не повинны.

Вот отрывок из письма интеллигента-офицера, настроенного в общем очень бодро:

«Эта масса так темна, что для многих из них совершенно непонятно, что происходит кругом. Они не доверяют никому — ни Керенскому, ни С. Р. и С. Д., ни Вр. Пр. Все это для них пустые звуки. Я собственными ушами слышал такие рассуждения, что буквально язык прилипал к устам и не знаешь, что можно ответить на такие заявления: «Бог его знает, кто этот Керенский, может, он еще 3 года хочет воевать».

С. Р. и С. Д., по их мнению, тыловые солдаты, которые не хотят идти на фронт, а кричат: «война до победы!»

Другой офицер пишет:

«А все-таки, у этих слепых великомучеников есть что-то вроде государственного инстинкта, иначе нельзя объяснить почему они не разбегутся, воткнув штыки в землю».

В конце концов — они разбежались, потому что не хватило терпения, потому что армия знала и помнила такие

факты, как хождение в атаку с дубинками, вместо ружей, и отбитие атак камнями, вместо шрапнели.

В четырнадцатом и пятнадцатом годах вся пресса громогласно и ежедневно пела дифирамбы мужеству русского солдата, в 16-ом, когда социалисты еще молчали, тон дифирамбов значительно понизился, к концу года некоторые журналисты весьма мужественно начали сомневаться в боевых качествах победоносной русской армии — сомнение, не очень уместное после того, как почти весь кадровый состав армии был уничтожен боями, болезнями и отвратительным отношением к солдату.

Я пишу это не ради защиты социалистов, не нахожу, чтобы они нуждались в защите, но уж очень противно наблюдать, как ложь, будучи повторена тысячекратно, приобретает для многих облик правды.

А настоящая суровая и беспристрастная правда в том, что вся Русь, а не только ее армия, начала разрушаться задолго до того, как социалисты получили в ней право голоса, и что теперь на ответственность социалистов историей возложена гигантская работа оздоровления и возрождения России.

〈ИЗ НЕСВОЕВРЕМЕННЫХ МЫСЛЕЙ〉

«Новая Жизнь» № 97 (312), 23 (10) мая 1918 г.

Умирает от голода Вера Алексеевна Петрова, врач первого выпуска «Женских медицинских курсов»⁵⁷. Мне пишут о ней:

«Я не знаю, кого просить за старого, больного человека, фактически умирающего от голода, — врача, всю свою жизнь посвятившего народу, земской работе. Теперь она умирает беспомощная, покрытая грязью, в пыльной, ужасной комнате. Если бы Вы слышали ее слова, уже потустороннего человека. — «Какой ужас голод!» Умирает смертью медленной и верной, не имея ни одного человека, который принес бы ей кипятку или кусок хлеба. Говорили так много о кротости и любви... где она? Равнодушного зверя, без добрых начал и порывов, голодное брюхо — вот, что из нас сделали...».

Необходима помощь. Адрес В. А. Петровой: 6-ая Рождественская, д. 8, комната 46. Деньги можно направлять и в редакцию «Новой Жизни».

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 105 (320), 1 июня (19 мая) 1918 г.

В мужскую Обуховскую больницу поступил «с явлениями резкого истощения на почве плохого питания» профессор Технологического Института физик Николай Александрович Гезехус. В свое время профессор Гезехус был настолько популярен как ученый, что талантливые преподаватели физики именовались в честь его «Гезехусами». Ныне ему 72 года, он лежит в Обуховской больнице, распухший от голода, с отеками на ногах.

Я думаю, что этот факт не нуждается в пояснениях и ламентациях, я только напомним, что Великая французская революция, отрубив голову химику Лавуазье⁵⁸, не морила голодом своих ученых. Так как у нас, при всеобщем моральном отупении, все возможно, то, может быть, какой-нибудь циник скажет:

— Профессору 72 года...

Но и самый гнуснейший циник будет обезоружен, если узнает, что в мужском отделении одной Обуховской больницы лежит 134 человека «больных от голода», «заболевших, вследствие недостаточного или ненормального питания», и 59 человек из них моложе 30, а человек 30 — моложе 20-ти. Все это люди физического труда, люди, которым для нормальной жизни необходимо питание, которое давало бы организму 3.000 тепловых калорий и которые при современном продовольственном пайке получают 500—600 тепловых единиц, т. е. менее четверти количества, необходимого человеку. При этом надо помнить, что далеко не все, вводимое в желудок, может быть усвоено организмом, полусоломенный хлеб, головы селедок, дуранда и прочее в этом роде не столько на пользу, сколько во вред людям.

Голод в Петрограде начался и растет с грозной силой. Почти ежедневно на улицах подбирают людей, падающих от истощения: то, слышишь, свалился ломовой извозчик, то генерал-майор, там подобрали офицера, торговавшего газетами, там модистку.

Но, может быть, страшнее физического умирания от голода — все более заметное духовное истощение. Недавно внимание врачей было остановлено фактами резкого понижения веса среди лиц интеллектуального труда. Люди этой категории питаются, все-таки, лучше рабочих, да и тепловых единиц им нужно на тысячу меньше, чем людям

физического труда, однако — исхудание среди них все прогрессирует. Медицинское исследование показало, что эти люди выделяют огромное количество фосфора, что указывает на ненормальное сгорание нервной ткани и что должно, в конце концов, привести людей к истощению духовной, творческой силы, необходимой нашей стране больше, чем когда-либо раньше.

Умирает Петроград как город, умирает как центр духовной жизни. И в этом процессе умирания чувствуется жуткая покорность судьбе, российское пассивное отношение к жизни.

Я был глубоко взволнован единодушием, с которым люди разных классов оказали помощь забытой всеми, умиравшей от голода и грязи женщине-врачу В. А. Петровой⁵⁹. Но г-жа Э. Введенская и М. А. Беренс извещают меня, что Петрова «жила в этих ужасных условиях несколько лет». Несколько опоздали мы с помощью. А до чего дожила В. А. Петрова, об этом сообщает мне г-жа Ек. Пуговко:

«Вчера еще раз перед глазами предстал кошмарный ужас — старческое тело, измученное голодом и вшами, целыми стаями кишящих в струпах».

Если бы можно было передать, что отразилось в глазах врачей и даже видавших виды служанок, присутствовавших при ванне Петровой.

Одна из служанок обратилась ко мне с вопросом: «Где вы ее нашли?»

Я сказала где.

«Кто она?»

На мой ответ, что это женщина-врач, служанка посмотрела на меня широко раскрытыми глазами и, указав пальцем на Петрову, сидевшую в ванне, почти крикнула, не веря:

— Кто? Она — врач?

Горьким упреком прозвучало замечание одной из врачей, здесь находившихся:

— Не все доктора, очевидно, богато живут».

Надо что-то делать, необходимо бороться с процессом физического и духовного истощения интеллигенции, надо почувствовать, что она является мозгом страны, и никогда еще этот мозг не был так нужен и дорог, как в наши дни.

Интеллектуальные силы Петрограда должны немедленно организоваться, в целях самосохранения, в целях защиты от голода и нервного истощения. Начать можно бы с малого

дела — организации столовых, а на этой работе искать средств и путей к более важному.

Нельзя относиться к самим себе и друг другу так апатично и пассивно, ведь если голод вызывает апатию, то апатия, в свою очередь, может усилить голод до размеров стихийной катастрофы.

Идя к свободе, невозможно оставлять любовь и внимание к человеку где-то в стороне.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 107 (322), 4 июня (22 мая) 1918 г.

Завоевав политические права, народ получил возможность свободного творчества новых форм социальной жизни, но он все еще находится — и внешне, и внутренне — под влиянием плесени и ржавчины старого быта. В массах народа нет признаков сознательного стремления коренным образом изменить отжившие отношения человека к себе самому, к своему ближнему, к жизни вообще.

Жизнь насыщена множеством ценных идей, совершенно новых для масс, но эти идеи попадают в сферу инстинктов и чувств грубых качественно, ограниченных количественно, в этой сфере они усваиваются с трудом — если только усваиваются, в чем, к сожалению, и можно, и следует сомневаться.

Революция, творимая силами наиболее энергичных людей, истощает и поглощает эти ценнейшие силы очень быстро, а процесс накопления и организации новых сил идет угрожающе медленно.

Необходимо ускорить рост и развитие этих сил, необходимо тотчас же создавать условия для воспитания нового человека, для быстреего накопления активных резервов, способных уверенно и грамотно продолжать работу реорганизации России.

Очевидно, что одной политической пропаганды недостаточно для создания нового человека, недостаточно организовать мысль, необходима организация воли, воспитание, развитие и углубление чувства.

Мы должны озаботиться, чтобы рядом с политическим воспитанием народа непрерывно развивалось его моральное и эстетическое воспитание — только при этом условии, наш народ будет совершенно освобожден из под гнета своей не-

счастнейшей истории, только этим путем он уйдет из плена старого быта, только при наличии **новых** чувств, новых идей — он поймет и сознательно поставит воле своей ясные, разумные, осуществимые цели.

Надо вспомнить, что народ века воспитывался угнетающим волю, суровым и безотрадным учением церкви о ничтожестве человека пред таинственной силой, произвольно и безответственно правящей его судьбою, и что это учение как нельзя более ярко и крепко подтверждалось всеми условиями социального бытия, созданными бессмысленным гнетом русской монархии.

Это учение, утверждая бессилие разума и воли человека, предъявляет к его разуму и воле наивысшие требования подвигов добродетели и, грозя вечным осуждением на казнь в огне геенны, не могло и не может быть возбудителем активной энергии, обращенной на устройство земной жизни, на создание счастья и радости по воле и разуму человека. Погружая человека в темную пропасть сознания им своего ничтожества пред Богом, это учение находило превосходные иллюстрации своей формальной логики во всех условиях политико-социального быта, возглавляемого царем. Это учение, принижая человека, не только связывало активность, инициативу, самостоятельность народа, оно глубоко просочилось и в душу интеллигенции, насытило русскую литературу в ее лучших образцах и окутало всю нашу жизнь флером безнадежности, тихой печали, элегической покорности року.

Теоретическое бунтарство и практическая борьба, которую мужественно и героически вела наша интеллигенция против изжитого строя жизни и мысли — велась ею не по внушению церковно-монархических идей, якобы гуманитарных, но, разумеется, вопреки им, по инстинкту самосохранения — инстинкту языческому, который создал Возрождение и всегда служит возбудителем бунта человека против его же, человеческого, представления о непобедимости судьбы.

Продолжить этот бунт, усилив и углубив его, вот священная и героическая задача интеллигенции. Революция, единственно способная освободить и облагородить человека, должна совершиться внутри его, и она будет совершена только путем очищения его от плесени и пыли изжитых идей.

Поскольку народ усвоил некоторые идеи — они обратились у него в эмоции, поработившие свободу его мысли

и его волю. Чтобы побороть эти эмоции, необходимо возбудить иные, более активного характера.

Мы живем в эпоху катастрофальную, в эпоху героизма, и мы должны дать народу зрелища, книги, картины, музыку,— которые воспитали бы в массах умение чувствовать пафос борьбы. Трагедия наиболее возбуждает чувство, пафос трагедии наиболее легко вырывает человека из грязных сетей быта, наконец,— трагедия гуманизирует.

Лицемерие трагического не может не поднять восприимчивого зрителя над хаосом будничного, обычного, подвиги героев трагедии являют собою зрелище исключительное, праздничное зрелище игры или битвы великих сил человека против его судьбы.

* * *

Исходя из этих соображений, схематичность которых не мешает, надеюсь, их ясности, я позволю себе сказать несколько слов о практике культурно-просветительной деятельности, которую ныне развивают различные организации и группы. Начну с факта.

Один из рабочих районов Петрограда устроил театр, оформление для сцены было написано весьма даровитым художником и изображало мускулистых рабочих, с засученными рукавами, фабрики, фабричные трубы,— все это сделано в стиле кубизма.

Рабочие, посмотрев на это искусство, решительно заявили:

— «Уберите это, этого нам не нужно! Нам нужно, чтобы в нас поддержали и развили любовь к природе, к полю, лесу, к широким пространствам, наполненным живой игрою красок и солнца. Поддержите в нас любовь к красоте, нам не нужно скуки, ежедневности!»

Это буквально так было сказано, и это сказано рабочими. В этих словах определенно звучит законное и естественное требование здорового человека, который ищет в искусстве контраста той действительности, которая утомляет и истязует душу. Отвратительные явления буден он знает лучше художника, и если художник не лирик, умеющий осветить серые сумерки жизни рабочего ласковым и ярким огнем своей души, если он не сатирик, имеющий силу изобразить грязный ад буден так, чтобы его картина, стихотворение или рассказ возбудили активное отвращение к будничной жизни, органическое стремление к празднику, если

он не в состоянии вскрыть в обычном и привычном героическом и значительном,— если художник не может этого дать,— его искусство не нужно рабочему, человеку, который привык создавать из бесформенных масс сырого материала тончайшие вещи, сложные аппараты, мощные машины. Рабочий — тоже художник, ибо он дает бесформенному законченные формы.

Ему не может нравиться и ничего нового ему не скажет кубизм и вся так называемая «линейная живопись». Очень вероятно, что у новых течений живописи есть будущее, но пока они представляют собою кухню техники, которая может быть интересна только людям изощренного вкуса, художественным критикам и историкам искусства. Показывать же всю эту кухонную работу людям, жаждущим совершенной красоты, значит — давать им читать «Войну и Мир» Л. Толстого по его стократно перечеркнутым черновым корректурам.

Переходя от живописи к сценическому зрелищу, я ставлю парадоксальный — с виду — вопрос: что полезнее для социально-эстетического воспитания масс — «Дядя Ваня» Чехова или — «Сирано де Бержерак» Ростана⁶⁰, «Сверчок на печи» Диккенса или любая из пьес Островского?

Я стою за Ростана, Диккенса, за Шекспира, греческих трагиков и остроумные, веселые комедии французского театра. Я стою за этот репертуар потому, что — смею сказать — я знаю запросы духа рабочей массы. В ней достаточно глубоко развито сознание классовой вражды и социальных различий, она хочет видеть и понять явления общечеловечности и единства, она уже чувствует, что сознание единства, чувств, мыслей,— основа культуры человека, признак общечеловеческого стремления к радости, счастью — к созданию на земле праздника.

Она хочет, чтобы души ее коснулось самое лучшее, что создано чувством и мыслью человека, хочет изумиться гению человека, понять и полюбить его.

* * *

Ядовитый туман буден, отравленных непрерывной враждою за кусок хлеба, во все века, у всех народов скрашивался и смягчался творчеством науки, искусства — только наука и искусство облагораживают наш звериный быт. И как нельзя более своевременно, необходимо ввести в нашу фантастически дикую современность высочайшие достижения

творцов науки, искусства, все драгоценное мира, все сокровища его духа, все, что имеет силу перевоспитать человека, поднять его, творца фактов, над фактами.

Человечеством создано много прекрасного, люди ежедневно создают массу хлама и гадостей, и, под этой грудой неизбежных пустяков, прекрасное становится невидимым.

Нужно жить так, чтобы оно было всегда пред глазами у нас — тогда оно явится возбудителем чувств, мыслей и поступков, достойных человека.

А поместив человека в свиной хлев — глупо требовать, чтобы он был ангелом.

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь» № 113 (328), 11 июня (29 мая) 1918 г.

Истериически настроенные люди пишут мне дикие письма — грозят убить⁶¹.

Намерение, я думаю, не серьезное и не столько преступное, сколько безграмотное. Убийством ничего не докажешь, кроме того, что убийца — глуп. Наказание смертью не делает людей лучше того, каковы они есть. Сколько ни умерщвляй людей, оставшиеся в живых, все-таки, идут по путям, предуказанным историей, — смерть не властна остановить развитие исторических сил.

Разве мало убивали у нас, на Руси, во всех городах, в тысячах сел и деревень, убивали для того, чтобы прекратить рост революционных настроений? А революция, все-таки, доросла до своей победы. И в наши дни, когда людей убивают не менее, чем убивали раньше, все равно, в конце концов, победит — наиболее разумное, наиболее здоровое. Физическое же насилие всегда будет неоспоримым доказательством морального бессилия — это тоже давно известно и пора понять.

А грозить человеку смертью за то, что он таков, каков есть, — безграмотно и глупо.

* * *

Меня обвиняют в том, что я «продался евреям»⁶². Тоже глупо. Конечно, я понимаю, что в стране, где все издавна привыкли подкупать и продаваться, человек, защищающий безнадежное дело, должен быть признан продажным чело-

веком. Психология большинства требует, чтобы каждый человек был так или иначе опорочен, на каждом лежало бы темное пятно. Это специфическая психология профессиональных жуликов — они не могут представить себе человека честным, потому что ему нравится быть таковым, потому что таков вкус его души. А, может быть, им и завидно: каждый из них готов продать себя, и не очень дорого, а некоторых — ни за какую цену не купишь. Вот и злятся: как же так! Мы поставлены в условия, принуждающие нас торговать своей совестью, а они, какие-то — не продаются.

И, хоть сами не верят в продажность этих «каких-то», но, все же, орут:

— Продался! Продались!

Эх, несчастные! Вы бы лучше попробовали сами стать честными людьми, — в этом есть кое-что приятное.

* * *

Затем, мне пишут яростные упреки: я, будто бы, «ненавижу народ»⁶³. Это требует объяснения. Скажу откровенно, что люди, многоглаголющие о своей любви к народу, всегда вызывали у меня чувство недоверчивое и подозрительное. Я спрашиваю себя — спрашиваю их — неужели они любят тех мужиков, которые, наглотавшись водки до озверения, бьют своих беременных жен пинками в живот? Тех мужиков, которые, истребляя миллионы пудов зерна на «самогонку», предоставляют любящим их издыхать от голода? Тех, которые зарывают в землю десятки тысяч пудов зерна и гноят его, а голодным — не желают дать? Тех мужиков, которые зарывают даже друг друга живьем в землю, тех, которые устраивают на улицах кровавые самосуды, и тех, которые с наслаждением любят, как человека забивают насмерть, или топят в реке? Тех, которые продают краденый хлеб по десяти рублей фунт?

Я уверен, что любвеобильные граждане, упрекающие меня в ненависти к народу, в глубине своих душ так же не любят этот одичавший, своекорыстный народ, как и я его не люблю. Но, если я ошибаюсь, и они, все-таки, любят его таким, каков он есть, — прошу извинить меня за ошибку, но — остаюсь при своем: не люблю.

Более того, я уверен, что и не следует любить народ таким, каков он есть, равно не следует и обвинять его за то, что он таков, а не иной. Я думаю, что будет лучше и для народа, и для влюбленных в него, если они беззаветно от-

дадут ему все знания, все богатства своей души, дабы народ очеловечился. И, отдавая ему лучшее свое, пусть не рассчитывают на то, что их бескорыстный труд будет оценен и вознагражден любовью народной — этого не бывает.

Не важно и мало интересно, как люди относятся к нам, но очень важно, как мы относимся к людям — вот, что нужно понять!

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

«Новая Жизнь», № 12 (московское издание),
15 (2) июня 1918 г.

Все громче стонет человек, измученный безжалостными пытками суровых дней; слышишь его стоны и бесплодно мучаешься, не зная — как помочь?

Стонет уже не тот русский человек, который и раньше всегда любил жаловаться, ничего, кроме этого, не умея делать; этот человек теперь истерически и злорадно ликует, ибо оправдались самые печальные, самые мрачные предчувствия его зоологического пессимизма, он торжествует, ежедневно и ежечасно восклицая:

— Ага, что — не правду я говорил? Ага, разве я не предвидел это?

Это человек, который при всех и всяческих условиях будет дурно жить, ибо он сам не имеет вкуса к хорошему, в нем самом нет стремления к поискам или к созданию лучшего.

Но теперь начинают стонать люди, которые еще недавно находили в себе достаточно сил для сопротивления древним злым началам жизни, для упрямой борьбы с ними, и таких людей становится все больше. Вот письмо одного из них, наиболее точно характеризующее настроение таких людей:

«Я всегда была крайне левой, сочувствовала большевикам, социализм был моей религией. А теперь... Вы вот пишете, что надо верить в будущее, надо верить в человека. У меня же в душе умирает вера. Противники социализма всегда говорили, что жизнь есть борьба, побеждает сильнейший и не одни, так другие будут наверху — только роли переменятся, результат останется тот же. И теперь мне часто кажется, что это так и есть. Разве теперь есть хоть намек на равенство? Та же игра честолубий, то же

стремление урвать от общественного пирога и то же... неравенство...

Как раньше одни группы населения пользовались различными привилегиями, так и теперь, только теперь центр тяжести переместился. Есть и теперь счастливые, находящиеся на особом положении и твердо держащиеся за свои преимущества... Не то же самое было и в старину, до «социализма» в кавычках?..»

Что и говорить — жизнь мучительна, но от нее никуда не спрячешься, но надо же расплачиваться за грехи прошлого, распутать или уничтожить путаницу внутри и вне человека. Несомненно, что трагедия, переживаемая русским народом и русским человеком, — неизбежное явление общемирового процесса и подготовлена всеми усилиями исторического развития России. Мы долго показывали западноевропейскому миру, как не надо жить, вот мы захотели показать, как надо жить.

Показываем — неудачно, но во всем, что совершается у нас, есть одно, неизведанное нами и объективно ценное: вся Русь, до самых глубин ее, потрясена стихийным толчком и даже как государство — временно — разрушена, но нужно верить, что этот толчок, эта катастрофа, обнажившая все наши недуги и уродства, излечит нас, оздоровит, возродит к труду и творчеству.

Я знаю — эти соображения, это верование не многих утешит, но — это единственное верование, дающее жизни ясный смысл.

РЕЧЬ НА МОСКОВСКОМ ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ ОБЩЕСТВА ⁶⁴«КУЛЬТУРА И СВОБОДА»

«Новая Жизнь» № 126 (341), 30 (17) июня 1918 г.

Доказывать необходимость культурно-просветительной работы излишне, эта необходимость очевидна, о ней красноречиво взывают и грязный камень наших мостовых, и вековая грязь сердца и мозга людей. Теперь более ясно, чем когда-либо раньше, мы видим, до чего глубоко заражен русский народ невежеством, до какой жуткой степени ему чужды интересы своей страны, какой он дикарь в области граж-

данственной и как младенчески неразвиг в нем чувство истории, понимание своего места в историческом процессе.

Говоря «русский народ», я отнюдь не подразумеваю только рабоче-крестьянскую, трудящуюся массу, нет, я говорю вообще о народе, о всех его классах, ибо — невежественность и некультурность свойственны всей русской нации. Из этой многомиллионной массы темных людей, лишенных представления о ценности жизни, можно выделить лишь незначительные тысячи так называемой интеллигенции, т. е. людей, сознающих значение интеллектуального начала в историческом процессе. Эти люди, несмотря на все их недостатки, самое крупное, что создано Русью на протяжении всей ее трудной и уродливой истории, эти люди были и остаются поистине мозгом и сердцем нашей страны. Их недостатки объясняются почвой России, неплодородной на таланты интеллектуального характера. Мы все талантливо чувствуем — мы талантливо добры, талантливо жестоки, талантливо несчастны, среди нас немало героев, но — мало умных и сильных людей, способных мужественно исполнять свой гражданский долг — тяжелый долг в русских условиях. Мы любим героев — если они не против нас, — но нам не ясно, что героизм требует эмоционального напряжения на один час или на день, тогда как мужество — на всю жизнь.

Культурная работа в условиях русской жизни требует не героизма, а именно мужества — длительного и непоколебимого напряжения всех сил души. Сеять «разумное, доброе, вечное» на зыбучих болотах русских — дело необычайной трудности, и мы уже знаем, что посевы лучшей нашей крови, лучшего сока нервов дают на равнинах российских небогатые, печальные всходы. А, тем не менее, сеять надо, и это дело интеллигента, того самого, который ныне насильно отторгнут от жизни и даже объявлен врагом народа. Однако, именно он должен продолжать давно начатую им работу духовного очищения и возрождения страны, ибо кроме него другой интеллектуальной силы — нет у нас.

Спросят: а пролетариат, передовой революционный класс? А — крестьянство?

Я думаю, что нельзя серьезно говорить о всей массе пролетариата как о силе культурной, интеллектуальной. Может быть, это удобно для полемики с буржуазией, для застрашивания ее и для самоободрения, но это излишне здесь, где, как я думаю, собрались люди, искренно и глубоко озабоченные будущим страны. Пролетариат в массе его — только физическая сила, не более; точно так же и крестьян-

ство. Иное дело, молодая исторически, рабочая и крестьянская интеллигенция, это, конечно, сила духовно-творческая и, как таковая, ныне она так же отколота от своей массы, так же одинока среди нее, как одинока и отколота от всей массы трудящихся наша старая, каторжная интеллигенция — каторжная не потому только, что часть ее бывала на казенной каторге, а по всем условиям ее существования в России, по всей ее жизни и работе.

Мне кажется, что первым должным делом следует признать необходимость объединения интеллектуальных сил старой опытной интеллигенции с силами молодой рабоче-крестьянской интеллигенции. Схема Всероссийской культурно-просветительной работы рисуется предо мною в таких линиях:

Прежде всего — самоорганизация всей интеллигенции, которая ныне поняла и почувствовала, что на одних политических программах, на политической пропаганде невозможно воспитать нового человека, что путь углубления вражды и ненависти ведет людей к полному озверению и одичанию, что для возрождения страны необходима немедленная напряженная культурная работа и что только это освободит нас от врагов внутренних и внешних.

Концентрация сил — первейшая задача дня и, концентрируя интеллектуальные силы страны, следует вовлечь в массу интеллектуальных работников весь запас рабоче-крестьянской интеллигенции, всех рабочих и крестьян, которые ныне бессильно и одиноко бьются в среде, родной им физически, но уже духовно чуждой, развращенной цинической демагогией искренних фанатиков или замаскированных авантюристов. Эти силы имеют огромное значение железного звена, посредством которого старая интеллигенция будет прочно соединена с массой и получит возможность непосредственного влияния на нее.

Концентрируя силы, объединив их со свежими силами рабоче-крестьянской интеллигенции, деятели культуры должны озаботиться координированием своей работы — это необходимо в целях экономии энергии, которой не так много у нас, это необходимо и для устранения параллелизма в работе.

Покрыв всю страну сетью культурно-просветительных обществ, собрав в них все духовные силы страны, мы зажжем повсюду костры огня, который даст стране и свет, и тепло, поможет ей оздороветь и встать на ноги бодрой, сильной и способной к строительству и творчеству. Речь идет не

о внешнем и механическом соединении людей, разно мыслящих, но о внутреннем и живом слиянии едино чувствующих. Только так и только этим путем мы выйдем к действительной культуре и свободе.

Предвижу возражения: — а политика?

Надо встать над политикой, надо научиться и уметь ограничивать свои политические эмоции. При желании — это возможно. Политика является чем-то подобным низшим физиологическим потребностям, с тою неприятною разницей, что потребности политические неизбежно совершаются публично.

Политика, кто бы ее ни делал, всегда отвратительна, ибо ей неизбежно сопутствуют ложь, клевета и насилие. И, так как это правда, ее все должны знать, а это знание, в свою очередь, должно внушить сознание преимущества культурной работы над политической.

Более серьезной помехой культурной работе является наблюдаемое на почве голода и разочарований понижение жизнеспособности интеллигенции, апатия, все более угнетающая ее.

С голодом надо бороться развитием взаимопомощи среди лиц интеллектуального труда, а что касается до «разочарований» в народе, в социализме, в России, — думаю, что я не сумею ничего сказать по этому поводу.

Конечно, лучше бы не поддаваться в свое время очарованию, ибо решительно ничего очаровательного в русском народе никогда не было, но уж если увлеклись и разочаровались, — тут ничего не скажешь. Очарование — дело веры, разочарование — возмездие за слепую веру. От разочарования хорошо помогает знание, и это единственное, что можно рекомендовать разочарованным. Лично я всю жизнь во всех моих чувствах, и мыслях, и делах отправлялся от человека, будучи навсегда и непоколебимо убежден, что существует только человек, все же остальное есть его мнение и его деяние.

И в эти дни, страшные для всех, для всей страны, созданной множеством поколений, воспитавших нас таковыми, каковы мы есть, в эти дни безумия, ужаса, торжества глупости и пошлости, я помню одно: все это от человека идет, все это он творит...

И он же сотворил все прекрасное на земле, всю поэзию ее, все великолепные подвиги мужества и чести, все радости и праздники жизни, всю прелесть ее, ее смешное и великое, ее красивые мечты и чудесные науки, он создал свой дерзкий разум и непреклонную волю к счастью.

И это он, человек, всегда во все дни трагедий, страданий, мук — упрямо верующий в победу новых добрых начал над старыми и злыми, это он, непобедимый ничем, соединил нас здесь для дружеской человеческой беседы.

Пойдемте же к человеку, который и грязно, и много грешен, но — искупает грязь и грех величайшими, невыносимыми страданиями.

Можем ли мы создать атмосферу, в которой человеку дышалось бы легче?

И можем, и должны.

СОТРУДНИКАМ «ПРАВДЫ», «СЕВЕРНОЙ КОММУНЫ» и другим

«Новая Жизнь» № 127 (342), 2 июля (19 июня) 1918 г.

Вас интересует вопрос — «откуда у «Новой Жизни» деньги?»⁶⁵

«Новая Жизнь» организована мною, на деньги, взятые заимообразно у Э. К. Груббе⁶⁶, в количестве 275 тысяч, из которых 50 тысяч уже уплачены кредитору, остальную сумму я мог бы уплатить давно уже, если бы знал, где живет Э. К. Груббе.

Кроме этих денег, в газету вложена часть гонорара, полученного мною с «Нивы», за издание моих книг. Все эти деньги переданы мною А. Н. Тихонову, фактическому издателю «Новой Жизни»

В займе, сделанном мною на организацию газеты, я не вижу ничего позорящего ее и считаю обвинения ее в продажности — полемической подлостью.

Но, к сведению вашему, я скажу, что за время с 901-го по 917-ый год через мои руки прошли сотни тысяч рублей на дело российской социал-демократической партии, из них мой личный заработок исчисляется десятками тысяч, а все остальное черпалось из карманов «буржуазии». «Искра» издавалась на деньги Саввы Морозова⁶⁷, который, конечно, не в долг давал, а — жертвовал. Я мог бы назвать добрый десяток почтенных людей — «буржуев» — которые материально помогали росту с.-д. партии⁶⁸. Это прекрасно знает В. И. Ленин и другие старые работники партии.

В деле «Новой Жизни» — «пожертвования» нет, а есть только мой заем. Ваши клеветнические и грязные выходки против «Новой Жизни» позорят не ее, а только вас⁶⁹.

КОММЕНТАРИИ

В настоящем виде (состав, композиция, выверенный текст) эта книга выходит в свет впервые. Она состоит из статей М. Горького, печатавшихся в 1917—1918 гг. в газете «Новая жизнь». Статьи за 1917 г. были перепечатаны в книге Горького «Революция и культура» (Берлин, 1918). Часть из них вместе со статьями 1918 г., своеобразно скомпонованные — вне хронологической последовательности, — составили книгу Горького «Несвоевременные мысли» (Пг., 1918). Вскоре писатель, дополнив эту книгу статьями из первой, подготовил к печати в сущности новое, оригинальное издание под общим названием «Несвоевременные мысли»; однако оно не было осуществлено. Этот подготовленный к изданию экземпляр и составляет основной корпус настоящей книги, которую следует рассматривать как воплощение творческого замысла Горького и выражение последней авторской воли. «Приложением» к ней являются новожизненные статьи писателя, не входившие ни в одну из названных книг.

«Несвоевременные мысли» печатаются полностью, по тексту авторского экземпляра, подготовленного к печати (хранится в Архиве А. М. Горького); текст этот также сверен с берлинским и петроградским изданиями и с первой (газетной) публикацией. По первопечатному тексту исправлены опечатки, мелкие искажения, пропуски и другие де-

фекты набора, вкравшиеся в издания 1918 г. и оставшиеся не замеченными автором в экземпляре, над которым он работал, готовя его к печати.

Тексты печатаются по современному правописанию, но с сохранением лексических особенностей языка Горького и своеобразия его орфографии и пунктуации.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АГ — издание: Архив А. М. Горького. М., Изд-во АН СССР (том и стр. указываются при аббревиатуре).

Арх. Г — Архив А. М. Горького в Москве.

Г-30 — М. Горький. Собр. соч. в 30 т. М., 1949—1955 (том и стр. указываются в тексте).

Г-25 — М. Горький. Полн. собр. соч. в 25 т. Художественные произведения. М., 1968—1976 (том и стр. указываются в тексте).

ЛЖТ — Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 1—4. М., 1958—1960 (вып. и стр. указываются в тексте).

НЖ — газета «Новая жизнь» (Пг., 1917—1918).

НМ — М. Горький. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. Пг., Просветительское об-во «Культура и свобода», 1918.

РиК — М. Горький. Революция и культура. Статьи за 1917 г. Берлин, изд-во т-ва И. П. Ладыжникова, [1918].

НРИ — новое расширенное издание: авторский экземпляр (макет) книги из личного архива Горького, подготовленный писателем к печати (для нового расширенного издания).

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

I

Это единственная статья, не печатавшаяся в «Новой жизни» и включенная Горьким в книгу. Впервые опубликована в журнале «Летопись» под названием «Письма к читателю. IV» (1917, № 2, 3 и 4, февраль, март и апрель, с. 305—308). Открывала книгу «Революция и культура» со следующим пояснением: «Нижеследующая статья напечатана в журнале «Летопись», все остальные — в Петроградской газете «Новая жизнь», издаваемой под редакцией М. Горького».

Заслуживает внимания предваряющая строенный номер «Летописи» заявление «От редакции». Наряду с объяснением причин, задержавших своевременный выход очередных книг журнала, в нем дается оценка деятельности горьковского детища и характеристика текущего момента, как бы дополняющая помещенную здесь же эту статью писателя. (Вероятнее всего, что редакционная заметка и написана Горьким, во всяком случае большая ее часть.) Несмотря на несостоятельность отдельных положений этой заметки (например, надежды на Временное правительство, антинародную политику которого сам Горький вскоре будет критиковать в «Несвоевременных мыслях»), примечателен общий пафос ее, взгляд на Февральскую революцию, которая рассматривается как первый этап на пути грядущего социалистического развития России и всемирной победы демократии. Так в ней говорится:

«Февральская революция задержала выход в свет последней цензурной книжки «Летописи». Последовавшая затем типографская неурядица не позволила нам своевременно выпустить мартовский и апрельский №№. И только теперь, через 2½ месяца после победы революционного народа, получаем мы возможность возобновить наши ежемесячные беседы с читателем, получаем возможность сказать отчетливым, полным голосом то, что в течение полутора лет мы вынуждены были говорить инсказаниями и намеками.

Полтора года тому назад, когда не только либеральная и консервативная, но и, так называемая, «демократическая» печать была сплошь заражена шовинизмом, мы начали кампанию против военной идеологии, старались систематически разоблачать те захватные планы, которые преследуют империалисты всех воюющих стран под лицемерным прикрытием разных благозвучных девизов, вроде «право и справедливость», «национальное достоинство» и т. п. <...> Русская революция нанесла решительный удар ура-патриотизму, — с первых же недель стала под международное «циммервальдское» знамя мира без аннексий и контрибуций. Ныне лозунг этот включен в официальную программу Временного Правительства, встречает все более и более могучий отклик среди западноевропейских демократий, и — мы верим — недалек уже момент, когда народы, сбросив с себя позорное иго военщины, воплотят его в жизнь.

Однако мир всего мира не может уже быть простым восстановлением прежнего социально-экономического уклада. Война не только потрясла до основания хозяйственную жизнь культурного мира, но и придала ей новые формы. Германия, Англия, а за последнее время и Северная Америка вынуждены были подчинить свою промышленность планомерной организации; та же задача возникает и перед Россией. <...> К старому индивидуалистическому капитализму нет возврата. Создается новый тип государственно-регулируемого капитализма, своеобразная промежуточная форма, вплотную подводящая нас к социалистическому строю. <...> В этой области предстоит еще много идейной работы; унаследованные предрассудки, трафареты отживших теорий еще мешают многим демократам и социалистам взглянуть в совершающиеся перемены, оценить их социально-политический смысл. Однако объективная историческая необходимость — лучший учитель: она быстро заставит признать себя самых строптивых. Мы стоим в преддверии эпохи великих социальных сдвигов; не раз еще горизонт культурного мира заволокут тяжелые тучи, не раз еще, быть может, разразится гроза, — но конечная победа международной демократии обеспечена. Что бы ни случилось в ближайшем будущем, какие бы испытания нам ни пришлось пережить, несомненно одно: русская революция — лишь первая ласточка грядущей весны, первая вспышка великого всемирного движения, конечным результатом которого будет социалистическое братство народов».

¹ Сразу же после Февральской революции, когда были открыты тайные архивы царской охраны, газеты стали печатать списки ее секретных сотрудников — провокаторов и шпионов. Так, в газете «Речь» сообщалось, что «Министерством юстиции составлен список секретных сотрудников петроградского охранного отделения за период времени 1913—1916 гг. Список этот составлен на основании материалов департамента полиции и петроградского охранного отделения». В нем поименно, с обозначением псевдонимов, характеристикой «деятельности» и их дальнейшей судьбы, перечислялись провокаторы: 22 — «по партии анархистов-коммунистов», 24 — «по социал-демократической партии», 5 — «по к.-д. партии и общему движению», 17 — «по высшим учебным заведениям». Далее указывалось, что «в списке провокаторов, составленном Министерством юстиции, перечисляется еще 50 «сотрудников», «освещавших» деятельность партии с.-р. и др. партийных организаций» и что «фамилии их будут приведены в следующем номере» («Речь», 1917, № 82, 9(22) апреля).

Любопытно, что среди названных провокаторов, действовавших в социал-демократической партии, значится «кающаяся» корреспондентка Горького, о которой писатель рассказывает в одной из своих статей (см. ст. VII и примеч. 1, 2, 4). Другая сотрудница охраны изображена в очерке Горького «Кошмар», напечатанном в НЖ (см. Приложение в наст. книге). Третий провокатор, представший перед следственной комиссией в 1917 г., стал героем рассказа «Карамора» (см., Г-25, т. 17).

² *Марсово поле* — площадь в Петрограде, названная так в начале XIX в., когда стала местом военных парадов (по аналогии с плацем в античном Риме, где устраивались военные смотры в честь бога войны Марса). 23 марта (5 апреля) 1917 г. в центре Марсова поля в четырех братских могилах было погребено 180 участников Февральской революции, погибших в вооруженной борьбе с самодержавием. Принимавший участие в торжественных похоронах Горький стоял вместе с рабочими и солдатами на помосте, обнажив голову, когда с Петропавловской крепости грянул траурный салют. Сохранился текст речи Горького (она не была произнесена), дополняющая настоящую статью и передающая мысли и чувства писателя, владевшие им в эти революционные дни: «Сегодня мы предаем земле прах людей, убитых сторонниками изгившей монархии в последние дни ее жизни, в первые дни революции.

Неведомы имена этих жертв кровавой власти царизма, эти люди не совершили подвигов, о которых хвалебно будет говорить история, они просто подставили груди свои под судорожные удары издыхавшей монархии и убиты ее безумной, привыкшей к убийству силой (...)

Сегодня, отдавая земле прах последних убитых царем, мы должны вспомнить о десятках великих и десятках тысяч скромных людей, которые на протяжении целого века, из года в год, изо дня в день, дарили нам

свой труд, свои таланты — дарили нам свои жизни, мужественно защищая наше человеческое достоинство, наше право на свободу <...>

Вспомним сегодня о Радищеве и декабристах, о Шевченко и петрашевцах, о Герцене и героях «Земли и Воли», о Чернышевском и народо-вольцах, о Ульянове и его товарищах 87-го года, о тысячах наших друзей, погибших в 80-х и 90-х годах, о безыменных жертвах 1906—7 годов, вспомним благодарно о всех, кто отдал нам свои силы, таланты, жизни для того, чтобы мы, до полусмерти задавленные, ныне воскресли к новой жизни» (Арх. Г.—Цит. по кн.: ЛЖТ, вып. 3, с. 21—22)

II

Под названием «Революция и культура» — НЖ, 1917, № 1, 18 апреля (1 мая). Вошла в кн. Рик.

¹ Образное сравнение для выражения жестокого и опустошительного набега на мирное население по имени факт, правителя Золотой Орды татарского темника Мамай, организатора походов в русские земли. В битвах на реке Воже в 1378 г. и на Дону при знаменитой Куликовской битве 8 сентября 1380 г. мощные татарские войска под началом Мамай были разбиты русскими полками во главе с московским князем Дмитрием Донским.

² Ставшее крылатым выражение, сформулированное Горьким, имеет литературный первоисточник и восходит к трагедии Гёте «Фауст». В сцене, где Фауст, взявшись «по-немецки все Писанье», «не пожалев старанья, уединившись взаперти, как следует перевести», автор передает процесс творчества героя. Он открывает Ветхий завет, чтобы приступить к работе. «В начале было слово», — читает он и размышляет:

...С первых строк
Загадка. Так ли понял я намек?
Ведь я так высоко не ставлю слово,
Чтоб думать, что оно всему основа.
«В начале Мысль была». Вот перевод.
Он ближе этот стих передает.
Подумаю, однако, чтобы сразу
Не погубить работы первой фразой.
Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть?
«Была в начале Сила». Вот в чем суть.
Но после небольшого колебанья
Я отклоняю это толкованье.
Я был опять, как вижу, с толку сбит:
«В начале было Дело» — стих гласит.

(Пер. Б. Пастернака)

III

Под названием «Об убийстве» — НЖ, 1917, № 5, 23 апреля (6 мая).
Вошла в кн. РНК.

¹ Речь идет о приведшей к жертвам массовой демонстрации рабочих и революционных солдат в Петрограде 21 апреля (4 мая) 1917 г., направленной против антинародной политики Временного правительства (см., напр., «Стрельба на Невском». — НЖ, 1917, 22 апреля (5 мая), № 4). Это был первый после Февральской революции политический кризис в России, обусловленный непримиримыми противоречиями между трудовым народом и империалистической буржуазией. Накануне стало известно, что министр иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков направил правительствам стран Антанты ноту (от 18 апреля), в которой подтверждались верность России союзническим обязательствам и «все-народное стремление довести мировую войну до решительной победы». 20 апреля начались стихийные выступления рабочих с участием трех армейских полков и части 2-го Балтийского флотского экипажа, а назавтра по призыву большевиков вышли на демонстрацию с требованием мира и передачи власти Советам около 100 тысяч рабочих и солдат. При этом группа «левых» при ЦК РСДРП выдвинула лозунги, в сущности призывавшие к вооруженному свержению Временного правительства, что было чистой авантюрой, так как условий для вооруженного выступления не было. Это привело к кровопролитию и жертвам (три человека было убито, шесть ранено) при столкновении демонстрантов с контрреволюционными силами, реакционными элементами, организовавшими контрдemonстрацию под лозунгом «Доверие Временному правительству».

Буржуазная печать обвинила большевиков в подготовке гражданской войны. Кадетская «Речь» возмущалась, что Горький в «Новой жизни» замалчивает выступления в поддержку Временного правительства («Речь», 1917, 22 апреля (5 мая). Горький, как и Ленин в то время, придерживается курса на мирное развитие революции и в апрельских событиях обвиняет, как он пишет, нашу «глупость и жестокость», губительное наследие прошлого, когда, «освободясь от рабства внешне, — внутренне мы продолжаем жить чувствами рабов». Он за расширение и укрепление власти Советов: прошедшие события обнаружили их неспособность контролировать Временное правительство. Главнокомандующий Петроградским военным округом генерал Л. Г. Корнилов приказал направить против рабочих артиллерию, но солдаты и офицеры не подчинились. В этой обстановке, как писал Ленин, «Советы могли (и должны были) взять власть в свои руки без малейшего сопротивления с чьей бы то ни было стороны» (Полн. собр. соч., т. 34, с. 63). Но соглашательское большинство Петросовета не решилось взять в свои руки власть, предпочло поддер-

жать Временное правительство, если нота союзным державам будет дезавуирована. Чтобы спасти положение, буржуазия пошла на уступки, стала маневрировать. Милюков и военный министр А. И. Гучков были выведены из правительства. 5 (18) мая в первый состав коалиционного Временного правительства вошли лидеры эсеров и меньшевиков В. М. Чернов, А. Ф. Керенский, И. Г. Церетели, М. И. Скобелев. Кризис власти буржуазии был временно ликвидирован, но причины его возникновения не были устранены, что вскоре привело к новым крупным выступлениям против Временного правительства (см. ст. VIII и примеч. 1).

IV

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 3, 21 апреля (4 мая). Вошла в кн. НМ без второй части (печатается в Приложении под этой же датой).

¹ *Сморгонь* — местечко в Западной Белоруссии, ныне город (с 1940 г.), райцентр в Гродненской области, находился в театре военных действий Западного фронта в начальный период первой мировой войны.

² *Галиция* — историческое название части западноукраинских и польских земель (ныне Ивано-Франковской, Львовской и Тернопольской областей УССР; Жешувского и большей части Краковского воеводства ПНР), захваченных Австрийской империей в последней трети XVIII в. В 1772—1918 гг. — провинция Габсбургской империи. Горький имеет в виду Галицийскую фронтовую операцию в августе — сентябре 1914 г. и опорные города в этой битве Львов, Ровно, Ковель, Люблин, Каменец-Подольск, Черновцы, Перемышль. В результате Галицийской битвы 4 австро-венгерские армии были разгромлены, потеряв до 326 тысяч человек, из них около 100 тысяч пленными, русские войска потеряли 230 тысяч человек.

³ Речь идет о еврейских погромах в октябре 1905 г. в Кисе и в апреле 1903 г. в Кишиневе (см. примеч. 3 к ст. XXV).

⁴ После поражения первой русской революции в стране наступил период жесточайшей реакции и черносотенного террора, беспощадной расправы с рабочими и крестьянами. Расправу с народом возглавлял П. А. Столыпин, действовавший согласно своей формуле: «Сначала успокоение, потом реформы». В России свирепствовали военные суды, тысячи участников революционной борьбы были казнены, десятки тысяч осуждены на каторгу. Столыпин получил прозвище «вешатель». С наибольшей жестокостью самодержавие обрушилось на рабочий класс и его организации. За 1906—1910 гг. царские власти закрыли около 500 проф-

союзов и более 600 — отказали в регистрации. Царская охранка усиленно насаждала провокаторов и шпионов в революционные организации.

V

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 4, 22 апреля (5 мая). Вошла в кн. НМ.

VI

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 16, 6(19) мая. Вошла в кн. РИК и НМ.

¹ Имеется в виду статья В. Ирецкого «Не то» в газете «Речь». В. Ирецкий (наст. фам. Гликман Виктор Яковлевич; 1882—1936) — беллетрист и публицист, автор книг: «Суeta. Рассказы» (СПб., 1915), «Гравюры. Стилизованные рассказы» (Пг., 1921), «Охранка. Страницы русской истории» (Пг., [1917]), «Романовы (Сколько они нам стоили)» (Пг., [1917]). В своей статье Ирецкий сетовал на то, что Февральской революции недостает романтики и самоотверженности, а в основе ее — прозаический расчет и «дух алчной наживы». Противопоставляя романтику 1905 года Февралю, автор писал: «Нет, не романтика, а расчетливая логика холодного разума смотрит на нас со знамен революции, и это — самое страшное, самое опасное. Нет добровольной жертвы, нет бескорыстия, нет прекрасной самоотверженности — этих необходимых атрибутов и спутников истинной революции, возвышающих всякий ничтожный эпизод в поэтическую легенду. Если бы они были,— пишет далее апологет Временного правительства и сторонник продолжения войны до победного конца,— не пришлось бы спорить о необходимости воевать с грозным врагом, угрожающим столице, о необходимости не удирать с поля сражения и об обязательстве исполнять договоры» («Речь», 1917, 30 апреля (13 мая), № 100).

² *Теруань де Мерикур*, собственно Анна Тервань из деревни Маркур (1762—1817), — одна из деятельниц Великой французской революции, куртизанка; олицетворяла собой романтически-показную сторону революции. В. Ирецкий в вышеуказанной статье противопоставляет ее своим современникам с их эгоистическими, меркантильными интересами: «„Прекрасная жительница“ Люттixa Теруань де Мерикур, в патриотическом энтузиазме продававшая свое тело и затем отдававшая деньги народу, была романтична...»

³ *Сусанин Иван Осипович* (? — 1613) — костромской крестьянин, герой освободительной борьбы русского народа против польских интер-

вентов в начале XVII в. В марте 1613 г. Сусанин был взят в проводники отрядом польской шляхты, отряд этот намеревался захватить и убить новоизбранного на престол царя Михаила Федоровича, который находился в это время в своей костромской вотчине. Сусанин намеренно завел отряд интервентов в непроходимое лесное болото, за что был замучен.

⁴ Речь идет о пьесе Н. А. Полевого (1796—1846) «Иголкин, купец новгородский» (1839), основанной на «рассказах о Петре Великом». По словам автора, в пьесе «простое изображение фанатического чувства любви к отечеству, без всяких деклараций сценических». В послесловии к изданию драмы сообщалось: «Патриотизм, любовь к государю и привязанность к нашим нравам народным проникают все это произведение» («Драматические произведения Н. А. Полевого из русской истории». СПб., 1899, с. 96). В. Г. Белинский считал пьесу «вялой и скучной», одной из «фарисейско-патриотических предательских драм народных» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. в 13 т. М., 1953—1959. Т. III, с. 176; т. XII, с. 8).

⁵ Имеется в виду пятикопеечная лубочная книжка «Предание о том, как солдат спас Петра Великого» (М., 1873; затем много раз издавалась, в т. ч. в апреле 1917 г.). На цветной обложке была нарисована картинка, изображавшая подвиг храброго солдата, отрубающего головы шведам. В автобиографии 1897 г. Горький назвал этот лубок «первой книгой, понравившейся» ему «до безумия» (Г-30, т. 23, с. 270). И в повести «В людях» писатель вспоминал, как, купив «в Казани, на пристани» «Предание» («Оно мне очень понравилось,— все так просто, понятно, интересно и кратко»), решил подарить книжку повару Смурому. Но тот отрезвил его, сказал, что в книжке все неправда, выдуманно; он прочитал ее «вторично и с удивлением убедился, что книжка действительно плохая».

⁶ *Крючков Кузьма Фирсович* — знаменитый лихой казак, ставший первым полным георгиевским кавалером в империалистическую войну. О его подвигах много писала официальная печать; только в 1914 г. уже вышло несколько книг, посвященных прославленному казаку: «Славный герой казак, доблестный сын вольного Дона Кузьма Крючков, уложивший один в славном бою на смерть 11 врагов-немцев» (М., 1914); «Геройский подвиг казака Кузьмы Крючкова» (М., 1914); В. Вишняков. Первые герои в нашу войну. Былина о казаке Крючкове и казначее Соколове (М., 1914).

Любопытный рассказ о том, как Кузьма Крючков был целую неделю гостем Николая II, со слов генерал-майора в отставке Василия Ивановича Книги (в мировую войну — солдат, тоже полный георгиевский кавалер,

вместе с Крючковым — гость царя), содержится в мемуарных записках Л. Разгона («Юность», 1988, № 5, с. 16).

⁷ *Желябов Андрей Иванович* (1851—1881) — революционер-народник, один из создателей и руководителей партии «Народная воля», организатор покушения на Александра II. В. И. Ленин высоко оценивал деятельность народолюбцев, ставил Желябова в один ряд с Робеспьером и Гарибальди, но критиковал ошибочную теорию революционных народников и их тактику борьбы (см.: Полн. собр. соч., т. 9, с. 179).

⁸ *Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна* (1844—1934) — в революционном движении с 70-х гг. XIX в., участница «хождения в народ», в 1874—1896 гг. — в тюрьме, на каторге и в ссылке; одна из организаторов и лидер партии эсеров, принимала участие в первой русской революции. После Февраля поддерживала Временное правительство, буржуазная пресса назвала ее «бабушкой русской революции». С 1919 г. в эмиграции.

⁹ В русском переводе: «Обличай мудрого, и он возлюбит тебя» (Книга притчей Соломоновых, 9, 8).

¹⁰ На эти слова Горького автор статьи «Контрреволюция» в «Речи», поддерживая В. Ирецкого (см. выше, примеч. 1, 2), возразил: «Сейчас, однако, не поклоны нужны, а исполнение того, что требует пермский крестьянин — бороться с недостатком романтики, которая должна спасти революцию. Пусть же «Новая жизнь», — заключает он, — усвоит себе, наконец, откуда революции грозит опасность, и пусть борется с нею вместо того, чтобы бросать крайние лозунги, за которые так жадно хватается всякая нечисть», разыскивающая контрреволюцию даже в Думе, хотя всем известно, что именно она была тем «организующим центром», «из которого рассыпались лучи свободы по всей России». («Речь», 1917, № 106, 7(20) мая).

VII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 21, 12 (25) мая. Вошла в кн. РИК и НМ.

¹ Речь идет о горьковском очерке, напечатанном в «Новой жизни» № 13 от 3(16) мая 1917 г.; в кн. РИК и НМ не включался. В нем писатель рассказывает историю молодой женщины, завербованной охранкой (см. Приложение).

² Автор письма — реальное лицо: *Юлия Осиповна Серова* (партийная кличка «Люси»), жена ссыльнопоселенца, депутата II Государственной думы (социал-демократическая фракция), служившая в охранке (псевдоним «Ульянова»). Письмо ее от 4(17) мая 1917 г., подписанное полным именем и фамилией, хранится в архиве писателя. Но Горький не счел нужным назвать адресата хотя бы инициалами, как он поступал порой в других статьях «Несвоевременных мыслей», цитируя письма читателей. Все-таки это частная переписка, не предназначенная для печати, а в данном случае «деликатность» темы побудила автора даже изменить пол адресата. Может быть, здесь сыграло роль и то обстоятельство, что имя женщины, находившейся в то время под арестом, было уже опубликовано в списках провокаторов, составленных министерством юстиции по досье секретных сотрудников петроградского охранного отделения, «освещавших» деятельность партийных организаций за период 1913—1916 гг. (см. примеч. 1 к ст. I). И ее личность могли бы легко идентифицировать современники.

Все это говорит не только о типичности героини, изображенной в «Кошмаре», но лишний раз демонстрирует специфическое своеобразие двойного «подданства» горьковских образов (в «стране реальности» и в «стране вымысла») как характерной особенности творческого метода писателя.

³ Библейское выражение, означающее суд несправедливый, не отвечающий заповедям, правилам религиозной морали: «Доколе будете вы судить неправедно и оказывать лицепрятие нечестивым!» (Псалтирь, 81, 2).

⁴ Позже Горький, как бы выполняя «просьбу» своего адресата, обратился к исследованию социально-психологических корней предательства в рассказе «Карамора» (1923, напеч. 1924). Раскрывая замысел произведения, он сообщал Р. Роллану: «Пишу о некоем русском герое, искреннем революционере, который, в то же время, был искренним провокатором и посылал друзей своих на виселицу. Это не Азеф, которого я знал и который был, мне кажется, просто скотом, жадным на удовольствия. Нет, мой герой хуже: он действительно совершал подвиги самоотвержения, но однажды ему «захотелось совершить подлость», как он дал объяснение, когда его судили.

Мучает меня эта загадка — человеческая, русская душа. За четыре года революции она так страшно и широко развернулась, так ярко вспыхнула. Что же — сгорит и останется только пепел — или?» (АГ, т. VIII, с. 337).

⁵ Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дума» (1839).

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 74, 14(27) июля. Вошла в кн. РИК и НМ.

¹ Антинародная внешняя и внутренняя политика Временного правительства, продолжавшего войну до «победного конца» и оттягивавшего решение аграрного и других вопросов, вызывала все большее недовольство народных масс. Буржуазию ничему не научили открытые выступления рабочих и солдат на Апрельской и Июньской демонстрациях 1917 г. (см. примеч. 1 к ст. III). Особенного накала достигли события в Июльские дни 1917 г. Июльский политический кризис в России возник после провала наступления на фронте, давшего десятки тысяч новых жертв. В стране, измученной трехлетней империалистической войной, экономической разрухой и голодом, положение крайне обострилось. 3 июля вспыхнули стихийные демонстрации солдат, рабочих и балтийских моряков в Петрограде против Временного правительства. Соглашательское руководство Советов запретило демонстрацию, но удержать массы было невозможно. ЦК, Петербургский комитет большевиков решили возглавить народные выступления, придав им мирный характер: в провинции революционный кризис еще не назрел, Петроград не получил бы необходимой поддержки. 4 июля начались выступления. Главнокомандующий Петроградским военным округом приказал юнкерам и казакам разогнать демонстрантов. Контрреволюционеры («Военная лига» и др.) организовали провокационные обстрелы демонстрантов. Было убито 56 и ранено 650 человек. Временное правительство объявило Петроград на военном положении, с фронта были вызваны верные правительству войска. Рабочих стали разоружать, революционные воинские части — расформировывать. 5 июля начались аресты, 7 июля Временным правительством был отдан приказ об аресте Ленина. Большевицкие газеты были закрыты, партия ушла в подполье. Правительственный кризис углубился отставкой премьер-министра Г. Е. Львова (министром-председателем стал А. Ф. Керенский). Меньшевистско-эсеровское большинство ЦИК Советов признало за Временным правительством «неограниченную власть». Июльские дни положили конец двоевластию и мирному развитию революции. «Контрреволюция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки», — писал В. И. Ленин (Полн. собр. соч., т. 34, с. 1). VI съезд РСДРП(б) (26.VII—3.VIII ст. ст.) снял лозунг «Вся власть Советам!» и наделил партию на подготовку вооруженной борьбы трудящихся за власть.

² Из революционной песни (опубл. 1875) с оригинальным текстом идеолога революционного народничества П. Л. Лаврова (1823—1900) на измененный мотив французской «Марсельезы». Получила распространение

в России в 1880—1890-х гг. в широких демократических кругах. Была известна под названием «Рабочая марсельеза». После Февральской революции считалась национальным гимном.

IX

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 195, 7(20) декабря. Вошла в кн. РИК и НМ.

X

Первоначально входила как самостоятельная часть в предыдущую статью, во всех трех ее публикациях; выделено в отдельную главу в авторском экземпляре, подготовленном к печати для нового издания.

XI

К трехлетию со дня начала 1-й мировой войны, под заглавием «Три года» — НЖ, 1917, № 78, 19 июля (1 августа). Вошла в кн. РИК.

¹ *Иоанн Дамаскин* (ок. 675—до 753) — византийский богослов, философ и поэт, завершитель и систематизатор теологических и философских доктрин греческих христианских мыслителей, так называемых отцов церкви; ведущий идейный противник иконоборчества, автор церковных песнопений.

² *Франциск Ассизский* (наст. имя — Джованни Бернардоне; 1182—1226) — итальянский религиозный деятель, основатель католического монашеского ордена францисканцев (первый «нищенствующий орден», члены которого дают обет бедности); стал одной из важнейших опор папства (ведал инквизицией). Франциск Ассизский — автор религиозно-поэтических произведений.

XII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 79, 20 июля (2 августа). Вошла в кн. РИК.

XIII

Первоначально входила как самостоятельная часть в ст. XII (см. примеч. к ней). Выделена в отдельную главу в авторском экземпляре, подготовленном для нового издания.

¹ В газетной публикации к этому месту дано подстрочное примечание: «Петроградское «Живое слово» (1916—1917)».

² Кроме сына, наследника-цесаревича Алексея, болевшего гемофилией (1901—1918), у Николая II были четыре дочери — великие княжны: Ольга (1895—1918), Татьяна (1897—1918), Мария (1899—1918) и Анастасия (1901—1918).

³ Александра Федоровна — императрица, жена Николая II (1872—1918).

⁴ Речь идет о фаворите-временщике Николая II и его жены, авантюристе Г. Е. Распутине (см. о нем примеч. 2 к ст. XXII).

⁵ Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (1845—1929) — русский и польский языковед, член-корреспондент Петербургской Академии наук с 1897 г.

⁶ «Щит» — литературный сборник, издававшийся в 1915—1916 гг. «Русским обществом для изучения еврейской жизни», основанным Горьким. Вышло три издания; в нем приняли участие крупнейшие русские писатели и общественные деятели. Редакторами-составителями «Щита» были Л. Андреев, М. Горький и Ф. Сологуб.

⁷ Из статьи Бодуэна де Куртенэ «Своеобразная „круговая порука“»; процитированный отрывок из нее — собственный рассказ приятеля автора, который Бодуэн де Куртенэ приводит как пример «дикого и варварского мышления», «человеконенавистнической клеветы», предвзятого отношения к целому народу, в частности — к еврейскому, когда «люди руководствуются принципом своеобразной круговой поруки, где все отвечают за одного и один за всех...» («Щит», изд. 3-е. М., 1916, с. 143, 144).

Горький трансформировал этот реальный эпизод в бытовой анекдот, необыкновенно точно характеризующий психологию антисемита; он воспроизвел его также в «Жизни Клима Самгина», где герой вспоминает «шутку Бодуэна де Куртенэ».

⁸ Айзман Давид Яковлевич (1869—1922) — русский писатель, в период русской революции 1905 г. примыкал к писателям-реалистам, группировавшимся вокруг демократического издательства «Знание», возглавляемого Горьким. В своих рассказах, повестях, пьесах изображал жизнь еврейских низов, борцов против социальной несправедливости. В годы реакции написал нашумевшую повесть «Кровавый разлив», пьесу «Терновый куст», где описание кровавых драм своего народа затмевает изображение психологии героев. Это и имеет здесь в виду Горький.

Первоначально входила как самостоятельная часть в ст. IX (см. примеч.). Выделена в отдельную главу в авторском экземпляре, подготовленном для нового расширенного издания.

¹ В Петрограде было много складов с большими запасами вина. Вскоре после победы Октябрьской революции в городе начались винные погромы. Пьяная стихия стала серьезной угрозой революции. Буйствующие деклассированные элементы — воры, бандиты, хулиганы, анархические группы, разгромив винный погреб, напивались, открывали стрельбу, совершали убийства. Ими руководили специальные наводчики-контрреволюционеры, по городу разбрасывались листовки с указанием адресов винных складов. На разгром их усиленно натравливались солдаты. «Буржуазия, — писал Ленин, — идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов» (Полн. собр. соч., т. 35, с. 156). С этими темными элементами ничего не могли сделать даже вооруженные красногвардейцы. «Организаторы погромов провоцировали толпу на конфликты, стараясь возбудить солдат против рабочих отрядов, разгонявших погромщиков. Особенно усилились погромы в начале декабря. За одну только ночь на 4 декабря было зарегистрировано 69 случаев разгромов винных складов. В некоторых местах винные погромы превращались в антисоветские демонстрации» («Очерки истории Ленинграда», т. IV. М., 1964, с. 126—127). «Особенно остро встал вопрос с погромами Зимнего дворца, — вспоминал В. А. Антонов-Овсенко, командовавший в то время войсками Петроградского военного округа. — Как только наступал вечер, разливалась бешеная вакханалия. «Допьем романовские остатки!» — этот веселый лозунг владел толпой. Пробовали замуровать входы — толпа проникала сквозь окна, высадив решетки, и грабила запасы. Пробовали заливать погреба водой — пожарные во время этой работы напивались сами». Как отмечал Антонов-Овсенко, в этой «титанической борьбе» с пьяницами и грабителями огромную роль сыграли балтийские моряки и революционные полки, объявив, что будут «расстреливать грабителей на месте, а винные погреба взрывать» (В. А. Антонов-Овсенко. Записки о гражданской войне, т. 1. М., 1924, с. 19—20).

² Для ликвидации пьяных погромов и бандитизма в Петрограде Петроградский Совет 4 декабря организовал специальный Комитет, председателем которого стал управляющий СНК В. Д. Бонч-Бруевич, чрезвычайным комиссаром был назначен Г. И. Благоданов. Ленин обратился в Петроградский комитет РСДРП с просьбой выделить в распоряжение Комитета по борьбе с погромами «не менее 100 человек абсолютно надежных членов партии» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50,

с. 17). «Этому комитету были даны широкие полномочия... Всем районным Советам рабочих и солдатских депутатов, частям гарнизона и красногвардейцам предписывалось оказывать помощь и полное содействие чрезвычайному комиссару Петрограда. 6 декабря город был объявлен на осадном положении. Решительные меры, принятые Советским правительством и поддержанные широкими массами трудящихся, позволили в короткий срок покончить с винными погромами» («Очерки истории Ленинграда», т. IV, с. 127).

³ Введя в Петрограде осадное положение, Комитет по борьбе с погромами объявил, что к погромщикам будут применены самые беспощадные меры: «Попытки разгромов винных погребов, складов, магазинов, частных квартир и проч. и т. п. будут прекращены пулеметным огнем без всякого предупреждения» (цит. по кн.: Д. Л. Голинков. Крушение антисоветского подполья в СССР, кн. 1. М., 1986, с. 58).

⁴ Под крупными заголовками в «Правде» печатались призывы на «борьбу с пьянством и погромами»: «Не дадим, товарищи рабочие и солдаты, запятнать нашу революционную честь и нарушить наше революционное братство пьяными погромами и бесчинствами» (1917, № 208, 20(7) декабря). Газета указывала, что это провокации «контрреволюционных калединцев-кадетов, организаторов юнкерских восстаний», контрреволюционеров, «разбитых в открытом баррикадном и политическом бою и которые взялись за новое средство подрыва крестьянской и рабочей власти» («От Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов ко всему населению Петрограда». — «Правда», 1917, № 206, 18(5) декабря). Через день «Правда» сообщала: «Раскрыта организация по устройству разгромов винных складов. Установлены имена кадетов, раздававших деньги на распространение погромных листов» («Заговор кадетов против революции раскрыт». — «Правда», 1917, № 208, 20(7) декабря).

Горький, опровергая «Правду», не мог знать, что пьяные погромы были хорошо организованным контрреволюционным заговором. Как докладывал В. И. Бонч-Бруевич Петроградскому Совету, заговорщики имели «особый институт подстрекателей», у них были обнаружены десятки тысяч антисоветских прокламаций: «Ясно, что мы имеем дело с заговором контрреволюции во всероссийском масштабе, организованным чрезвычайно широко при больших денежных средствах, задавшимися целью удушить [...] революцию». (Доклад был опубликован после появления статьи Горького; см. «Известия», 1917, № 246, 21(8) декабря.)

⁵ Не замечая серьезности поднимаемого здесь вопроса (об опасности бюрократизма и чиновничьего чванства вскоре забьет тревогу Ленин), анонимный автор в «Правде» расценил горьковскую статью как «кислую жалобу» «хныкающего обывателя». Он отмечает, что власть «мелких со-

шек» не нравится только «высшим чинам» и, если бы революция потерпела поражение, буржуазные и казачьи генералы беспощадно расправились бы с побежденными рабочими, «массами расстреливали бы своих классовых врагов». Горький же, жалуясь как обыватель на грубость нравов, «ухитряется не приметить огромного великодушия победившего народа» по отношению к вчерашним властителям и хозяевам. И «вместо того, чтобы учить народ», ему следует «поучиться у народа» («Правда», 1917, № 210, 22(9) декабря).

⁶ Карл Каутский не однажды высоко отзывался о великой миссии русского рабочего класса, его «удивительном героизме» (см., например, его работы «Путь социальной революции» (напечатана в горьковской «Летописи» — 1917, № 7—8) и «Социальная революция» — издана в 1917 и 1918 гг.). Противопоставляя «духовный и моральный упадок высших слоев английского рабочего класса» русским пролетариям, одухотворенным «идеями революции», он писал: «Этика пролетариата проистекает из его революционного рвения, из него черпает пролетариат свою мощь, им он облагораживается <...> Этот революционный идеализм мы должны прежде всего сохранить; а тогда <...> мы сумеем перенести самые суровые испытания, выполнить самую трудную работу и оказаться на высоте великих исторических задач, ожидающих от нас разрешения» (цит. по кн.: К. Каутский. Социальная революция. М., изд. ВЦИК, 1918, с. 61—62).

⁷ Прочитав эту заключительную фразу в своей статье «Социальная революция и М. Горький», «Интеллигент из народа» (И. С. Книжник-Ветров) писал в «Правде»: «Если Горький мог написать подобные слова, если в той поистине великой борьбе, которая ведется у нас теперь большинством пробужденного от жестокой встряски войны народа и возглавляющей его большевистской и левозэсеровской интеллигенции, Горький мог увидеть только «зоологический анархизм взбунтовавшихся мещан», то очевидно, что Горький больше уже не «буревестник» революции, а прямой изменник ее».

Автор полемизирует также с рядом других статей Горького, появившихся в декабре на страницах «Новой жизни» (XV, XVI, LV, LVI и др.) Причины скептицизма Горького он объясняет его неверием в революционные возможности крестьянства и большинства рабочего класса в силу их «темноты», «забитости» и «бескультуры». Но «именно для того,— пишет он,— чтобы народ поскорее мог политически развиваться, избавиться от эгоизма и мещанства и стать творцом истинной культуры, он нуждается в освобождении от крепостничества и самодержавия». Считая «мрачные» настроения писателя и его позицию случайным заблуждением, автор призывает Горького «отвлечься от кошмара самосудов, разгромов виновных лавок и прочих печальных явлений, не связанных necessarily с Советским правительством и возможных при всякой власти», не «походить на

человека, который, смотря на Октябрьскую революцию», «за деревьями не видит леса». И выражает надежду, что «писатель, бывший всегда глашатаем социальной революции», не мог изменить ей навсегда: «Он был буревестником восстания не только для России, но и для Европы и для Америки» и скоро вновь займет свое место в рядах международного пролетарского революционного движения (под статьей дата: 26 декабря 1917 г.— «Правда», 1918, № 5, 20(7) января).

С тех же позиций и с теми же реверансами по поводу прошлых заслуг писателя выступил в «Правде» В. Полянский, подвергший критике Горького, который не понимает сущности «развивающейся социальной революции», «защищает старый мир, а пролетариат клеймит как вандала, как носителя «зоологического анархизма» («В путях старого мира (По поводу «Несвоевременных мыслей» М. Горького в «Новой жизни»)».— «Правда», 1917, № 211, 23(10) декабря).

В таком же духе, не вдаваясь в мучительные поиски и драматические переживания писателя-гуманиста, писал в эти дни его собрат по перу — «пролетарский поэт», как он подписал свою статью «М. Горькому», Леонтий Котомка (В. И. Зелинский): «Не «безумству смелых» слагаете вы гимн теперь, а оправдательный приговор строчите тем, кто не с народом в дни его битв за волю <...> Неужели из буревестника вы превратились в гагару, которой недоступно «счастье битвы»? Грустно, бесконечно грустно» («Правда», 1917, 5 декабря (22 ноября), № 196).

XV

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 205, 19 декабря (1 января 1918 г.). Вошла в кн. РИК и НМ.

¹ Эти слова, как и другие выдержки из данной статьи, приводит «Интеллигент из народа» в «Правде» в качестве примера «измены Горького делу революции». В заключение он пишет: «Хочется верить, что отвернулся от переживаемой нами социальной революции только потому, что не рассмотрел в первые смутные дни ее подлинного прекрасного лица, но что он уже начинает видеть и скоро возрадуется и воспечалится вместе со всеми, кто живет радостями и печальми нашей октябрьской революции. Слишком дорог Горький социальной революции нашей, чтобы не верить, что он станет скоро в ряды ее идейных вождей, на место, которое давно принадлежит ему как буревестнику всемирной социальной революции...» «Социальная революция и М. Горький.— «Правда», 1918, № 5, 20(7) января).

Ответ Горького, с тревогой и болью за судьбу революции отстаивающего свое понимание развивающихся событий, см. в Приложении, ст. «Интеллигенту из народа».

² Справедливо отмечая, что «буржуазия еще не побеждена», Горький также глубоко прав, когда здесь же пишет, что «идеи не побеждают приемами физического насилия». К сожалению, в тот момент речь уже шла не об «идеях», а о прямых контрреволюционных действиях. В Петрограде одна за другой раскрывались подпольные антисоветские группы, готовившие мятежи и заговоры. «С помощью Учредительного собрания, выборы в которое происходили в ноябре 1917 г., контрреволюционеры намеревались добиться свержения Советской власти <...> 28 ноября 1917 г. <...> центральный комитет партии кадетов при помощи меньшевиков и эсеров организовал в Петрограде контрреволюционную демонстрацию». Опираясь на вооруженные отряды белогвардейцев и юнкеров, «кадетам удалось захватить Таврический дворец <...> Революционные матросы и красногвардейцы разоружили контрреволюционеров и восстановили порядок <...> Вечером 28 ноября Совет Народных Комиссаров объявил кадетов врагами народа» и принял декрет «Об аресте вождей гражданской войны» («Очерки истории Ленинграда», т. IV, с. 127—128).

³ Панина Софья Владимировна (1871—1956), графиня, член ЦК партии кадетов, в мае 1917 г. назначена товарищем министра государственного призрения, с августа — товарищ министра народного просвещения. Была арестована 28 ноября (11 декабря) 1917 года за отказ передать советской администрации, которую не признавала, находящиеся в кассе Министерства народного просвещения около 93 тысяч рублей. «Куда я приказала отправить эти суммы, я указать не желаю,— заявила она.— Сочту своей обязанностью представить отчет о своей деятельности и суммах единственно Учредительному собранию как единственной законной власти» (цит. по кн.: Д. А. Голиков. Крушение антисоветского подполья в СССР, с. 77). Суд над Паниной состоялся 10(23) декабря. С этого «дела о саботаже» начал свою работу только что созданный в Петрограде революционный трибунал. Защитник, восхваляя достоинства подсудимой, оправдывал ее действия тем, что она «не имела права передать деньги Совету Народных Комиссаров, а передаст их только «настоящему хозяину» — Учредительному собранию, которое является выразителем воли всего народа». Выступление защитника нашло благодатную почву среди части присутствовавшей на процессе публики. В зале раздавались крики, возгласы, кто-то устроил истерику. Некий Иванов, назвавшийся рабочим, потребовал слова и заявил, что подсудимая помогла ему, дотоле «темному человеку», научиться «любить науку и жизнь». Буржуазная публика устроила ему овацию. Рабочий-обвинитель в своей речи сказал: «Я готов согласиться, что в прошлом гражданка Панина принесла пользу народу. Я верю, что среди беспросветного мрака она по благородству дарила радость народу. Но тем-то и отличается их благородство, что они дают или бросают народу куски, когда он порабощен, и мешают ему в его борьбе, когда он хочет быть свободным <...> Гражданка Панина

мешала народу в его борьбе» («Правда», 1917, № 34 (веч. вып.), 25(17) декабря). Суд приговорил: оставить Панину в заключении до возврата требуемой суммы; признать виновной «в противодействии народной власти, но, принимая во внимание прошлое обвиняемой, ограничиться преданием гражданки Паниной общественному порицанию». 19 декабря после того, как изъятые деньги были внесены в Народный комиссариат просвещения, Панина была освобождена. Впоследствии белоэмигрантка.

Горький был знаком с Паниной, состоял членом правления «Народного дома», построенного на ее средства и служившего местом политических собраний демократической интеллигенции и петербургских рабочих.

⁴ *Болдырев Василий Георгиевич (1875—1936)* — генерал-лейтенант, с сентября 1917 г. командующий 5-й армией Северного фронта. Был арестован в середине ноября 1917 г. за неподчинение приказанию назначенного Советским правительством Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко. 14(27) декабря Болдырев предстал перед судом революционного трибунала по обвинению в саботаже. Он оправдывал свои действия тем, что подчиняется воле Учредительного собрания и что Военно-революционный комитет армии также не признавал большевика Крыленко главкомом. Был приговорен к трем годам тюремного заключения, в мае 1918 г. освобожден по амнистии. В годы гражданской войны участвовал в борьбе против Советской власти на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. После освобождения в октябре 1922 г. Владивостока от белогвардейцев был арестован, в тюрьме заявил о своем желании служить Советской власти, в 1926 г. амнистирован. Автор книги воспоминаний «Директория. Колчак. Интервенты» (Николаевск, 1925).

⁵ *Коновалов Александр Иванович (1875—1948)* — крупнейший текстильный фабрикант, был товарищем председателя Московского биржевого комитета, председателем совета «Российского взаимного страхового союза», товарищем председателя Комитета представителей торговли и промышленности. В 1912 г. был выбран в IV Государственную думу, одним из лидеров партии «прогрессистов», являлся влиятельным членом «прогрессивного блока», а также товарищем председателя Думы. Коновалов — инициатор организации «Экономических бесед» в Москве, в которых участвовали многие видные экономисты и публицисты, вплоть до авторов сборника «Вехи». (Факт этот запечатлен Горьким в романе «Жизнь Клима Самгина».) 17 февраля (2 марта) 1917 г. Коновалов выступил в Государственной думе с протестом против ареста «рабочей группы» Петроградского Военно-промышленного комитета, что с восторгом отмечено тогда же Горьким в одном из писем (см. АГ, т. IX, с. 193). После Февральской революции занимал пост министра торговли и промышленности Времен-

ного правительства, в мае вышел в отставку, но 25 сентября вновь вошел в состав правительства в качестве заместителя председателя А. Ф. Керенского. Был арестован в ночь на 26 октября (8 ноября) 1917 г. После Октября — эмигрант. Горький считал Коновалова, как Бугрова, Морозова, Мамонтова, «даровитым выходцем из крепостной деревни» (Г-30, 23, с. 308).

⁶ *Бернацкий Михаил Владимирович* (1876—1944) — профессор политической экономии. В конце 1916 — январе 1917 г. Горький предпринимал усилия по организации радикально-демократической газеты «Луч». Цель ее, как он писал В. Г. Короленко, приглашая принять участие в газете, «обслуживать социально-политические интересы всех групп влево от кадет и вправо от социалистических партий». В главные редакторы намечался Бернацкий. С сентября 1917 г. Бернацкий — министр финансов Временного правительства; вместе с другими членами последнего коалиционного правительства (Коноваловым, Карташевым) был арестован в ночь на 26 октября (8 ноября) 1917 г. и заключен в Петропавловскую крепость. Впоследствии — начальник управления финансов в правительствах Деникина и Врангеля. Белоэмигрант.

⁷ *Карташев Антон Владимирович* (1875—1960) — кадет, профессор богословия. В 1917 г. — обер-прокурор синода, министр исповеданий во Временном правительстве. Позднее входил в антисоветский «Национальный центр», был членом белогвардейского правительства Юденича. В эмиграции издал несколько трудов по истории церкви.

⁸ *Долгоруков Павел Дмитриевич* (1866—1927) — князь, крупный помещик, земский деятель, один из основателей «Союза освобождения» и кадетской партии; председатель ее ЦК в 1905—1911 гг., возглавлял фракцию кадетов во II Государственной думе. Был арестован на основании декрета Совнаркома от 28 ноября (11 декабря) 1917 г., объявившего лидеров кадетов «врагами народа». После Октябрьской революции участвовал в борьбе против Советской власти. Эмигрант с 1920 г. В 1926 г. во второй раз тайно проник в СССР, но был схвачен. 10 июня 1927 г. в ответ на убийство в Варшаве П. А. Войкова и ряд террористических актов в Москве и Ленинграде Долгоруков вместе с еще 19 монархистами был приговорен к расстрелу. В 1964 г. в Мадриде вышли воспоминания П. Д. Долгорукова «Великая разруха», в которых, в частности, содержится рассказ об его аресте и заключении в Петропавловскую крепость вместе с рядом других членов Временного правительства и кадетских деятелей.

⁹ Кроме названных, по постановлению Военно-революционного комитета 26 октября в 2 ч. 10 мин. ночи, как гласило сообщение Комитета, были арестованы: «контр-адмирал Вердеревский, мин. гос. призрения Кишкин,

земледелия Маслов, мин. путей сообщ. Ливеровский, управляющий военным мин. Маниковский, министры: Гвоздев, Малянтович, Третьяков, генер. для поручений Борисов, контролер Смирнов, мин. просв. Салазкин, мин. иностр. дел Терещенко, помощн. особо уполн. Вр. Правит. Рутенберг, мин. почт и телегр. Никитин, инженер. Пальчинский. Офицеры и юнкера, бывшие во дворце, обезоружены и отпущены».

¹⁰ Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — историк и публицист, один из основателей партии кадетов (октябрь 1905), затем председатель ее ЦК и редактор центрального органа — газеты «Речь». Депутат III и IV Государственных дум. Как идеолог русской буржуазии, для укрепления ее, был инициатором организации «Прогрессивного блока». В 1917 г. — министр иностранных дел в первом составе Временного правительства, из которого вынужден был уйти под давлением масс, возмущенных его империалистической политикой (см. ст. III, примеч. 1). После Октябрьской революции активно участвовал в организации военной интервенции против Советской России, затем деятель белой эмиграции, редактор газеты «Последние новости», выходивший в Париже с 1920 по 1940 г.

XVI

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 207, 21 декабря (3 января 1918). Вошла в кн. РИК и НМ.

¹ Старые суды не сразу были уничтожены: первое время после Октября кое-где еще существовали и дореволюционные, особенно мировые суды. Первым советским органом борьбы с контрреволюцией и уголовной преступностью стал Военно-революционный комитет — орган ВЦИК и СНК по борьбе за революционный порядок; судебные и следственные функции до создания советских судов выполняли и Советы. Первая советская следственная комиссия образовалась при Петроградском ВРК (в ней участвовали П. А. Красиков, П. И. Стучка, М. С. Урицкий, Н. В. Крыленко и др.). 22 ноября 1917 г. Советское правительство приняло первый декрет о суде. В ст. 8 декрета указывалось: «Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц учреждаются рабочие и крестьянские революционные трибуналы в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Для производства же по этим делам предварительного следствия при тех же Советах образуются особые следственные комиссии» (Декреты Советской власти, т. 1. М., 1957, с. 125—126).

Вскоре был создан специальный орган по борьбе с контрреволюцией. 5 декабря 1917 г. Петроградский военно-революционный комитет был упразднен, и его функции борьбы с заговорами, пресечения и ликвидации «контрреволюционных и саботажнических попыток» перешли к Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, созданной на основании постановления СНК от 7 декабря 1917 г. Председателем ВЧК был назначен Ф. Э. Дзержинский.

XVII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 56, 31(18) марта. Вышла в кн. НМ.

¹ Речь идет о массовом бегстве армян с территории, занятой турецкими войсками в Закавказье. Б. Авиллов в статье «Трагедия Кавказа» писал в те дни: «Германо-турецкие войска, во исполнение Брестского договора, продолжают наступление на Кавказском фронте. После занятия Батума турецкие войска <...> продвинулись к Карсу <...> О том, какими ужасами сопровождается германо-турецкое наступление, можно судить по следующему сообщению «Петроградского Эха»:

Прибывающие в Астрахань армянские беженцы передают об ужасах, переживаемых армянским населением в Закавказье. Там идет поголовное избиение армянского населения турками, курдами и татарами» (НЖ, 1918, № 78, 27 (14) апреля).

² Имеется в виду радикально-народническое движение разночинной интеллигенции в России 60—70-х гг., выступавшее за свержение самодержавия путем крестьянской революции. Родоначальники — А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, идеологи — М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев. Идеология народничества — разновидность крестьянской общинной социалистической утопии. Крестьянство не поняло революционных народников, за ними не пошло (организация «Земля и воля»). Разуверившись в революционных возможностях масс, часть народников стала на путь индивидуального террора и политического заговора, выдвинутого Ткачевым (организ. «Народная воля»). Как и «землевольты», сторонники революционной пропаганды, «хождения в народ», самоотверженные «народовольцы» с их тактикой индивидуального террора (убийство Александра II) были разгромлены царским правительством. Во второй половине 80-х гг. начинается процесс разложения и либерального перерождения народничества, отказ от революционного изменения действительности, проповедь «малых дел», отрицание капиталистического пути развития России, выступление против марксизма.

XVIII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 93, 18 (5) мая. Вошла в кн. НМ.

¹ Это выражение как вариант лозунга «экспроприация экспроприаторов» пустила в оборот буржуазная пресса после выступления В. И. Ленина 23 января (5 февраля) 1918 г. с «Речью перед агитаторами, посылаемыми в провинции». «Война внешняя кончилась или кончается. Это решенное дело, — говорил Ленин. — Теперь начало внутренней войны. Буржуазия, запрятав награбленное в сундуки, спокойно думает: «Ничего, — мы отсидимся». Народ должен вытащить этого «хапалу» и заставить его вернуть награбленное. Вы должны это провести на местах. Не дать им прятаться, чтобы нас не погубил полный крах <...>

Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чем большевизм.

На вопрос казака: а правда ли, что вы, большевики, грабите? — старик ответил: да, мы грабим награбленное.

Мы в этом море потонем, если не извлечем из тех кубышек все запрятанное, все награбленное за все годы бессовестной, преступной эксплуатации.

Мы скоро проведем в ЦИК закон о новом налоге на имущих, но вы это должны сами провести на местах, чтобы к каждой сотне, набитой во время войны, была бы приложена рука трудящегося. Не с оружием в руках вы должны это провести: война с оружием уже закончилась, а эта война начинается» («Правда», 1918, № 18, 6 февраля (24 января). См. также: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 327).

² Из стихотворения Ф. И. Тютчева (1855):

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

³ Эту мысль высказал еще в IV в. видный деятель греческой церкви Василий Великий в монастырском уставе по поводу частной собственности монахов. Потом ее повторили еврейский мудрец Иегуда бен Тимон в XIII в. и один из известных деятелей Французской буржуазной революции XVIII в. Жан Пьер Бриссо. Однако выражение это стало популярным после выхода книги Пьера Жозефа Прудона (см. примеч. 2 к ст. LV) «Что такое собственность» (1840).

⁴ «Сарынь» — толпа, ватага темного народа; «кичка» — одно из определений — перед или нос судна. «Сарынь на кичку!» — бурлаки, на нос

судна! — по преданию, обычный приказ волжских разбойников, завладевших судном. Горьковское сравнение (пролетарского лозунга с этим приказом) в статье родилось, вероятно, под влиянием недавно появившейся поэмы Василия Каменского «Сердце народное — Степья Разин»:

На струг вышел Степан —
Сердцем яростным пьян.
Волга — синь-океан.
Заорал атаман:
«Сарынь на кичку».
Ядреный лапоть
Пошел шататься по берегам...

Зачнем с низовья
Хватать царапать
И шкуру драть
Парчу с купца.
Сарынь на кичку.
Кистень за пояс,
В башке зудит
Разгул до дна...

⁵ *Шумахер Петр Васильевич* (1817—1891) — поэт, прежде всего известный своими социально-политическими сатирами. С начала 60-х гг. сотрудничал в революционном сатирическом журнале «Искра», редактируемом В. С. Курочкиным.

XIX

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 95, 21 (8) мая. Вошла в кн. НМ.

¹ *Северянин Игорь* (псевд. Игоря Васильевича Лотарева; 1887—1941) — поэт. В первых поэтических сборниках было много вычурности в сочетании с декадентски-индивидуалистическими мотивами. Широкую популярность получили многочисленные стихи, отличающиеся глубоким лиризмом и музыкальностью.

² Не случайно, видимо, Горький вложил эти слова в уста столь же самоуверенного, сколь невежественного молодого поэта, которому не симпатизирует, взгляды которого высмеивает. Писатель обращает нас к сложной, противоречивой и глубоко драматической ситуации, которая возникла при решении судьбоносного для молодой Советской республики вопроса. Речь идет о заключении мирного договора с Германией, Австрией, Болгарией и Турцией 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске, по которому Россия вышла из империалистической войны. Германский блок выдвинул

кабальные условия: от России отторгались значительные территории (Польша, Литва, часть Белоруссии и Латвии), Латвию и Эстонию занимали немецкие войска. Германия сохраняла за собой Украину, Финляндию, округа Карса и Батума, которые передавались Турции. Договор также был ударом по международному пролетариату, революционному движению в той же Германии. Заключению этого грабительского договора предшествовала длительная и острая борьба в партии и Центральном Исполнительном Комитете Совета Р. С. и К. Д. Безвыходное положение, в котором находилась страна, заставило Ленина и большинство членов ЦК РСДРП(б) настаивать на принятии этих кабальных условий. Против договора выступили меньшевики, правые эсеры и «левые коммунисты». Их позиции поддерживали Горький и сотрудники «Новой жизни» (см. ст. LIX и примеч. 4). В газете была опубликована статья Н. Суханова «Капитуляция» о Брестском мире, после чего выход НЖ был приостановлен на восемь дней. Брестский договор был тяжелым бременем для Советского государства, но молодая республика сохранила независимость и получила мирную передышку.

³ В примечаниях к журнальной публикации «Несвоевременных мыслей» («Литературное обозрение», 1988, № 9) инициалы горьковской корреспондентки, «госпожи З. Г.», остались нераскрытыми. Некоторые из любознательных читателей легко решили, что речь здесь идет о поэтессе Зинаиде Гиппиус, и выражали удивление, почему этот «самоочевидный» факт не нашел отражения в журнале. Вынужден пояснить. Действительно, имя жены Д. С. Мережковского, эстетствующей поэтессы Зинаиды Николаевны Гиппиус (1869—1945), враждебно встретившей Октябрьскую революцию и вряд ли сочувствовавшей развитию культуры в народе, а впоследствии деятельной эмигрантки, как будто само собой напрашивалось. Однако факты этому противоречат. В Архиве А. М. Горького сохранилось единственное письмо З. Н. Гиппиус от 11 ноября 1918 г. (вспомним: статья в «Новой жизни» от 21 (8) мая), но совершенно по иному поводу: в нем просьба оказать содействие в освобождении дочери писателя Глеба Успенского, «абсолютно не имеющей отношения ни к какой общественной деятельности» и, очевидно, арестованной «за то, что она когда-то называлась Савинковой» (Б. В. Савинков — один из лидеров партии эсеров, товарищ военного министра во Временном правительстве, участник вооруженной борьбы против Советской власти). Начинается письмо так: «Простите, Алексей Максимович, что я беспокою Вас. Но это в *первый* (выделено мной. — И. В.) и — хочу надеяться — в последний раз». Таким образом, отпадает также предположение, что З. Гиппиус могла писать Горькому (допустим, письмо не сохранилось) ранее, до 11 ноября, и тем самым нет основания считать, что под инициалами З. Г. подразумевается именно она.

⁴ Ницше Фридрих (1844—1900) — немецкий философ; анархическая критика буржуазной морали и культуры, яркая литературная форма его сочинений принесли ему широкую популярность в России. Философия Ницше — крайне субъективное иррационалистическое учение. Он рассматривал волю одиночки-«сверхчеловека» как определенную силу общественного развития («Человеческое, слишком человеческое», 1878), проповедовал индивидуалистический культ сильной личности («Так говорил Заратустра», 1883—1884; «Воля к власти», 1889—1901), эстетический аморализм («По ту сторону добра и зла», 1886). Ницше с презрением относился к народным массам, называя их «рабами», «стадом», «чернью». Он оказал влияние на леворадикальную часть русской интеллигенции (в том числе и на раннего Горького). Ницше интуитивно удалось поставить актуальный для того времени вопрос — критический пересмотр идейно-теоретических ценностей интеллигентского либерализма. «Переоценка всех ценностей», под которой подразумевалось изменение существующего порядка вещей, и составляет ядро, исходный пункт всех философских построений Ницше. Это именно то, что вызывало и вызывает к нему интерес. Немаловажную роль играло здесь умение Ницше соединять философию с поэзией. Реакционные, антинародные идеи философа вызывали отпор Горького. Писатель разоблачал эту сторону ницшеанства, назвал Ницше «больным и уstraшенным фанатиком» (Г-30, т. 27, с. 233).

⁵ Конт Огюст (1798—1857) — французский философ, один из основателей «позитивной» философии и буржуазной позитивистской социологии. Не отрицая существование внешнего мира, Конт считал, что наука не может познать причинные закономерности, внутреннюю сущность природы, а только явления. Позитивизм рассматривал как среднюю линию между эмпиризмом и мистицизмом, выдвинул теорию трех стадий интеллектуальной эволюции человечества, определяющих развитие общества, — теологической, метафизической и позитивной, или научной, утверждал, что «идеи управляют миром и переворачивают его», что в основе эволюции общества лежит умственное развитие.

XX

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 109, 6 июня (24 мая); также московское издание газеты — НЖ, № 5 (дата та же). Вошла в кн. НМ.

¹ Прометей — один из самых величественных образов в древнегреческой мифологии, титан, похитивший огонь у богов Олимпа и принесший его людям. В наказание бог Зевс приковал его к скале на Кавказе, и орлы каждый день клевали его печень, выраставшую по ночам. «Про-

метей,— писал Маркс,— самый благородный святой и мученик в философском календаре» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, с. 25).

² Возможно, Горький имеет в виду писателя, публициста и философа Василия Васильевича Розанова (1856—1919), взгляды которого близки как закавыченным словам, так и во многом горьковскому комментарию к ним. Ср.: «История не есть ли чудовищно другое лицо, которое проглатывает людей себе в пищу, нисколько не думая про их счастье. Не интересуясь им? Не есть ли мы — «я» в «Я»? Как все страшно и безжалостно устроено» («Опавшие листья»). Или: «Мысль, что человек в самом деле делает историю — вот самая яркая нелепость, он в ней живет, блуждает без всякого ведения — для чего, к чему?» («Когда начальство ушло...»). Или: «Можно представить себе тот ужас, когда человечество, наконец, устроившееся во имя высшей истины, вдруг узнает, что в основу устройства его положен обман» («Великий инквизитор», гл. IX).

XXI

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 2, 20 апреля (3 мая). Вошла в кн. НМ.

XXII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 8, 27 апреля (10 мая). Вошла в кн. Рик и НМ.

¹ *Императрица Александра Федоровна* (1872—1918) — до замужества немецкая принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская.

² *Распутин (Новых) Григорий Ефимович* (1872—1916) — фаворит-временщик царя Николая II и его жены Александры Федоровны, авантюрист, пользовавшийся неограниченным доверием царской семьи. Особенно возросло влияние Распутина при дворе в последние годы царского режима (1914—1916). Монархическая челядь составила около него кружок с Вырубовой во главе (см. ниже), квартира его сделалась пристанищем всяких шарлатанов, афернистов, темных дельцов — от банкиров до спекулянтов — и даже германских агентов. Постепенно Распутин и его кружок, в котором заправляла придворная клика, стали оказывать решающее влияние на решение многих государственных вопросов (увольнение и назначение министров, лиц высшей церковной иерархии, созыв и роспуск Государственной думы и т. д.). Испугавшись пагубного влияния Распутина, которого считали главным виновником ослабления царской власти, стремясь предотвратить революцию и спасти монархию от крушения, ярые

монархисты организовали заговор. В ночь с 17 на 18 декабря 1916 г. в доме князя Ф. Ф. Юсупова в Петрограде великим князем Дмитрием Павловичем, В. М. Пуришкевичем и Юсуповым Распутин был убит.

³ *Вырубова Анна Александровна* (1884—?) — фрейлина Александры Федоровны, ближайший друг царской семьи и всемогущего «старца» Распутина. Имела огромное влияние на царицу (см.: «Последний самодержец». — «Голос минувшего», 1917, № 4, с. 85). Выслана из России после Февральской революции. Любопытен так называемый «Дневник Вырубовой» (считается фальсификацией), в котором прослеживается история фрейлины с первых дней приближения ее ко двору, запечатлены характерные картины закулисной придворной жизни и некоторые весьма значительные исторические события.

⁴ После падения самодержавия подобной литературой был буквально наводнен книжный рынок. Только в апреле 1917 г., когда Горький написал свою статью, в одном Петрограде вышли: И. Ковыль-Бобиль. Вся правда о Распутине (тир. 25 000); «Казнь Гришки Распутина» (с рисунками); И. Ковыль-Бобиль. Царица и Распутин (50 000 экз.); В. В. Португалов. Царствование последнего Романова (с невиданным для того времени тиражом — 300 000). Кроме того, в это же время распродавались, как гласила реклама, «новые сенсационные книги»: «Григорий Распутин» (фотоиллюстрации в тексте), «Царские холопы» (художественное издание), «Николай в аду», «Тайны охраны» (богато иллюстр.), «Святой черт» (Распутин и Александра), «Тайны дома Романовых»; последние две — иеромонаха Илиодора (С. В. Труфанова). Примечательна «бульварная» аннотация к «Тайнам дома Романовых» (М., изд. «Акционер», 1917): «Завеса пала. Перед читателем проходит вся закулисная жизнь русского двора и его фаворитов. Краткое содержание книги: Интимная жизнь Николая II. Придворные интриги <...> Клеветы Александры Федоровны. Распутин. Вырубова. Соперничество Александры и Вырубовой из-за Орлова. Эротические похождения Алисы Гессенской. Распутин и дети Романовых. Предпол., что Алексей сын Распутина. Распутин и распутицы (иллюстрация в тексте). Распутин и цыганки. Причина его влияния на женщин» и т. д. Появилась также масса лубочных изданий: «Распутин у Сатаны», «Сказка про царя Нику и солдатскую пику», «Что теперь поют Николай II и К⁰», «Тайны русского двора», «Правда о Николае II» и др.

XXIII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 12, 2 (15) мая. Вошла в кн. РИК и НМ.

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 61, 29 июня (12 июля). Вошла в кн. РИК.

¹ Из I тома книги Вл. Каренина (псевдоним Варвары Комаровой; 1862—1942) «Жорж Занд. Ее жизнь и произведения (1804—1838)». СПб., 1899; т. II (1838—1876). Пг., 1916. Книги хранятся в личной библиотеке Горького, первый том — с пометами писателя.

² «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук» была учреждена 28 марта 1917 г. Одним из инициаторов ее создания был Горький. В организационный комитет, кроме него, вошли крупнейшие ученые, члены Российской Академии наук и общественные деятели — И. П. Павлов, А. А. Марков, Д. К. Заболотный, В. Г. Короленко, Л. Б. Красин, А. Н. Крылов, Л. А. Чугаев, С. П. Костычев, А. Е. Ферсман, Н. А. Морозов, В. И. Палладин, В. А. Стеклов и др. Позже был избран Совет Ассоциации, состоявший из 50 человек (председатель — академик В. А. Стеклов, заместители — проф. Д. К. Заболотный и Горький, секретари — проф. А. А. Петровский и проф. В. А. Догель). Ассоциация ставила своей целью широкую популяризацию научных и технических знаний и организацию научно-исследовательских институтов. Горький трижды выступал с речами на публичных заседаниях Ассоциации: 9 и 16 апреля 1917 г. в Петрограде и 11 мая 1917 г. в Москве. В них он горячо и образно говорил о значении науки для свободного развития человека. По убеждению писателя, «без науки и демократии нет будущего», «сильный человек — это разумный человек», а потому необходимо «вооружиться точными знаниями», «привить уважение к разуму, развить в себе любовь к нему, почувствовать его универсальную силу». Организацию научных сил страны, научного творчества Горький считал всенародным делом и призывал все русское общество поддерживать «Свободную ассоциацию» ученых морально и материально.

После Октября деятельность Ассоциации была прекращена.

³ Вскоре после своей организации «Свободная ассоциация» выдвинула идею создания «Научного института», который объединил бы усилия ученых (биологов, медиков, физиологов, биофизиков, биохимиков и др.) в борьбе за жизнедеятельность и здоровье человека. Ассоциация выпустила воззвание о помощи «Научному институту». Горький придавал этому делу большое значение, в своих публичных выступлениях и частных письмах он призывает открывать подписки и собирать средства, пожертвования в фонд «Научного института». Так, например, 20 мая (2 июня) 1917 г. он с этой просьбой обращается в одну из одесских газет (Арх. Г.).

«Пожалуйста, откройте подписку. Дело огромное!» — пишет он 30 мая (12 июня) издателю «Русского слова» И. Д. Сытину (там же). Ряду корреспондентов он рассылает Устав и списки членов Совета «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук» (М. Ф. Андреевой, Е. Б. Бабскому, М. П. Малашевскому и др.) с просьбой пропагандировать ее цели и задачи и содействовать сбору средств в пользу «Научного института». «Работайте, прошу Вас! — пишет он А. М. Игнатьеву. — Дело — огромного значения, и очень важно привлечь демократию к строительству его» (там же, 1(14) июня 1917 г.) Подробнее о «Научном институте» см. в Приложении ст. «Свободная ассоциация положительных наук», а также примеч. 2 и 3 к ст. XXXII.

⁴ См. названную выше статью из Приложения — НЖ, 1917, 30 мая (12 июня).

⁵ «Общество Дома-музея памяти борцов за свободу» было организовано 22 мая (4 июня) 1917 г. На учредительном собрании Горький был избран в состав Временного совета общества, 2 (15) июня он выступил на митинге в помещении Петроградской музыкальной драмы, организованном для сбора средств на постройку этого Музея революции. Как и созданное в это же время «Общество памяти декабристов», оно собирало материалы по освободительному движению в России, всевозможные документы (письма, портреты, вещи, альбомы и т. д.), касающиеся личности и общественной деятельности борцов за свободу, призвано было вести работу по гражданскому, патриотическому воспитанию.

⁶ «Лига социального воспитания», созданная на учредительном собрании 4 (17) июня 1917 г. при активном участии Горького, разработала широкую программу охраны здоровья детей — социальной и медицинской помощи, дошкольного и школьного воспитания (см. речь Горького на заседании «Лиги». — «Летопись», 1917, № 7—8, с. 184—191).

Одни только перечисленные здесь факты уже с достаточной очевидностью показывают, насколько интенсивной была общественно-культурная деятельность Горького после Февральской революции. Характерно его письмо Е. П. Пешковой от 20 июня (3 июля) 1917 г.: «Завтра у меня заседание «Свободной ассоциации» <...> Послезавтра беспартийная молодежь и народные театры, да еще «Дом-музей борцов за свободу», а 25-го публичное заседание Лиги социального воспитания в Михайловском театре <...> А 27-го принимаю театры «Попечительства о народной трезвости» <...> Живу в душевном противоречии с самим собою и не вижу иного исхода, кроме культурной работы» (цит. ЛЖТ, вып. 3, с. 41).

⁷ О Народных домах — см. примеч. 4 к ст. LV.

⁸ Подобное сообщение (но не совпадающее дословно) появилось в «Новом времени» от 27 июня (10 июля) 1917 г.

Анархист Аснин, с похоронами которого связан описываемый инцидент, был убит при сопротивлении аресту на даче П. Н. Дурново (см. ниже), где анархисты обосновались; среди них находился также балтийский матрос А. Г. Железняков (о нем см. примеч. 1 к ст. XLII).

⁹ Дурново Петр Николаевич (1845—1915) — один из реакционных представителей царской бюрократии, товарищ министра внутренних дел (1900—1905), с октября 1905 по апрель 1906 г. — министр внутренних дел; применял жестокие меры по разгрому первой русской революции. Был членом Государственного совета, где являлся председателем правой фракции.

¹⁰ Цитируется сообщение из газеты «Речь» за то же число.

¹¹ Неточная цитата из стихотворения К. С. Аксакова (1817—1860) «Свободное слово». У Аксакова: «Чудо из Божьих чудес».

XXV

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 18, 9 (22) мая. Вошла в кн. РИК и НМ.

¹ Вскоре после Февральской революции реакционные и черносотенные круги, постепенно освобождаясь от испуга, вызванного свержением самодержавия, стали активизироваться, провоцировать анархию и беспорядки, подстрекали население к еврейским погромам. От первых разрозненных вспышек (на юге России) контрреволюция стала переходить к организованным действиям. Погромы произошли в Покровске, Минске, Юрьеве (Тарту), особенно серьезные размеры приняли в Саратове и Мценске. Следствие установило участие переодетых бывших полицейских, жандармов, членов союза русского народа. Временное правительство, Совет рабочих депутатов потребовали принять срочные меры на местах, союз республиканцев-воинов сформировал летучие отряды для борьбы с погромами. Забила тревогу печать. В ряде газет появились статьи, требующие обратить самое серьезное внимание на антисемитскую агитацию, которую, как всегда, реакционеры искусно использовали для контрреволюционной деятельности (см.: Д. Заславский и В. Канторович. Хроника Февральской революции, т. 1. Пг., 1924, с. 201—203).

² С начала империалистической войны в обществе распространились слухи о «немецких и австрийских шпионах». Они спровоцировали еще в

октябре 1914 г. мелкие эксцессы в Москве, когда были разгромлены несколько магазинов, владельцы которых носили немецкие фамилии. 27—28 мая 1915 г. под воздействием галицийского поражения русской армии погромы охватили весь город. Экстренно созванная Московская городская дума приняла постановление о немедленном расследовании «преступных действий, выразившихся в убийствах, поджогах, грабежах и насилиях», «а также в бездействии и попустительстве лиц, долгом которых было оградить население от погромов, а Москву от позора». От погрома пострадали по преимуществу русские и лишь небольшое число подданных из воюющих с Россией держав. 2 июня городской голова довел до сведения Думы, что «во время майского погрома пострадало в пределах городской черты 475 торгово-промышленных предприятий и 217 квартир и домов, размер убытков... 38¹/₂ млн. рублей; в числе пострадавших было 113 германских и австрийских подданных, 489 русских с иностранными фамилиями и 90 лиц с чисто русскими фамилиями» («Журнал Московской городской думы», 1915, № 13, столб. LIJ).

³ Речь идет о получивших широкую известность и вызвавших большое общественное возбуждение еврейских погромах в Кишиневе (6 и 7 апреля 1903 г.), в Одессе и Киеве (18—29 октября 1905 г.), Белостоке (с 1 по 3 июня 1906 г.). Это было одним из проявлений черносотенной реакции на события первой русской революции и освободительного движения в стране. Погромы происходили при явном подстрекательстве и организующей роли царской администрации и полиции, поддерживались войсками (см. «Речь», 1906, № 63, 5 (18) мая). Они дали большое количество жертв, только в Одессе число убитых превышает 500 человек, в Белостоке — более 70. Эти еврейские погромы взволновали общественное мнение, были созданы комиссии по расследованию, в том числе в Государственной думе. По докладу, сделанному князем С. Д. Урусовым в Думе, а также по расследованиям сенатора Кузминского (в Одессе) и сенатора Турау (в Киеве) были выдвинуты обвинения против градоначальников и полицмейстеров этих городов (Справка к докладу по еврейскому вопросу. Составлена канцелярией Совета объединенных дворянских обществ. Ч. 1, с. 22). По делу Белостокского погрома в качестве обвиняемых было привлечено более 40 человек, в кишиневском процессе участвовали крупнейшие петербургские и московские защитники. Погром 1903 года описан В. Г. Короленко в очерке «Дом № 13». В статье «По поводу кишиневского погрома» Горький назвал это «событие» «самым позорным делом, возбуждающим ужас, стыд и негодование». Писатель видит в «гнусном преступлении» не только волю «темной массы» и самодержавной администрации, но и развращающее влияние на общество реакционной литературы и черносотенной публицистики. Поэтому «в позорном и страшном деянии, совершенном в Кишиневе», «культурное общество повинно не менее актив-

ных убийц и насильников», ибо оно «спокойно позволяло растлевать себя таким человеконенавистникам, издавна прославленным презренной славой лакеев силы и апологетов лжи», как Суворин, Буренин, Величко, Шарапов, Комаров, Крушеван, Пятковский «и иные, иже с ними. Вот истинные виновники позорного для нас и ужас наводящего преступления...» («Революционный путь Горького». М., 1933, с. 82).

⁴ Разжигание национальной розни с целью разложения трудящихся масс и подавления революционного движения широко практиковалось самодержавием и среди народов Кавказа. Царизм неоднократно провоцировал кровавую резню между тюрками и армянами в Баку. Многочисленностью жертв и особой жестокостью отличалась т. н. армяно-татарская резня 6—9 февраля 1905 года. Со «стыдом и болью» воспринял Горький происшедшие события, посвятив им статью «О кавказских событиях» (издана в Женеве, цензура запретила ее распространение в России). «Бывая на Кавказе,— писал Горький,— я всюду видел, как дружно и мирно работали рядом грузин с татаринном и армянином, как детски весело и просто они пели и смеялись, и так трудно поверить, что эти простые, славные люди ныне тупо и бессмысленно избивают друг друга, подчиняясь подстрекающей их злой и темной силе». И писатель смело вскрывает истинных виновников этого злодеяния: «Везде видна гнусная работа кучки людей, обезумевших от страха потерять свою власть над страной,— людей, которые стремятся залить кровью ярко вспыхнувший огонь сознания народом своего права быть строителем новых форм жизни (...). Паразиты чувствуют, что наступает их агония и близка смерть, но они хотят жить и борются, как могут, против воли народа,— борются бесчестно, трусливо, позорно» (Г-30, т. 23, с. 337, 338).

⁵ На это «Речь» заметила, что она была единственной газетой, которая «громко указывала в июле 1914 г. на то, что отечество в опасности», «и была закрыта за это». Имея в виду «пораженческую» позицию писателя, она здесь же выразила удовлетворение, что «устаи Горького «Новая Жизнь», наконец, признает, что положение в стране тревожное» («Речь», 1917, № 108, 10(23) мая; наавтра к этой статье Горького газета обратилась вторично в выступлении В. Ирецкого — см. ниже).

⁶ Призыв Горького поддержал «романтик» Февральской революции В. Ирецкий, увидевший опасность для культуры в контрреволюционных устремлениях «презренной буржуазии», капиталистических дельцов и черносотенцев, на которых держался старый режим, свергнутый в феврале. «Это «они», окрахмаленные мелкобуржуазные котелки, занимают особняки, закрывают нежелательные им газеты, отменяют судебные приговоры ими же поставленных судей». Быстро «переменив свою личину», они

«превратились в Калибана»: «Вместе с отошедшим режимом от «них» отошли и их бывшие добродетели». Это «они» угрожают «изорвать на онучи знамя Желябова и Брешковской»: «Так вот отчего большевик Горький внезапно с ужасом обнаружил, что культура в опасности» («Душа болит». — «Речь», 1917, 11(24) мая, № 109).

⁷ Нижеследующий текст, до конца главки, первоначально представлял собой отдельную статью из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 26, 18(31) мая. Также она печаталась в кн. Рик и НМ. Объединена со статьей XXV при подготовке НРИ.

⁸ Многочисленные сообщения о разгуле анархии, наводнившие прессу, вызваны были не столько тревогой за судьбу революции, сколько выдавались как ее следствие, вызывая общественное возмущение и сея панику. В «Речи» была заведена даже постоянная рубрика «Анархия», в которой газета регулярно печатала сообщения об убийствах, самосудах, грабежах, разрушениях и других беззакониях. Типичные заголовки: «Стрельба из автомобиля», «Убийство двух солдат на Знаменской площади», «Каторжане-милиционеры», «Угроза самосудом» (1917, № 85; 13(26) апреля). А вот, к примеру, названия заметок из одного только номера «Нового времени»: «Стрельба на улицах в ночь на св. Пасху», «Попытка на ограбление казначейства в здании градоначальства», «Побег арестованных» (29 уголовников; задержать никого из них не удалось), «Арест шайки громил», «Разгром ювелирного магазина» и т. п. (1917, № 14743, 5(18) апреля).

⁹ Статья «Две души» была написана в конце 1914 г., напечатана в журнале «Летопись», 1915, № 12, декабрь.

¹⁰ В статье «Две души» Горький противопоставляет две культуры, два миропонимания: «активный Запад», верующую в разум Европу — «пассивному Востоку» с его мистицизмом и мечтательностью. По мнению писателя, у «русских две души: одна — от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя, убежденного в том, что «Судьба — всем делам судья», «Ты на земле, а Судьба — на тебе», «Против судьбы не пойдешь», а рядом с этой бессильной душой живет душа славянина, она может вспыхнуть красиво и ярко, но не долго горит, быстро угасая, и мало способна к самозащите от ядов, привитых ей, отравляющих ее силы». Отмечая, что эти национальные черты исторически обусловлены условиями жизни народа, воспитанного веками рабства, он писал: «Это слабосилие, эта способность легко разочаровываться, быстро уставать, объясняется, вероятно, нашим близким соседством с Азией, игом монголов, организацией Московского государства по типу азиатских деспотий и целым рядом подобных влияний, которые не могли не привить нам основ-

ных начал восточной психики. Чисто восточное презрение к силе разума...» (М. Горький. Статьи 1905—1916 гг. 2-е изд. Пг., 1918, с. 184).

Горьковская статья вызвала резкую критику буржуазной печати. Особенно ополчились на писателя «патриоты», развивавшие идеи мессианства и самобытности русского народа, именно благодаря необыкновенным свойствам этой его «восточной», «мистической» души. Видя в «Двух душах» полемику с книгой Н. Бердяева «Душа России» (М., 1915) и с теорией «Великой России», пропагандируемой П. Б. Струве (сб. «Patriotica». СПб., 1911), они обвиняли Горького в клевете и ненависти. Писатель ответил своим критикам в «Письмах к читателю» («Летопись», 1916, № 3): «Меня — скажу прямо — возмущает маниловский оптимизм неожиданных «патриотов», которые еще вчера были яростными нигилистами <...> Надобно смотреть прямо в глаза суровой правде, — только знание этой правды может восстановить нашу волю к жизни, — волю издревле слабо организованную <...> Я — гражданин своей страны, — имею неоспоримое право говорить о моих тревогах и должен говорить о них.

Каждый человек ответственен за те мерзости, которые творятся в его доме, в его городе, его стране» (Статьи 1905—1916 гг., с. 192, 193, 195). Горький настаивал, что «изменить к лучшему нашу трудную, обидную жизнь» можно, только преодолевая восточную пассивность, развивая культуру, просвещение народа.

Эти же идеи Горький утверждает и в своей новожизненной публицистике.

¹¹ Выступая против войны, разоблачая грабительскую антинародную сущность мировой бойни, Горький после падения самодержавия проявлял непоследовательность и колебания от подлинного интернационализма к «революционному оборончеству» (подробнее об этом см. вступительную статью). 10(23) марта 1917 г. он писал сыну: «Теперь Россия — свободная страна, и немецкое нашествие угрожает ее свободе. Ибо победа Вильгельма — это будет реставрация Романовых» (Арх. Г). Это и имеет в виду Горький, говоря о том, что «пораженчеству» «никогда не сочувствовал».

¹² Упоминание Горьким «Двух душ» и о своем отношении к «пораженчеству» вызвало иронически-критический отклик «Речи»: «Две души живут в М. Горьком, и обе непогрешимы... Две души М. Горького имеют два отдельных баланса» («Речь», 1917, 25 мая (7 июня), № 120).

¹³ На эти слова Горького тут же откликнулась «Речь», наставляя на пораженчестве писателя: «Дело, конечно, не в том, кто и как ругает русский народ, а как выйти из сложившегося положения. Вместо ответа на этот вопрос Горький только что сказавши, что он не преследует целей «самозащиты, самооправданий», в сущности занимается на протяжении всей

статьи именно самозащитой и самооправданием. Он не «пораженец», — хотя и издает пораженческую газету... Что г. Горький неповинен лично в пораженчестве, это очень приятно узнать, но признать его неповинность в услугах пораженчеству, значило бы просто признать его невменяемым» («Речь», 1917, 19 мая (1 июня), № 116).

Защищая войну «до победы», кадетская газета неустанно клеймила «Новую жизнь» за ее антимилитаристскую позицию. Накануне вышеприведенной статьи «Речь» вышла с огромным, плакатного шрифта, анонсом: «Лучшая оборона — в наступлении. Для наступления нужны снаряды, а для снарядов — деньги. Тыл должен их дать подпиской на „Заем Свободы“». А на второй странице, в обзоре «Печать», сообщалось: «Очередным лозунгом в лагере разрушителей, по-видимому, является борьба против наступления. «Новая жизнь» так и ставит дилемму в статье г. Суханова: «Правительство мира или правительство наступления», совершенно игнорируя тот факт, что только наступление и может привести к усилению мира. Обвинение г. Суханова обращено к Временному правительству в его новом составе». «К сожалению, поход против наступления не ограничивается большевиками», — так, справедливо причислив «Новую жизнь» в вопросе войны к большевикам, расправлялась газета с Горьким («Речь», 1917, 18(31) мая, № 115).

Против позиции «Новой жизни» ополчилась «Речь» и до этого (см. № 111 от 13(26) мая 1917) и неделю спустя за ее критику воинственных призывов правительства к активизации военных действий, за выступление против Керенского, который «в душе питает надежду на «полную победу»» («Речь», 1917, 25 мая (7 июня), № 120).

Имея в виду настоящую статью, где Горький поднял вопрос о своем отношении к «пораженчеству», «Речь» через день вновь обрушилась на антивоенную позицию «Новой жизни» и ее редакторов: «Но возмущает эта презренная трусость людей, желающих хорошими словами прикрыть свою явно разбойничью, гибельную для России работу. А первосвященником секты состоит М. Горький, спешащий только в самые критические минуты несколько отгородиться от своих, чрезмерно зарвавшихся сотрудников. Н. Суханов в «Новой жизни» клеймит военного министра А. Ф. Керенского за мечту об очищении русской земли от германских войск, а редактор газеты М. Горький стоит в стороне и смиренно-мудро, как старый, опытный фарисей, заявляет: «я никогда не был пораженцем»» («Речь», 27 мая (9 июня), № 122).

¹⁴ Эти мысли Горький развивает во вскоре напечатанном в «Новой жизни» (1917, № 35) воззвании, написанном по поручению Совета «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук» (см. Приложение): «Технически развитая промышленность — основа социального и государственного благополучия <...> На почве нищеты и невежества никогда не осуществляются наши прекрасные мечты <...>

Наша страна велика, обильна естественными богатствами, но мы живем грязно и несчастно, как нищие. Наши силы истощает, забивая нас, каторжный и бестолковый труд (...) Полное осуществление идеалов социалистической культуры возможно только при наличии всесторонне технически развитой и строго организованной промышленности».

¹⁵ В книге «Наши разногласия» (1885) Г. В. Плеханов (1856—1918) подверг критике все направления народничества с позиций исторического материализма. В ней было убедительно показано, что Россия идет по пути капиталистического развития и ее социалистическое будущее связано с великой миссией пролетариата в предстоящий революции. О том, какой резонанс вызвало появление работы Плеханова в студенческой среде и народнических кружках Казани, Горький вспоминал в «Моих университетах». Попав однажды на тайную сходку, он застал там чтение брошюры «Наши разногласия», с которой давно хотел познакомиться. Он уже был наслышан, что эта «волнующая книга», ходившая в городе по рукам, вызвала разноречивые оценки — одни резко осуждали автора, «бывшего землевольца», ставшего марксистом, называли его «ренегатом», другие приветствовали за смелость и правду. Но бурные споры, разгоревшиеся на сходке, удивили, оглушили «булочника Пешкова»: так остро откликнулась книга на животрепещущие вопросы современности, идейные искания интеллигенции.

В годы мировой войны Плеханов — оборонец, руководитель группы правых меньшевиков «Единство», после Февральской революции 1917 г. поддерживал Временное правительство. К Октябрьской социалистической революции отнесся отрицательно, увидев в ней «нарушение всех исторических законов», но решительно отказался выступить против победившего пролетариата и Советской власти.

¹⁶ Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — экономист, историк, публицист; в 90-х гг. — виднейший представитель «легального марксизма». В своей первой работе «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894) подверг критике народничество как «теоретическую доктрину» и как «систему догматов экономической политики», показав, что «крупный промышленный капитализм» получает в России все более интенсивное развитие, ведет к «имущественному неравенству». Вместе с тем он выступил здесь с «дополнениями» и «критикой» экономического и философского учения К. Маркса. Об этом см. в работе В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества...». С образованием в 1905 г. партии кадетов Струве был членом ее ЦК, впоследствии лидер правого крыла либералов. После Октября член контрреволюционного правительства Врангеля, белоэмигрант.

XXVI

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 36, 31 мая (13 июня). Вошла в кн. РИК и НМ.

¹ Контаминация библейского выражения (Исаия, 40, 3; Евангелие от Матфея, 3, 3; Марка — 1, 3; Иоанна — 1, 23) со словами из стихотворения Н. Минского «Прокаженный» (1885): «Он рыдал от того, что так тягостно жить На земле, средь пустыни — увы — не безлюдной...»

² Один из псалмов Давида: «Господи! отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою» (Псалтирь, 50, 17).

³ Газета группы правых меньшевиков под редакцией Г. В. Плеханова; выходила в Петрограде в 1917 — январе 1918 г., поддерживала Временное правительство, выступала за продолжение войны «до полной победы», боролась с большевиками, Октябрьскую революцию встретила враждебно.

⁴ Имеется в виду декрет Временного правительства об отмене вероисповедных и национальных ограничений, по которому евреи уравнивались во всех гражданских правах (см. об этом подробнее примеч. 1 к ст. LXIII). Провозглашение равноправия всех народов России было результатом победы демократии в революции. Как отмечает Горький, черносотенная пропаганда, выступления реакционеров против национальных ограничений и были выражением их ненависти к революции, свергнувшей самодержавие (см. также ст. LXIV и примеч. 1, 4, 5).

XXVII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 44, 9(22) июня. Вошла в кн. РИК и НМ.

¹ Одно из поучений Иисуса Христа (из Нагорной проповеди): «довольно для каждого дня своей заботы» (Матф., 6, 34).

XXVIII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 59, 27 июня (10 июля). Вошла в кн. РИК и НМ.

¹ Совет депутатов трудовой интеллигенции — организация, возникшая в Москве в начале мая 1917 года (затем и в ряде других городов). В Москве Совет объединял около 115 союзов, в том числе общероссийских:

Всероссийский союз инженеров, Всероссийский учительский союз, Русское театральное общество, Союз городов и др. В него входили кадеты, эсеры, народные социалисты, трудовики, меньшевики и др. В своей «Декларации» Совет провозгласил себя «внепартийной» организацией, объединяющей лиц умственного труда, он добивался расширения представительства интеллигенции в административных органах и общественных организациях, призывал к проведению «широких социальных преобразований», подъему производительных сил и культуры, к поддержке Временного правительства; большое значение придавалось культурно-просветительской работе. Осуждая революционные выступления трудящихся как проявление «грубых инстинктов толпы», Исполнительный комитет Совета ориентировал на «бережное обращение с методами борьбы». Октябрьскую революцию руководители Совета встретили враждебно.

XXIX

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 53, 28(15) марта. Вошла в кн. НМ.

¹ Один из высокочтимых христианских «святых», архиепископ в г. Миры в Ликии (Малая Азия; VI в.); отсюда, наряду с эпитетами «Николай Чудотворец», «Николай Угодник», называется еще «Николай Мирликийский»). Мифическая личность, имя его окружено множеством легенд, сказаний, песен. Считается покровителем мореплавателей, хозяйства и торговли, великим заступником людей перед богом.

² Реминисценция из стихотворения Н. А. Некрасова «Забятая деревня» (1856):

Вот приедет барин — барин нас рассудит...

³ Здесь имеются в виду надежды русской буржуазии на интервенцию стран Запада и Японии против страны Советов и вера большевиков в солидарность европейского пролетариата. За несколько дней до горьковской статьи, в первую годовщину Февральской революции, «Правда», например, призывая рабочих и крестьян «стоять на страже завоеваний революции», «готовиться к защите» своей Советской власти, «Российской Социалистической Республики с оружием в руках от всех ее врагов, и внутренних и внешних», писала: «Помните, что мировая революция не за горами, к нам спешит на помощь международный пролетариат!» («Правда», 1918, 12 марта (27 февраля), № 47).

⁴ Толстовский герой из «Войны и мира», в образе которого воплощены религиозно-нравственные искания писателя (идеи «непротивления»,

«самоусовершенствования»), часто использовался Горьким как олицетворение идиллических представлений о жизни русского народа, его «социальном индифферентизме» и «покорности» (см., напр., Г-30, т. 24, с. 476).

⁵ Горький высоко ценил Г. И. Успенского, который своими глубоко правдивыми, реалистическими произведениями (прежде всего книгой очерков «Власть земли», 1882) нанес решительный удар по народническим утопиям, их идиллическим взглядам на крестьянскую жизнь, показав расслоение деревни, рост в ней капиталистических отношений. В 1933 г. Горький писал о необходимости осветить старую деревню, «пользуясь народнической литературой, а в первую голову — «Властью земли» Г. Успенского и его мелкими очерками, трезвыми показаниями Каронина, Левитова, Нефедова, Эртеля, Ив. Вольного и др., противопоставив им слащавую романтику Златовратского, Засодимского, каратаевщину Л. Толстого и прочее» (Г-30, т. 30, с. 292—293).

⁶ Эти мысли Горький неоднократно развивал и впоследствии в своих статьях и очерках 20-х — 30-х гг., говоря об изображении деревни, «мужика» в русской литературе. Отмечая «социальную зоркость» и «талантливость» Глеба Успенского особенно в «двух замечательных книгах»: «Нравы Растеряевой улицы» и «Власть земли», он писал: «Выразителем резко отрицательного отношения к идеализации деревни является А. П. Чехов в его упомянутых рассказах «Мужики», «В овраге» и в рассказе «Новая дача». (...) Вслед за Чеховым еще более определенно отрицательно начал писать о деревне И. А. Бунин; его отношение к ней и к мужику особенно сурово в рассказах «Ночной разговор», «Сто восемь», «Захар Воробьев» и в большой повести «Деревня». Всего красноречивее и убедительнее в пользу правдивости и верности наблюдений Бунина и Чехова над жизнью деревни говорит сама деревня устами писателей-мужиков: подмосковного мужика Семена Павловича Подъячева и орловского — Ивана Егоровича Вольнова, в книге которого «Юность» деревня окрашена еще более мрачными красками, чем краски Бунина и Чехова. Подъячеву и Вольнову надо верить: они сами деревенские люди, оба живут жизнью деревни и не могут не знать, не чувствовать ее» (там же, т. 24, с. 476—477, 240—241; о Вольнове см. подробнее ст. LXI и примеч. 4 к ней).

⁷ Полное название книги И. А. Родионова: «Наше преступление (Не бред, а был). Из современной народной жизни» (СПб., 1909). В последующие два года книга выдержала еще пять изданий. Автор ее — отставной подьесаул и земский начальник. Книга написана в полубеллетристической форме, в ней рассказана история убийства пьяными односельчанами своего земляка. Затем автор описывает следствие по делу, завершающееся судом, на котором преступникам выносятся очень снисхо-

дительный приговор. Народ изображается Родионовым темной, забитой массой с животными инстинктами, мужики у него гаже «скотов и зверей». В каждой из трех частей сочинения читатель узнает о десятках убийств, десятки людей умирают в больницах с разбитыми черепами, перерезанным горлом, сожженными лицами. При этой «своеволие» народа объясняется в книге как результат «свободы», добытой в недавней революции. По мнению Горького, чтобы замаскировать клеветнический контрреволюционный характер книги, Родионов сопроводил ее демагогическим предисловием (мол, в пьянстве, жестокости, невежестве русского народа виновата русская интеллигенция, отдалившаяся от него, чуждая его заботам и интересам). Произведение Родионова вызвало разноречивые отклики современной критики. Поэтому Горький еще в 1911 г. считал необходимым широко разоблачать реакционную ложь Родионова, отмечая, что книга фальсификаторская, что в ней нет правды, краски сгущены, сплошь — клевета и преувеличение, а автор, по сути, рекомендует «водворять мир посредством виселиц» (Г-30, т. 29, с. 156—157). Он подверг критике К. Чуковского, который не рассмотрел истинную сущность «Нашего преступления», назвав «быль» Родионова «самой отвратительной, самой волнующей, самой талантливой из современных книг». Со своей стороны, полемизирует с Чуковским Л. Гуревич, считая книгу Родионова верной жизни, но слабой в художественном отношении. Монархические взгляды Родионова привели его после Октября в белогвардейский стан. В 1918 г. монархист Родионов редактировал у атамана Краснова газету «Донской край». Умер в эмиграции в 1943 г.

⁸ Усеченная цитата из Евангелия (послание апостола Иакова): «Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?» (2, 20).

⁹ Имеются в виду массовые стихийные выступления крестьян в ряде губерний (Вятской, Владимирской, Пермской, Оренбургской, Тамбовской и др.) в 1834, 1840—1843 гг., вызванные насильственным внедрением посадки картофеля, новой для России культуры, и бунты 1830—1831 гг. во время эпидемии холеры, явившиеся проявлением протеста против полицейско-бюрократического произвола, сопровождавшего борьбу с эпидемией (взяточничество, безрассудно жестокие приемы осуществления карантинных мероприятий и др.). Наиболее крупные волнения были в Севастополе, Тамбове, «Сенной бунт» в Петербурге и восстания старорусских и новгородских военных поселенцев. «Картофельные» и «холерные» бунты отличались жестокостью и столь же жестоко подавлялись военной силой. Восстания, связанные с разного рода эпидемиями, характерны и для XVIII века.

¹⁰ См. примеч. 3 к ст. XXV.

¹¹ Автоцитата из поэмы «Песня старого дуба». Поэму Горький показал в 1889 г. В. Г. Короленко («Я затискал в нее все, о чем думал на протяжении десяти лет пестрой, нелегкой жизни»). Старый писатель раскритиковал ее; упавший духом начинающий автор сжег рукопись, запомнив из нее лишь фразу: «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться...»

XXX

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 81, 1 мая (18 апреля). Вошла в кн. НМ.

¹ «Просветительское общество в память 27 февраля 1917 г. „Культура и свобода“» возникло в конце марта 1918 г. Председателем организационного комитета был избран Горький, в него вошли также В. Н. Фигнер, Г. А. Лопатин, В. И. Засулич, Г. В. Плеханов, В. А. Базаров и др. Первый митинг общества состоялся 7 апреля (в цирке Чинизелли) под председательством В. Н. Фигнер. На нем сообщается о болезни Горького и читается его доклад «Революция и культура». Собравшиеся постановили послать Горькому приветственную телеграмму. Текст речи, оглашенной в отсутствие писателя, был напечатан в газете «Вечерняя звезда» (1918, 10 апреля (28 марта), № 54). На митинге выступили, кроме Веры Фигнер, В. А. Базаров, В. Г. Архангельский, И. Н. Кубиков, А. Н. Потресов и др. «Видишь, какая мешанина? А я — председатель оной «Свободы и культуры». Если нам удастся сделать то, что хочется, — это будет хорошо», — писал Горький Е. П. Пешковой (АГ, т. IX, с. 205). Основной целью общества была «координация работы всех культурно-просветительских обществ, клубов, кружков». Характер и направление ее Горький очертил в речи, произнесенной 25 (12) июня 1918 г. на московском публичном собрании общества «Культура и свобода». Чтобы общество могло выполнить задачу духовного очищения и возрождения страны, считает Горький, необходимо прежде всего объединить «интеллектуальные силы старой опытной интеллигенции с силами молодой рабоче-крестьянской интеллигенции». А для этого надо «встать над политикой» и направить все усилия на «немедленную напряженную культурную работу», вовлекая в нее рабочую и крестьянскую массу. «Покрыв всю страну сетью культурно-просветительных обществ, — подчеркивал он, — собрав в них все духовные силы страны, мы зажжем повсюду костры огня, который даст стране и свет, и тепло, поможет ей оздороветь и встать на ноги бодрой, сильной и способной к строительству и творчеству {...} Только так и только этим путем мы выйдем к действительной культуре и свободе» (полный текст речи Горького, опубликованной в «Новой жизни» 30 (17) июля, см. в Приложении).

Среди первоочередных мероприятий общества были организация

материальной помощи лицам интеллектуального труда (в связи с этим было обращение к газетам открыть у себя прием пожертвований), создание питательных пунктов, учреждение народных библиотек (Горький жертвовал им — уже в который раз — около тысячи книг). Объявив, по призыву Горького, «крестовый поход» за поднятие культурного уровня рабочих масс, «Культура и свобода» основало одноименное собственное издательство, выпускавшее ежемесячный журнал «Вестник культуры и свободы». Оно издало ряд книг, в том числе горьковский сборник «Несвоевременные мысли» (Пг., 1918).

² В полемику с Горьким и его взглядами на роль интеллигенции в развитии культуры, духовном возрождении страны вступил Н. Глебов (см. примеч. 1, 2 к ст. XXXIV).

³ Отмечая важную роль культуры, науки и демократии в деле возрождения страны, Горький постоянно подчеркивал значение упорного и мужественного труда «для укрепления позиций, завоеванных народом»: «Источник наших несчастий — наша малограмотность. Чтобы хорошо жить, надо хорошо работать, чтобы крепко стоять на ногах, надо много знать. Нам необходимо учиться жить, учиться работать, учиться любить труд. Нам нужно понять, что труд не есть насилие над нашей волей, труд есть свободное выражение воли к жизни, а в свободном труде так же, как в любви, скрыто величайшее наслаждение. Это надо понять, и нам поможет понять это только точное знание, только насыщаясь духом положительных наук, мы постепенно вылечимся от наших болезненных недостатков» («М. Горький и наука». М., 1964, с. 16—17).

⁴ Выражение восходит к древнерусской летописи «Повесть временных лет», автором первой редакции которой считается монах Киево-Печерского монастыря Нестор (XI — нач. XII в.). Одним из событий, запечатленных в летописи, является рассказ о том, как обры (авары), покорив славянское племя дулебов (примерно в VI в.), стали творить над ними жестокие насилия, за что были истреблены богом. И с тех пор живет на Руси пословица: «погибоша, аки обри, их же несть племени ни наследка [рода]».

XXXI

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 92, 17(4) мая. Вошла в кн. НМ.

¹ Более подробно эти же мысли Горький развивал ровно год назад в речи «Наука и демократия», посвященной основанию «Свободной Ассоциации для развития и распространения положительных наук»:

«Нам, граждане, нужно организовать в своей стране ее лучший мозг, ее творческую, нервную силу, нам необходимо создать для развития русской науки такие условия, которые дали бы ей возможность свободного и бесконечного развития; нам необходимо дружно позаботиться о том, чтобы наши ученые могли дать стране максимум творчества.

Чем выше поднимается свободно исследующая наука, — тем шире ее кругозор, тем обильнее возможность практического применения научных знаний к жизни, к быту. В природе, поскольку мы знаем ее, нет ничего чудеснее человеческого мозга, нет ничего более изумительного, чем процесс мышления, ничего более драгоценного, чем результаты научных исследований» («Речи и приветствия, произнесенные на трех публичных собраниях, состоявшихся в 1917 г. ...». Пг., 1918, с. 24).

XXXII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 80, 30(17) апреля. Вошла в кн. НМ.

¹ Октябрьская революция не прервала теоретической и практической деятельности российской Академии наук. Своевременно (1 ноября) вышли «Известия» Академии наук. Главное внимание в научной работе этого времени уделялось изучению страны, ее природных богатств и потребностей. В этом плане активно действовала специально организованная в 1916 г. «Комиссия по изучению естественных производительных сил России». В начале следующего года Комиссия под председательством академика В. И. Вернадского обсудила вопрос о создании ряда новых исследовательских институтов, развернувшихся уже после Октября. По докладам академика Н. С. Курнокова, профессоров Л. А. Чугаева, А. П. Поспелова, А. М. Соколова и А. Е. Ферсмана было принято решение о создании Института физико-химического анализа, Института прикладной химии, Института для изучения благородных металлов, Центральной испытательной станции по огнеупорным и глинистым материалам. Были также учреждены новые научные общества — ботаническое, палеонтологическое и др., создан ряд новых журналов — по истории, геологии, геофизике, зоологии и анатомии, ботанике, технической химии, рудному делу, геохимии и др.

В начале 1918 г., когда была написана статья Горького в «Несвоевременных мыслях», Академия наук в ответ на запрос наркома просвещения о ее участии в культурно-просветительской работе и мобилизации науки для нужд государственного строительства заявила: «Академия всегда готова, по требованию жизни и государства, приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром».

² В воззвании, написанном по поручению Совета «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук», напечатанном еще летом 1917 г. в «Новой жизни», Горький так охарактеризовал задачи «Научного института» (о нем см. также примеч. 3 к ст. XXIV). «Цель института — расширение и углубление работы ученых по всем линиям интересов человека, общества — народа, человечества. Первый из этих интересов — борьба за жизнь против тех болезнетворных начал, которые разрушают наше здоровье. <...> Все науки тесно связаны одна с другой, и все они — стремление человеческого разума и воли к победе над горем, несчастьем, страданиями нашей жизни» (полный текст воззвания см. в Приложении).

³ Лазарев Петр Петрович (1878—1942) — физик, физиолог и биофизик, с 1917 г. академик, окончил медицинский факультет Московского университета и экстерном — математический факультет. Идея «Научного института» получила свое развитие в организованном им в 1920 г. Государственном институте биологической физики — первом в России научно-исследовательском учреждении по физике и биофизике, — директором которого он состоял до 1931 г. С 1938 г. был директором биофизической лаборатории Академии наук.

⁴ О «Свободной ассоциации» см. примеч. 2 к ст. XXIV.

XXXIII

Первоначально являлась самостоятельной частью предыдущей статьи; так же печаталась в кн. НМ. Выделена в отдельную главу в авторском экземпляре, подготовленном для нового расширенного издания.

¹ Цитата из «Путешествия в Арзрум» (гл. 2) А. С. Пушкина.

XXXIV

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 91, 16(3) мая. Вошла в кн. НМ.

¹ В первопечатном — газетном — тексте статья имела конкретный объект полемики и другое начало. «Статья Н. Н. Глебова, — писал Горький, — искренний крик сердца, глубоко возмущенного мрачной путаницей жизни, и я знаю, что сейчас на Руси уже немало людей, которые так же страстно, как Глебов, рвутся из плена грязной и оскорбительной действительности «под культуру» — к истинной свободе, к свету.

Но мне кажется, что Глебов, как и подобные ему люди...» — и далее, как в книжном тексте, где появление в конце имени Глебова и цитаты из его статьи неожиданно для читателя.

Речь идет о статье Н. Н. Глебова (Путиловского) «Под культуру», напечатанной накануне в «Новой жизни» (1918, № 90, 15(2) мая). В ней он полемизирует с призывом Горького к объединению «на почве культурной работы» старой и рабочей, пролетарской интеллигенции, которые совместными усилиями «должны взять на себя великий труд духовного врачевания народа», «духовного возрождения страны», — призывом, прозвучавшим в статье писателя от 1 мая (18 апреля) 1918 г. (см. ст. XXX). Глебов признает, что «анархо-бунтарская» струя насмешливого отношения к книге, к науке, к культуре вообще наложила свой отпечаток на облик русского рабочего. И давно пора обратить на это серьезное внимание и «обсудить меры борьбы с эпидемией духовного одичания». Это только обыватели и мещане, темные рабочие отрицают культуру, кричат ораторам на митингах: «Чего вы от нас хотите!.. Разве не сказал Ленин «грабь награбленное», какая же наука нужна?» «Между тем, — пишет Глебов, — Ленин, Троцкий, Луначарский начинают упорно говорить: — Эй! «Бегемоты в посудной лавке»... «Лодыри»... «Учитесь грамоте». Русский рабочий не виноват, что он «сер, коряв и некультурен», «он питался крохами, падающими со стола господ, всегда за кем-нибудь шел. Шел за «зубатовщиной», шел за «гапоновщиной», с крестом и верой, думая просто выпросить себе то, что в Западной Европе приобрели борьбой. Теперь самоотверженно, не щадя себя, ломая голову, через политические буераки и чертополохи, скачет за товарищем Лениным...» Чтобы спасти рабочий класс, надо расчистить ему «путь доподлинного революционного творчества», он должен «самоорганизоваться».

Поэтому, считает Глебов, горьковской заботе о развитии культуры «не хватает классовой думы». Конечно, неплохо, если интеллигенция придет на помощь пролетариату, «позовет его под культуру». Но все же у рабочего свои собственные классовые интересы, и он хочет «пойти под культуру» самостоятельно. «Выходящему на широкий путь русскому рабочему, — пишет Глебов, — во что бы то ни стало надо избавиться» от мешающей ему «затхлой атавистической обузы» и опеки как в политической, так и в культурной областях. И «лозунгом дня» должна быть «организация пролетариата по принципу классовости». «Многие из рабочих — к ним примыкает и пишущий эти строки, — заключает он, — уже нашли такой способ: они создают «Единую Рабочую Партию». Они идут под культуру».

В редакционном примечании «Новая жизнь» отмечала: «Печатаю статью Н. Глебова, редакция, однако, не разделяет веры автора в неисчерпаемую силу «единой рабочей партии». История рабочего движения на Западе и у нас свидетельствует, что признаки «единая» и «рабочая» при отсутствии всякой определенной политической окраски отнюдь не га-

рантируют рабочих от подчинения буржуазной идеологии, т. е. от извращения классовой сущности их организаций.

Автор прав, что рабочим надо отрешиться от узкой фракционности, максимализма и некультурности. Но нет надобности изобретать для этого какой-то самобытный русский путь, который неизвестно куда может привести. Только идеи социализма и классовой борьбы могут предохранить рабочих от неверных шагов и бесплодных блужданий. Надо строить единую социал-демократическую партию и классовые профессиональные союзы по примеру западно-европейского пролетариата. И надо позаботиться о культурном просвещении рабочих».

После того как газета дала оценку политическим взглядам автора, Горький в следующем номере полемизирует с ним только по вопросам культуры.

XXXV

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 97, 23(10) мая. Вошла в кн. НМ без заключительной части, которая печатается в Приложении под этой же датой (см. примеч. 57).

¹ *Христиания* (Кристиания) — название г. Осло (столица Норвегии) в 1624—1924 гг.

² *Старинные лаки* — то есть художественные резные изделия (гл. обр. деревянные), покрытые прозрачным, блестящим лаком, служащим декоративной отделкой поверхности.

³ *Финифть* — художественная эмаль, наносимая на металлический предмет и закрепляемая обжигом; применяется для украшения предметов, исполнения миниатюрных портретов и т. д.

⁴ *Клуазонне* (от франц. *cloison* — перегородка) — перегородчатая эмаль; получается при заполнении промежутков (перегородок) между металлическими ленточками, напаянными ребром на поверхность металла.

⁵ Речь идет о походе русской армии в Китай для подавления ихэтуаньского («боксерского») восстания, вызванного произволом иностранцев в стране. В акции участвовало еще семь держав, вооруженные отряды ихэтуань не могли оказать серьезного сопротивления. В августе 1900 г. интервенты заняли Пекин, организовали кровавую расправу над повстанцами и мирными жителями. Пекин подвергся варварскому разграблению.

⁶ В конце XIX в. Россия развернула активную деятельность за сферу влияния в Китае, стремясь укрепиться в Маньчжурии (вопреки интересам Японии). В июне 1896 г. был подписан секретный русско-китайский договор, по которому создавался русско-китайский оборонительный союз. Китай дал согласие на постройку Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) через Маньчжурию на Владивосток. Следующим этапом империалистического натиска было заключение в марте 1898 г. соглашения, по которому Россия получала в аренду на 25 лет Люйшунь (Порт-Артур) и Далянь (Дальний) и право строительства на Ляодунском полуострове железной дороги к КВЖД. Превращение Северной Маньчжурии в русскую сферу влияния, борьба за господство в Северо-Восточном Китае и Корее привело к русско-японской войне 1904—1905 гг., окончившейся поражением царской России.

⁷ Имеется в виду одна из ветхозаветных легенд о Ное и его трех сыновьях, от которых «населилась вся земля». После потопа Ной начал возделывать землю и насадил виноградник, «и выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем». И увидел его Хам, младший сын, который не только не устыдился наготы отца своего, но «и вышел рассказал двум братьям своим». Они же взяли одежду и, стараясь не смотреть, прикрыли наготу отца своего. А шестисотлетний Ной, «узнав, что сделал над ним» Хам, проклял сына его Ханаана: «раб рабов будет он у братьев своих» и у братьев отца своего — Сима и Иафета (Бытие, 9, 18—27).

⁸ Статья эта, с ее тревогой по поводу расхищения художественных ценностей, хранившихся в музеях, церквях, дворцах, усадьбах, являлась продолжением выступлений Горького в защиту национальных сокровищ России (см. Приложение, ст. «Американские миллионы») и его работы по охране памятников культуры и искусства, начатой еще в Февральскую революцию. Он был одним из инициаторов организации Особого совещания по делам искусств, возглавив Комиссию по вопросам искусства при Исполкоме Совета рабочих и крестьянских депутатов. Возмущаясь массовым вывозом из России художественных ценностей, Горький выступает не просто против ограбления ценностей страны; для него это прежде всего забота о сохранении культуры страны. Ибо, как точно заметил академик Д. Лихачев, произведения искусства, художественные памятники «создают культурную ауру», отсутствие или исчезновение их «означает падение, снижение культуры страны». Ослабевает «силовое поле культуры».

После Октября охрана памятников духовной культуры, художественного достояния республики перешла в ведение Наркомпроса, при котором была образована специальная комиссия. Примечательно воззвание Петроградского Совета к гражданам России в 1917 г.: «Граждане! Старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принад-

лежит народу. Берегите это наследство <...> Берегите картины, статуи, здания — это воплощение духовной силы нашей и предков ваших <...> Не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, старинные вещи, документы — все это ваша история, ваша гордость. Помните, что все это — почва, на которой вырастет ваше новое народное искусство». Советское правительство уделяло этому делу большое внимание. Характерно такое сообщение тех дней: «Эвакуация художественных ценностей. В настоящее время уже вывезено большинство предметов, имеющих определенную ценность и историческое значение и находящихся в <...> окрестностях Петрограда <...> упаковка ведется под наблюдением особых комиссий. За последнее время в Царском Селе производится эвакуация предметов, относящихся к старинной иконописи и церковной утвари и находящихся в местных дворцах, храмах, соборах» («Правда», 1917, 12 декабря (29 ноября), веч. вып., № 23). Для отбора и оценки вещей, имеющих художественное значение, Горький по предложению народного комиссара торговли и промышленности Л. Б. Красина организовал в Петрограде Экспертную комиссию (февраль 1919 г.). К работе в ней были привлечены крупнейшие специалисты. Наиболее значительные художественные ценности Экспертная комиссия передавала в Эрмитаж, но главной ее задачей было создание антикварного экспортного фонда для приобретения за границей валюты, в которой так нуждалась республика. Ленин придавал большое значение работе комиссии, ее предложения в Совнарком требовал решать с «чрезвычайным ускорением» (см.: «В. И. Ленин и А. М. Горький». М., 1969, с. 193—195). Но если в первые послеоктябрьские годы продажа отдельных произведений искусства была вызвана чрезвычайными обстоятельствами, в которых находилась страна, то распродажа бесценных сокровищ из Эрмитажа, национализированных дворцов Строганова, Юсупова, Шереметева, Шувалова с их живописными шедеврами и коллекциями прикладного искусства, старой русской иконописи и других церковных реликвий приобрела впоследствии преступный массовый характер (подробно см. об этом в ст. А. Мосякина.— «Огонек», 1989, № 6—8).

XXXVI

Впервые напечатана под названием «Нельзя молчать!» — НЖ, 1917, № 156, 18(31) октября. Вошла в кн. РИК (под указанной датой, но без заглавия).

В авторском экземпляре, служащем оригиналом для настоящего издания, ст. имела № XXXVII. (Подряд идущие еще две статьи из кн. РИК получили соответственно № XXXVIII и XXXIX.) Напечатанная до Октябрьской революции, она оказалась в горьковском экземпляре, который он подготовил для нового, расширенного издания, после ст. (из цикла «Несвоевременные мысли») № XXXVI (по его же нумерации), написанной почти месяц спустя и являющейся реакцией на уже совершив-

шуюся революцию. Самоочевидно, что здесь какая-то путаница, ошибка, случайный недосмотр: рядом помещены две статьи, порядок расположения которых нарушает логическое развитие событий. (То, что нарушена также хронология, не составляет проблемы, ибо для Горького в принципе не существенна временная последовательность статей в книге, а важна группировка их по проблемам и темам; см. об этом подробнее в предисловии.) Исходя из этого и абсолютно не сомневаясь в случайном авторском недосмотре, мы впервые и единственный раз отступили от подлинника и поместили ст. XXXVII (и находящиеся с нею «в связке» ст. XXXVIII, XXXIX) не после, а до ст. XXXVI. Таким образом статьи эти получили в нашей публикации новую нумерацию: XXXVI, XXXVII, XXXVIII, а ст. XXXVI (по авторской нумерации) соответственно перенумерована в XXXIX.

¹ Имеется в виду Июльский политический кризис 1917 г. в России (см. ст. VIII и примеч. 1).

² Вопрос о вооруженном восстании рассматривался на заседаниях ЦК РСДРП(б) 10(23) октября и 16(29) октября; 16-го было принято решение о немедленном выступлении. Горький, разумеется, знал об этом, тем более, что в том же номере «Новой жизни» (со ст. «Нельзя молчать!») было помещено заявление членов ЦК Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева с критикой преждевременности немедленного вооруженного выступления. Но раскол в большевистском центре по этому вопросу (за редакцию Каменева и Зиновьева 16 октября голосовало 6 членов ЦК) давал Горькому надежду, что руководство партии не будет форсировать события («не принимает участия в предполагаемой аванюре», как он пишет здесь), и он требовал опровержения слухов (см. ниже, примеч. 4).

³ Приняв решение о немедленном вооруженном восстании, большевистский центр определенной даты выступления не установил. Но в прессе и в обществе первой датой называлось 20 октября: в этот день предполагалось открытие съезда Советов (сроки неоднократно переносились).

⁴ На следующий день после этого обращения «Новая жизнь» опубликовала заявление члена ЦК партии большевиков, председателя Петросовета Л. Д. Троцкого, вряд ли успокоившее Горького. Оно содержало замаскированный призыв к мобилизации революционных сил и одновременно служило тактическим маневром, чтобы, с одной стороны, завуалировать выступление Каменева и Зиновьева (хотя они на решение ЦК не ссылались), с другой — по мере возможности предотвратить или предупредить ответный удар контрреволюции. Троцкий отрицал установление определенной даты восстания, но выразил уверенность, что, «когда Петроградский

Совет Р. и С.Д. найдет необходимым назначить это выступление, под его революционными знаменами пойдет весь рабочий класс, весь революционный гарнизон» (НЖ, 1917, 19 октября (1 ноября), № 157).

XXXVII

Впервые напечатана под заглавием «К демократии» — НЖ, 1917, № 174, 7(20) ноября. Вошла в кн. РИК (под указанной датой, но без названия).

¹ В ходе Октябрьского вооруженного восстания в ночь на 26 октября (8 ноября) 1917 г. в 2 ч. 10 мин. Временное правительство было арестовано в Зимнем дворце (см. примеч. 9 к ст. XV). Кроме министра-председателя и верховного главнокомандующего эсера А. Ф. Керенского, бежавшего из Петрограда утром 25 октября (7 ноября), в это 3-е коалиционное правительство входили министры-социалисты: внутренних дел А. М. Никитин (меньшевик), труда К. А. Гвоздев (меньшевик), юстиции П. Н. Малянтович (меньшевик), продовольствия С. Н. Прокопович («нефракционный социал-демократ») и земледелия С. Д. Маслов (эсер). Они были освобождены Советской властью. Некоторые из них (Гвоздев, Никитин, Прокопович) вместе с оставшимися на свободе заместителями министров решили подпольно продолжать деятельность Временного правительства: издавали контрреволюционные распоряжения, получили из Госбанка до 40 миллионов рублей, из которых, в частности, выплачивали жалованье чиновникам-саботажникам. Подпольное Временное правительство просуществовало до 16(29) ноября 1917 г.

² О *Бернацком* см. примеч. 6 к ст. XV.

³ См. там же, примеч. 5.

⁴ *Терещенко* Михаил Иванович (1886—1956) — крупный землевладелец и сахарозаводчик. После Февральской революции — министр финансов во Временном правительстве (внепартийный), после отставки Милюкова (см. примеч. 10 к ст. XV) занял пост министра иностранных дел, сторонник войны до «победного конца». В ночь на 26 октября (8 ноября) был арестован вместе с другими министрами Временного правительства (см. примеч. 5—7 и 9 к ст. XV). После освобождения бежал за границу, принимал активное участие в организации военной интервенции против Советской России.

⁵ Речь идет о боях между казачьими частями 3-го конного корпуса под начальством генерала П. Н. Краснова и революционными полками, отрядами балтийских моряков и Красной Гвардии Петроградского гар-

низона в районе Пулково и Царского Села 30 октября (12 ноября) 1917 г. Организатором контрреволюционного мятежа с целью захвата Петрограда и свержения провозглашенной Советской власти был бежавший в штаб Северного фронта А. Ф. Керенский. После многочасового боя наступление казаков было остановлено, под угрозой окружения Краснов отошел в Гатчину, которую 1(14) ноября заняли революционные войска. Керенский тайно бежал, Краснов и его штаб были арестованы.

⁶ Имеются в виду боевые сражения между красногвардейскими и солдатскими отрядами Московского военно-революционного комитета и юнкерами, другими контрреволюционными силами во время вооруженного восстания в Москве 28 октября — 3 ноября 1917 г. (по ст. стилю), закончившегося захватом Кремля и переходом власти к большевистским Советам. Горький был свидетелем этих событий и свои впечатления описал в очерке «В Москве» (см. Приложение), вызвавшем резкую критику большевистской печати.

⁷ Вслед за арестом членов Временного правительства в тот же день, 26 октября (8 ноября) 1917 г., не дожидаясь декрета Совета Народных Комиссаров о печати, Петроградский военно-революционный комитет закрыл ряд правобуржуазных и либеральных газет, признанных контрреволюционными. (Монархическая и откровенно черносотенная, реакционная пресса (вроде «Русского знамени», «Земщины», «Колокола», «Биржевки» и др.) была закрыта после Февральской революции.) 27 октября (9 ноября) был принят, а на следующий день опубликован, за подписью Ленина, «Декрет о печати», в котором указывалось, что «в тяжкий, решительный час переворота и дней, непосредственно за ним следующих», ВРК «вынужден был предпринять целый ряд мер против контрреволюционной печати разных оттенков». Далее в нем сообщалось:

«Закрытию подлежат лишь органы прессы: 1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера <...>

3. Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом по наступлении нормальных условий общественной жизни («Известия», 1917, № 209, 28 октября (10 ноября)); см. также: Декреты Советской власти, т. 1. М., 1957, с. 24—25).

По декрету было закрыто не только большинство буржуазных газет, но также некоторые социалистические органы печати. В «Резолюции ВЦИК по вопросу о печати» от 4(17) ноября указывалось: «Закрытие буржуазных газет вызывалось не только чисто боевыми потребностями в период восстания и подавления контрреволюционных попыток, но и являлось необходимой мерой для установления нового режима в области

печати, такого режима, при котором капиталисты — собственники типографий и бумаги не могли становиться самодержавными фабрикантами общественного мнения (...) Восстановление так называемой «свободы печати», т. е. простое возвращение типографий и бумаги капиталистам — отравителям народного сознания, явилось бы недопустимой капитуляцией перед волей капитала, сдачей одной из важнейших позиций рабочей и крестьянской революции, т. е. мерой безусловно контрреволюционного характера» (там же, с. 43). Однако не все члены ВЦИК были согласны с этой резолюцией. Вопрос об отмене декрета о печати внес на заседании ВЦИК Ю. Ларин (М. А. Лурье; 1882—1932). Его предложение поддержали левые эсеры, но большинством голосов была принята большевистская резолюция. Выступая на этом заседании, Ленин говорил: «Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в руки. Терпеть существование этих газет, значит перестать быть социалистом» (Полн. собр. соч., т. 35, с. 54). Пролетарскую позицию по отношению к буржуазной прессе популярно охарактеризовал на одном из митингов Троцкий. Отвергая обвинения «буржуазии, ее газетчиков и политиков» в том, что большевики «являются душителями свободы слова», он объяснял: «Свобода печати! Что понимают под этим словом адвокаты буржуазии? То же самое, что и под свободой торговли». Для них свобода печати — это свобода на получение барыша из капитала, который они пускают в оборот, издавая газету. А у «миллионов крестьян, рабочих, солдат, вообще бедноты» нет ни издательства, ни типографий, ни средств, в то время как у буржуев, вроде издателя «Нового времени» Суворина, есть все возможности «лить потоки лжи и клеветы» на великую революцию. Их крики о «свободе слова» «размягчают сердца так называемых демократических интеллигентов, т. е. поверхностных мещан». Но вызывает сожаление, что даже такие «люди, как Горький или Короленко, люди, несомненно, честные, не проникнутые насковзь мелкими и пошлыми предрассудками мещанской среды, готовы проливать свои слезы по поводу насилия над нововременскою свободой печати» («О свободе печати. Из речи Троцкого в манеже Гренадерского полка 27 ноября». — «Правда, 1917, № 202, 13 декабря (30 ноября).

⁸ Столыпин Пётр Аркадьевич (1862—1911) — крупный государственный деятель царской России, с 1906 г. министр внутренних дел и председатель Совета Министров, одна из колоритнейших и противоречивых фигур в кабинете последнего российского царя. В эпоху реакции 1907—1911 гг. определял правительственный курс, беспощадно расправлялся с освободительным движением, стараясь предотвратить революцию, укрепить самодержавие. В стране свирепствовали военно-полевые суды, полнились тюрьмы, тысячи были казнены, сосланы на каторгу. Палач-вешатель, как его называл народ (вспомним «столыпинские галстуки»), он провел контрреволюционный третьеиюньский переворот, распустив II Го-

сударственную думу и установив новый избирательный закон, угодный блоку помещиков и буржуазии. Столыпин был реформатором, являлся руководителем новой аграрной реформы, насаждавшей крупные хуторские хозяйства и ускорившей разрушение крестьянской общины. Двинув экономику страны резко вперед, столыпинщина все же провалилась, потому что ее реформы не затрагивали отжившего свой век, окончательно прогнившего самодержавного строя, оставляли в неприкосновенности помещичье землевладение и опирались на реакционнейшую национальную политику. Реформа привела к массовому разорению мужика. Деятельность этого аристократа и крупного помещика на определенном этапе вступила в противоречие с интересами крупной бюрократии и придворного окружения царя. Когда судьба его как премьер-министра в сущности была предрешена, Столыпин был убит в Киеве провокатором, агентом охраны Д. Богровым.

⁹ Плева Вячеслав Константинович (1846—1904) — яркий реакционер, министр внутренних дел и шеф жандармов с 1902 г. Был убит в Петербурге членом Боевой организации партии социалистов-революционеров Е. С. Саоновым.

XXXVIII

Впервые под заглавием «Вниманию рабочих» — НЖ, 1917, № 177, 10(23) ноябр. Вошла в кн. РИК (под этой датой, без названия).

¹ Слова анархиста-заговорщика нечаевского типа Петра Верховенского в романе Достоевского «Бесы». На собрании кружка, «представлявшего собою цвет самого ярко-красного либерализма в нашем древнем городе», как пишет Достоевский, Верховенский, принятый «за приехавшего заграничного эмиссара, имеющего полномочия», заявляет: «Я объявляю, господа, что мне нужен прямой ответ <...> Минуту разговоров — потому что не тридцать же лет опять болтать, как болтали до сих пор тридцать лет, — я вас спрашиваю, что вам милее: медленный ли путь, состоящий в сочинении социальных романов <...> или вы держитесь решения скорого, в чем бы оно ни состояло, но которое наконец развяжет руки и даст человечеству на просторе самому социально устроиться, и уже на деле, а не на бумаге? <...> А потому прошу всю почтенную компанию не то что вотировать, а прямо и просто заявить, что вам веселее: черепаший ли ход в болоте или на всех парах через болото?» (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 т., т. 10. М., 1974, с. 315—316).

² Ссылаясь на Нечаева, Горький, собственно, цитирует героев «Бесов». Ср. диалог Верховенского со Ставрогиним:

— Знаете еще, что говорит Кармазинов: что в сущности наше учение

есть отрицание чести и что откровенным правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно.

— Превосходные слова! Золотые слова! — вскричал Ставрогин. — Прямо в точку попал! Право на бесчестье — да это все к нам прибегут, ни одного там не останется!» (там же, с. 300).

³ На это ответили в «Правде» унтер-офицеры П. Янцевич, Новиков и Прапорщик в «Открытом письме М. Горькому»: «Мы всегда рассчитывали, что этика для художников-писателей обязательна, а оказывается нет. Максим Горький в «Новой жизни» от 10 ноября, как видно, решил пойти по ступеням Куприна и Л. Андреева и, закрыв глаза (если это только наивность?), утверждает, что большевики, «бесчестя рабочий класс, заставляют его устраивать кровавые бойни и понукают к погромам и арестам ни в чем не повинных людей». Мы спрашиваем М. Горького: что это — наивность, или сознательная ложь? и кстати ставим и второй вопрос: что прикажете делать с г. Пуришкевичем, который приготовился отравить всех народных представителей в Смольном? <...> вашему эстетическому чувству несвойственно возмущаться по отношению произвола над <...> революционерами, а лишь защищать (невинных?) Коноваловых, а самое главное, ответьте нам, кто больше позорит русскую революцию — тт. Ленин и Троцкий, или вы, т. Горький?» («Правда», 1917, № 187, 25(12) ноября).

⁴ См. примеч. 5, 6, 7 к ст. XV и примеч. 1 к ст. XXXVII.

⁵ Здесь, видимо, подразумеваются такие деятели, как Каменев, Зиновьев, нарком Луначарский, которые еще совсем недавно расходились с Лениным по различным тактическим и теоретическим вопросам.

XXXIX

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 179, 12(25) ноября. Вошла в кн. РИК и НМ.

¹ Очевидно, речь идет о письме «Механика флота завода «Людвиг Нобель» Т. Ткаченко, напечатанном двумя днями раньше в «Правде» как отклик на статью Горького «К демократин» (см. ст. XXXVII). Как пишет Ткаченко, прочитав статью, он «с ужасом увидел», что тот, «кто 25 лет жил для народа и отечество для которого — народ» и которого и он «считал народным писателем, вдруг уходит от нас». Его изумляет, что Горький «страдает по Коноваловым, Бернацким, Терещенко», «оплакивает золотое время буржуазной печати, пропитанной сатанинским ядом», «составляет свои грозные статьи на народное мужицкое Правительство», а народ, «тяжелыми страданиями которого сотни лет жила кучка разбой-

ников», изображает темной массой, не имеющей «никакого представления о свободе личности, о правах человека». Заканчивается письмо словами: «Спасибо вам, Максим Горький и разные «борцы за народ», что вовремя сбросили маски, и вас оценит народ» («Правда», 1917, № 185, 23(10) ноября.).

В таком же духе, не понимая — а чаще и не пытаясь понять — боли и переживаний Горького за судьбу революции, писали в эти ноябрьские дни многие авторы: Илья Ионов. Максиму Горькому (певцу чужого стана).— «Правда», 30(17) ноября, веч. вып., № 14; Еф. Мушник. Еще о «Новой жизни» (там же); «рабочий поэт» Ив. Логинов. Мы и они (М. Горькому).— «Правда», 22(9) ноября, № 184; он же. «Письмо М. Горькому».— «Правда», 27(14) ноября, веч. вып., № 10; «пролетарский поэт» Леонтий Котомка. М. Горькому.— «Правда», 5 декабря (22 ноября), № 196; В. Быстрянский. О пролетариате и «демагогах».— «Правда», 28(15) ноября, № 190; анонимная статья «По наклонной плоскости».— «Правда», 21(8) ноября, № 183, и др.

² Написана в 1910 г., впервые напечатана в журнале «Современный мир» (1911, № 2); с незначительными цензурными изъятиями статья вышла отдельной книгой в 1914 г. Впоследствии неоднократно печаталась в различных изданиях, сборниках литературно-критических статей Горького.

³ В оригинале статьи «О писателях-самоучках» и в первопечатном — газетном — тексте «Несвоевременных мыслей» было: «...каким дворянин чудесных рассказов А. Н. Толстого говорит...» (см.: Г-30, т. 24, с. 133).

⁴ В оригинале статьи цитируемый текст заканчивается словами: «...но — все надо делать прежде всего — любя, а затем — зная!» (см. там же).

⁵ «Речь» была закрыта (наряду с другими буржуазными газетами, — см. примеч. 7 к ст. XXXVII) 26 октября (8 ноября) 1917 г. (но 26.X. вышел № 252). Вскоре издание газеты возобновилось, потом она еще несколько раз закрывалась, однако под разными названиями («Наша речь», «Век», «Наш век») продолжала выходить до августа 1918 г.

⁶ *Бурцев Владимир Львович* (1862—1942) — журналист и издатель (основал ж. «Былое»), был близок к эсерам, затем поддерживал партию кадетов, известен своей деятельностью по разоблачению провокаторов, за что получил прозвище «ассенизатора политических партий» (см.: В. Бурцев. В погоне за провокаторами. М.—Л., 1928). В 1917 г. он выступил против антивоенной, «пораженческой» позиции Горького и «Новой жизни», об-

винив писателя в «измене родине» (см. ст.: «Или мы, или те, кто с ними», «Не защищайте Горького!» и др.— «Русская воля», 1917, 7(20) и 9(22) июля, № 159, 161). Клеветнические измышления Бурцева (с которым Горький был знаком, в свое время состоял в переписке, напечатал в его газете «Будущее» (1911 г.) несколько статей) были подхвачены буржуазной прессой, а одна из газет даже причислила Горького к «германской агентуре» (см. «Живое слово», 1917, 7(20) июля, № 53; в кампании травли приняло участие и «патриотическое» «Единство» Плеханова). Горький потребовал от Бурцева «опровержения клеветы» («Новая жизнь», 1917, 9(22) и 12(25) июля, № 70, 72), но тот вновь выступил против него, на этот раз обвиняя писателя в политической близости к большевизму («О Ленине и М. Горьком».— «Русская воля», 1917, 29 июля (11 августа), № 178).

В день Октябрьского вооруженного восстания Бурцев выпустил газету «Наше общее дело». На следующий день «решительность» и «патриотизм» ее редактора разрекламировала «Речь» (на этом закрытая): «В передовой статье Вл. Бурцев весьма решительно обрушивается на «действие» большевиков и формулирует задачи текущего момента. В современный трагический момент истории нашей родины, в настоящее время, мы ничего так страстно не хотели бы, как того, чтобы наша совесть нам позволила всеми нашими силами от всей души идти навстречу Временному Правительству». Далее он призывает правительство «всеми мерами», «совместно с союзниками, обеспечить исход настоящей войны, а для этого раздавить все попытки внутренней гражданской войны и систематически бороться со всеми проявлениями большевизма» («Речь», 1917, 26 октября (8 ноября), № 252).

Бурцев был арестован в ночь на 26 октября 1917 г. постановлением Петроградского ВРК, а его газета — закрыта. Впоследствии — эмигрант, редактировал основанную в конце 1920 г. газету «Общее дело» — орган единого антибольшевистского фронта (кадетов, «народных социалистов» и эсеров).

⁷ О Карташеве, Бернацком, Коновалове см. примеч. 6, 7, 8 к ст. XV.

XL

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 209, 23 декабря (5 января 1918). Вошла в кн. Рик и НМ.

¹ Ираклий Георгиевич Церетели (1881—1959) — один из лидеров меньшевиков — не был арестован. Его задержали по распоряжению председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского 18(31) декабря 1917 г. вместе с несколькими членами «Союза защиты Учредительного собрания» (В. М. Черновым, Ф. И. Даном, А. Р. Гоцем и др. — всего 12 человек), но по приказу

наркома юстиции, эсера Э. И. Штейнберга освободили (представители левых эсеров входили тогда в состав Совета Народных Комиссаров). Конфликт этот разбирался на заседании СНК. Правительство признало действия Штейнберга неправильными, указав, что задержание членов «Союза защиты Учредительного собрания» было произведено по его указанию «для выяснения личностей» («Ленинский сборник» XXI, с. 111). Это было вызвано обострившейся борьбой вокруг созыва Учредительного собрания, которую развернул «Союз защиты». Именно в эти дни он начал подготовку к демонстрации, приуроченной к открытию 5(18) января 1918 г. Учредительного собрания, которое контрреволюционные силы стремились противопоставить Советской власти.

Положение было напряженным. В начале января Советское правительство объявило Петроград на осадном положении, были назначены Чрезвычайная комиссия по охране города и создан Военный штаб, революционные моряки с крейсера «Аврора» несли караул в Таврическом дворце, где 5(18) января открылось Учредительное собрание; революционные войска остановили демонстрантов (юнкера, чиновники, частично рабочие и пр.), были вооруженные столкновения и жертвы. Этой манифестации посвящена статья Горького в НЖ (1918, № 6, 9(22) января; см. Приложение).

Как политический деятель Церетели был весьма заметной фигурой. Участвуя со студенческих лет в освободительном движении, он прошел царские тюрьмы и сибирскую ссылку. Был депутатом II Государственной думы, где возглавлял социал-демократическую фракцию. После роспуска Думы (в 1907 г.) был обвинен в организации военного заговора и осужден на каторгу. Вернувшись после Февральской революции в Петроград, возглавил меньшевиков — «революционных» оборонцев, являлся членом Исполкома Петроградского Совета и зам. председателя Президиума ВЦИК (1-го созыва), выступал за коалицию с буржуазными партиями. Церетели был в числе встречавших Ленина, возвратившегося 3 апреля 1917 г. из эмиграции. В мае 1917 г. он вошел в первый состав коалиционного Временного правительства в качестве министра почт и телеграфов, с Июльских дней непродолжительное время — министр внутренних дел. Возглавил антисоветский блок в Учредительном собрании, один из руководителей контрреволюционного меньшевистского правительства на Кавказе. После победы Советской власти в Грузии (25 февраля 1921 г.) Церетели эмигрировал во Францию (с 1940 г. жил в США), вел антисоветскую деятельность, был представителем грузинских меньшевиков в Международном социалистическом бюро и членом Исполкома IV Интернационала.

² Характеристика Церетели как «честнейшего человека» (и такого человека «хотят арестовать») вызвала ответ в «Правде»: «Мы не знаем «хотят» или «не хотят» устроить такое святотатство. Но только все же не помнит ли сердобольный покровитель «честнейшего человека», как этот «честнейший» предавал демократию на «Демократическом совещании»?

Или, быть может, мелкий жулик — это и значит «честнейший»? Здесь же газета отметила склонность писателей из «Новой жизни» «все вывернуть на изнанку», а по поводу «продолжающихся печататься» «Несвоевременных мыслей» заявила, что «они должны были бы быть горькими, если бы не были просто смешными» («Печать». — «Правда», 1918, № 223, 6 января (24 декабря). В этом же номере была напечатана статья за подписью «Алексей Га-р» — «Святая буржуазия и Горький». Автор сокрушается, что, «как ни трудно заставить себя отнестись спокойно, внимательно и беспристрастно к тому, что пишет теперь Горький», он все же «не может понять его». Он верит, что писатель, «конечно, честен» и намерения его «добрые и хорошие». Между тем «несвоевременные мысли» Горького — это все разрастающийся обвинительный акт против большевиков». Горький должен обратить внимание на контрреволюционные устремления буржуазии, которая «давно спешит уже к генералу Каледину» «расстреливать социалистических рабочих». Почему ж у писателя «так много жалких слов о некультурности», «азиатчине» рабочих и солдат и «так мало хотя бы интереса к тому, чего хотят, о чем тоскуют, по чем вздыхают российские буржуа?»

³ См. примеч. 1 к ст. XXVI.

⁴ Это утверждение «Правда» нашла настолько абсурдным, что, приводя его (цитата сопровождалась множеством восклицательных знаков), ограничилась лишь ироническим замечанием: говорите, «господа <...> не стесняйтесь: бумага все терпит <...> И складно, и ладно!» (см. выше ст. «Печать», примеч. 2).

⁵ *Аввакум Петрович* (1620 или 1621—1682) — протопоп, писатель, идеолог старообрядчества, возглавил церковный раскол, выступив против реформ московского патриарха Никона. Несмотря на бесконечные гонения (10 лет сибирской ссылки, 15 лет земляной тюрьмы), фанатично отстаивал догматы старой веры. Был сожжен в срубе.

XLI

Впервые под заглавием «Плоды демагогии» — НЖ, 1917, № 208, 22 декабря (4 января 1918). Вошла в кн. РИК.

¹ *В. Строев* (псевдоним Василия Алексеевича Десницкого; 1878—1958) — участник революционного движения с 1897 г., вел подпольную работу в Нижнем Новгороде, Москве и др. городах, друг Горького, содействовал вовлечению писателя в социал-демократическое движение. В 1903—1909 гг. — большевик, во время революции 1905 г. участвовал в организации первой встречи Горького с Лениным, делегат III—V съез-

дов РСДРП, член ЦК партии (с 1906 г.), активно сотрудничал в большевистской печати. В 1909 г. — участник фракционной партийной школы на Капри, организованной при непосредственном участии Горького. Отойдя от большевиков, входил в группу социал-демократов-интернационалистов, объединявшихся вокруг «Новой жизни», одним из организаторов, редакторов и ведущих публицистов которой был. До марта 1918 г. — член ВЦИК от «новожизненцев». В 1919 г. от политической жизни отошел, отдавшись всецело научно-педагогической работе; профессор педагогического института им. А. И. Герцена в Ленинграде. Среди трудов В. А. Десницкого исследования о жизни и творчестве Горького, воспоминания о писателе.

² В. Базаров (псевдоним Владимира Александровича Руднева; 1874—1939) — философ и экономист, в социал-демократическом движении с 1896 г., в период революции 1905 г. примыкал к большевикам, в годы реакции один из пропагандистов (вместе с А. Богдановым, Луначарским и др.) философского идеализма (махизма) и богостроительства, оказавшего большое влияние на Горького. В 1917—1918 гг. занимал позицию меньшевиков-интернационалистов; активный сотрудник «Новой жизни». С 1921 г. работал в советских плановых организациях.

³ Суханов (наст. фамилия Гиммер) Николай Николаевич (1882—1940) — один из лидеров и теоретиков меньшевизма, публицист и экономист. В годы 1-й мировой войны и во время Февральской революции — интернационалист, примыкал к меньшевистской группе Л. Мартова, один из редакторов и ведущих публицистов «Новой жизни», член Исполкома Петросовета, стоял на позициях «революционного оборончества», выступал против большевистского курса на вооруженное восстание, считая, что по своему политическому и экономическому развитию Россия еще не достигла уровня, при котором возможно построение социализма в стране. После Октябрьской революции Суханов работал в советских экономических учреждениях. Несомненную ценность (по фактическому материалу) представляют его «Записки о революции» (т. 1—7), изданные в Берлине в 1922—1923 гг. в «беспартийной» серии «Мемуары о революции», которую организовал Б. И. Николаевский. В этом издании принимал участие Горький как редактор-рецензент.

⁴ Здесь, несомненно, намек на Горького, довольно распространенная в то время спекуляция на его литературном псевдониме. Несколько позже в «Правде» была напечатана «обида» Демьяна Бедного с посвящением: «Всем отшатнувшимся от народа писателям, М. Горькому, В. Короленко особливо». Его длинное стихотворение «Горьковская правда» заканчивалось так:

Но слов бодрящих нет, есть злобный суд и брань,
 И злая жуть берет от горестного вида,
 Что с каждым днем растет, растет меж нами грань,
 Что с каждым днем больней обиды,
 Что со страниц — увы! — когда-то дорогих
 Былые образы на нас уже не глянут...
 Родной народ, любя писателей своих,
 Как ГОРЬКО ими ты обманут!

(«Правда», 1918, 13 января
 (31 декабря 1917), № 227)

⁵ *Эмар Густав* (наст. имя Оливье Глу; 1818—1883) — французский писатель, автор авангардно-приключенческих романов («Следопыт», 1858; «Пираты прерий», 1859, и мн. др.).

XLII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 11, 17(30) января. Вошла в кн. НМ.

¹ *Железняков Анатолий Григорьевич* (1895—1919) — матрос Балтийского флота, в 1917 г. принадлежал к группе анархистов, поддерживавших большевиков. Накануне Октябрьского вооруженного восстания член Военно-морского революционного комитета, прибыл в Петроград с отрядом моряков и командовал подразделением во время штурма Зимнего дворца. 6(19) января 1918 г., будучи начальником караула Таврического дворца, по приказу Советского правительства закрыл Учредительное собрание, отказавшееся признать декреты и мирную политику Советской власти. К тому времени (был пятый час утра) оно уже заседало 13 часов (большевистская фракция и левые эсеры ушли). Железняков сообщил председателю Учредительного собрания В. М. Чернову полученную от наркома по военным и морским делам П. Е. Дыбенко инструкцию: всем присутствующим покинуть зал заседания, так как время позднее и караул устал. В январе 1918 г. Железняков назначается членом Верховной коллегии по румынским и русским делам и председателем Революционного штаба Дунайской флотилии, участвовал в боях против войск украинской Центральной Рады и австро-германских интервентов. Командовал полком, затем бронепоездом, был смертельно ранен в бою.

² *Земский деятель, врач по образованию Андрей Иванович Шингарев* (1869—1918) был членом ЦК кадетской партии, депутатом II, III и IV Государственных дум, а после Февральской революции — министром земледелия в первом составе и министром финансов во втором составе Временного правительства, являлся депутатом Учредительного собрания.

Шингарев был арестован 28 ноября (11 декабря) 1917 года на квартире графини Паниной (см. примеч. 3 к ст. XV), когда там происходило совещание членов Центрального комитета партии кадетов.

Федор Федорович Кокошкин (1871—1918) — публицист, приват-доцент Московского университета по кафедре государственного права, один из основателей партии кадетов и член ее ЦК; избирался депутатом I Государственной думы, занимал пост Государственного контролера во 2-м составе Временного правительства, депутат Учредительного собрания. Он был арестован одновременно с Шингаревым согласно декрету СНК об аресте и предании суду «вождей гражданской войны против революции». Из Петропавловской крепости обоих перевели на лечение в Марининскую больницу, где в ночь с 6(19) на 7(20) января 1918 г. они были убиты ворвавшимися туда матросами, среди которых были анархисты и уголовники.

Получив донесение об этом, Ленин приказал «немедленно» «начать строжайшее следствие» и «арестовать виновных в убийстве матросов» («Правда», 1918, № 6, 21(8) января, веч. вып.; ср.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, с. 26). Дыбенко «от имени флота» потребовал, чтобы «совершившие преступление назвали себя и явились в революционный трибунал». Петроградский Совет единогласно принял «резолюцию самого решительного осуждения дикого акта». Были приняты все меры к тому, чтобы «разыскать и подвергнуть виновных революционному суду» («Правда», 1918, № 6, 22(9) января).

«Преступление перед революцией» — так назвала «Правда» редакционную статью о матросском самосуде. «Иначе нельзя назвать бессмысленного и дикого убийства двух кадетских министров, — писала газета. — Не потому, что революция не может «проливать кровь», а потому, что данное убийство было зверским актом по отношению к больным и пленным врагам. Контрреволюционеры не могли иметь лучшего козыря». «Партия пролетариата, Советы рабочих, солдат и крестьян, — указывалось в статье, — это могучие массовые организации, действующие организованно и планомерно (...) Но убийство отдельных да еще больных врагов, самосуд бессмысленный, жестокий, направленный против случайно подвернувшихся лиц, — это преступление против революции. Ибо такие акты развращают, дезорганизуют, деморализуют массы, превращают стройные ряды революционеров в кучки бессмысленно действующих лиц». А то, что контрреволюция, насильники-буржуи теперь поднимут «бешеный вой против большевиков и Советов, рабочих и солдат», то «этим противникам», говорится в заключение статьи, мы скажем: «Вы кричите сейчас. Но мы помним о ваших зверствах (...) Мы только что видели предательские выстрелы в тт. Ленина и Урицкого (...) но вы об этом не писали, виновных не разыскивали. Мы же открыто и честно говорим: то, что случилось — это преступление. Мы не скрываем, не замалчиваем. Мы боремся с такими поступками, мы их искореняем» (там же).

После многомесячного тщательного расследования пять человек, виновных в убийстве, были осуждены революционным трибуналом (см.: «Наш век», 1918, 18(5) июня).

³ В связи с активизацией антисоветских сил после разгона Учредительного собрания и обострения обстановки в стране, начиная с января 1918 г. Ленин неоднократно заявлял в своих речах и писал о необходимости усиления карательных мер против контрреволюционеров, уголовников, грабителей, хулиганов, спекулянтов. «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов», — писал он в «Очередных задачах Советской власти» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 196; ср. в примеч. 2 об отношении Ленина и большевистской печати к убийству Шингарева и Кокошкина). «Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся, — требовал Ленин. — Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам (...) Это — главные враги социализма (...) с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно» (там же, т. 35, с. 200, 201). Ленин требовал «применять террор — расстрел на месте — к спекулянтам... с грабителями надо также поступать решительно — расстреливать на месте» (там же, с. 311). Так же требовалось поступать с «неприятельскими агентами», «контрреволюционными агитаторами», «шпионами» (Декреты Советской власти, т. 1, с. 491).

⁴ Мессия (от др.-евр. «машиах» — помазанник) в некоторых религиях, главным образом в иудаизме и христианстве, — «божественный спаситель», «посланец Бога», который должен «навечно» установить свое царство. С его пришествием наступает «земной рай». Иудейский мессия явился одним из идейных истоков формирования мессианского мифа об Иисусе Христе. В народных движениях средних веков известны десятки лиц, выдававших себя за мессию. «Мессианизм» как религиозная вера в национальную исключительность, божественное предназначение — идеология национализма и расизма.

⁵ См. примеч. 1 к ст. LII.

XLIII

Без заглавия — НЖ, 1917, № 210, 24 декабря (6 января 1918). Вошла в кн. РИК под этой датой, также без заглавия.

В обеих публикациях начиналось так:

«Да, — мы переживаем бурю темных страстей: прошлое вскрыло перед нами свои глубочайшие недра и показывает нам, до чего отвратительно

искажен человек; вокруг нас мечется вьюга жадности, ненависти, мести; зверь, раздраженный долгим пленом, истерзанный вековыми муками, широко открыл мстительную пасть и, торжествуя, ревет злопамятно, злобно.

Но — ...» — и далее, как в тексте. Изменение внесено в НРИ.

¹ *Синезий (379—412 или 431)* — философ-неоплатоник и поэт; родился в Кирене (соврем. Шаххат в Ливии), основанном греками в VII в. до н. э. (один из торговых и культурных центров античности). Изучал философию в Александрии у Гипатии — женщины-ученой, математика и философа-неоплатоника, ставшей жертвой фанатиков-христиан. Около 401 г. принял христианство, через десять лет стал епископом птолемаидским (в Сев. Африке). Свои философские взгляды Синезий излагал в речах, письмах, гимнах, где изысканным слогом развивал платоновское учение об идеях как прообразах вещей, изменчивого бытия, учил постигать их внутренний, философский смысл. Горький познакомился с его сочинениями по единственной в то время книге на русском языке: Ал. Остроумов. Синезий философ, епископ птолемаидский (М., 1879). Хранится в личной библиотеке Горького с его пометами.

² *День рождения Христа (Рождество Христово)* — один из главных христианских праздников, по церковному вероучению отмечается 25 декабря (в России — по старому стилю, что соответствует 7 января нового стиля). Канун дня рождества Иисуса Христа (когда вышла горьковская статья) — сочельник; согласно церковной традиции, является началом праздничного ритуала.

XLIV

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 44, 17(4) марта. Вошла в кн. НМ. В НРИ описка: глава помечена цифрой XXIV.

¹ По православному церковному обряду, последнее воскресенье перед так наз. великим постом (в течение 40 дней до Пасхи), когда верующие просят друг у друга прощения. Этим «прощеным днем» заканчивается праздник проводов зимы — масленица, с ее культом разгульного веселья, обилия еды и питья.

² Это заявление Горького стало названием заметки в «Политическом обозрении» «Известий». Газета отмечала, что еще недавно «эту издохшую совесть» писатель видел только «в распоясавшихся купцах и ревнителях самодержавия», а теперь он пишет, что пролетариат «чадит злобой». «Да, совесть издохла, но только не там, где думает Горький. Пусть он посмотрит на себя в зеркало» («Известия», 1918, 23(10) марта, № 55).

³ Речь идет о процессе над приказчиком кирпичного завода в Киеве Менделем Бейлисом (1873—1934), клеветнически обвиненном в убийстве с ритуальной целью мальчика Андрея Ющинского. Два года (1911—1913) велось следствие и больше месяца длился суд. Несмотря на усилия черносотенцев и антисемитскую агитацию реакционной прессы, вердиктом присяжных заседателей Бейлис был оправдан. В разоблачении инсценированного процесса принимали участие нелегальная большевистская печать, передовые демократические силы России во главе с Горьким и В. Г. Короленко. В день окончания суда, 28 октября 1913 года, естественно не зная его результата, Горький писал с Капри И. П. Ладыжникову: «Мучительно переживаю процесс Бейлиса, — начал пить этот Vale regional или как там его? Но в костре гнева и тоски, стыда и обиды есть уголек надежды: а что, как эти 12 мужичков скажут: нет, не виновен!? Вы представляете, какой это будет праздник на нашей — демократической — улице? Я знаю, конечно, что чудес не бывает, а особенно бедна ими область социальной психологии, но — все-таки — в этом случае — хочется чуда! Ведь лишь оно спасет нас от мирового позора!» (АГ, т. VII, с. 232).

⁴ Расстрел мирного шествия забастовщиков-рабочих на Ленских золотых приисках в Сибири, протестовавших против ареста членов стачечного комитета, произошел 4(17) апреля 1912 г. Было убито 270 и ранено 250 человек.

Кровавая жандармская расправа вызвала всенародное возмущение. Социал-демократическая фракция в Думе внесла запрос правительству по поводу Ленского расстрела. Министр внутренних дел А. А. Макаров ответил на него беспощадно — наглым окриком: «Так было и так будет впредь». Этот эпизод отражен Горьким в четвертой части «Жизни Клима Самгина».

⁵ Во время империалистической войны еврейское население западных областей России поголовно обвинялось в измене и шпионаже. Евреев начали выселять из пограничных районов. Черносотенный характер этой кампании раскрыл В. Г. Короленко в статье «О Мариампольской измене», напечатанной в «Русских ведомостях» (1915, № 200, 30 августа). С протестом против «нового навета на евреев» (слова Горького из его письма Короленко) выступила вся демократическая русская интеллигенция. В помощь беженцам в 1915 г. под редакцией Л. Андреева, Горького и Ф. Сологуба «Русское общество для изучения еврейской жизни» выпустило литературный сборник «Цит», за два года выдержавший три издания. В нем приняли участие многие писатели и общественные деятели (см. также примеч. 6 к ст. XIII).

⁶ Григорий Борисович Иоллос и Михаил Яковлевич Герценштейн — жертвы черносотенной реакции. Схожи их биографии, общественная дея-

тельность, судьбы. Ровесники (род. в 1859 г.), они учились в одной гимназии, оба ученые-экономисты, оба принадлежали к кадетской партии, оба были избраны в I Государственную думу; подписали Выборгское воззвание протеста после ее разгона. Ведущий член редакции «Русских ведомостей» Иоллос был убит 14 марта 1907 г. в Москве рабочим Федоровым, который даже не знал имени своей жертвы. Убийство было спровоцировано руководителями «Союза русского народа» (Дубровин, Казанцев). Профессор Герценштейн активно критиковал в Думе аграрную политику правительства. Он был убит 18 июня 1906 г. в Териоках; организовывали убийство члены «Союза русского народа» Половнев и Н. М. Юшкевич, вдохновляемые А. И. Дубровиным. Один из участников убийства Александр Ларичкин был осужден финским судом. Оба убийства вызвали большое общественное возмущение. Созданная следственная комиссия установила связи «Союза русского народа» с московским охранным отделением.

⁷ См. примеч. 2 к ст. XLII.

⁸ Казнь в ночь на 2 марта 1918 г. шестерых студентов и одного неизвестного получила широкую огласку, освещалась в печати. Для расследования убийства была создана специальная комиссия при революционном трибунале, объявившая, что расстрел произведен без суда и следствия, без каких-либо санкций должностных лиц.

Студенты — три брата Ганглез, Штробиндер, Благовещенский и Ильин — были арестованы случайно на прощальной вечеринке по поводу предстоящего на следующий день отъезда братьев во Францию. Заподозрив здесь заговор (полувоенная одежда студентов, заграничные паспорта и пр.), всех препроводили в Смольный, а утром в районе Александроневской лавры были обнаружены их трупы.

«Новая жизнь», опубликовав сообщение следственной комиссии, затем дала подробную информацию об этом преступлении (10 марта (25 февраля) и 12 марта (27 февраля) 1918 г., № 39, 40). Об этом же писали эсеровское «Знамя труда», представляя дело как заговор, и кадетский «Наш век». В нем, в частности, сообщалось, что «управляющий делами СНК удостоверил, что ни одно из учреждений, находящихся в Смольном, не давало никаких распоряжений о расстреле 7-ми человек» и что комиссар юстиции потребовал от следственной комиссии «немедленно приступить к расследованию отвратительного и позорного для революции убийства» («Наш век», 1918, 9 марта (24 февраля), № 44).

⁹ Бежавший из революционного Петрограда в Крым кадетский общественный деятель В. А. Оболенский впоследствии так описывал педвые дни революции на черноморском побережье (январь 1918 г.): «В Севастополе шли массовые расстрелы, в Ялте офицерам привязывали тяжести к ногам и сбрасывали в море, некоторых после расстрела, а других живыми.

Когда после прихода немцев водолазы принялись за вытаскивание трупов из воды, они на дне моря оказались среди стоящих во весь рост уже разлагавшихся мертвецов <...> В Евпатории над убиваемыми буржуями и офицерами всячески измывались и подвергали их нечеловеческим пыткам, причем во главе «действия» стояли какие-то две женщины-садистки. В Симферополе тюрьма была переполнена и ежедневно из нее вызывали людей на расстрел «пачками». И вокруг нас по дачам рыскали вооруженные матросы, грабили, а кое-где и убивали».

Оболенский не был свидетелем событий в Симферополе, Евпатории, Ялте, — сам он отсиживался в своем поместье около Алушты. После прихода немцев и организации контрреволюционного правительства он стал председателем губернской земской управы. Об этом времени уже как очевидец он не менее выразительно свидетельствует: белогвардейцы и контрреволюционеры с помощью немецкой армии жестоко расправлялись с захваченными большевиками (В. А. Оболенский. Крым в 1917—1920 гг. — «На чужой стороне». Историко-литературные сборники, т. V. Прага-Берлин, 1924, с. 21—22, 29).

XIV

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 51, 26(13) марта. Вошла в кн. НМ. В НРИ описка: глава обозначена цифрой XXV.

¹ Речь идет о «Резолюции особого собрания моряков красного флота Российской федеративной республики, морского берегового отряда при военном отделе» от 18 марта 1918 г., принятой в связи со смертью, как гласил документ, «наших лучших товарищей, членов, находящихся при военном отделе начальника отряда тов. Мясникова и вновь избранного на его место тов. Забелло, председателя комиссии по приему в красный флот тов. Белозерова, погибших от предательской руки тиранов» («Наш век», 1918, № 54, 22(9) марта). Далее следует решение общего собрания моряков, которое полностью приводится Горьким.

² Судя по мемуарам Церетели (см. примеч. 1 к ст. LX), эти слова принадлежат Троцкому. Так он назвал кронштадтских моряков, обращаясь к ним с просьбой освободить арестованного ими министра земледелия Временного правительства В. М. Чернова во время Июльских событий 1917 г. (см.: И. Г. Церетели. Воспоминания о Февральской революции, т. II. Париж, 1963, с. 307). После Июльских дней (см. ст. VIII и примеч. 1) и последовавшего за ними разгрома революционных сил сам Троцкий был арестован Временным правительством.

³ Неточно цитируется статья «Правды» «Берегитесь!» от 15(2) января 1918 г. (веч. вып.), где говорилось: «...за каждую нашу голову — сотня

ваших!» Это предупреждение явилось ответом на вылазку контрреволюционеров-террористов, покушавшихся на Ленина. Вечером 1 января 1918 г. (по ст. ст.), когда В. И. Ленин возвращался с митинга в Михайловском манеже, где он выступал «перед первым отрядом социалистической армии, уезжающей на фронт, автомобиль его был обстрелян сзади каким-то негодяем. Кузов автомобиля прострелен навывлет и продырявлен в нескольких местах» («Правда», 1918, № 1, 16(3) января.). Вместе с Лениным в автомобиле находились М. И. Ульянова и секретарь Швейцарской социал-демократической партии Ф. Платтен. Виновников покушения обнаружить не удалось. «Пролетариат (...) борется за освобождение всего человечества, — писала «Правда» в передовой. — И когда в этой отчаянной борьбе (ибо для него тоже сейчас стоит вопрос о жизни и смерти) негодяи буржуазии пытаются казнить вождей пролетариата, пусть не пеняют, что пролетариат расправится с ними так, как они того заслужили. Если они будут пытаться истребить рабочих вождей, они будут беспощадно истреблены сами. Все рабочие, все солдаты, все сознательные крестьяне скажут тогда: да здравствует красный террор против наймитов буржуазии» (там же).

Что касается иронии Горького по поводу вышеназванного выступления «Правды», то она, видимо, вызвана сообщением, что кузов автомобиля Ленина был и «прострелен навывлет и продырявлен в нескольких местах».

⁴ Имеются в виду моряки крейсера Черноморского флота «Очаков»; команда его участвовала в Севастопольском восстании 1905 г. На крейсере находился командующий революционным флотом П. П. Шмидт. Восстание было подавлено, руководители во главе с лейтенантом Шмидтом расстреляны.

XLVI

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 59, 4 апреля (22 марта). Вошла в кн. НМ.

¹ См. примеч. 9 к ст. XLIV.

² См. примеч. 2 к ст. XLII.

XLVII

Первоначально (и в НЖ и в НМ) являлось самостоятельной частью ст. XLVI. Выделено в отдельную главу при подготовке НРИ.

¹ См. ст. VII и примеч. к ней.

² Горький имеет в виду крестьянскую реформу 1861 года, отменившую крепостное право на основе «Положений 19 февраля 1861 г.» (опубл. 5 марта).

³ См. ст. XLIV, XLV и примеч. к ним.

⁴ См. примеч. 1 к ст. XLV.

⁵ Переход на сторону Советской власти значительной части интеллигенции наметился именно в это время. О готовности сотрудничать с интеллектуальными силами страны, деятелями науки, техники и искусства большевики заявили в первые же дни Октябрьской революции. 29 октября (11 ноября) 1917 г. было опубликовано обращение «К интеллигенции России» народного комиссара по просвещению с призывом принять участие в социалистическом строительстве. Сам Горький активно способствовал привлечению интеллигенции на службу новому обществу и в «Несвоевременных мыслях» постоянно подчеркивал жизненную необходимость союза демократической интеллигенции и пролетариата.

XLVIII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 82, 3 мая (20 апреля). Вошла в кн. НМ.

¹ Мораль басни И. А. Крылова «Свинья под дубом» (1824), где свинья, наевшись желудей, стала «рылом подрывать у дуба корни», не видя проку в них: «Невежда так же в ослепление Бранит науки и ученье И все ученые труды, Не чувствуя, что он вкушает их плоды».

² Необоснованный арест в апреле 1918 г. известного издателя-просветителя *Ивана Дмитриевича Сытина* (1851—1934), который не только лояльно отнесся к Октябрьской революции, но и постарался войти в контакты с Советской властью, глубоко взволновал Горького. Совсем недавно (в январе 1917 г.) общественность и пресса торжественно отметили полувековое служение Сытина книге, тепло приветствовал выдающегося самородка и Горький. Сын волостного писаря, не получивший даже начального образования, Сытин был воодушевлен высокой и светлой идеей просвещения родного народа и с этой целью стремился дать широким массам дешевую и самую нужную (как он ее понимал) книгу. При всей противоречивости его деятельности, он эту цель успешно осуществлял. Миллионы букварей, дешевых учебников, библиотек для самообразования по истории, философии, экономическим наукам и естествознанию, популярных календарей, красочных детских книг — все это приобщало простых людей к знанию, к культуре. Он впервые предпринял издание многотомных энциклопедий — Народной, Детской, Военной. По совету А. П. Чехова, с

которым Сытина связывала многолетняя дружба, его книгоиздательское товарищество стало выпускать с 1895 г. ежедневную газету «Русское слово», он издавал также несколько журналов, наиболее популярным был «Вокруг света». Горький хорошо знал Сытина, высоко ценил его и многие годы находился с ним в деловых отношениях, пытаясь осуществить ряд совместных издательских начинаний. Не случайно после ареста Сытин обратился к Горькому с просьбой о заступничестве. «Я надеюсь на Ваше великодушие и верю, что Вы меня преступником не считаете», — писал он в записке, так и не дошедшей до адресата и оставшейся в архиве человека, взявшегося ее передать Горькому (см.: Е. А. Динерштейн. И. Д. Сытин. М., 1983, с. 172). Узнав об аресте, Горький выступил в защиту издателя; в день появления его статьи Сытин уже был освобожден и тотчас же ответил писателю: «Милый, дорогой Алексей Максимович! Захлебываясь слезами, пишу Вам эти строки. Жуткое, пронизывающее душу волнение вызвало во мне сообщение из Петрограда о Вашей статье по моему делу и безделью. Сколько счастья и радости мне Господь дал пережить только близостью с Вами, простите великодушно» (Арх. Г.). Сытин передал Советской власти издательство и типографию и до середины 20-х гг. продолжал самоотверженно работать на благо книги. В 1927 г. Совнарком «в виду заслуг Сытина в области издательского дела и народного просвещения» назначил ему персональную пенсию.

³ Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889) — граф, консервативный государственный деятель, с 1865 г. — обер-прокурор синода, с 1866 по апрель 1880 г. одновременно министр народного просвещения.

⁴ В тексте НЖ и в кн. НМ — «А. Н. Толстой»: опечатка, не замеченная Горьким. Без сомнения, имеется в виду Л. Н. Толстой, с которым был близок Сытин. Он выпускал массовыми тиражами дешевые издания классиков, в т. ч. Толстого, поддерживая созданное по инициативе писателя в 1884 г. книгоиздательство «Посредник» (его упоминает в статье Горький), выпускавшее взамен лубочной литературы книги нравственного содержания, доступные для народа.

⁵ Рубакин Николай Александрович (1862—1946) — книговед, библиограф, писатель. Разрабатывал проблемы пропаганды книги и руководства чтением в связи с изучением психологии основных типов читателей. В течение ряда лет принимал участие в руководстве издательских фирм Сытина, О. Н. Поповой и др. и много сделал для проведения в широкие народные массы хорошего и серьезного чтения. В ряду многочисленных работ Рубакина выделяется его библиографический труд «Среди книг. Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей» (1906, 2-е изд., т. 1—3. М., 1911—1915).

⁶ *Вахтеров Василий Порфирьевич* (1853—1924) — педагог-методист, публицист, автор популярных учебников. Будучи инспектором народных школ в Москве, составил букварь и четыре книги для чтения, которые в течение 15 лет ежегодно печатались издательством Сытина огромными для того времени тиражами. Широкое общественное значение имела его книга «Всеобщее обучение», в 1917 г. вышла книга «Всенародное школьное и внешкольное образование». С 1918 г. Вахтеров работал по ликвидации неграмотности в Красной Армии, затем преподавателем на педагогическом факультете 2-го Московского университета.

⁷ *Клюжев Иван Семенович* (1856—?) — писатель и деятель по народному образованию, был инспектором народных училищ Самарского уезда, член Государственной думы (октябрист).

⁸ *Калмыкова Александра Михайловна* (1849—1926) — общественная и политическая деятельница, издательница. Много занималась вопросами народного образования, в 70-х гг. в Харькове участвовала в создании женской воскресной школы и в издании книги «Что читать народу». В 1885 г. переехала в Петербург и вскоре открыла склад народных изданий, служивших ценным пособием для составления народных библиотек. Дешевые издания Калмыкова закупала прежде всего у Сытина, с которым у нее установились крепкие деловые и дружеские отношения. Она издавала ею же составленные две серии дешевых книг для народа: «Жизнь прежде и теперь» и «Силы природы и труд человека», входила в редакции легальномарксистских журналов «Новое слово» и «Начало», возглавляя беллетристические отделы; была тесно связана с группой «Освобождение труда», а затем с деятелями «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», особенно с Лениным и А. Н. Потресовым. Калмыкова оказывала социал-демократам значительную материальную помощь по изданию «Искры» и «Зари». После Октября работала в Ленинградском отделе народного образования в пединституте им. Ушинского, много писала по вопросам детской литературы.

XLIX

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 89, 14(1) мая. Вошла в кн. НМ.

¹ За «контрреволюционное направление», «клеветнические сообщения», сеющие «панику и смуту в рядах трудового народа» (в частности, о новых требованиях Германией «ряд мер финансового характера» «в области торговых и экономических отношений»), комиссариатом по делам печати 10—13 мая был закрыт ряд московских и петроградских газет: кадетские «Наш век» и «Современное слово», «Земля и воля» эсе-

ров, меньшевистский «Новый луч» и др. («Вперед», «Родина», «Народное слово»). Около десятка газет подверглись штрафам, в Петрограде были также закрыты все вечерние газеты («Вечерние огни», «Вечерний час», «Вечернее слово» и др.), за исключением «Вечерней правды» и «Красной газеты». В последующие дни дело каждой из закрытых газет рассматривалось в революционном трибунале. Комиссар по делам печати В. Володарский заявил, что «Советская власть будет бороться с печатью до тех пор, пока она ее не перевоспитает и не заставит давать добросовестную информацию». Комиссариат печати, по словам Володарского, «будет придерживаться той точки зрения, что за антисоветские статьи и критику Советской власти газеты ни в коем случае не будут закрываться, а только за тенденциозную информацию, направленную против Советской власти...» (НЖ, 1918, № 90, 15(2) мая).

В заключение Володарский заявил: «Мы терпим буржуазную печать только потому, что мы еще не победили. Но когда мы в «Красной газете» напечатаем: «Мы победили», с этого момента ни одна буржуазная газета не будет допущена».

Сообщая о закрытии газет, «Новая жизнь» поместила ряд статей, в которых доказывалась достоверность помещенных в этой прессе сообщений (Раф. Григорьев. «Опровержения» и «опровергатели», «Торжество глупости». — НЖ, 1918, № 87, 11 мая (28 апреля); № 89, 14(1) мая). Горького не занимают фактические обвинения Комиссариата по делам печати и опровержения своих сотрудников. Он выступает поборником гласности и «свободного слова» для всех как нормы общественной жизни, несовместимой с «насилием над печатью». (Последовательность горьковской позиции видна хотя бы на примере защиты закрытого «Нашего века», политическое направление которого он сам накануне резко и непримиримо критиковал, обличая враждебное отношение кадетской газеты к социалистической демократии. — См. Приложение, ст. от 10 мая (27 апреля), № 86.)

Горький видел в свободной печати величайшее завоевание революции, могучее средство демократизации общества и считал, что оппозиционная пресса, «критика врагов» предостерегает от ошибок, делает власть «умней и сильнее».

L

Без заглавия — НЖ, 1917, № 214, 31 декабря (13 января 1918). Вошла в кн. РИК под этой датой, также без заглавия.

LI

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917. № 178, 11(24) ноября. Вошла в кн. РИК и НМ.

¹ *Юнкер* Василий Васильевич (1840—1892) — известный путешественник, исследователь Африки. В 1883—1885 гг. путешествовал по Тунису, Алжиру, Ливии, Египту, несколько раз посетил столицу Судана Хартум. Наибольшее значение имели его путешествия в Центральную Африку в 1876—1878 и 1879—1886 гг. Этнографические коллекции Юнкера хранятся в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. Свои сочинения он печатал главным образом на немецком языке. Упомянутое описание племен Судана содержится в книге: Э. Ю. Петри «Путешествие В. В. Юнкера по Африке» (СПб., 1897).

² См. примеч. 7 к ст. XXXVII, примеч. 5 к ст. XXXIX и примеч. 1 к ст. XLIX.

ЛII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 43, 16(3) марта. Вошла в кн. НМ.

¹ Славянофильство — одно из направлений русской общественной мысли, противопоставлявшее себя «западничеству» (Белинский, Чернышевский, Герцен, Огарев, Добролюбов), с которым вело полемику по литературным и общественно-политическим вопросам. Идеологи славянофилов (литераторы, поэты, ученые И. В. и П. В. Киреевские, А. С. Хомяков, И. С. и К. С. Аксаковы, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, В. А. Черкасский и др.) выступали за самобытный, принципиально отличный от западноевропейского, путь развития России, видя его в патриархальности, общинном крестьянском землевладении и православии как единственно истинным христианстве (прежде всего в противоположность католицизму). По мнению славянофилов, эта истинная религия, пришедшая на Русь из ее чистейшего источника — восточной церкви, обуславливает особую историческую миссию русского народа. Отсюда развитие идей «мессианства». Православие и община, в их концепции, — глубинные основы русской души. Идеализируя патриархальность, старую, допетровскую Русь (которую представляли лишенной противоречий и где царь и подданные были едины), они воспринимали народ в духе немецкого консервативного романтизма. В 40—50-е гг. идейно-общественные позиции славянофилов отчасти разделяли С. Т. Аксаков, В. И. Даль, А. Н. Островский, Ф. И. Тютчев, В. М. Языков, историк Ф. И. Буслаев, языковед И. И. Срезневский и др. В процессе подготовки крестьянской реформы славянофилы сблизились с западниками, вошли в единый лагерь либерализма, после 1861 г. славянофильство как особое направление общественной мысли перестало существовать.

Под влиянием славянофилов сложилось русское литературно-общественное направление 60-х гг. — почвенничество (А. А. Григорьев,

Ф. М. и М. М. Достоевские, Н. Н. Страхов). Главной у почвенников была идея о «национальной почве» как основе социального и духовного развития России. Религиозное чувство смирения и самоотречения сочеталось у представителей почвенничества с идеей о самобытности пути России и об особой миссии русского православного народа, избранного народа, призванного спасти человечество и «дать новые формы жизни, искусства» благодаря широте «его нравственного захвата».

Некоторые консервативные черты учения славянофилов развивались в 70—80-х гг. в духе национализма и панславизма (идея объединения славянских народов под главенством русского царя) так называемыми поздними славянофилами, апологетами самодержавия и православной церкви, — Н. Я. Данилевским и К. Н. Леонтьевым, утверждавшими, что социализм чужд России и русскому народу. Одно из главнейших требований Леонтьева сводилось к тому, что Россию надо «подморозить», то есть, как расшифровал его требования Горький, «затоптать в ней все искры огня социальной революции» (Г-30, т. 27, с. 315).

В конце XIX — начале XX в. идеи славянофилов своеобразно преломились в исканиях «неославянофилов», в религиозно-философских концепциях Вл. Соловьева, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Л. П. Карсавина, П. А. Флоренского, евразийцев и др. Но теории этих крупнейших философов были шире и плодотворнее догматов своих предшественников.

² См. примеч. 1 к ст. XVIII.

³ См. ст. XVIII, ст. XXXV, примеч. 7 к ней, а также в Приложении ст. «Американские миллионы» и примеч. к ней.

⁴ См. примеч. 4 к ст. XLII.

⁵ *Голгофа* — холм в окрестностях Иерусалима, на котором, по евангельскому преданию, был распят Иисус Христос. Иносказательно употребляется как синоним мученичества и страданий («тащить на Голгофу»).

Для Горького легендарный евангельский герой — один из двух величайших символов, созданных стремлением человека к справедливости и красоте. «Христос — бессмертная идея милосердия и человечности...» — писал он накануне дня праздника Рождества Христова 24 декабря 1917 г., в преддверии первого Нового года для молодой Советской республики (см. ст. XLIII).

ЛИИ

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 100, 26(13) мая. Вошла в кн. НМ.

¹ Богоматерь (Богородица, дева Мария) — по евангельскому преданию, «земная» мать Иисуса Христа (родила сына Божьего от «непорочного зачатия»).

² По новозаветному мифу, один из двенадцати апостолов, учеников Иисуса Христа, предавший своего учителя за 30 сребреников. Имя его стало нарицательным названием предателя.

³ *Никколо Макиавелли* (1469—1527) — итальянский историк, писатель, политический деятель эпохи Возрождения, сторонник сильной государственной власти («Государь», 1513 г., и др. работы). Ради упрочения государства считал допустимыми любые средства. Термин «макиавеллизм» стал обозначением политики, не разбирающейся в средствах, пренебрегающей нормами морали.

⁴ См. примеч. 2 к ст. XI.

⁵ *Савонарола Джироламо* (1452—1498) — итальянский поэт, проповедник, религиозно-политический деятель. Выступал против тирании Медичи, обличал пороки католического духовенства и папы, роскошь богачей, призывал церковь к аскетизму. В то же время был врагом гуманистической культуры Возрождения, организовывал сожжение книг и картин. Способствовал началу народного восстания 1494 г., в результате которого были изгнаны Медичи. Стал фактическим диктатором Флоренции; проведя ряд демократических реформ, он превратил Флоренцию в теократическую республику. В 1498 г., потерпев поражение в борьбе с папским Римом, был повешен.

⁶ *Филипп II* (1527—1598) — испанский король с 1566 г., глава феодально-католической реакции в Западной Европе, поддерживал инквизицию, вел безрезультатные войны против Англии и Франции, присоединил к своим владениям Португалию. «Злому и мрачному королю Испании», как его называет Горький в «Самгине», «Варфоломеевская ночь» (см. ниже) должна была доставить удовольствие.

⁷ *Екатерина Медичи* (1519—1589) — одна из представительниц Флорентийского рода, игравшего важную роль в средневековой Италии, с 1547 г. французская королева, жена Генриха II; организовала во время правления ее сына Карла IX «Варфоломеевскую ночь» в Париже — массовую резню гугенотов католиками в ночь на 24 августа 1572 г. (день св. Варфоломея).

⁸ Дочь незначительного чиновника, жена парижского банкира, одаренная редкой красотой, *Жюли (Юлия) Рекамье* (1777—1849) известна

своим салоном, который был модным политическим и литературным центром, объединившим людей, оппозиционно настроенных по отношению к Наполеону I. Постоянными посетителями салона были Ф. Р. Шатобриан, К. Жордан, Б. Констан, А. Ламартин, г-жа Сталь и другие знаменитости того времени. По распоряжению Наполеона в 1811 г. была выслана из Парижа, куда через несколько лет вернулась, а в 1819 г. переселилась в один из монастырей, где в ее салоне по-прежнему собирались политические деятели, литераторы, ученые.

⁹ Этой верой в победу новых начал жизни, рождающихся в те «бешеные, испачканные грязью и кровью дни», был преисполнен Горький даже во время своих самых острых опасений в способности пролетариата и партии большевиков одолеть темную стихию масс (см., напр., ст. XXXI, XXXIV и др.).

¹⁰ С этих слов и до конца статьи в книжный текст НМ вкралось множество опечаток и смысловых искажений. При подготовке НРИ Горький, заметив отдельные ошибки, исправил текст следующим образом (в квадратных скобках то, что было напечатано и вычеркнуто автором, курсивом — его исправления): «Русь не погибнет, если вы [маложертвенно], женщины, вольете все прекрасное и нежное ваших душ в кровавый, грязный хаос этих дней.

Перестаньте кричать, ненавидя и презирая, кричите любя — вам [не] рождающим страдая, [не понимая удивительной силы] *понятна удивительная сила* сострадания к человеку!» Далее писатель исправил еще 2—3 опечатки, но некоторые искажения текста не заметил. Так, в книге осталось: «...огрубевших в работе разрушения [гнилой храм] старого строя» вместо «...разрушения гнилой храмины старого строя»; «...обязан вам вашими днями» вместо «обязан вам лучшими днями»; «...может быть, позднее достойнее было бы предохранять юношество» вместо «может быть, полезнее, достойнее было бы предохранить...» и др.

В связи с этим не замеченные Горьким опечатки исправлены по газетному тексту. Но и в тех случаях, где им сделаны исправления, мы также вернулись к первопечатной основе, считая авторскую правку вынужденной (чтобы исправить бессмыслицу), не улучшающей первоначальный текст (которого у него не было под рукой и с которым он не сличал свою правку).

¹¹ Как и другие выступления Горького в «Новой жизни», статья вызвала многочисленные отклики читателей, и прежде всего женщин. В связи с призывом к женщине-матери вносить в жизнь отвращение к ненависти и насилию одна из читательниц писала: «Мой лично взгляд, что не большевики тут одни виноваты, причину нужно искать гораздо глубже, в нашей российской необразованности» (Арх. Г; там же и приводимые ниже письма). «Глубоко согласна с Вашим представлением женщины как матери,—

пишет читательница Е. К., — и мне хочется сказать Вам большое спасибо за Ваш идеализм. Но было странно и больно до глубины души читать требование женщины перешагнуть, перестрелять и уничтожить всех большевиков. Я не большевичка, но это не вяжется с добрым сердцем женщины, склонной скорее прощать, чем ненавидеть. Да, это было бы страшно и противоречило бы существу, если бы письма отражали взгляды большинства женщин, но я не верю в это, мне просто кажется, что это вопль измученных жизнью матерей...

Но были и другие отклики, шедшие из лагеря «бывших», полные неподдельного отчаяния и оттого еще более непримиримо враждебные. Так, одна из буржуазно-кадетских «патриоток» — «Русская женщина», как она подписалась, — негодуя обвиняла революцию, большевиков и самого Горького за его призывы к любви и милосердию. «Как у той матери, у которой сразу после рождения отняли ребенка, — писала она, — у нас отняли нашу Родину, нашу Россию, украли ее обманными лживыми речами <...> И гадки и отвратительны все те, именующие себя социалистами, которые начали преступное и постыдное дело разрушения России, так блестяще оконченное гг. Лениными и Троцкими <...> Поэтому понятны те бесчисленные вопли женщин, призывающие на голову убийц их детей и родины проклятие! <...> И теперь, когда сердце холодеет, когда нет слов для выражения всей скорби, всего возмущения и боли, Вы можете в красиво построенных фразах защищать большевиков, напоминая русским женщинам, что ведь и большевики люди, что и они рождены женщинами, что и они были беспомощными детьми...» «Как можете Вы в минуты гибели Вашей родины писать такие красивые слова и ими взывать к лучшим, самым святым и поруганным чувствам русских матерей? — с возмущением бросает она писателю. —...Да неужели же Вы не понимали и не понимаете, что все Ваши слова и речи этого года вели Россию к германской неволе, если у Вас в такое время находятся слова оправдания этим бездушным существам, так безжалостно продавшим Россию? <...> Взывая к лучшим чувствам матерей, говоря, что и большевики тоже были детьми, Вы забываете, что и самые лютые звери в детстве бывают беспомощны <...> Да, нет прощения, нет оправдания, потому что мы люди, и боль, которую мы испытываем от всего этого бездонного ужаса, почти что физическая!» Перечеркнув, как ей казалось, обращение Горького, она заключала: «Мы, только мы, женщины, умея любить до конца, умеем и ненавидеть до конца!» (письмо от 29 мая 1918 г., подпись: «Русская женщина»).

LIV

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 185, 19 ноября (2 декабря). Вошла в кн. РИК и НМ.

¹ Здесь и далее речь идет о статье Ильи Ионова «Максиму Горькому (Певцу чужого стана)», являющейся ответом на острополюемическое

выступление Горького «Вниманию рабочих», напечатанное в НЖ 10(23) ноября 1917 г. (см. ст. XXXVIII; отдельные положения ее развиваются также в ст. XXXVII; а несколько позже — в ст. XV и в ст. «Плоды демагогии», — см. Приложение). Статья Ионова, как и большинство материалов того времени с критикой Горького, констатирует оппозиционное отношение писателя к Октябрьскому восстанию без малейшей попытки рассмотреть позицию автора «Несвоевременных мыслей», понять его тревоги и переживания. Илья Иванович Ионов (Бернштейн; 1887—1942) — поэт, член партии большевиков, после Октябрьской революции видный издательский работник. С 1918 по 1932 г. состоял с Горьким в деловой переписке (см. АГ, т. X). В своей статье Ионов писал: «К хору различных гробокопателей революции прибавился еще один голос, голос большого писателя — Максима Горького. Автор талантливейшей пролетарской эпопеи «Мать», в годину тяжелых и суровых испытаний, выпавших на долю рабочего класса, не нашел ничего лучшего, как примкнуть к той незначительной группе размагниченных интеллигентов, которые постоянно метались в душевной тревоге не столько за судьбы народа, сколько за свои собственные интересы». Напомнив, что в предреволюционный период идейного разброда и шатаний интеллигенции «один Горький, как верный рыцарь, стоял на страже интересов трудящихся», он далее изображает писателя чуть ли не защитником империалистической войны: «Но и это оказалось только до поры до времени. Достаточно было рабочему классу с небывалой силой начать действительно революционную борьбу с мародерами, затягивающими бесчеловечную бойню до бесконечности, как писатель и друг народа Горький, сам пролетарий, сам измученный трехлетним взаимным самопожертвованием человечества, вдруг заговорил языком врагов рабочего класса» («Правда», 1917, № 14, веч. вып., 30(17) ноября).

В эти же дни «Правда» напечатала и ряд других материалов с критикой Горького, «интернационалистов» из «Новой жизни». К примеру, две статьи — обе анонимных авторов — появились сразу в одном номере: «По наклонной плоскости» и «Свобода, как ее понимаем мы». В последней автор пишет: «Нас, большевиков, упрекают в «преступлениях» против свободы: мы-де производим аресты, мы закрываем газеты, мы угрожаем насилием». В ответах на эти «упреки» та же «глухота» к заботе своих оппонентов о гласности, о праве на оппозицию, о чистоте идеалов революции, та же подмена горьковской критики необоснованных репрессий защитой насилия как вынужденной меры рабоче-крестьянской власти, подмена общечеловеческих принципов социализма узкоклассовыми интересами пролетариата. Так он пишет: «Всякая революция — есть насильственный переворот. Ни одна революция не происходила с добровольного согласия тех, кого она свергла (...) Мы считаем, — и всегда открыто говорили, что рабочая и крестьянская революция, для укрепления победы рабочих, солдатских и пролетарских масс, для уничтожения сопротивления буржуа-

зии, не может и не должна отступить перед самыми беспощадными способами подчинения буржуазных классов воле восставших трудовых масс (...) Конечно, буржуазия взбешена, конечно, ее подручные ратуют за ее интересы. Мы ответим им: идя своим путем к социализму, революционные классы раздавят еще не одну буржуазную «свободу» (...) «Свободный» буржуазный строй означает для рабочих и всей бедноты — свободу умирать с голоду. И мы говорим: свободным строем, в действительности, является только социалистический строй, который уничтожает «свободу» одних людей жить за счет других» («Правда», 1917, № 183, 21(8) ноября).

² На это заявление (а также подобные этому в других статьях «Новой жизни», в частности, см. ст. XXXVII и XXXVIII) откликнулся письмом в «Правду», напечатанным в одном номере со статьей И. Ионина, рабочий завода «Новый Лесснер» Еф. Мушник. «Будучи ежедневным и усердным читателем социал-демократической газеты «Новая жизнь» и отчасти сторонником ее направления в смысле «единого фронта демократии», создания правительства на основе соглашения всех социалистических партий, — писал он, — я тем не менее изумлен и возмущен той беспощадной травлей, поднятой в последнее время и развиваемой на страницах «Н. Ж.» против вождей левой социал-демократической партии — тов. Ленина и Троцкого. Особенно в этом отношении усердствуют тов. Базаров, Авилов, Раф. Григорьев и др. Но еще более я и др. тов. рабочие глубоко изумлены тем, что столь уважаемый нами как писатель народный Максим Горький, вышедший из рабочей среды, защитник униженных и обездоленных, присоединился к общему голосу Базаровых, Григорьевых и др. писак из «Н. Ж.» и нередко клеймит и бичует на страницах последней вождей рабочей партии большевиков (...) Вышеназванные товарищи из «Н. Ж.» в своих статьях позволяют себе говорить от имени трудящихся масс, пролетариата и т. д. (...) Говорить от имени трудящихся масс, а также об их настроении нет никакого права у писателей из „Новой жизни“» («Правда», 1917, № 14, веч. вып., 30(17) ноября).

³ Фраза отсутствует в кн. НМ, — очевидно, пропуск при наборе (так называемый «козёл») или — скорее всего — при верстке книги: место выпавшего текста приходится на стыке страниц (с 90-й на 91-ю). Восстановлено по первопечатному — газетному — тексту и кн. РИК.

LV

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 194, 6(19) декабря. Вошла в кн. РИК и НМ.

¹ Август Бебель (1840—1913) — один из основателей (1869 г.) и руководителей германской социал-демократической партии и II Интерна-

ционала. Токарь по профессии, Бебель прошел суровую школу жизни и в самых тяжелых условиях приобрел всестороннее образование, во второй половине 60-х гг. стал марксистом. Неоднократно избирался в рейхстаг, выступал как убежденный интернационалист, борец против милитаризма и войны. Был поборником эмансипации женщин. За выступления в защиту Парижской коммуны, критику захватнической политики германского империализма его обвинили в государственной измене, подвергали репрессиям. Боролся против оппортунизма и ревизионизма в германской социал-демократии. Его преданность делу пролетариата отмечали Маркс и Энгельс; Ленин признавал большие заслуги Бебеля в революционном рабочем движении.

² *Прудон Пьер Жозеф* (1809—1865) — французский мелкобуржуазный социалист, теоретик анархизма, развивал проекты экономического сотрудничества классов и анархистскую теорию «ликвидации государства», в котором видел первопричину социальной несправедливости. Выступая против теории революционного преобразования общества, пропагандировал мирный путь его переустройства с помощью реформы кредита и обращения (утопическая идея «Народного банка», который должен предоставлять даровой кредит для организации эквивалентного обмена продуктов труда мелких производителей). Путем создания производственных кредитных и потребительских ассоциаций и безденежного товарообмена он считал возможным добиться уничтожения эксплуатации.

³ О С. В. Паниной см. примеч. 3 к ст. XV.

⁴ *Народный дом* — клуб для народа, создававшийся земствами, городскими думами, обществами грамотности или частными лицами с культурно-просветительскими целями. Народный дом на Лиговке в Петербурге, построенный на средства Паниной, был открыт в 1903 г. В Нижнем Новгороде Народный дом был создан местной интеллигенцией при непосредственном участии М. Горького, который привлек в число пайщиков Шаляпина, С. Морозова, Панину, Станиславского и др. С 1904 г. в нем работала драматическая театральная труппа любителей и профессиональных актеров. В Народных домах устраивались общедоступные концерты, работали народные библиотеки, читальни. Они использовались для революционной пропаганды и агитации, собраний и митингов. Большевицкая газета «Новая жизнь», например, отмечала 9 ноября 1905 г. «непрерывный ряд ежедневных митингов» в нижегородском Народном доме.

⁵ Ср. у Тургенева: «Но вот Верховное существо заметило двух прекрасных дам, которые, казалось, вовсе не были знакомы друг с дружкой. Хозяин взял за руку одну из этих дам и подвел ее к другой.

«Благодетельность!» — сказал он, указав на первую.

«Благодарность!» — прибавил он, указав на вторую.

Обе добродетели несказанно удивились: с тех пор как свет стоял — а стоял он давно — они встречались в первый раз!» («Стихотворения в прозе» — «Пир у Верховного существа». — Полн. собр. соч. в 30 т., Сочинения, т. 10. М., 1982, с. 157).

⁶ О А. И. Коновалове см. прим. 5 к ст. XV.

⁷ Ясинский Иероним Иеронимович (псевд. Максим Белинский; 1850—1931) — писатель и журналист. В 70—80-х гг. XIX в. выступал как литератор демократического направления, в 1890—1900-е гг. сотрудничал в консервативной печати, публиковал романы охранительного характера, был редактором журналов «Ежемесячные сочинения» (1901—1902), «Новое слово» (1908—1914) и др. изданий. После Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти, вступил в Коммунистическую партию, принимал участие в работе Пролеткульта, редактировал журналы, выпустил ряд произведений. В 1926 г. вышла книга воспоминаний Ясинского «Роман моей жизни», о которой резко отрицательно отозвался Горький: «Книга Ясинского совершенно изумительна по малограмотности автора <...> А также по ее пошлости, по хвастовству и дряненькой злости <...> зачем это издано? Вранье <...> Клевета...» (АГ, т. XI. М., 1966, с. 66—67). И в «Жизни Клима Самгина» (ч. III) устами его героя Горький назвал Ясинского «пошленьким литератором».

⁸ Созыв Учредительного собрания как представительного учреждения, созданного на основе всеобщего избирательного права для установления формы правления в России (парламентской республики) и выработки конституции, был провозглашен одним из основных требований победившей Февральской революции. Собственно, главной задачей Временного правительства считался созыв Учредительного собрания, выборы в которое поддерживали мелкобуржуазные партии (в том числе кадеты), а также большевики. Но Временное правительство затягивало подготовку к выборам, меняло их сроки и только 9(22) августа 1917 г. назначило выборы на 12(25) ноября и созыв Учредительного собрания на 28 ноября (11 декабря). С этого времени начала работу Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия (Всевыборы). В сентябре были опубликованы кандидатские списки политических партий. Сразу же после Октябрьской революции СНК подтвердил дату выборов, но из-за плохой подготовки, местных антисоветских мятежей выборы были проведены в срок лишь в 39 избирательных округах (из 79); в ряде мест выборы состоялись в конце ноября — начале декабря и даже в начале 1918 г. В середине января СНК потребовал от Всевыборов отчета о ходе выборов,

но не получил его. В то же время председатель Всевыборов доложил об их результатах на заседании членов бывшего Временного правительства, которые 17(30) ноября опубликовали в буржуазных газетах воззвание об открытии Учредительного собрания в ранее назначенный Временным правительством срок — 28 ноября (11 декабря). (В 54 избирательных округах из 79, в которых было 90 млн. избирателей, 62% голосовало за эсеров, меньшевиков и т. п., 25% — за большевиков, 13% — за кадетов и др. буржуазно-помещичьи партии; количественный состав депутатов по партиям см. примеч. 39 в Приложении. Итоги выборов не отражали реального соотношения политических сил в стране из-за слабого политического развития крестьянства.) По приказу СНК 23 ноября (6 декабря) члены Всевыборов — кадеты и правые эсеры были арестованы за саботаж (через четыре дня освобождены), а М. С. Урицкий назначен комиссаром Всевыборов. 26 ноября (9 декабря) СНК принял декрет об условиях открытия Учредительного собрания только при наличии не менее 400 депутатов из 800. В этих условиях под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!» контрреволюционные силы выступили против Советской власти, создали «Союз защиты Учредительного собрания». В назначенный день открытия Учредительного собрания, 28 ноября (11 декабря), кадеты и правые эсеры организовали демонстрацию у Таврического дворца, несколько депутатов проникли в здание с целью открыть Учредительное собрание. Вечером СНК принял декрет об аресте лидеров кадетов и сместил членов Всевыборов. Это и имеет в виду Горький, говоря, что «кадетов хотят выбросить из Учредительного собрания» (о дальнейшей судьбе Учредительного собрания см. примеч. 1 к ст. XLII, частично примеч. 1 к ст. XL).

LVI

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 198, 10(23) декабря. Вошла в кн. РИК и НМ.

¹ Очевидно, Горький имеет в виду обвинения, выдвинутые против него В. Бурцевым (см. примеч. к ст. XXXIX).

² См. примеч. 7 к ст. XIV, примеч. 1, 2 к ст. LIV и др.

³ См. примеч. 1 к ст. I.

⁴ Ежедневная черносотенная газета, орган «Союза русского народа»; выходила в Петербурге с 1905 г. по март 1917 г. под ред. председателя Союза А. И. Дубровина. Запрещена Петроградским Советом.

⁵ См., напр., примеч. 1 к ст. XXXIX, а также ст. XLI.

⁶ См., напр., примеч. 14 к ст. XXV, ст. XXX и др.

⁷ Имеются в виду винные погромы, охватившие Петроград в конце ноября — начале декабря 1917 г. (см. примеч. 1 к ст. XIV).

⁸ Слова: «решительного и непримиримого» — отсутствуют в отд. изд. НМ; восстановлено по первопечатному тексту и кн. РНК.

⁹ Когда Горький писал о преждевременности социалистической революции в России, он ссылался прежде всего на малочисленность российского пролетариата, который будет принесен в жертву крестьянству, составляющему большинство в «нашей мужицкой стране». Темная, забитая, анархическая деревня, полагал он, подчинит себе рабочий класс и революционную интеллигенцию, и «эта единственная в России активная сила», брошенная, как горсть соли, «в пресное болото деревни», «бесследно растворится, рассосется в ней, ничего не изменив в духе, быте, в истории русского народа» (Г-25, т. 20, с. 27—28). Поэтому народ прежде «должен быть прокален и очищен от рабства, вскормленного в нем, медленным огнем культуры». Таково важнейшее условие победы социальной революции. И это даст возможность избежать в ней разгула анархии, кровопролития в междоусобице, неоправданных жертв, жестокости и разрушения культуры. Так с основной темой «Несвоевременных мыслей» (революция и культура) связано недоверие писателя к деревне, его убеждение, что социалистические устремления пролетариата чужды мелкособственническим инстинктам крестьянина, о чем он неоднократно писал в своих новожиизненских статьях (см. ст. XVII, XVIII и др.), затем в книге «О русском крестьянстве» (1922). Позднее в очерке «В. И. Ленин» Горький объяснял: «...меня всю жизнь угнетал факт подавляющего преобладания безграмотной деревни над городом, зоологический индивидуализм крестьянства и почти полное отсутствие в нем социальных эмоций» (там же, с. 28—29).

Отвечая на эту статью (а также на выступления Горького в НЖ № 194, 195, 205 и др.; см. также примеч. 7 к ст. XIV) и оспаривая неверие писателя в способность пролетариата и партии повести за собой широкие массы и прежде всего крестьянство, «Интеллигент из народа» писал/в «Правде»: «Очевидно, что вопрос о подготовленности нашего народа для социальной революции должен быть решен так или иначе совсем не в зависимости от нравственного и умственного совершенства крестьян и рабочих, составляющих девять десятых населения. Если бы надо было ждать для какой-либо революции той веры, когда весь народ, в большинстве своем, станет умственно развитым, то никогда нельзя было бы дожидаться этого времени <...> По счастью, объективный ход истории ставит вопрос о возможности и уместности политической и социальной революции иначе, чем ставит его Горький, солидарный в данном случае со всеми реакционерами. <...> Социальная революция означает, прежде всего, раскрепощение девяти

десятих населения России от политического и экономического гнета одной десятой» («Правда», 1918, № 5, 20(7) января).

На это Горький, отвечая «Интеллигенту из народа» и подчеркивая крестьянское большинство страны, «органически враждебное психике, идеям и целям городского пролетариата», писал: «Социальная революция без пролетариата — нелепость, бессмысленная утопия...» Между тем «истинно революционный, но количественно ничтожный российский пролетариат истребляется в междоусобной бойне», «его рабочая интеллигенция, плоть от плоти его, терроризируется темной массой и тонет в ней, не имея сил влиять на нее», и «через некоторое время пролетариат исчезнет, перебитый в междоусобице, развращенный той чернью, о которой говорит» сам автор «Правды». «Пролетариат без демократии висит в воздухе, вы отталкиваете демократию от пролетариата,— продолжает Горький.— С кем будете вы творить социальную революцию — с крестьянством? С солдатом? Штыком и пулей? Поймите — сейчас идет не процесс социальной революции, а надолго разрушается почва, которая могла бы сделать эту революцию возможной в будущем. Вожди пролетариата,— как я не однажды говорил, употребляют его как горячий материал, чтобы зажечь общеевропейскую революцию». Однако, объясняет он, «раньше, чем это нам удастся, русский рабочий будет раздавлен европейским солдатом. Неужели вы верите, что Германия, Англия, Франция, Япония позволят вам, бес- сильным, безоружным, раздувать пламя, которое может пожрать их?» (НЖ, 1918, № 7, 11(24) января; полностью см. в Приложении).

Только непроходящая тревога и жгучая боль за судьбу революции заставляют писателя напомнить («как я не однажды говорил») свои прежние высказывания об «экспериментаторах и фантазерах», «жестоким опыте над русским народом», который «уничтожит лучшие силы рабочих и надолго остановит нормальное развитие революции» (см., напр., ст. XXXVIII).

LVII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 9, 13(26) января. Вышла в кн. НМ.

¹ Речь идет о книге Л. Д. Троцкого (наст. фам. Бронштейн; 1879—1940) «Наша революция» (СПб., Глаголев, 1906), посвященной первой русской революции, активным участником которой он был (являлся председателем Петербургского Совета рабочих депутатов). Приведенный Горьким отрывок из нее имел следующее продолжение, развивавшее авторскую мысль: «Наша революция уже до войны (русско-японской.— И. В.) дана была во всех своих основных частях. Уже до войны она проявляла себя в таких решительных формах, которые исключали в будущем возможность долгого подготовительного периода. Октябрьское стачечное восстание так же

непосредственно вытекает из 9-го января, как 9-е января — из южно-русской стачки 1903 г. Война, задержавшая почти на год непосредственные революционные выступления, помогла революции сосредоточиться. Война ускорила процесс революционной мобилизации отсталых слоев. Но она все не форсировала искусственным давлением активных действий революции. Наоборот...» (с. 5—6).

² Вероятно, Горький имеет в виду отношение к старым научно-техническим обществам и союзам и прежде всего к «Ассоциации для развития и распространения положительных наук», в организации которой принимал непосредственное участие (см. примеч. 2, 3 к ст. XXIV). В одной из ранних редакций очерка «В. И. Ленин» он писал: «С коммунистами я расхожусь по вопросу об оценке роли интеллигенции в русской революции, подготовленной именно этой интеллигенцией (...) Первейшей задачей революции я считал создание таких условий, которые бы содействовали росту культурных сил страны. (...) Ради этой цели тотчас после Февральского переворота, весной 17-го года, была организована «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук», учреждение которое ставило задачей своей, с одной стороны, организацию в России научно-исследовательских институтов, с другой — широкую и непрерывную популяризацию научных и технических знаний в рабочей среде. (...) Начинание это было уничтожено Октябрьской революцией, средства «Ассоциации» конфискованы» (М. Горький. Воспоминания. Рассказы. Заметки». Берлин, изд. «Книга», 1925, с. 14, 13). С 1918 г. цели и задачи Ассоциации стали осуществляться в государственном масштабе.

³ На это также указывал еще на заре века В. И. Ленин в «Проекте программы нашей партии», подчеркивая необходимость ниспровержения гнета русского самодержавия «не только в интересах рабочего класса, но и в интересах всего общественного развития», т. е. всего общества. «Такое указание,— писал Ленин,— необходимо и в теоретическом отношении, ибо с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 220).

LVIII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 13, 19 января (1 февраля). Вошла в кн. НМ.

¹ См., напр., ст. XLV и примеч. 1.; примеч. 2 к ст. XLII и др.

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 47, 21(8) марта. Вошла в кн. НМ.

¹ «Красная газета» — издание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, была основана В. Володарским 25 января 1918 г.; выходила до февраля 1939 г., после чего волилась в газету «Ленинградская правда». Выходили также вечерние выпуски.

² Речь идет о статье Мих. Надеждина «Что посеяли, то надо и жать (Отклик на Горьковскую «совесть»)» в «Красной газете» (1918, № 44, 19(6) марта), являющейся ответом на «Несвоевременные мысли», появившиеся в НЖ № 44 17(4) марта (см. ст. XLIV).

³ Горький говорит об этом также в ст. XXIX (см. там же, примеч. 5, 6).

⁴ Под «московской речью Ленина» Горький имеет в виду «Заключительное слово» Владимира Ильича на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов 15 марта 1918 г. по «Докладу о ратификации мирного договора» с Германией, состоявшемся 14 марта. Приводимые в горьковской статье две выдержки из речи Ленина цитируются по отчету, помещенному в «Новой жизни» № 44 от 17(4) марта. Однако ни в публикации «Правды», ни в Полном собрании сочинений В. И. Ленина (как и в предыдущих изданиях), где речь Владимира Ильича печатается по стенограмме, сверенной с отчетом «Правды», цитируемого текста нет. Близкими к нему являются некоторые места в «Докладе» Ленина: «Нам говорят, что мы предали Украину и Финляндию,— о, какой позор! <...> Нам говорят: предатели, вы предали Украину! Я говорю: товарищи, я достаточно видел виды в истории революции, чтобы меня могли смутить враждебные взгляды и крики людей, которые отдаются чувству и не могут рассуждать. Я вам приведу простой пример. Представьте, что два приятеля идут ночью, и вдруг на них нападают десять человек. Если эти негодяи отрезают одного из них,— что другому остается? — броситься на помощь он не может; если он бросится бежать, разве он предатель?» А представьте, что речь идет не о личностях или областях, в которых решаются вопросы непосредственного чувства, а встречаются пять армий по сто тысяч человек, которые окружают армию в двести тысяч человек, а другая армия должна идти к ней на помощь. Но если эта армия знает, что она наверное попадет в ловушку, она должна отступить; она не может не отступить, хотя бы даже для прикрытия отступления понадобилось подписать похабный, поганый мир,— как угодно ругайте, а все же подписать его необходимо» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 105—106).

К месту, помеченному звездочкой, дано примечание редакции Полн. собр. соч.: «В стенограмме, по-видимому, неточная запись: следует читать: «не броситься на помощь он с может; если он бросится бежать, разве он не предатель?»»

То, что в стенограмме действительно скорее всего ошибка, подтверждается речью Ленина на VII экстренном съезде РКП(б) 8 марта 1918 г., где фигурирует сходный пример: «...два человека идут, на них нападают десять человек, один борется, другой бежит — это предательство; но если две армии по сто тысяч...» Далее Ленин пересказывает уже знакомую ситуацию, в которой одна армия не оказывает помощи другой, и заключает: «Это не предательство, не трусость: простое увеличение числа изменило все понятия, каждый военный это знает, — тут не персональное понятие: поступая так, я сберегаю свою армию, пусть ту возьмут в плен, я свою обновлю, у меня есть союзники, я выжду, союзники придут» (там же, с. 31).

⁵ В тексте НЖ было: «Далее Ленин говорит еще более цинично»; в отдельном издании НМ — «Далее Ленин говорит»; в НРИ Горький слово «далее» вычеркнул.

LX

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 48, 22(9) марта. Вошла в кн. НМ.

¹ В ежедневном потоке обвинений на протяжении одной только недели, когда было высказано это замечание, с критикой Горького выступили: М. Надеждин, упрекавший писателя, «вышедшего из народа», за его обвинения против «своих же братьев» (см. примеч. 2 к ст. LIX), К. Самойлова, заявившая, что, «оторвавшись от народных масс», Горький «оплевывает этот народ» («М. Горький о современном моменте». — «Правда», 1918, № 51, 17(4) марта), А. Шугаев в статье «Народ, интеллигенция и буржуазия» («Правда», 1918, № 57, 24(11) марта) и ряд анонимных авторов: «Среди газет» («Новый луч», 1918, № 32, 22(9) марта), «Совесть издохла» («Известия», 1918, № 55, 23(10) марта), «Обзор печати» («Правда», 1918, № 56, 23(10) марта).

² Эти идеи, как и напоминание о «праведниках», под которыми имеются в виду прежде всего герои Достоевского (в частности Алеша Карамазов), Горький развивал в курсе лекций по истории русской литературы, который читал в 1909 г. слушателям каприйской партийной школы, и в ряде других статей. Тем не менее Горький очень высоко ценил и неизменно отмечал великий подвиг русской классической литературы, исключительной по оригинальности и созвездия гениальных художников и мыслителей,

которая, как он писал в эти же дни, «целиком и насквозь была посвящена вопросам совести, вопросам социальной справедливости» (см., напр., ст. LIX).

³ Реакцию критики на эти высказывания Горького см. в примеч. 9 к ст. LVI.

LXI

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 62, 9 апреля (27 марта). Вошла в кн. НМ.

¹ Имеется в виду статья НЖ от 31(18) марта 1918 г., № 56 (см. ст. XVII).

² Одно из поучений Иисуса Христа из так называемой «Нагорной проповеди» (Матф., 6, 26).

³ «Дело народа» — газета, орган ЦК партии эсеров, издававшаяся в Петрограде с марта 1917 г. Поддерживала Временное правительство; Октябрьскую революцию встретила враждебно. После января 1918 г. выходила под другими названиями; в июне этого года была закрыта окончательно.

⁴ Вольнов Иван Егорович (Иван Вольный; 1855—1931) — писатель, выходец из семьи крестьянина-бедняка Орловской губернии. Окончил учительскую семинарию, преподавал в сельских школах. С 1903 г. участвовал в революционном движении, примыкал к партии эсеров. За покушение на мценского исправника был сослан в Сибирь; в 1910 г. бежал за границу, где пробыл до 1917 г. В 1911 г. на острове Капри познакомился с Горьким, который поддержал его литературные начинания и впоследствии оказывал всемерную поддержку (в 1919 г., когда Вольнова арестовали, способствовал его освобождению, обратившись за содействием к Ленину). По совету Горького Вольнов написал лучшее свое произведение — автобиографическую повесть «О днях моей жизни» (1912), которую потом продолжил в книгах «Отрочество» (1913) и «Возвращение» (1928; впервые опубл. в 1956 г.). Горький высоко ценил писателя за суровую правду его произведений, запечатлевших судьбу дореволюционной деревни, тяжкую народную нужду и социальное угнетение крестьян. После Октябрьской революции Вольнов — участник гражданской войны, доставлял из Сибири хлеб для голодающих центров России, встречался с Лениным, М. И. Калининым. В 20-е гг. жил в родной деревне. Яркий литературный портрет крестьянского писателя Горький создал в очерке «Иван Вольнов» (1931), где проникновенно рассказал о полной приключений жизни и судьбе своего друга.

⁵ Имеется в виду статья Н. Горлова «О пропавшей совести» («Петроградская правда», 1918, 5 апреля (23 марта), № 67), повторявшая названием и направленностью недавнее «политическое обозрение» «Известий» — «Совесть издохла» (см. примеч. 2 к ст. XLIV). В аналогичных выражениях, что и Горлов, писали в эти же дни о Горьком, который «оплевывает народ», и К. Самойлова, А. Шугаев и другие (см. примеч. 1 к ст. LX). Г. Устинов в статье «50 лет» сокрушался, что пятидесятилетний юбилей М. Горького и почти тридцатилетняя литературная работа его «увенчались «Несвоевременными мыслями» о злобе, дикости, жестокости и невежестве русского народа». По мнению автора, это стало «излюбленной темой М. Горького особенно за последние годы, когда он приобщился к западноевропейской культуре, к этой растлевающей целостную человеческую душу интеллигентщине, к «мягкотелости», которая так непристала была когда-то певцу «Буревестника» и творцу «Исповеди», кончающейся словами:

— С праздником, русский народ, с великим воскресением, милый!»

И вот у русского народа праздник. «Жаль только, что на празднике этом нет М. Горького, который ушел от народа в другой лагерь и потихоньку жалит крестьянина, рабочего, солдата своими поистине несвоевременными мыслями». Автор с горечью — надо отдать ему должное — пишет о печальном конце «полновесной жизни» М. Горького, который «на склоне лет своих» «отошел от дерзких молодых побегов». Но точно так же, как поверхностно, не понимая истинных истоков «излюбленной темы» писателя, он видит в нем только «брюзгливого ворчуна», с такой же легкостью он и хоронит его: «От пролетариата отшатнулась мощная сила — это надо признать. М. Горького нет с нами» («Известия», 1918, № 60, 29(16) марта).

⁶ *Зиновьев Григорий Евсеевич* (наст. фам. Радомысльский; 1883—1936) — в то время член ЦК партии большевиков, председатель Петроградского Совета — неоднократно выступал в печати против позиции «Новой жизни» и лично против Горького как автора «Несвоевременных мыслей». Их взаимоотношения особенно обострились после переезда правительства в Москву, когда Зиновьев в качестве председателя Совета комиссаров Петрокоммуны пользовался неограниченной властью в Северной области. Во многом по его настоянию была закрыта «Новая жизнь». В воспоминаниях о Горьком В. Ф. Ходасевич писал: «Когда, почему и как начали враждовать Горький с Зиновьевым, я не знаю. Возможно, что это были тоже давние счеты, восходящие к дореволюционной поре; возможно, что они возникли в 1917—1918 годах, когда Горький стоял во главе газеты «Новая жизнь», отчасти оппозиционной по отношению к ленинской партии [...] Во всяком случае, к осени 1920 г. [...] до открытой войны дело еще не доходило, но Зиновьев старался вредить Горькому где мог и как мог. Арестованным, за которых хлопотал Горький, нередко грозила худшая участь, чем если бы он за них не хлопотал. Продовольствие, топливо и

одежда, которые Горький с величайшим трудом добывал для ученых, писателей и художников, перехватывались по распоряжению Зиновьева и распределялись неизвестно по каким учреждениям. Ища защиты у Ленина, Горький то и дело звонил к нему по телефону, писал письма и лично ездил в Москву. Нельзя отрицать, что Ленин старался прийти ему на помощь, но до того, чтобы по-настоящему обуздать Зиновьева, не доходил никогда, потому что, конечно, ценил Горького, как писателя, а Зиновьева — как испытанного большевика, который был ему нужнее <...> Зиновьев со своей стороны не унимался. Возможно, что легкие поражения, которые порой наносил ему Горький, даже еще увеличивали его энергию <...> В ту же пору до Горького дошли сведения, что Зиновьев грозит арестовать «некоторых людей, близких к Горькому». Кто здесь имелся в виду?» (В. Ходасевич. Белый коридор. Воспоминания. Избранная проза в 2 т. т. 1. Нью-Йорк, 1962, с. 227—228).

Но особенно поразил Горького устроенный Зиновьевым обыск в его густо и пестро населенной квартире на Кронверкском. Причиной этой акции являлся, конечно, не Горький, а прежде всего его секретарь Мария Игнатьевна Закревская (Будберг), которую Зиновьев откровенно считал английской шпионкой. Горький был ошеломлен и возмущен этой дерзостью, немедленно выехал в Москву, чтобы потребовать прекращения травли со стороны Зиновьева. Вероятно, со слов Горького Ходасевич рассказывает, что в Москве, на квартире Е. П. Пешковой, где писатель, как всегда, остановился, Ленин, Дзержинский и Троцкий «выслушали доклад Горького и решили, что надо выслушать Зиновьева. Его вызвали в Москву. В первом же заседании он разразился сердечным припадком — по мнению Горького, симулированным (хотя он и в самом деле страдал сердечной болезнью). Кончилось дело тем, что Зиновьева пожурили и отпустили с миром. Нельзя было сомневаться, что теперь Зиновьев сумеет Алексею Максимовичу отплатить» (там же, с. 231). По мнению Ходасевича, враждебное отношение Зиновьева было одной из причин выезда Горького за границу в октябре 1921 г.

LXII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 103, 30(17) мая. Вошла в кн. НМ.

¹ В ноябре 1917 г. был принят правительственный «Декрет о введении государственной монополии на объявления», по которому всем буржуазным периодическим изданиям запрещалось печатать за плату объявления, в том числе в сборниках и афишах, а также запрещалась сдача объявлений в киоски, конторы и т. п. учреждения. Печатать объявления могли только издания рабоче-крестьянского правительства в Петрограде и местных Советов (Декреты Советской власти, т. 1. М., 1957, с. 55—56). На необходи-

мость признания частных объявлений монополией Советского государства Ленин указал в своей речи на заседании ВЦИК 4(17) ноября, но декрет не был сразу введен в жизнь. 18 ноября (1 декабря) 1917 г. было опубликовано постановление Комиссии по делам печати о том, что декрет об объявлениях вступает в силу 22 ноября (5 декабря). Все объявления должны были передаваться в контору «Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства». Издания, вышедшие 22 ноября с объявлениями, были закрыты. Все это вызывало жалобы прежде всего граждан, нуждавшихся в объявлениях о споре на труд и с предложениями труда; за них и «хлопочет» Горький в мае 1918 г. В июне Президиум ВЦИК вновь вернулся к этому вопросу и принял ряд мер, обеспечивающих осуществление декрета.

² На *Гороховой* улице в Петрограде находился ряд государственных учреждений, в том числе — ЧК.

³ Имеются в виду персонажи сатирической сценки «Торжествующая свинья, или Разговор Свиньи с Правдой», входящей в цикл очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» (1881). Самодовольная Свинья, которая гложет Правду, выступает здесь как обобщенный образ торжествующей политической реакции, особенно усилившейся после разгрома народовольцев.

⁴ Горький имеет в виду статью В. Б. (В. Быстрийского) «Изгоев о большевиках» («Петроградская правда», 1918, 4 мая (21 апреля) и большую публикацию Клары Цеткин «За большевиков» («Правда», 1918, 12 мая (29 апреля), 14(1), 15(2), 17(4) и 18(5) мая, № 91—93, 95 и 96). Член редколлегии «Петроградской правды» В. Быстрийский (псевдоним публициста Вадима Александровича Ватина; 1886—1940) неоднократно цитирует высказывания А. С. Изгоева из статьи «О заслугах большевиков» («Русская мысль», 1918, кн. 1—2), подчеркивая те из них, в которых отдается должное большевикам, осуществляющим социализм «единственно возможным способом», — как пишет Изгоев: «И кто бы за эту задачу ни взялся, он ничего другого не мог бы сделать». В этом отношении, считает Изгоев, большевики проявляют больше последовательности и честности, чем эсеры и меньшевики, которые, выдавая себя за социалистов, не идут дальше «кадетской программы реформ». А. С. Изгоев (псевдоним Александра Соломоновича Ланде; 1872—1935) — кадетский публицист, один из участников сборника «Вехи» (1911), названного Лениным «энциклопедией либерального ренегатства». В 1922 г. был выслан из СССР в числе большой группы буржуазных ученых, историков, философов.

Ирония Горького по поводу выступления «Петроградской правды»

состоит в том, что вся статья Изгоева и по содержанию, и по духу своему насквозь антисоциалистическая, антибольшевистская. «Русский социализм,— пишет он,— был и остается по существу своему чисто противогосударственным, разрушительным учением, воспринятым интеллигенцией лишь как радикальное средство борьбы с самодержавием. Когда в этой борьбе социалисты силою немецких штыков одержали победу, они сразу поняли, что при помощи провозглашавшихся ими принципов нет возможности удержаться у власти. Им приходилось на практике учиться, что такое власть. И они, зачеркнувши все прошлое развитие государственности в России, в своих поисках могли схватиться только за орудие Павла I или даже Ивана Грозного с его опричниной. Люди думали и говорили, что они осуществляют самый совершенный и передовой социалистический строй, тогда как на деле они деградировали власть к начальному периоду всякого самодержавия, когда произвол отдельных самодержцев неразрывно связан с произволом служащих ему толп». Так что «никакого «социализма», конечно, не получилось,— пишет Изгоев.— Напротив, никогда социальные связи в России не были так слабы, как при господстве большевиков. Никогда не царили в нашей жизни в такой мере самый буржуазный эгоизм, дух наживы, корыстолюбия, спекуляции, обходы всех законов, сдерживающих эксплуатацию одного человека другим. Массы солдат-социалистов, большевиков превратились в странствующих торговцев, по части спекуляции побивших все рекорды <...> Нет теперь ничего легче, как убить и ограбить человека, если это можно сделать безопасно и с выгодой для себя». И виной всему «атеистический материализм» русского социализма: «Единственное логическое развитие свое он получил в Нечаеве, Ткачеве, Ленине с их величайшим моральным цинизмом. «Бесы» Достоевского — не клевета на русскую революцию, а книга пророческая в русской литературе. Все, что предсказывал Достоевский, сбылось от первого слова до последнего».

Так в чем же, по мнению автора, заслуга большевиков? «Мне ли, члену партии, объявленной большевиками «вне закона»,— пишет он,— говорить <...> о «заслугах» людей, с именем которых на веки веков свяжется представление о самом черном годе для России <...> Если даже это ирония, она неуместна. Но в моих словах нет никакой иронии. Я хочу говорить вполне серьезно о серьезной заслуге большевиков». И далее объясняет:

«Страшные уроки 1917 года не могут и не должны пройти для России бесследно. Должна и для России наступить эпоха национального возрождения, национальной честности, совести и ума <...> Все, что носит следы антинационального, антигосударственного и, как доказала революция, антикультурного в русском социализме, должно быть решительно отмечено <...> Предстоит огромная, в высокой степени плодотворная культурная работа. Вся социальная ложь и гниль будет выметена <...> Большевики, со своей стороны, хоть и отрицательно, от противного, содей-

ствуют такому оздоровительному процессу. В этом их заслуга» (с. 54—62).

Вторая статья, о которой говорит Горький, — Клары Цеткин, — представляет собой серьезный анализ социально-политической обстановки в России между Февралем и Октябрем и дает высокую оценку деятельности большевистской партии. В небольшой предваряющей публикацию заметке Г. Зиновьев отмечает, что, не в пример «завываниям, заклинаниям и проклятиям, которыми нас потчуют каждый день русские, тоже «социалисты» из «Дела народа», «Новой жизни» и т. п. газет», «каждое слово в превосходной статье» К. Цеткин «хлещет бичом наших Мартовых, Авилых, Гоцев и Комп.»; выступление Клары Цеткин, которая «до революции сочувствовала меньшевикам», — ярчайший факт признания честными социалистами всех стран величия Октябрьской революции и подвига русского пролетариата, «а, стало быть, и нашей партии, партии русского пролетариата, авангарда пролетариата международного». С удовлетворением Клара Цеткин отмечает решительность и мужество большевиков — единственной партии в России, нашедшей в себе силы и смелость взять в свои руки власть и провести в жизнь идеи социализма: «Большевики боролись и победили. Они утверждают свою власть отдельно от всех других социалистических партий, в противоположность к ним, будучи предметом вражды с их стороны, — если не принимать в расчет левых с.-р. Я глубоко сожалею, что эта борьба и победа не являются делом всех социалистов, всех революционеров (...) что они не все, без различия направления, стоят вместе с победителями, усиливая власть и проявляя ее. Но разве их блестящее отсутствие вокруг Ленина и Троцкого произошло по вине большевиков, их ортодоксального, ограниченного понимания (...) нет, это — не вина большевиков», — пишет она, хотя признает: «Да, конечно, большевики разорили «священное единство» революционной демократии, но они должны были взорвать это единство, если хотели спасти революцию». Воздав должное большевикам, которые в «решающие судьбу революции часы» показали, что «им присуща не только дальновидность, смелость и самопожертвование, но также и вера в силу социалистических идей, в свою мощь и доверие к массам», она поясняет: «После того, как большевики подняли борьбу против чудища капиталистического строя, они не могут действовать иначе, как уничтожая железной рукой всякое препятствие, которое, по их мнению, стоит на пути к осуществлению их цели». И заключает: «Я глубоко убеждена в том, что придет день, когда история объявит Ленина и Троцкого наследниками революционного духа Маркса. «Ошибки» же и «недочеты» их политики будут сведены исторической перспективой к микроскопическим размерам».

Что касается ее «пояснений, уничтожающих хвалу», о которых вскользь замечает Горький, то они названы в «отклике» Г. Осокина, напечатанном в «Новой жизни» в тот же день, когда появилось в «Правде» начало статьи Клары Цеткин. Он отмечает, что статья эта написана не

столько «за большевиков», «сколько против отечественных Шейдеманов», немецких социал-демократов, «оборонцев» и соглашателей, и «русских коалиционных социалистов, проигравших революцию». Однако, «справедливо критикуя меньшевиков и социалистов-революционеров», К. Цеткин далека при этом от «коммунистической» фразеологии: «В то время как большевики вопили о том, что «Церетели и Чернов продались буржуазии»,— К. Цеткин пишет: «Я убеждена, что они честно старались над социалистическим разрешением лежащих перед ними проблем». И далее: «Клара Цеткин пишет: «Кто станет отрицать, что большевики, как партия, являются властью меньшинства» (...) В другом месте статьи имеется уже прямое оскорбление по адресу большевиков. К. Цеткин говорит, что им «недостает блестящих и верных мужей, людей с неумирающими заслугами перед российской освободительной борьбой и интернациональным социализмом». Из всего этого он приходит к выводу: «Вообще приходится признать, что только отчаянье могло побудить «Правду» печатать подобный панегирик» (НЖ, 1918, № 88, 12 мая (29 апреля)).

LXIII

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1917, № 52, 18 июня (1 июля). Вошла в кн. Рик и НМ.

¹ Среди первых актов Временного правительства был опубликованный 22 марта 1917 г. декрет об отмене национальных и вероисповедных ограничений. Многочисленные народы России, в том числе и евреи, были уравнены во всех гражданских правах с «коренным» населением страны. Смыто было одно из позорнейших пятен, чернивших старую Россию. Этот акт правительства, как и другие его законодательные постановления, был результатом победы демократии и народа в революции, свергнувшей самодержавие. Примечательно, что газета «Новое время», известная своей травлей инородцев, восторженно откликнулась на постановление: «Все это кошмарное наследие прошлого ликвидировано и никогда больше не вернется. Среди граждан великой страны нет больше угнетенных вековой несправедливостью, разделения на полноправных и подвергнутых национальным ограничениям». Краткое вступление к этому декрету гласило: «Исходя из незыблемого убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равны перед законом, и что совесть каждого не может мириться с ограничением прав отдельных граждан в зависимости от их веры и происхождения, Временное правительство постановило: Все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальностью, отменяются» (цит. по: «Новое время», 1917, 23 марта (5 апреля), № 14734). Далее в девяти пунктах перечислялись отмененные ограничения и приводился длинный перечень статей

свода законов, отныне утративших силу. С огромным удовлетворением был встречен декрет прогрессивными силами общества, всеми народами бывшей царской империи, особенно велика была радость еврейского населения, которого ближе всего касалась отмена национальных ограничений.

Негодовали, как видно из приводимого Горьким письма, черносотенцы и реакционеры, защитники самодержавия, провоцировавшие в эти же дни еврейские погромы (см. примеч. 1 к ст. XXV).

² То есть семь богатырей, подобных древнееврейскому мифическому герою Самсону (Сампсону), обладавшему необыкновенной физической силой. Согласно библейскому преданию, мощь Самсона таилась в его длинных волосах; возлюбленная богатыря филистимлянка Далида (Далила) остригла у спящего Самсона волосы и выдала его своим соотечественникам, которые ослепили его и заковали в цепи. В заточении волосы у Самсона отросли; почувствовав былую силу, он разрушил храм, под развалинами которого погибли его враги. История Самсона рассказана в Книге Судей (гл. 14—16).

³ По ветхозаветному мифу, бог разрушил города Содом и Гоморру в древней Палестине за грехи, разврат и сладострастие их жителей. Но уберег праведника Лота (и его семью), которого ангелы вывели из Sodoma в близлежащий и тоже предназначенный к уничтожению город. И ради него бог пощадил этот город. «Потому и назван город сей: Сигор» (Бытие, 26, 22).

LXIV

Из цикла «Несвоевременные мысли» — НЖ, 1918, № 106, 2 июня (20 мая); также московское издание газеты — НЖ, № 2 (дата та же). Вошла в кн. НМ.

¹ Тезис о том, что революция в России является результатом «жидовско-масонского заговора», был основным «идейным» тезисом контрреволюционной пропаганды монархистов, реакционеров, белогвардейцев (напр., Колчака, Деникина), затем — всех контрреволюционеров, всевозможных националистов и шовинистов (см., напр., Большая советская энциклопедия, изд. 1-е, т. 3., М., 1926, с. 75).

² Крылатое выражение в значении «все люди равны» — из послания апостола Павла к галатам в Новом завете: «Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (3, 28).

³ Здесь — 12 избранных апостолов, первых последователей Иисуса Христа, которым он повелел проповедать Евангелие. Сведения о них сообщаются в Евангелиях (сер. II в.) и в несколько более поздних «Деяниях апостолов» (третья четверть II в.). Первоапостолами числятся: Симон, называемый Петр, и Андрей, брат его; Иаков Заведеев и брат его Иоанн; Филипп и Варфоломей; Фома и Матфей мытарь; Иаков Алфеев и Левий, прозванный Фаддеем; Симон Кананит (или Зилот) и Иуда Искариот, впоследствии ставший предателем. По вознесении Иисуса Христа вместо Иуды-предателя был избран и причислен к апостолам Матфий. Все они, по видимому, являются мифическими лицами.

⁴ Для Горького кондовый шовинизм и махровый антисемитизм — две ипостаси одного лица: злобствующего, воинствующего мещанина. Он хорошо знал образ мыслей и психологию этих людей, в том числе по письмам, которые цитирует в статье и которые получил после ее опубликования. Так, «один из глубокоуважающих» писателя и «разделяющих направление» «Новой жизни» «патриот», радетель за Россию С. А. В., пишет Горькому: «Прочитав Несвоевременные мысли в газете Н. Ж. № 106 и присоединяясь к протесту против погромов евреев, не могу не высказать, что так или иначе не место евреям в лице хотя бы вождей революции во главе Российской Республики (...) Ведь не раз и Вы подчеркивали, что: мы, русские — зверье (...) Против этого мы боремся, в противном случае надо похоронить Россию (...) а спасение таковой от нас же самих, и неопровержимый жизненный факт, что только истинные Русские вожди — Русское крестьянство, Русская демократия может спасти свое Российское хозяйство. Вот почему, как ни противен, гадок и нечеловечен призыв «Бей жидов», в нашей современной России он должен звучать». И в заключение: «Уйдите, евреи, из нашего хозяйства, представьте нам самим разобраться в своей беде, а в Вашей и мы Вас сами поддержим» (Арх. Г.).

⁵ В ночь с 26 октября (8 ноября) на 27 октября (9 ноября) 1917 г. Второй Всероссийский съезд Советов принял «Постановление о борьбе с контрреволюцией». Оно было принято на втором заседании перед голосованием «Декрета о земле». Примечательно, что революция устами съезда в первый же день приравнивала любые антиеврейские выступления к контрреволюционным акциям. В Постановлении указывалось:

«Всем Советам

Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поручает Советам на местах принять немедленно самые энергичные меры к недопущению контрреволюционных выступлений, «антиеврейских» и каких бы то ни было погромов. Честь рабочих, солдатской и крестьянской революции требует, чтобы никакие погромы не были допущены» (Декреты Советской власти, т. 1. М., 1957, с. 16). Через неделю,

2(15) ноября, была принята «Декларация прав народов России», в основе которой, наряду с утверждением 1) равенства и суверенности народов России, 2) права на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, «3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, 4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» (там же, с. 40).

⁶ *Каморра* — тайная бандитская организация в Южной Италии, аналогичная мафии; существовала до конца XIX — начала XX века.

ПРИЛОЖЕНИЕ

¹ Заключительная часть статьи IV (в наст. издании), не включенная автором в кн. НМ и в основной корпус настоящей книги.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853—1926) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии (1912 г.). С начала Первой мировой войны — командующий 8-й армией. С марта 1916 г. — главнокомандующий Юго-Западного фронта, войска которого в мае-августе осуществили прорыв австро-германского фронта; с 22 мая (4 июня) по 19 июня (1 августа) 1917 г. — верховный главнокомандующий, активный сторонник политики продолжения войны до победного конца; по настоянию А. Ф. Керенского подписал приказ о введении смертной казни в действующей армии. Брусилов — один из первых генералов царской армии, который признал Советскую власть, он обратился с воззванием к бывшим русским офицерам выступить на защиту Родины. Работал инспектором кавалерии Красной Армии, с 1924 г. состоял для особо важных поручений при РВСР.

^{1а} Имеется в виду заметка в разделе «Печать» («Речь», 1917, 20 апреля/3 мая).

² Над организацией газеты «Луч» Горький напряженно работал еще с осени 1916 г. В январе-феврале 1917 г. он оповестил ряд своих корреспондентов (Короленко, Брюсова, Тимирязева, Вересаева и др.) о предстоящем выходе газеты, приглашал принять участие в новом издании, срочно присылать рассказы, стихи, статьи для него. Характеризуя направ-

ление газеты и ее цель, он, например, писал В. Г. Короленко 14(27) января 1917 г.:

«Обращаюсь к Вам с покорной просьбой.

Здесь организовалась и в конце января выйдет газета «Луч». Средства на издание ее даны А. И. Коноваловым (о нем см. примеч. 5 к ст. XV.— И. В.), Эрнестом Павловичем Груббе. Акционерное о-во «Копейка» участвует техникой. Груббе — директор Сибирского банка, но это весьма порядочный, очень культурный человек и деньги дает лично он, а не его банк.

Редакция: редактор Михаил Влад(имирович) Бернацкий (о нем см. примеч. 6 к ст. XV.— И. В.), заведующие отделами: иностранным — П. Г. Виноградов, военным — генерал Апушкин, — лучшее, что есть среди военных <...> внутренняя политика — ведется коллективно, земство — Веселовский <...> крестьянский вопрос — Мациевич, критика и библиография — А. Г. Горифельд, литература — я, и т. д. Фельетонисты: А. А. Яблоновский, Левин, Заславский, С. Черный, Д. Бедный <...>

Направление газеты радикально-демократическое, цель ее — обслуживать социально-политические интересы всех групп влево от кадет и вправо от социалистических партий. В дальнейшем газета мечтает о создании радикально-демократической партии, программа которой уже выработана.

Будет очень широко поставлен национальный отдел <...> Хочется сделать газету бодрой, удобочитаемой и веселой <...>

От себя лично и от имени моих товарищей я убедительно прошу Вас о сотрудничестве, — согласитесь, В. Г.! Газета приличная и необходимая в эти мрачные дни» («А. М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка, статьи, высказывания». М., 1957, с. 85—86).

Но уже в 20-х числах февраля Горький писал своим корреспондентам: «С «Лучом» — «заминка», издание газеты откладывается на неопределенное время...»; «Дело с газетой «Луч» временно замерло. Не по моей вине <...> Но — я упрям, и газета будет» (Г-30, т. 29, с. 379, 381). Вместо «Луча» им была в апреле 1917 г. создана газета «Новая жизнь».

³ Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925) — историк, сторонник англо-русского сближения, одно время преподавал в Оксфордском университете и был возведен английским королем в рыцарское достоинство. В «Луче» должен был возглавить отдел иностранной политики.

⁴ Под «самоограничением» Горький имеет в виду компромисс, на который он, революционер, социал-демократ, вынужден был пойти, участвуя в организации газеты (писатель должен был в ней вести литературный отдел) совместно с такими умеренными либералами, как Коновалов и Бернацкий, Груббе и Виноградов (о них см. примеч. 2 и 3). Говоря о «самоограничении», которое «признали для себя обязательным» обе стороны, Горький отвечал «Речи» (см. примеч. 1а), выразившей недоумение по поводу того, что редактор «Новой жизни» (газеты «большевистской», как

она ее именovala) совсем недавно собиpался сотрудничать в «Луче», — мол, тогда он еще признавал возможным ограничить себя.

Беспрестанно полемизируя с «Новой жизнью», «Речь» не гнушалась никакими средствами, чтобы дискредитировать Горького. 25 мая (7 июня) 1917 г. газета обвинила писателя в том, что он якобы использовал средства, предназначенные для издания «Луча», на «Новую жизнь». (К этому приему уже после Октября прибегала даже большевистская печать, полемизируя с «Новой жизнью», — см. заключительную статью Приложения.) 26 мая (8 июня) 1917 г. Горький писал в редакцию газеты «Речь»: «Вчера у вас в газете г. Clemens обвинил меня — между прочим — в том, что я «передал фонд для «Луча» большевистской «Новой жизни». Люди юридически грамотные, вы не можете не понимать смысл такого обвинения. Но — послушайте — ведь вы же не верите в это! И почему бы вам раньше, чем напечатать эту клевету, не справиться: были ли в моих руках деньги для издания газеты «Луч» и когда — до или после революции — внесены в банк деньги на издание «Новой жизни»? Постыдитесь, господа» (Арх. Г).

⁵ Так назвал конституционно-демократическую партию один из ее основателей П. Н. Милюков (о нем см. примеч. 10 к ст. XV) летом 1909 г. на обеде у лорд-мэра Лондона. Милюков заявил: «Пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция остается оппозицией его величества, а не его величеству». Заявление было одобрено конференцией кадетов в ноябре 1909 г. Такого отмеченное в горьковской статье «самоограничение» кадетов — от принятой под влиянием революционного подъема 1905—1907 гг. сравнительно радикальной программы конституционного устройства России (с правительством, ответственным перед «народным представительством», парламентом, избираемым на основе всеобщего избирательного закона, с требованием демократических свобод, наделения крестьян землей, рабочего законодательства и т. п.) к признанию в период реакции, что они вполне довольствуются ролью «оппозиции его величества», т. е. конституционной монархий.

⁶ Еще 17(30) марта Горький направил по этому вопросу открытое письмо в редакцию «Русского слова»: «В печати проник слух о том, что будто я организую радикал-демократическую партию. Позвольте через посредство Вашей газеты заявить, что я остаюсь тем, чем был, — социал-демократом» (Арх. Г).

О настроении Горького этого периода — между крушением планов с «Лучом» и до организации «Новой жизни» — красноречиво свидетельствует его письмо Е. П. Пешковой от 19 марта (1 апреля) 1917 г. «Теперь, когда фантастика русской истории сделала кадет и даже октябристов республиканцами, — писал он, — партия р.-д. потеряла свой «резон д'этр»

(франц.: смысл существования.— *И. В.*) <...> Теперь я сам составляю партию, я не знаю, как назвать ее. В этой партии один человек — я. Не думаю, что она разрастется до трех, например. Я — пессимист и, кажется, даже мизантроп. На мой взгляд, преобладающее население России составляют злые и глупые свиньи. Их особенно много в Москве <...> Нет сомнения, что у вас (т. е. в Москве.— *И. В.*) очень быстро развивается контрреволюция, самая пакостная и страшная — обывательская» (Арх. Г).

⁷ Речь идет о появившемся в начале империалистической войны воззвании «От <русских> писателей, художников и артистов» с протестом против немецких зверств, варварского разрушения культуры германской армией. Оно обвиняло также немецких ученых и деятелей искусства в пособничестве братоубийственной и бессмысленной войне. Воззвание было написано И. А. Бунинным и обращено «к родине и ко всему цивилизованному миру». В числе многих других — подпись М. Горького («Русские ведомости», 1914, № 223, 28 сентября).

Критик, литературовед и публицист эсеровского толка Иванов-Разумник (псевдоним Разумника Васильевича Иванова; 1878—1946), давний литературный и идейный противник Горького, напомнил об этом воззвании 1914 г. в ст. «Война и справедливость», указав, что слова подписавших документ расходятся с делом, — они требуют вырвать оружие из «варварских германских рук», но сами за это не возьмутся, а пошлют воевать других. И хотя Горький, отвечая автору (несмотря на признание, что его подпись под воззванием досадная «случайность»), подтверждает «готовность подписать и еще воззвание», если только оно направлено против «бессмысленной бойни», тем не менее в то время, едва воззвание было напечатано, глубоко сожалел о своей номинальной причастности к нему. Спустя три дня, 1 октября 1914 г., в письме ссыльнопоселенцу В. С. Войтинскому в Иркутск, сообщая о «разногласии и путанице мнений» в кругах, «идейно близких» к демократии, и о противоречивых настроениях в самой демократии, часть которой заражена шовинизмом, Горький выразил мучившую его досаду по поводу того, что поставил подпись под воззванием о варварстве германской армии: «...а вот протест литераторов против «немецких зверств» — подписал второпях, и это меня очень мучает...» (ЛЖТ, вып. II; с. 455—456). Далее он писал о фактах предательского поведения немецких социал-демократов, которые произвели на него впечатление «панихиды по интернациональному социализму». Подписание Горьким протеста «против немецкого варварства» осудил Ленин. Сначала в частном письме (18(31) октября — А. Шляпникову: «Бедный Горький! Как жаль, что он осрамился, подписав поганую бумажонку российских либералишек»), затем в центральном органе РСДРП, газете «Социал-демократ», выходившей в Женеве (ст. «Автору „Песни о Соколе“». — «Социал-демократ», 1914, 22 ноября (5 декабря), № 34).

⁸ После Февральской революции, когда были открыты тайные архивы департамента полиции, в газетах публиковались списки агентов охраны (см. примеч. 1 к ст. I).

⁹ *Гурович Михаил Иванович* (1861—1914) — провокатор; с гимназических лет участвовал в революционной работе, привлекался за агитацию среди полтавских рабочих. В первой половине 80-х гг. жил в Москве, принимая деятельное участие в революционной организации «Общестуденческий Союз». Был выслан в Сибирь. В 1889 г. находился под негласным надзором в Луганске, где содержал магазин аптекарских товаров. В 1894 г. стал сотрудником департамента полиции под кличкой «Харьковцев»; по ее заданию работал в Минске, затем среди петербургской социал-демократии, стал издателем легальномарксистского журнала «Начало», информировал охранку о революционных настроениях интеллигентской молодежи Петербурга. Он, например, дал сведения о мимеографе, который Горький отправил весной 1901 года из Петербурга в Н. Новгород для печатания воззваний к сормовским рабочим. По приезду на родину писатель был немедленно арестован и заключен в нижегородский острожный замок (см.: Г-30, т. 30, с. 22). В 1902 г. провокаторская деятельность Гуровича была разоблачена, после чего он стал видным чиновником департамента полиции, производил поездки по стране, именуя себя «инспектором охранного отделения и заведующим агентурой всей России». Затем служил на Кавказе, в 1906 г. вышел в отставку. Умер в Ялте.

¹⁰ *Азеф Евно Фишелевич* или *Евгений Федорович* (1869—1918) — один из организаторов и руководителей партии эсеров и ее Боевой организации, крупный провокатор, тайный агент департамента полиции. За время своей службы в охранном отделении Азеф выдал съезд представителей союзов социалистов-революционеров в Харькове в 1901 г.; типографию «Северного союза» в Томске; в 1903 г. — часть членов «Северного союза» и «Северный Летучий боевой отряд»; в 1905 г. — почти весь состав боевого комитета по подготовке вооруженного восстания в Петербурге (17 человек); в этом же году выдал областной съезд партии эсеров в Н. Новгороде; в 1906 г. предотвращает подготовленное боевой организацией покушение на министра внутренних дел Дурново; в 1907 г. предотвращает покушение эсеров на царя; в 1908 г. Азеф выдает полиции всю Боевую организацию и «Летучий боевой отряд» (казнено семь человек). Одновременно Азеф активно участвовал в подготовке ряда террористических актов, руководил покушением на министра внутренних дел Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича.

О провокаторстве Азефа начали проникать в партию сведения уже с 1902 г. Но ловкий провокатор, действовавший на «два фронта», сумел так себя замаскировать и завоевать авторитет как член ЦК и руководитель боевой организации, что поступавшим фактам не придавали значения,

видели в них лишь попытки департамента полиции скомпрометировать одного из активнейших деятелей партии. И лишь в 1908 г. (с помощью Бурцева и при содействии б. директора департамента полиции А. А. Лопухина) Азеф был разоблачен, его провокаторство было доказано. ЦК партии социалистов-революционеров, судивший в Париже Азефа, приговорил предателя к смерти. Однако провокатор успел скрыться (историю изобличения Азефа, суда над ним и о его дальнейшей судьбе см. в кн.: В. Бурцев. В погоне за провокаторами. М.—Л., 1928; Б. Савинков. Воспоминания террориста. Харьков, 1926). Личностью Азефа очень интересовался Горький в связи с творческой работой писателя, его интересом к психологии предателя (см. об этом: И. Вайнберг. За горьковской строкой. М., 1976).

¹¹ *Серебрякова Анна Егоровна (1857—?)* — провокатор, многолетний секретный сотрудник Московского охранного отделения (псевдонимы «Субботина», «Мамаша», «Туз»). Не принадлежа ни к какой политической партии, она была известна как популярная московская общественная деятельница, содержавшая своего рода «политический салон», где бывали социал-демократы, эсеры, радикальные писатели (в том числе Горький). Занимаясь официально работой лишь в нелегальном Красном Кресте помощи политическим заключенным и используя эту работу для связи с революционными организациями (особенно социал-демократов — как большевиков, так и меньшевиков, — которым помогала конспиративными квартирами, паспортами и т. п.), Серебрякова в течение 25 лет пользовалась доверием партийных работников, была в курсе всей подпольной деятельности революционеров и информировала о ней охранку. По ее наводке в ноябре 1902 г. на квартире зубного врача Е. К. Аннарауд был во время заседания арестован весь состав Московского комитета РСДРП (И. А. Теодорович, Вайнштейн, Н. Л. Мещеряков и др.) и агент «Искры» В. В. Гурвич-Кожевникова, а в дальнейшем еще ряд лиц, связанных с работой партийного комитета. За ревностную службу Серебрякова неоднократно получала огромные суммы наградных (от Зубатова, нач. московской охраны Бердяева), позже правительство назначило ей пожизненную пенсию в 1200 р. в год по представлению Столыпина. В 1907—1909 гг. стали поступать сведения от В. Бурцева (с подачи крупного чиновника охраны Л. П. Меньшикова) о провокаторстве Серебряковой, которые не только она, но и целый ряд партийных деятелей пытались опровергнуть. Дело Серебряковой закончилось уже после революции: в июне 1924 г. состоялся судебный процесс, на котором она была полностью изобличена как провокатор, платный агент охраны и приговорена к высшей мере наказания; но по старости расстрел был заменен лишением свободы на семь лет (см.: И. В. Алексеев. История одного провокатора. С предисловием А. В. Луначарского. М., 1925).

¹² См. об этом прим. 2 к ст. XXIV.

¹³ См. также ст. XXXII и примеч. к ней; примеч. 3 к ст. XXIV

¹⁴ См. рекламное объявление в газете «Новое время» от 8(21) июня 1917 г.

¹⁵ *Лейхтенбергский* Николай Николаевич (1868—?) — герцог, флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, внук Николая I.

¹⁶ С откликом на эту статью Горького и в поддержку ее выступил художник и искусствовед А. Н. Бенуа, соратник писателя по «Художественной комиссии», занимавшейся охраной памятников искусства («Закрепощение художественных сокровищ» — НЖ, 1917, № 50, 16(29) июня).

¹⁷ Речь идет о выдающемся шедевре Леонардо да Винчи — портрете Моны Лизы, т. н. «Джоконде» (ок. 1503 г.), похищенном в 1911 г. из Лувра (в Париже) работавшим там маляром-итальянцем Винченцо Перруджио. Через два года он решил продать картину флорентийскому антиквару и был арестован. На допросе он заявил, что хотел вернуть бессмертное творение Италии.

¹⁸ О тревоге Горького по поводу массового вывоза из России художественных ценностей и его возмущении расхищением национальных сокровищ страны см. также ст. XXXV и в примеч. 8 к этой статье — о деятельности писателя по охране памятников искусства и культуры.

¹⁹ *Фребелички* — слушательницы фребелевских курсов (по имени немецкого педагога, теоретика дошкольного воспитания Ф. Фребеля; 1782—1852) — платных педагогических учебных заведений в России при Фребелевских обществах. Появились в 1872 г. (срок обучения до трех лет) для подготовки воспитательниц детей дошкольного возраста в семьях и детских садах. После 1917 г. фребелевские курсы преобразовались в Институт дошкольного образования.

²⁰ Опубликование Горьким в «Новой жизни» обращения «Союза рабочих табачных и гильзовых фабрик» как раз имело целью привлечь к запросам и нуждам рабочих внимание интеллигенции. Деятельное участие в организации летнего отдыха детей рабочих табачных фабрик Петрограда приняла «Лига социального воспитания» (о ней см. примеч. 6 к ст. XXIV). Как член комитета Лиги Горький непосредственно занимался этим делом. 7(20) августа 1917 г. он писал Е. П. Пешковой: «Сейчас возвратился со станции Сиверской — это за Гатчиной, — раньше там бомбы делали, а теперь жительствоует 1000 детей Союза рабочих табачных фабрик. 1000! Это — ужасно. Ты не знаешь, что такое дети петроградских рабочих,

дети, которые убеждены, что корова, баран — игрушки, и только, и что высшее счастье для человека — «найти хорошую работу».

Эти господа в 9 лет — премудрые старички. Девчонка сердитая и кривоногая — рахит — спрашивает меня:

— Ты сколько зарабатываешь? А зачем у тебя часов нету? Женатый али с любовницей живешь?

Спросил я ее: почему она не пошла в лес, гулять? «Это деревенским по лесу шлаться, там и дорог нету, все кочки».

Мудрый народ! Очень устал я с ними» (АГ, т. IX, с. 202).

²¹ Из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» (1863).

²² Эти мотивы Горький развивает и во многих других (до- и после-октябрьских) статьях своей книги (см. ст. XV, XXVIII, XXXI, XXXII и др.).

²³ См. об этом ст. в Приложении — НЖ, 1917, № 35.

²⁴ Манухин Иван Иванович (1882—?) — доктор медицины, лечащий врач Горького. Применял способ лечения туберкулеза рентгеновским облучением селезенки. Горький считал метод Манухина очень результативным и защищал его неоднократно в печати. В 1920 г. писатель ходатайствовал перед Лениным о командировании Манухина в институт Пастера в Париж, где бы он мог вести свои клинические исследования. В Советскую Россию Манухин не возвратился.

²⁵ Газета «Речь» действительно не обходила Горького своим вниманием. Только за предшествующие две недели она по меньшей мере раз семь обращалась к деятельности писателя — см., например, обзоры печати от 21, 22, 23, 26, 27 июля (по ст. ст.), 2(15) и 3(16) августа. То «Речь» уличала Горького и «Новую жизнь» в симпатиях к Германии, в том, что идеи интернационала им дороже интересов России, то прямо заявляла о «предательском поведении газеты Максима Горького», то полемизировала с ним по поводу его заявления о неизбежности «самоограничения» в условиях старого режима, то обрушивалась на тон «Новой жизни», объявляя его «хулиганским», то, иронизируя, предсказывала «очередное покаяние» писателя и т. п.

²⁶ Об этом Горький писал, отвечая «Речи», в статье «О полемике» (см. Приложение и примеч. 2, 4).

²⁷ Из заметки «Петроград, 3 августа», посвященной выборам в Учредительное собрание («Речь», 1917, 3(16) августа). Газета отвергала

критику социалистической печати, обвиняющей буржуазию в отсрочке этих выборов.

²⁸ «*Партия народной свободы*» — официальное название кадетов.

²⁹ «*Октябристы*» («Союз 17 октября») — политическая партия в России, организованная в 1905 г. крупными помещиками и торгово-промышленной буржуазией (лидеры: А. И. Гучков, М. В. Родзянко); получила название от Манифеста 17 октября 1905 г., провозгласившего гражданские свободы и законодательную думу. Эта вынужденная уступка самодержавия восставшему народу полностью отвечала политическим целям октябристов. В Государственной думе блокировались попеременно с кадетами и монархистами, после Февральской революции входили во Временное правительство, непримиримо встретили Октябрь, боролись с Советской властью.

³⁰ *Родичев Федор Измайлович* (1854—1933) — член Государственной думы всех четырех созывов, один из основателей и член ЦК кадетской партии. В конце 70-х — 80-х гг. — предводитель дворянства одного из уездов Тверской губернии, в 1898 г. — присяжный поверенный С.-Петербургской окружной судебной палаты. В 1901—1904 гг. находился в административной ссылке. На заседании III Государственной думы в ноябре 1907 г. Родичев подверг критике правительственный террор, начавшийся в стране после поражения первой русской революции: борцов за свободу, сказал он, душат «столыпинскими галстуками». За эту речь был исключен из Думы на 15 заседаний. 27 февраля 1917 г. вошел в состав Временного комитета Государственной думы, затем был недолго министром Временного правительства по делам Финляндии. После Октябрьской революции — эмигрант.

³¹ На это выступление Горького «Речь» незамедлительно — на следующий же день — откликнулась статьей Петра Рысса («Беллетристическая публицистика»), который нашел доводы писателя «неубедительными» («Речь», 1917, 5(18) августа). Парируя заявление Горького о «самоограничении», неизбежном «в условиях старого режима», Рысс утверждал, что для борьбы со старым режимом требовалось не «самоограничение», а беспощадная критика самодержавия. И напротив, революция, уничтожив старый порядок, создает новые формы жизни и нуждается в строгом «самоограничении» и дисциплине, которых как раз не хватает Горькому и «Новой жизни». При этом публицист «Речи» вновь сослался на статью Горького «О полемике», где он признается, что не любит людей «строгой выдержанности», которые «деревенеют и каменеют под давлением веры, исповедуемой ими».

³² С 21—22 октября до начала ноября (ст. ст.) Горький находился в Москве.

³³ В марте 1917 г. постановлением Временного правительства вместо старой полиции была организована милиция.

³⁴ *Пуришкевич Владимир Митрофанович* (1870—1920) — крупный бессарабский землевладелец, ярый монархист, был председателем Аккерманской уездной земской управы и гласным Бессарабского губернского земства, в 1900—1906 гг. — чиновник Министерства внутренних дел. Член II, III и IV Государственных дум, приобрел там известность своими погромными антисемитскими выступлениями. Пуришкевич — один из основателей и в 1905—1906 гг. товарищ председателя черносотенного «Союза русского народа». В 1907 г. вышел из этого союза и создал контрреволюционную монархическую «Палату Михаила Архангела». Во время империалистической войны — уполномоченный Красного Креста в армии. 17 декабря 1916 г. был непосредственным участником и одним из организаторов убийства Распутина. После Октябрьской революции активно боролся против Советской власти в стане Деникина. Издавал в Ростове-на-Дону черносотенный журнал «Благовест».

³⁵ *Бронштейн* — настоящая фамилия *Троцкого* Льва Давидовича (1879—1940). Родился в деревне немцев-колонистов Яновке, Елизаветградского уезда, Херсонской губернии, и до девяти лет жил в имении своего отца, состоятельного херсонского землевладельца. До 7-го класса учился в одесском реальном училище, по окончании его пытается поступить вольнослушателем на математический факультет, но, попав в круг наблюдений полиции, переводится в Николаев, где и закончил свое среднее образование. Здесь он входит в среду революционной интеллигенции, вступает в кружок социал-демократов, заводит связи с николаевскими рабочими. С этого времени (1897 г.) начинается его работа профессионального революционера. В «Южно-русском рабочем союзе» нашлись провокаторы и предатели, в январе 1898 г. вместе с другими членами организации он был впервые арестован. За арестом последовали переселения из одной тюрьмы в другую: из николаевской в херсонскую, затем в одесскую, где пробыл около двух лет, затем выслан на 4 года в Восточную Сибирь. Через два года он бежал из ссылки по подложному паспорту на имя Троцкого, впоследствии ставшее его партийным псевдонимом.

³⁶ См. ст. XLI — НЖ, 1917, 22 декабря (4 января 1918).

³⁷ Видимо, отзывы неоднократно появлявшихся в русской и иностранной печати измышлений о приобретении Горьким то собственного поместья или усадьбы, то собственной виллы.

В Архиве Горького сохранилась, например, такая запись писателя: «Лоскут, присланный из заграницы. Сообщается о том, что Горький купил дворец на Волге за 150 т. (фунтов?). Добавление: увы! вот они русские политики!» К записи приложены две газетные вырезки — первая (о которой и ведет речь Горький) на английском языке из бостонской газеты «Massa Herald», вторая — из неустановленной русской газеты, в которой автор возмущается нелепыми слухами, распространяемыми о Горьком прес-сой. В заметке сказано:

«Популярность М. Горького в настоящее время так велика, что в газетах часто попадает его имя.

И часто попадают выдумки о нем, неизвестно как родившиеся, откуда вылетевшие, но которые передаются как достоверные факты.

Сообщается, например, что М. Горький «купил виллу», затем, что он «купил такой-то журнал», что он «купил имение Шереметева» на берегу Волги за 300 000 рублей (...) а некоторые газеты, враждебные ему, даже делали это известие базисом для нападок на него.

А между тем самое-то известие оказывается выдумкой, о нем поговорили и перестали, и на место старой выдумки выдвигается уже какая-нибудь новая (...) и известие начинает гулять по России, производя своего рода сенсацию (...) Надо полагать, что известие это выдумал шулер» (М. Горький. Полн. собр. соч. Варианты к худ. произведениям, т. 6. М., 1976).

³⁸ Об этих манифестациях «Правда» писала 19(6), 20(7) и 22(9) января 1918 г. (см. об этом также примеч. 1 к ст. XL). Учредительное собрание открылось 5(18) января 1918 г. в Таврическом дворце, где прежде находилась Государственная дума. 6(19) января постановлением ВЦИК Учредительное собрание было распущено (см. примеч. 1 к ст. XLII).

³⁹ По новейшим историческим источникам, на выборах в Учредительное собрание в 54 избирательных округах (всего было 79 округов) 62% голосовало за эсеров, меньшевиков и т. п., 25% — за большевиков, 13% — за кадетов и др. помещичье-буржуазные партии. Всего в Учредительное собрание, по данным сохранившихся списков, было избрано 715 человек. По неполным данным, места распределились следующим образом: большевиков 175, их союзников левых эсеров 40, эсеров 370, меньшевиков 15, народных социалистов 2, кадетов 17, не назвавших партийной принадлежности 1, от национальных групп 86 (см.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. Изд. 3-е. М., 1987, с. 549).

⁴⁰ О Шингареве см. примеч. 2 в ст. XLII.

⁴¹ Из статьи «Социальная революция и М. Горький». Подпись — «Интеллигент из народа» (псевдоним И. С. Книжника-Ветрова. — «Правда», 1918, № 5, 20(7) января). Статья заканчивалась словами: «Слишком

дорог Горький социальной революции нашей, чтобы не верить, что он станет скоро в ряды ее идейных вождей, на место, которое давно принадлежит ему как буреви́стнику всемирной социальной революции». Более подробно о содержании этой статьи, критически направленной против ряда выступлений Горького в НЖ, см. примеч. 7 к ст. XIV, также примеч. 9 к ст. LVI.

⁴² Речь идет о вооруженном столкновении революционных войск с демонстрантами в день открытия Учредительного собрания 5(18) января 1918 г. См. об этом также статью Горького «9 января — 5 января» (Приложение).

⁴³ Имеется в виду памятник Пушкину на Тверском бульваре в Москве.

⁴⁴ За анекдотическим содержанием «веселеньких» рассказов Горького — глубокая озабоченность писателя разгулом преступности в стране. При этом, отмечая, что «простота» убийств и грабежей становится «бытовым явлением», он отнюдь не сгущает краски. От анархизма улицы не был застрахован абсолютно никто, бандитскому нападению подвергся даже автомобиль, в котором находился Ленин. В одном из писем Е. П. Пешковой (начало марта 1918 г.) Горький сообщал: «На улицах — грабят, между прочим, раздели Стучку и Урицкого, двух членов правительства. Так проводится в жизнь лозунг „грабь награбленное“» (Арх. Г.). О происхождении этого «лозунга» см. примеч. 1 к ст. XVIII.

Урицкий Моисей Соломонович (1873—1918) — член РСДРП с 1898 г., меньшевик; с 1917 г. член партии большевиков, с июля 1917-го — член ЦК. Накануне Октябрьской революции входил в Партийный центр по руководству вооруженным восстанием, член Петроградского ВРК, депутат II Всероссийского съезда Советов, избран членом ВЦИК. С марта 1918 г. — председатель Петроградского ЧК, кандидат в чл. ЦК РКП(б). Убит 30 августа эсером Л. А. Каннегиссером.

Стучка Петр Иванович (1865—1932) — участник Октябрьской революции в Петрограде, один из руководителей борьбы за Советскую власть в Латвии. Юрист. В революционно-демократическом движении с 80-х гг., член Коммунистической партии с 1895 г. После Февральской революции член Петербургского комитета РСДРП(б), делегат II Всероссийского съезда Советов, избран чл. ВЦИК. В ноябре 1917 г. зам. наркома и в марте — августе 1918 г. нарком юстиции. Это ему Горький писал вскоре после вышеприведенного сообщения Е. П. Пешковой: «Позвольте обратиться к Вам с просьбой. Не найдете ли возможным возобновить разрешение Красному Кресту помощи политическим заключенным на посещение тюрем? Ведь это необходимо, людей нужно подкармливать и вообще не мешало бы несколько посократить ту жестокость — ничем не оправданную, —

которая отталкивает от Советской власти честных и разумных людей» (Арх. Г.).

⁴⁵ Касаясь роли и значения русской интеллигенции в революции, А. С. Изгоев видит трагедию и вину ее в том, что она, упорно исповедуя отвлеченные принципы антигосударственного и антинационального социализма, безответственно подрывала основы русского государства. И теперь, когда революция совершилась, осуществление большевиками социализма приведет Россию к гибели. Спасение автор видит в сохранении частной собственности как основного двигателя экономического развития (см.: А. С. Изгоев. Трагедия и вина. — «Наш век», 1918, 5 апреля (23 марта). Подробнее об Изгоеве, его отношении к революции и деятельности большевиков см. примеч. 4 к ст. LXII).

⁴⁶ Вероятно, описка; нужно — «Наш век» (6. «Речь», — см. примеч. 9 к ст. XXXVII).

⁴⁷ «Современное слово» — кадетская ежедневная газета, выходившая в Петербурге с 1907 по 1918 год.

⁴⁸ Тодоров Петко Юрданов (1879—1916) — болгарский писатель, изучал право, литературу, философию во Франции, Швейцарии, Германии. В 90-е гг. находился под влиянием социалистических идей. Его ранние очерки и стихи, проникнутые симпатиями к болгарским пролетариям, печатались в социал-демократических изданиях. Тодор Петков поддерживал отношения с Горьким и другими зарубежными писателями и общественными деятелями.

⁴⁹ См. примеч. 5 (Приложение).

⁵⁰ Речь идет о статье Д. Философова «Скверный анекдот» («Наш век», 1918, 3 мая (20 апреля), № 88), являющейся, видимо, ответом на переписку и встречу Горького с Луначарским (см. ниже, примеч. 54) и выступление Горького в НЖ 1 мая (18 апреля) с обращением к русской интеллигенции снова «взять на себя великий труд духовного врачевания народа». При этом писатель призывал все интеллектуальные силы страны — демократическую, рабочую, пролетарскую интеллигенцию — объединиться на внепартийной основе, отказавшись от «партийного сектантства», «фракционности». Горький отмечал также, что теперь интеллигенция может «работать в условиях большей свободы» (см. ст. XXX). Давний идеологический и литературный противник писателя, предрекавший «конец Горького» еще в 1905 г., Философов, не скрывая сарказма, полемизирует с ним, отвергает его предложения, считая, что интеллигенция сотрудничать с Советской властью не должна и не может, так как больше-

вики не доверяют ей, лишают ее свободы, подходят к ней с мерилom политической благонадежности, как и при самодержавном режиме.

⁵¹ *Университет Шанявского* — открыт в 1908 г. в Москве на средства либерального деятеля народного образования, генерала в отставке Альфонса Леоновича Шанявского (1837—1905). Это было уникальное народное учебное заведение, в него принимались лица обоего пола, независимо от возраста, национальной и сословной принадлежности и политических взглядов. Давал среднее и высшее образование, в нем был сильный преподавательский состав, работали видные ученые, часто уволенные из государственных учреждений за неблагонадежность. Университет Шанявского был закрыт в 1918 г.

⁵² *Кравков Николай Павлович* (1865—1924) — фармаколог, профессор, с 1920 г. член-корреспондент Российской Академии наук.

⁵³ *Павлов Иван Петрович* (1849—1936) — физиолог, академик Академии наук СССР (академик Петербургской АН с 1907 г.). И. П. Павлов, Н. П. Кравков в числе других крупнейших ученых и общественных деятелей входили в Организационный комитет «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук» (см. примеч. 2 к ст. XXIV).

⁵⁴ Для расширения деятельности, укрепления влияния и материальной базы «Свободной ассоциации» Горький стремился привлечь к ней внимание Советского правительства и профессиональных союзов. 16 апреля 1918 г. Горький писал наркому просвещения А. В. Луначарскому:

«Имею необходимость беседовать с Вами по делам «Свободной Ассоциации» и «Союза деятелей искусства». Я болен, лежу в постели, надолго лишен возможности выйти из дома и не смогу прийти к Вам. Это обстоятельство побуждает меня убедительно просить Вас посетить меня (...)

Вас встретят у меня академик В. А. Стеклов, председатель Совета Ассоциации, и члены Исполнительного комитета «Союза деятелей искусства».

Ни минуты не сомневаюсь, что наши личные отношения не помешают Вам посетить меня» (Арх. Г.).

Встреча эта состоялась 19(6) апреля, о чем сообщала печать («Дело народа», 1918, № 25, 21(8) апреля; НЖ, 1918, № 77, 26(13) апреля.). В «Новой жизни» было частично опубликовано также письмо Горького Луначарскому от 16 апреля, так что Философов был информирован о предложениях писателя Советскому правительству. 6 мая, посылая В. А. Стеклову подготовленную записку в правительство о задачах «Свободной ассоциации», Горький писал: «Будьте любезны сверить текст докладной записки, подписать ее и возвратить мне. Подадим ее Луна-

чарскому заводу». Здесь же писатель предлагал Совету ассоциации разрешить ему «переделать докладную записку в статью», «напечатать эту статью в некоторых газетах», в журнале «Природа» и «затем издать ее в количестве 3—5-и тысяч для бесплатной рассылки Правлениям промышленности и т.д.». «Это важно не только с точки зрения общественно-политической, — подчеркивал Горький, — но и способно усилить приток частных средств, чем нельзя пренебрегать. Главное же — это показало бы унывающим людям, что интеллектуальная жизнь страны не замерла, а энергично развивается» (Арх. Г.).

Деятельность «Свободной ассоциации» параллельно с работой Академии наук (о которой, впрочем, Горький восторженно отзывался в «Несвоевременных мыслях»), видимо, была признана нецелесообразной. В раннем варианте воспоминаний о В. И. Ленине Горький считал нужным указать на судьбу Ассоциации, которой он отдал много сил. С сожалением он писал: «Начинание это было уничтожено Октябрьской революцией, средства «Ассоциации» конфискованы» (М. Горький. Воспоминания. Рассказы. Заметки. Berlin, Verlag «Kniga», 1925, с. 13).

⁵⁵ Горький имеет в виду свою статью в «Новой жизни» от 7 апреля (25 марта), 1918 г., № 61 (см. Приложение).

⁵⁶ На это «Наш век» тотчас же откликнулся малопристойной критикой Горького. На следующий день газета в обзоре печати, процитировав заключительные строки его статьи, писала, что, указывая властям на контрреволюционную опасность, представляемую кадетами и ее органом — «Нашим веком», Горький старается продемонстрировать свою преданность революции («Наш век», 11 мая (28 апреля) 1918 г.). Так совпало, что на завтра «Наш век» был закрыт. Кадетская печать пыталась «увязать» эту акцию с горьковской критикой газеты, хотя «Русские ведомости» (московская газета кадетов) и писали осторожно, что «не берутся судить» о роли Горького в закрытии «Нашего века». 16(3) июня 1918 г. издание «Нашего века» возобновилось, а через два дня газета пустилась в рассуждения о «публицистическом доносителе», поднятом вскоре после ее закрытия «Русскими ведомостями» (см. ст. «Врачу, исцелися сам». — «Наш век», 1918, 18(5) июня).

⁵⁷ Заключительная часть статьи XXXV (в наст. издании), не включенная автором в кн. НМ и в основной корпус настоящей книги; о В. А. Петровой см. также Приложение, ст. — НЖ, 1918, № 105, 1 июня (19 мая).

⁵⁸ *Лавуазье* Антуан Лоран (1743—1794) — французский химик, один из основоположников современной химии. В 1768—1791 гг., будучи генеральным откупщиком (как член компании финансистов, бравшей на откуп государственные налоги), приобрел большое состояние, часть которого

израсходовал на научные исследования. В 1894 г. по приговору революционного трибунала в числе других откупщиков был гильотинирован.

⁵⁹ О ней Горький писал в НЖ № 97, 23(10) мая 1918 г. (см. Приложение).

⁶⁰ С молодых лет Горький высоко ценил французского поэта и драматурга, романтика Эдмона Ростана (1868—1918), восторгался его героической драмой «Сирано де Бержерак». В январе 1900 г. он писал А. П. Чехову: «А что, видели Вы «Сирано де-Бержерак» на сцене? Я недавно видел и пришел в восторг от пьесы.

Дорогу свободным гасконцам!
Мы южного неба сыны,
Мы все под полуденным солнцем
И с солнцем в крови рождены!

Мне страшно нравится это «солнце в крови» («А. М. Горький и А. П. Чехов». М., 1951, с. 65).

Под впечатлением спектакля, который видел на сцене нижегородского театра, Горький напечатал большую статью об этой драме Ростана. «Это, знаете ли, страшно хорошо — быть рожденным с солнцем в крови! — писал он. — Если б нам, людям, кровь которых испорчена пессимистической мутой, отвратительными, отравляющими душу испарениями того болота, где мы киснем, — если б в нашу кровь хоть искру солнца!» (Г-30, т. 23, с. 311).

⁶¹ Письма с угрозами репрессий, физической расправы Горький получал неоднократно (см. ст. XLI, XLVI и др.). Писатель терпеливо разъяснял «свою правду» и на все угрозы убежденно отвечал: «Это — глупо, потому что угрозами нельзя заставить меня онеметь, и чем бы мне ни грозили, я всегда скажу, что <...> путем убийств, насилий и тому подобных приемов нельзя добиться торжества социальной справедливости».

⁶² Имеются в виду бесчисленные выступления Горького (в частности, в «Несвоевременных мыслях»), обличающие юдофобию, направленные против антисемитизма и черносотенной пропаганды (см., напр., ст. LXIII, LXIV, а также сб.: М. Горький. Из литературного наследия. Горький и еврейский вопрос. Иерусалим, 1986).

⁶³ На протяжении всей своей книги Горький не однажды обращается к этим обвинениям: «Почти ежедневно говорят мне, что я «откололся от народа», «ненавижу народ». Меня уже упрекают в том, что «после Двадцатипятилетнего служения демократии» я «снял маску» и «изменил уже своему народу» и т. п. Писатель убеждал: любовь к народу отнюдь не равносильна закрыванию глаз на отрицательные стороны его. Он писал:

«Да, я мучительно и тревожно люблю Россию, люблю русский народ». И подчеркивал, что именно поэтому он «имеет право говорить обидную и горькую правду о народе», ибо «убежден, что будет лучше для народа, если эту правду о нем» скажет он, Горький, «первый, а не те враги народа, которые теперь молчат да копят месть и злобу для того, чтобы в удобный для них момент плюнуть этой злостью в лицо народа, как они плевали после 905 и 6 гг.». И еще. «Нет, лучше будем говорить правду,— она целебна, и только она может вылечить нас»,— утверждает писатель. Он убежден: «Всякая правда должна быть сказана вслух на поученье наше».

⁶⁴ См. примеч. 1 к ст. XXX.

⁶⁵ Во второй половине июня 1918 г. критика позиции «Новой жизни» большевистской печатью приняла особенно острый характер, доходивший до прямых обвинений Горького и его сотрудников в сговоре с буржуазией, банкирами, на средства которых газета, мол, и существует и контрреволюционную идеологию которых, соответственно, и выражает. 13 июня (31 мая) 1918 г. «Петроградская правда» — орган ЦК партии большевиков — в редакционной статье «Подлая газета» обрушилась на вышедший накануне номер «Новой жизни» со статьей Раф. Григорьева, в которой сообщалось о колчаковском движении в Сибири. Из этого следовал вывод, что «Новая жизнь» «фактически является лейб-органом не только черносотенной партии правых эсеров, но и прямо банковской шайки Путилова и К° {...} Весь ее репортаж поставлен на службу контрреволюции». Здесь же была напечатана разносная статья Н. Кузьмина, увидевшего в защите «Новой жизни» Учредительного собрания поддержку Колчака с его намерением созвать его. Между тем Раф. Григорьев в своей (вышеупомянутой) статье «Война с Сибирью» решительно отвергал планы «военных заговорщиков» (НЖ, 1918, 12 июня (30 мая), № 114). Тем не менее после этой статьи «Новая жизнь» была закрыта. Через четыре дня издание газеты возобновилось, и первый же ее номер решительно осудил своих критиков и гонителей: «Ничего другого от власти, боящейся света и гласности, трусливой, антидемократичной, попирающей элементарные гражданские права, преследующей рабочих, посылающих карательные экспедиции к крестьянам,— нельзя было ожидать» (НЖ, 1918, № 115, 16(3) июня). Вслед за «Петроградской правдой» с обвинениями против «Новой жизни» выступила «Правда». Вопрос: откуда у «Новой жизни» деньги? — был поднят в статье А. Алексеева «Пусть раскроют карты». «Наши питерские товарищи,— недовольно и угрожающе писал он,—...настойчиво и безуспешно требуют ответ от руководителей «Новой жизни»: «Верно ли, что банкир Груббе внес через Сибирский банк на вашу газету 500 000 рублей? Верно ли это?» («Правда», 1918, № 128, 26(13) июня). 28(15) июня в «Правде» (№ 130) появилось еще два материала — анонимная статья «На содержании у банкира» и неозаглавленная заметка члена редколлегии газеты Б. М. Волина (впоследствии крупный государственный и партийный дея-

тель; 1886—1957). Особенно неистовствовал анонимный автор, в оскорбительном тоне писавший, что «скромные барышни» из «газеты Горького» весьма «падки на оплаченные ласки жирных банкиров». «Теперь,— резюмировал он,— понятной делается вся яростная атака «Новой жизни» по поводу национализации банков».

⁶⁶ Груббе Эрнест Карлович — директор Сибирского банка. Отношения его с Горьким начались в 1916 г., он был одним из вкладчиков в газету «Луч» (см. Приложение, примеч. 1), вошел в оргкомитет «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук» (см. примеч. 2 к ст. XXIV) и был избран казначеем ассоциации. После Октябрьской революции эмигрировал. По поводу займа у Груббе «Новая жизнь» информировала, что «операция эта была чисто деловой, кредитной операцией, не связывающей газету ни морально, ни политически, в противном случае газета не могла бы приступить к изданию» (напеч. в газете «Четвертый час»,— см. «Правда», 1918, № 130, 28(15) июня).

⁶⁷ Морозов Савва Тимофеевич (1862—1905) — крупный текстильный фабрикант, миллионер, один из пайщиков Московского Художественного театра, меценат, друг Горького и его второй жены М. Ф. Андреевой, оказывал помощь революционерам, субсидировал издание ленинской «Искры», на которую жертвовал ежегодно (с 1900 по 1905 г.) 24 тыс. р. В воспоминаниях о Леониде Красине Горький писал, что Савва Морозов также прятал в своем доме революционеров (самого Красина, Николая Баумана), их подпольную литературу и т. п. С. Морозов покончил жизнь самоубийством, завещав 100 тыс. р. на имя М. Ф. Андреевой, которая большую часть этой суммы передала на нужды большевистской партии. Яркий литературный портрет Саввы Морозова Горький нарисовал в одноименном очерке, в нем писатель рассказал о колоритной жизни и противоречивом характере фабриканта, его мятущейся натуре. Савва Морозов является одним из реальных действующих лиц романа Горького «Жизнь Клима Самгина», а также одним из прототипов образа купца Лютова в нем (см. нашу книгу «За горьковской строкой», гл. «От факта жизни к правде искусства»).

⁶⁸ Об этом Горький неоднократно напоминал и впоследствии. В статье «О том, как я учился писать» (1928), характеризуя героя своей повести «Фома Гордеев», он подчеркивал: «Из таких, как Фома (...) задумавшихся людей, в одну сторону выходили пьяницы, «прожигатели жизни», хулиганы, а в другую — отлетали «белые вороны», как Савва Морозов, на средства которого издавалась ленинская «Искра», как пермский пароходчик Н. А. (неточность: надо Н. В.— И. В.) Мешков, снабжавший средствами партию эсеров, калужский заводчик Гончаров, москвич Н. Шмит и еще многие» (Г-30, т. 24, с. 495). А в 1932 г., отвечая К. А. Федину, Горький

вновь писал: «Погружение в искусство, в филантропию не всякого купца удовлетворяло: Савва Морозов, калужанин Горбунов, пермяк Мешков и многие другие искренно и не без риска для себя помогали революционерам» (там же, т. 30, с. 267). Один из таких «буржуев»-помощников — Николай Павлович Шмит (1883—1907). Студент Московского университета, владелец мебельной фабрики на Пресне, он принимал активное участие в первой русской революции и подготовке Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Шмит дал Горькому заем в 15 тыс. р. для издания газеты «Новая жизнь» в 1905 году. Кроме того, что на собственные средства он вооружил рабочих своей фабрики, участвовавших в баррикадных боях, Шмит через Горького передал 5 тыс. р. Московскому комитету для приобретения оружия боевым дружинам. 17 декабря 1905 г. Шмит был арестован, 14 месяцев просидел в тюрьме, где трагически погиб, так и не дождавшись суда. Обвинительным актом против царизма является очерк Горького «Дело Николая Шмита» (см.: Г-30, т. 23, с. 400—405). В середине января 1906 г. Горький писал К. П. Пятницкому: «А в Москве арестован некий фабрикант мебели Шмит. С ним обращались крайне жестоко. Сожгли его фабрику, потом привели его на пожарище, расстреляли пред его глазами троих из рабочих и стали готовиться расстрелять его самого. Бедняга не вытерпел пытки и сознался во всех грехах своих» (там же, т. 28, с. 405). Перед смертью Шмит завещал свою долю наследства партии большевиков.

⁶⁹ Горьковский ответ «Правде» и другим большевистским изданиям сопровождала заметка «От редакции „Новой жизни“», обвинявшая сотрудников этих органов в использовании недостойных приемов полемики, подобных тем, к которым прибегала до Октября буржуазная пресса, стремясь дискредитировать «Новую жизнь» как газету, в ее глазах, большевистского направления (см. примеч. 4 к Приложению). «К сожалению,— говорилось в заметке,— глупость, как и всякое другое несчастье, никогда не приходит одна: в статье гр. Алексеева (а позднее в статьях Волина и др.) ей неизменно сопутствует также и клевета. Не полагаясь, по-видимому, на неотразимость своих доводов относительно политической зависимости «Новой жизни» от союзников, автор подкрепляет их сплетней о том, что наша газета состоит «на содержании банкиров». Сплетня эта тоже отнюдь не нова, она зародилась после событий 3 июня в среде буржуазии и желтой прессы, желавшей во что бы то ни стало забросать грязью «Новую жизнь», единственную газету, не травившую большевиков. Теперь ее повторили большевики. На эту клевету ответил выше Горький» (моск. изд., № 2).

Не впервые «Новая жизнь» так решительно и бескомпромиссно вела полемику со своими оппонентами, но в те дни судьба ее была предreshена, а через две недели наступила развязка. 16(3) июня, в 6-м часу дня, как сообщала «Речь», в редакцию «Новой жизни» явился представитель Комиссариата по делам печати Петроградской коммуны и предъявил ордер на закрытие газеты (см. «Речь», 1918, № 119, 17(4) июля). Горький под-

писал протест редакции и тотчас же апеллировал к Ленину, справедливо полагая, что без его ведома или согласия не могла быть принята эта санкция. «Дорогой Владимир Ильич! — писал Горький. — Вопрос о «Новой Жизни» принял очень острую форму, рабочие и служащие требуют определенного ответа: будет «Н. Ж.» или нет? Из помещения редакции латыши вытурили И. П. Ладыжникова, Гржебина, Базарова.

Очень прошу Вас — ответьте — по возможности скорее — разрешите Вы газету или нет? День стоит нам 10 тысяч.

Записку эту передаст Вам мой сын.

Убедительно прошу сказать — да или нет?» («В. И. Ленин и А. М. Горький». М., 1969, с. 133; И. П. Ладыжников (1874—1945), З. И. Гржебин (1869—1929), В. А. Базаров (о нем см. примеч. 2 к ст. XLI) — сотрудники газеты НЖ, первые двое — основатели издательств, с которыми был тесно связан Горький).

Как вспоминает Б. Малкин, работавший в то время в Центропечати, «за окончательным решением этого вопроса (о судьбе НЖ. — *И. В.*) обратились к Владимиру Ильичу. Перед нами стоял идейно беспощадный вождь рабочего государства. Ни тени сомнений, отброшены всякие личные симпатии и привязанности.

— Конечно, «Новую жизнь» нужно закрыть. При теперешних условиях, когда нужно поднять всю страну на защиту революции, всякий интеллигентский пессимизм крайне вреден. А Горький — наш человек <...> Он слишком связан с рабочим классом и с рабочим движением, он сам вышел из «низов». Он безусловно к нам вернется <...>

Несколько раз Владимир Ильич уверенно повторял, что Горький безусловно вскоре к нам вернется» (там же, с. 423).

Для «вечного революционера» Горького другого пути не было. Но трудным, сложным, противоречивым был этот путь «возвращения». Полным могучих творческих взлетов и художнических достижений и не менее огромных заблуждений и трагических потерь. И в том и в другом — бесценные уроки Горького. Но это другая, новая, ждущая своего исследования — еще более драматическая — страница его жизни и творчества.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ*

А. Н. 109
Аввакум Петров 154, 323
Авилов Б. В. 33, 286, 343, 357
Азеф Е. Ф. 210, 274, 366—367
Айзман Д. Я. 98, 277
Аксаков И. С. 337
Аксаков К. С. 295, 337
Аксаков С. Т. 337
Александра Федоровна см. *Романовы*
Алексеев А. 378, 380
Алексеев И. В. 367
Алексей см. *Романовы*
«Алексей Га-р» 323
Анастасия см. *Романовы*
Андреев Л. Н. 277, 319, 329
Андреева (Юрковская) М. Ф. 294, 379
Аннарауд Е. К. 367
Антонов-Овсеенко В. А. 33, 278
Антонов-Саратовский В. П. 32
Апушкин В. А. 363
Архангельский В. Г. 306
Аснин 120—121, 295

Бабский Е. Б. 294
Базаров (Руднев) В. А. 6, 7, 33, 40, 154, 306, 324, 343, 381
Бакунин М. А. 286, а также 149

* В указатель включены названия периодических изданий и общественных культурно-просветительских организаций, связанных с деятельностью Горького.

Бауман Н. Э. 379
 Бебель (Bebel) Август 178, 334—344
 Бедный Демьян (Придворов Е. А.) 324, 363
 Бейлис М. Т. 158, 329
 Белинский В. Г. 186, 272, 337
 Белозеров 331
 Бенуа А. Н. 368
 Бергсон (Bergson) Анри 26
 Бердяев Н. А. 26, 299, 338
 Бердяев Н. С. 367
 Беренс М. А. 248
 Бернацкий М. В. 54, 100, 149—150, 153, 205, 284, 315, 319, 321, 363
 Бетховен (Beethoven) Людвиг ван 47
 «Биржевые ведомости» 120, 316
 «Благовест» 371
 Благовещенский 330
 Благодравов Г. И. 278
 Блок А. А. 35, 45
 Богданов (Малиновский) А. А. 324
 Богров Д. Г. 318
 Бодуэн де Куртенэ И. А. 97, 277
 Болдырев В. Г. 54, 100, 283
 Бонч-Бруевич В. Д. 278—279
 Борисов 285
 Брешко-Брешковская Е. К. 41, 87, 273, 298
 Бриссо (Brissot) Жан Пьер 287
 Бруно (Bruno) Джордано Филиппо 242
 Брусилов А. А. 203, 362
 Брюсов В. А. 362
 Бугров Н. А. 284
 Будберг (Закревская М. И.) 354
 «Будущее» 321
 Булгаков С. Н. 338
 Бунин И. А. 134, 304, 365
 Буренин В. П. 297
 Бурцев В. Л. 18, 41, 60, 152, 320—321, 346, 367
 Буслаев Ф. И. 337
 «Былое» 320
 Быстрянский (Ватин) В. А. 320, 355

Вайнштейн (Звездин) С. Л. 367
 Василий Великий (Василий Кесарийский) 287
 Вахтеров В. П. 165, 335
 Введенская З. 248
 «Век» (ранее «Речь») 320
 Величко В. Л. 297
 Вердеревский Д. Н. 284
 Вересаев (Смидович) В. В. 362
 Вернадский В. И. 308
 Веселовский Б. Б. 363
 «Вестник культуры и свободы» 307
 «Вечернее слово» 336

«Вечерние огни» 336
 «Вечерний час» 336
 «Вечерняя звезда» 306
 «Вечерняя правда» 336
 Вильгельм II (Wilhelm II) 19, 299
 Виноградов П. Г. 295, 363
 Вишняков В. 272
 Войков П. А. 284
 Войтинский В. С. 365
 «Вокруг света» 334
 Волин Б. М. (Фрадкин И. Е.) 378, 380
 Володарский В. (Гольдштейн М. М.) 33, 199, 336, 350
 Вольнов, Иван Вольный (Владимиров) И. Е. 134, 191, 304, 352
 «Вперед» 336
 Врангель П. Н. 284, 301
 Вырубова А. А. 115, 291—292

Г — в 244

Габсбурги (Habsburger) династия 270
 см. также *Филипп II* (Felipe II)
 «Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правитель-
 тельства» 355
 Ганглез, братья-студенты 330
 Гапон Г. А.: гапоновщина 310
 Га-р Алексей см. «Алексей Га-р»
 Гарибальди (Garibaldi) Джузеппе 242, 273
 Гвоздев К. А. 284, 315
 Гезехус Н. А. 247
 Генрих II (Henri II) 339
 Герцен А. И. 3, 50, 54, 55, 186, 268, 286, 324, 337
 Герценштейн М. Я. 158, 329—330
 Гессен-Дармштадтская Алиса см. *Романовы, Александра Федоровна*
 Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг 268
 Гимер-Суханов, см. *Суханов Н.*
 Гипатия, Ипатия Александрийская 328
 Гиппиус З. Н. 289
 Глебов Н. Н. (Путиловский) 145, 307, 309—310
 Глаголев Н. М. 348
 Голишков Д. Л. 279, 282
 «Голос минувшего» 292
 Гончаров 379
 Горбунов 380
 Горлов Н. 191, 353
 Гонфельд А. Г. 363
 Гоц А. Р. 321, 357
 Гржебин З. И. 381
 Григорович Д. В. 187
 Григорьев А. А. 337
 Григорьев Раф. (Крахмальников) 336, 343, 378
 Грозный Иван см. *Иван IV Грозный*
 Груббе Э. К. 260, 363, 378—379

«Грядущее» 56—57

Гурвич-Кожевникова В. В. 367

Гуревич А. Я. 305

Гурович М. И. («Харьковцев») 210, 366

Гучков А. И. 19, 270, 370

Даль В. И. 337

«Дальне-Восточная республика» 24

Дан (Гурвич) Ф. И. 321

Данилевский Н. Я. 338

«Дело Народа» 191, 206, 352, 357, 375

Денякин А. И. 284, 359, 371

Десницкий В. А. (псевд. В. Строев) 6, 7, 154, 323—324

Дзержинский Ф. Э. 286, 321, 354

Диккенс (Dickens) Чарльз 73, 252

Динерштейн Е. А. 334

Дмитрий Павлович см. Романовы

Дмитрий Донской 268

Добровейн И. А. 47

Добролюбов Н. А. 337

Догель В. А. 293

Долгоруков, Долгорукий П. Д. 54, 100, 284

«Дом-музей памяти борцов за свободу», общество 14,
119, 294

«Донской край» 305

Достоевский М. М. 338

Достоевский Ф. М. 3, 22, 43—45, 156, 318, 338, 351, 356,
см. также 123

«Дружба народов» 26

Дубровин А. И. 330, 346

Дурново П. Н. 120, 295, 366

Дыбенко П. Е. 325—326

Е. К. 341

«Единство» 40, 126, 321

«Ежемесячные сочинения» 345

Екатерина Медичи (Catherine de Médicis), 173, 339

Ермолаев Г. 11

Ермолова М. Н. 176

Желябов А. И. 87, 273, 298

Железняков А. Г. 155, 295, 325

«Живое слово» 63, 277, 321

Жорж-Занд см. Санд-Жорж

Жордан (Jordan) К. 340

«Журнал Московской городской думы» 296

З. Г. 109, 289

Забелло 159, 331

Заболотный Д. К. 293

Закревская см. Будберг М. И.

«Заря» 335
Заславский Д. О. 295, 363
Засодимский П. В. 304
Засулич В. И. 41, 306
«Земля и Воля» 335
«Земщина» 316
Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. 31—34, 39—42, 192,
199, 314, 319, 353—354, 357
Златовратский Н. Н. 304
«Знамя труда» 40, 330
Зубатов С. В. 367, а также 310

Иван IV Грозный 155, 173, 356
Иванов 282
Иванов-Разумник (Иванов) Р. В. 206, 365
Иегуда бен Тимон 287
Илиодор см. *Труфанов С. В.*
Игнатъев А. М. 294
Изгоев (Ланде) А. С. 194, 238, 355—356, 374
«Известия» 43, 279, 316, 328, 351, 353
«Известия» Академии наук 308
«Известия Юга» 131
Ильин 330
«Интеллигент из народа» см. *Книжник-Ветров И. С.*
Иоанн Дамаскин 95, 276
Иоллос Г. Б. 158, 329—330
Ионов (Бернштейн) И. И. 320, 341—342, 343
Ирецкий В. (Гликман В. Я.) 271, 273, 297
«Искра» 260, 335, 367, 379
«Искра» (меньш.-интерн.) 40
«Искра» (журнал В. Курочкина) 288

Казанцев 330
Каледин А. М. 323; см. также 100, 232, 272, 279
Калинин М. И. 33, 352
Калмыкова А. М. 165, 335
Каменев (Розенфельд) Л. Б. 31—34, 39—42, 314, 319
Каменский В. В. 288
Каннегиссер Л. А. 373
Кант (Kant) Иммануил 122
Канторович В. А. 295
Каплан А. 219
Карл IX (Charles IX) 339
Каренин Вл. (Комарова В. Д.) 118, 293
Каронин С. (Петропавловский Н. Е.) 304
Карсавин Л. П. 338
Карташев А. В. 54, 100, 150, 153, 284, 321
Каутский (Kautsky) Карл 99, 184, 280
Керенский А. Ф. 245, 270, 275, 284, 300, 315—316, 362
Киреевский И. В. 337
Киреевский П. В. 337
Кириллов В. Т. 57

Кишкин Н. М. 284
 Ключев И. С. 165, 335
 Книга В. И. 272
 Книжник-Ветров И. С. («Интеллигент из народа») 233,
 280—281, 347—348, 372
 Ковыль-Бобыль И. 292
 Кокошкин Ф. Ф. 55, 155, 158, 162, 237, 326, 327
 «Колокол» 316
 Колчак А. В. 283, 359, 378; а также 9
 Комаров В. В. 297
 «Комиссия по вопросам искусства» 312, 368
 Коновалов А. И. 54, 100, 149—150, 153, 179, 283—284,
 319, 321, 345, 363
 Констан де Ребек (Constant de Rebecque) Бенжамен Анри
 340
 Конт (Comte) Огюст 109, 290
 Корнилов Л. Г. 269
 Короленко В. Г. 284, 293, 296, 306, 317, 324, 329, 362—363
 Костин 102
 Костычев С. П. 293
 Котомка Леонтий (Зелинский В. И.) 281, 320
 Кошелев А. И. 337
 Кравков Н. П. 241, 375
 Красиков П. А. 285
 Красин Л. Б. 293, 313, 379
 «Красная газета» 53, 186, 188, 336, 350
 Краснов П. Н. 305, 315—316
 Крopotкин П. А. 41
 Крупп фон Болен унд Гольбах (Krupp von Bolen und
 Halbach) Густав 122
 Крушеван П. А. 297
 Крыленко Н. В. 33, 283, 285
 Крылов А. Н. 293
 Крылов И. А. 238, 333
 Крючков К. Ф. 87, 272
 Кубиков И. Н. 306
 Кузминский А. М. 296
 Кузьмин Н. 378
 «Культура и свобода», общество 10, 14, 137, 256, 264,
 306—307
 Куприн А. И. 319
 Курноков Н. С. 308
 Курочкин В. С. 288

Лавров П. Л. 275, 286
 Лавуазье (Lavoisier) Антуан Лоран 247, 376
 Ладыжников И. П. 10, 50, 264, 329, 381
 Лазарев П. П. 141, 309
 Ламартин (Lamartine) Альфонс Мари Луи де 340
 Ларин Ю. (Лурье М. А.) 317
 Ларичкин Александр 158, 330
 Лашевич М. М. 33
 Левин К. Н. 363

Левитов А. И. 304
 Лейхтенбергский Н. Н. 217, 368
 Ленин (Ульянов) В. И. 4, 8, 9, 13, 18—20, 24, 29—34, 36, 38,
 41—44, 47, 48, 56, 100, 149—152, 156, 160, 177, 188, 195,
 228, 260, 269, 273, 275, 278—279, 287, 289, 301, 310,
 313, 316—317, 319, 321, 322, 323, 326—327, 332, 335,
 341, 343—344, 347, 349—352, 354—357, 365, 369, 373,
 376, 381 а также 29, 92—93, 130
 «Ленинградская правда» 350
 Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) 218, 368
 Леонтьев К. Н. 338
 Лермонтов М. Ю. 274
 Лесснер 343
 «Летопись» 12, 15, 17—18, 37, 265—266, 280, 294,
 298—299
 Ливеровский А. В. 285
 «Лига социального воспитания» 14, 119, 294, 368
 «Литературное обозрение» 289
 Лихачев Д. С. 12, 312
 Логинов И. С. 320
 Лопатин Г. А. 306
 Лопухин А. А. 367
 Луначарский А. В. 179, 310, 319, 324, 367, 374—376
 «Луч» 205, 222, 284, 362—364, 379
 Львов Г. Е. 275

Макаров А. А. 329
 Макиавелли (Machiavelli) Никколо 173, 339
 Максим см. *Пешков М. А.*
 Малашевский М. П. 294
 Малкин Б. Ф. 8, 381
 Малышев С. В. 12
 Малянтович П. Н. 285, 315
 Мамай 82, 268
 Мамонтов С. И. 284
 Маниковский А. А. 285
 Мануильский А. А. 33
 Манухин И. И. 221, 369
 Мария см. *Романовы*
 Марк 141
 Марков А. А. 293
 Маркс (Marx) Карл 47, 56, 59, 72, 94, 109, 178, 184,
 291, 301, 344
 Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) 6, 33, 188, 324, 357
 Маслов С. Д. 285, 315
 Мацневич К. А. 363
 Маяковский В. В. 55
 Медичи (Médicis), династия 339
 см. также *Екатерина Медичи*
 Меньшиков А. П. 367
 Мережковский Д. С. 289
 Мешков Н. В. 379—380
 Мещеряков Н. Л. 367

Мидлюков П. Н. 18—19, 100, 238, 269—270, 285, 315, 364
Милаютин В. П. 32
Минский Н. (Виленкин И. М.) 302
Михаил Федорович см. Романовы
Морозов Н. А. 293
Морозов С. Т. 260, 284, 344, 379—380
Мосякин А. 313
Мушник Еф. 320, 343
Мясников 159, 331

Надеждин Мих. 53, 186—188, 350—351
Наполеон I (Napoleon I) 151, 340
Наппельбаум М. С. 2
«Народное слово» 336
«Начало» 335, 366
«Наш век» (ранее «Речь») 65—66, 163, 240, 242—243,
320, 327, 330—331, 335, 374, 376
«Наша речь» (ранее «Речь») 320
«Наше общее дело» 321
Невский В. И. (Кривобоков Ф. И.) 33
Некрасов Н. А. 186, 303, 369
Нестор 307
Нефедов Ф. Д. 304
Нечаев С. Г. 44, 150, 318, 356, а также 149—150
«Нива» 260
Никитин А. М. 285, 315
Николай I см. Романовы
Николай II
Николаевский Б. И. 324
Никон (Минов Никита) 323
Ницше (Nietzsche) Фридрих 109, 290
Нобель (Nobel) Людвиг 319
«Новая жизнь» (1905 г.) 380
Новиков 319
«Новое время» 65, 195, 217, 295, 298, 317, 358, 368
«Новое слово» 335, 345
«Новый Век» 238
«Новый Луч» 336, 351
Ногин В. П. 32

Оболенский В. А. 330—331
Оболенский Н. Н. 94
Обухов 247
«Общее дело» 321
«Общество памяти декабристов» 14, 204
Огарев Н. П. 337
«Огонек» 313
Ольга см. Романовы
Орлов А. А. 292
«Особое совещание по делам искусства» 14
Осокин Г. 357
Островский А. Н. 252, 337
Остроумов А. А. 328

- Павел I см. *Романовы*
 Павлов И. П. 241, 293, 375
 Палкин 91
 Палладин В. И. 293
 Пальчинский П. И. 285
 Панина С. В. 54, 100, 179, 282—283, 326, 344
 Пастер (Pasteur) Луи 369
 Пастернак Б. Л. 268
 Перуджио Винченцо 368
 Петкевич Роман 156
 Петр I Великий см. *Романовы*
 Петрашевский М.: петрашевцы 268
 Петри Э. Ю. 337
 Петрова В. А. 246, 248, 376
 Петровский А. А. 293
 «Петроградская правда» 194, 353, 355, 378
 «Петроградское Эхо» 286
 Пешков М. А. 8, 9, 30, 299, 381
 Пешкова Е. П. 7, 9, 14, 18—19, 46, 67, 294, 306,
 354, 364, 368, 373
 Платтен (Platten) Фридрих (Фриц) 332
 Плеве В. К. 149—150, 318, 366
 Плеханов Г. В. 33, 41, 125, 205, 301—302, 306, 321
 Подвойский Н. И. 33
 Подъячев С. П. 134, 304
 Полевой Н. А. 272
 Половнев А. В. 158, 330
 Полянский В. (Лебедев П. И.) 281
 Попова О. Н. 334
 Португалов В. В. 292
 «Последние новости» 285
 Поспелов А. П. 308
 Потресов А. Н. 306, 335
 «Правда» 7, 8, 12, 40, 56—57, 59, 98, 100, 154—155, 160,
 163, 176, 177, 188, 191, 232, 233, 260, 279—281, 283, 287,
 303, 313, 319—320, 322, 326, 331—332, 342—343,
 347—348, 350—351, 355, 357—358, 372, 378—380
 Прапорщикова 319
 «Природа» 376
 Прокопович С. Н. 315
 Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф 59, 178, 287, 344
 Пугачев Е. И. 134, а также: 59, 178
 Пуговко Ек. 248
 Пуришкевич В. М. 228, 292, 319, 371
 Путилов А. И. 378, 229
 Пушкин А. С. 64, 186, 235, 309, 373
 Пятковский (Ефим Простосердов) А. П. 297
 Пятницкий К. П. 380
 «Рабочий путь» (новое название «Правды») 40—41
 Радищев А. Н. 94, 186, 268
 Разгон Л. Э. 273
 Разин С. Т. 134, 288

Распутин (Новых) Г. Е. 63, 97, 115, 277, 291—292, 371
 Рахманинов С. В. 117
 Рекамье Жюли (Юлия) 174, 339—340
 «Речь» (затем «Наш век», «Наша речь», «Век») 8, 23, 42,
 60, 65—66, 119, 124, 152, 181, 195—196, 205, 221—223,
 267, 269, 271, 273, 285, 295—300, 320—321, 362—364,
 369—370, 374, 380
 Робеспьер (Robespierre) Максимильтен 273
 Родзянко М. В. 18, 370
 «Родина» 336
 Родионов И. А. 134, 304—305
 Родичев Ф. И. 222, 370
 Розанов В. В. 291
 Роллан (Rolland) Ромен 12, 274
 Романовы, династия 19, 64, 97, 150, 271, 278, 292, 299
 — Александр II 273, 286
 — Александра Федоровна 63, 97, 115, 277, 291—292
 — Алексей 277, 292
 — Анастасия 63, 97, 277
 — Дмитрий Павлович 292
 — Мария 63, 97, 277
 — Михаил Федорович 272
 — Николай I 367
 — Николай II 29, 63, 96—97, 155, 184, 239, 243, 245,
 272, 277, 291—292, 317
 — Ольга 63, 97, 277
 — Павел I 356
 — Петр I Великий 86—87, 272
 — Сергей Александрович 366
 — Татьяна 63, 97, 277
 Ростан (Rostand) Эдмон 73, 252, 377
 Рубакин Н. А. 165, 334
 «Русская воля» 321
 «Русская мысль» 355
 «Русские ведомости» 329, 330, 365, 376
 «Русское Знамя» 181, 316
 «Русское общество для изучения еврейской жизни»
 277, 329
 «Русское слово» 294, 334, 364
 Рутенберг П. М. 285
 Рыков А. И. 32
 Рысс Петр 370

С. А. В. 360
 Савинков Б. В. (лит. псевд. Ропшин В.) 289, 367
 Савинкова В. Г. (Успенская) 289
 Савонарола (Savonarola) Джироламо 173, 339
 Садовский А. Д. 32
 Сазонов Е. С. 318
 Салазкин С. С. 285
 Салтыков-Щедрин М. Е. 355
 Самарин Ю. Ф. 337

Самойлова К. 351, 353
 Санд (Sand) Жорж, Жорж Занд (Дюпен /Dupin/ Аврора) 118, 293
 Саша Черный (Гликберг А. М.) 363
 «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук», а также Свободная Ассоциация ученых 15, 71, 118—119, 141, 212, 216—217, 220—221, 241, 293—294, 300, 307, 309, 349, 375—376, 379
 «Северная Коммуна» 260
 Северянин (Лотарев) И. В. 108, 288
 Сергей Тимофеевич, крестьянин 106
 Серебрякова А. Е. («Субботина», «Мамаша», «Туз») 210, 367
 Серова Ю. О. («Люси», «Ульянова») 274
 Синезий (Синесий) Киренский 157, 328
 Сирано де Бержерак (Cyrano de Bergerac) Савиньен 252, 377
 Скворцов-Степанов И. И. 36
 Скобелев М. И. 270
 Смирнов С. А. 285
 «Современное слово» 238, 335, 374
 «Современный мир» 320
 Соколов А. М. 308
 Соколов 272
 Соловьев В. С. 338
 Сологуб (Тетерников) Ф. К. 277, 329
 «Социал-демократ» 365
 «Союз деятелей искусства» 14—15, 375
 Срезневский И. И. 337
 Сталин (Джугашвили) И. В. 10, 24, 41, 42
 Сталь (Stael) Анна Луиза Жермена де 340
 Станиславский (Алексеев) К. С. 344
 Стачков Иван 131
 Стеклов В. А. 293, 375
 Столыпин П. А. 122, 149—150, 222, 270, 317—318, 367, а также 369
 Страхов Н. Н. 338
 Строганов 313
 Строев В. см. *Десницкий В. А.*
 Струве П. Б. 125, 299, 301
 Стучка П. И. 285, 373
 Суворин А. С. 41, 297, 317
 Сусанин И. 87, 271—272
 Суханов Н. (Гиммер Н. Н.) 6, 7, 33, 154, 289, 300, 324
 Сытин И. Д. 54—55, 165, 294, 333—335

Татьяна см. *Романовы*
 Теодорович И. А. 367
 Терещенко М. И. 54, 149, 285, 315, 319
 Теруань де Мерикур (Анна Тервань) 87, 278
 Тимирязев К. А. 362
 Тихонов (псевд. Серебров) А. Н. 6, 260
 Ткачев П. Н. 286, 356

Ткаченко Т. 319
Тодоров Петко Юрданов 238, 374
Толстой А. Н. 320, 334
Толстой Д. А. 165, 334
Толстой Л. Н. 44—46, 53, 89, 95, 117, 156, 165, 187, 198,
252, 303—304, 334, а также 134
Томский (Ефремов) М. П. 33
Третьяков С. Н. 285
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 30—32, 40, 44, 149—151, 153,
177, 183, 228, 310, 314, 317, 319, 331, 341, 343, 348,
354, 357, 371
Труфанов С. В. (Илиодор) 292
Турау Е. Ф. 296
Тургенев И. С. 179, 187, 344
Тютчев Ф. И. 287, 337

Ульянов А. И. 268
Ульянова М. И. 332
Урицкий М. С. 285, 326, 346, 373
Урусов С. Д. 296
Успенская см. Савинкова В. Г.
Успенский Г. И. 134, 289, 304
Устинов Г. 353
Ушинский К. Д. 335

Федин К. А. 379
Федоров, хорунжий 120
Федоров И. Ф. («первопечатник») 394
Федоров, рабочий 330
Ферсман А. Е. 293, 308
Фигнер В. Н. 306
Филипп II (Felipe II) 173, 339
Философов Д. В. 65—66, 240—242, 374—375
Флоренский П. А. 338
Франциск Ассизский (Franciscus Assiensis) Джованни
Бернардоне 95, 173, 276
Фребель (Фрёбель) (Fröbel) Фридрих 368, а также 219
Фрейд (Freud) Зигмунд 26

Хейсин Иос. 97—98
Ходасевич В. Ф. 353—354
Хомяков А. С. 337
Художков 94
«Художественная комиссия» см. «Комиссия по вопросам
искусства» 311, 367

Цеткин (Zetkin) Клара 355, 357—358
Церетели И. Г. 41, 153, 270, 321—322, 331, 358

Черкасский В. А. 337
Чернов В. М. 270, 321, 325, 331, 358

Черный С. см. *Саша Черный*
Чернышевский Н. Г. 94, 186, 268, 286, 337
«Четвертый час» 379
Чехов А. П. 134, 165, 252, 304, 333, 377
Чинизелли Сципион 306
Чугаев Л. А. 293, 308
Чудновский Г. И. 33
Чуковский К. И. 305

Шаляпин Ф. И. 344
Шанявский А. Л. 241, 375
Шарапов С. Ф. 297
Шатобриан (Châteaubriand) Франсуа Рене 340
Шевченко Т. Г. 268
Шейдеман (Scheidemann) Филипп 358
Шекспир (Shakespeare) Уильям 73, 252
Шереметев 313, 372
Шингарев А. И. 55, 155, 158, 162, 232, 237, 325—327, 372
Шляпников А. Г. 365
Шмидт П. П. 332
Шмит Н. П. 379—380
Штейнберг Э. И. 322
Штробиндер 330
Шувалов 313
Шугаев А. 351, 353
Шумахер П. В. 107, 288

Эйнштейн (Einstein) Альберт 26
Эмар (Aimard) Густав, Гюстав (Глу/Gloux/ Оливье)
155, 325
Энгельс (Engels) Фридрих 56, 291, 344
Эрикссон 233
Эртель А. И. 304

Юденич Н. Н. 284
Юнкер В. В. 168, 337
«Юность» 273
Юсупов Ф. Ф. 292, 313
Юшкевич (Красковский) Н. М. 330
Ющинский Андрей 329

Яблоновский А. А. 363
Языков В. М. 337
Янцевич П. 319
Ясинский И. И. (псевд. Максим Белинский) 179, 345

I. Clemens 364

«Massa Herald» 372

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Алфеев Иаков см. *Иаков Алфеев*
Андрей 360
Богоматерь (Богородица, дева Мария) 173, 339
Варфоломей 360
Варфоломей св. 339
Георгий св. 244
Давид 302
Далила, Далида 359
Заведеев Иаков см. *Иаков Заведеев*
Зевс 290—291
Иаков Алфеев 360
Иаков Заведеев 360
Иафет 312
Иисус Христос 95, 157, 173, 195, 208, 302, 327—328,
338—339, 352, 359—360
Иоанн 302, 360
Иоанн Креститель 125
Исаия 302
Иуда Искарот 173, 360
Левий Фаддей 360
Лот 359
Марк 302
Марс 267
Матфей 302, 352
Матфий 360
Михаил Архангел 371
Николай Угодник (Чудотворец, Мирликийский) 133, 303
Ной 312
Павел 359
Петр см. Симон
Прометей 110, 157, 290
Самсон, Сампсон 24, 195, 359
Сим 312
Симон, называемый Петр 360
Симон Кананит (Зилот) 360
Соломон 273
Фаддей см. Левий Фаддей
Филипп 360
Фома 360
Хам 147, 312
Ханаан 312

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Вайнберг. Горький, знакомый и незна-</i> <i>комый</i>	3
НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ . .	75
ПРИЛОЖЕНИЕ	201
Комментарии	261
Указатель имен и названий	382

МАКСИМ ГОРЬКИЙ
НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

Редактор
Е. И. ИЗГОРОДИНА
Младший редактор
Н. В. ЗОРИНА
Художественный редактор
М. К. ГУРОВ
Технический редактор
Е. П. РУМЯНЦЕВА
Корректор
Л. И. ЖИРОНИКИНА

ИБ № 8289

Сдано в набор 12.02.90. Подписано к печати 15.08.90.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Академическая
гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 22,36.
Тираж 82 000 экз. Заказ № 128. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писа-
тель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11.

Тульская типография Государственного комитета СССР
по печати, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

Горький М.
Г71 Несвоевременные мысли: Заметки о революции
и культуре.— М.: Советский писатель, 1990.— 400 с.
ISBN 5—265—02154—X

Книга состоит из статей М. Горького, печатавшихся в 1917—1918 годах в газете «Новая жизнь». Частично они тогда же вышли отдельным сборником, но с тех пор больше никогда не издавались.

Настоящая же книга (по составу, композиции и научному аппарату) выходит в свет вообще впервые, заполняя еще одно «белое пятно» в нашей духовной жизни. Эта книга необыкновенной искренности и драматических противоречий, остроактуальная, провидческая, открывая правду о прошлом, говорит о настоящем. В ней писатель-гражданин и проникновенный художник Горький отстаивает идеалы гуманизма, общечеловеческие ценности, великое значение культуры.

4603020101—352
Г ————— КБ 13—34—90
083(02)—90

ББК 83 3Р7

роскошно-революционный Комитет, трусливо прикрываясь „возможными справедливыми возмущениями революционных рабочих и солдат Петрограда“, постановлять арестовать подписавших заявление бывших министров — С. Прокопюча, П. Малиновича, К. Гвоздєва и других — и отправить их „под надежные караулы“ в Кропштадт „под надзор“ Н. К. Кропштад. Совета Р. и С. Д.“

Не знаешь, чему приписать заявление В.-Р. Комитета, что он опасается „каких-либо эксцессов“ на этой почве?... Тому же отсутствию мужества взять на себя ответственность за арест бывших министров-социалистов, заявлению которых сам В.-Р. Комитет, по его же словам, „не придаст никакого значения“, а потому и трусливая ссылка на возможные эксцессы? Или, на самом деле, В.-Р. Комитет выпустил „рожки из рук“, и ему уже отказываются повиноваться тогда, когда он не видит настрѣчу диким инстинктамъ всевластной толпы?..

Но мы полагаемъ, что В.-Р. Комитетъ безстыдно клеветаетъ на революционных рабочих и солдатъ, угрозой стихийной расправы прикрывая свою собственную трусость. И тѣмъ болѣе преступно его поведение.

Вакханаліей репрессивныхъ мѣръ противъ печати, разгономъ Думы, арестами безпредныхъ газетчиковъ, городскихъ гласныхъ и социалистовъ-горе-министровъ правительство Народныхъ Комиссаровъ въ ослѣпленіи безумія воспитываетъ массы въ неуваженіи къ цѣлѣйшимъ завоеваніямъ революціи, топчетъ — слабо на русской почвѣ вѣкового безправія — ростки привычекъ къ уваженію гражданской свободы и демократическихъ учреждений, основанныхъ на выявленіи всенародной воли.

Въ ослѣпленіи временной и скоротечной побѣды, правительство народныхъ комиссаровъ готовится готовить моральное оправданіе всѣмъ эксцессамъ со стороны новой сильной власти, власти вѣчныхъ прагматъ рабочего класса и его идеаловъ. Развѣ такъ утѣрены „побѣдители“, что дальнѣйшіе пути рабочего класса будутъ усыпаны только розами? Развѣ не думать они, что пролетариату предстоитъ еще долгие годы не только славныхъ побѣдъ, но и горькихъ

тѣхъ, на которые онъ долженъ такъ же понимать, что сидитъ на штыкахъ, а это — какъ вѣрно — не очень прочный тропь.

И вообще — отрицательныхъ явленій — много, — а гдѣ же положительныхъ? Онъ не замѣтилъ, если не считать „декретовъ“ Ленина и Троцкого, но я сомнѣваюсь, чтобы пролетариатъ принималъ сознательное участіе въ творчествѣ этихъ „декретовъ“. Нѣтъ, если бы пролетариатъ выполнялъ сознательно относилъ къ этому бумажному творчеству, — оно было бы невозможнымъ, въ томъ видѣ, въ какомъ дано.

Статья въ „Правдѣ“ заключается нислѣдующимъ лирическимъ вопросомъ:

Когда на свѣтломъ праздникѣ народомъ въ одномъ братскомъ порывѣ сойдутся прежніе невольные враги, на этомъ пиществѣ мира будетъ ли желаннымъ гостемъ Горькій, такъ поистинно ушедшій изъ радостей подлинной революціонной демократіи?

Разумѣется ни авторъ статьи, ни я не доживемъ до „свѣтлаго праздника“ — далеко до него, пройдутъ десятилѣтія упорной, будничной, культурной работы для созданія этого праздника.

А на праздникъ, гдѣ будетъ торжествовать свою легкую побѣду деспотизмъ подугратной массы и, какъ раньше, какъ всегда — личность человѣка останется угнетенной, — мнѣ на этомъ „праздникѣ“ дѣлать ничего и для меня это — не праздникъ.

Въ чьихъ-бы рукахъ ни была власть, — за мною остается мое человеческое право отнестись къ ней критически.

И я особенно подозрительно, особенно недоувѣрчиво отношусь къ русскому человѣку у власти, — недавній рабъ онъ становится самымъ разнузданнымъ деспотомъ, какъ только приобретаетъ возможность быть владыкой ближнего своего.

М. ГОРЬКІЙ.

Тяжкія послѣдствія.

Одла изъ послѣднихъ потъ комиссара по иностраннымъ дѣламъ, Л.

Встреча М. Горького на Белорусском вокзале. Москва. 28 мая 1928 года

